ВЪ ПОЛЬЗУ ГОЛОДАЮЩИХЪ

ИЗЪ ЭПОХИ
ВЕЛИКИХЪ РЕФОРМЪ

(ОСВОБОЖДЕНІЕ КРЕСТЬЯНЪ.—ОТМѢНА ТѢЛЕСНАГО НАКАЗАНІЯ.—ЦЕНЗУРНАЯ РЕФОРМА.—НОВЫЙ СУДЪ И ПР.).

ИСТОРИЧЕСКІЯ СПРАВКИ.

Чѣмъ ночь темнѣй—тѣмъ звѣзды ярче.

Майковъ.

Гр Джаншіевъ.

МОСКВА
Типографія А. И. Мамонтова и К°. Леонтьевскій пер., № 5.
1892.

187
13.
БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.

И съ дерева невѣдомаго плодъ
Безпечные, безпечно мы срываемъ
Намъ дѣлъ нѣтъ, кто возрастилъ его...

Некрасовъ.

ПАМЯТИ БѢЛИНСКАГО.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Ив. Ил. Масловъ, пріятель И. С. Тургенева, оставилъ по духовному завѣщанію, утвержденному судомъ 5-го декабря 1891 года, до полумилліона руб. на народное образованіе. Завѣщатель мотивировалъ свое распоряженіе такъ: „желая засвидѣтельствовать, пишетъ онъ, глубокое сочувствіе великимъ реформамъ, совершеннымъ въ незабвенное и славное царствованіе Государя Императора Александра Николаевича, я нахожу наилучшій для сего способъ въ содѣйствіи народному образованію въ землѣ русской". Среди раздающагося въ послѣдніе годы несмолкаемаго гула инсинуацій и клеветъ, направленныхъ противъ освободительныхъ реформъ 60-хъ гг., этотъ одинокій голосъ сочувствія прозвучалъ особенно замѣтно и трогательно...

„Вѣдь и до сихъ поръ, писалъ въ 1884 г. нашъ знаменитый сатирикъ, встрѣчаются старички, которые облизываются при воспоминаніи о старыхъ порядкахъ". Стариковъ едва ли не превзошли нынѣшніе молодые панегиристы крѣпостныхъ порядковъ, оплакивающіе стихомъ Гомера паденіе этого „святаго, великаго невозвратнаго Иліона"...

Предлагаемыя читателю „Историческія справки" имѣютъ цѣлью нѣсколько возобновить въ памяти общества значеніе и смыслъ недавней преобразовательной

эпохи, такъ часто и такъ безцеремонно извращаемые реакціонною печатью. Справки эти вызваны годовщинами событій не одинаковой важности; но общимъ связующимъ для нихъ звеномъ является ихъ общій благородный источникъ,—освободительно-гуманное движеніе 60-хъ гг., къ которому они такъ или иначе примыкаютъ. А это движеніе,—откуда, по прекрасному выраженію одного профессора, идетъ „все чьмъ красна наша жизнь“,—какъ извѣстно, въ свою очередь исходило изъ того вѣчно памятнаго движенія 40-хъ годовъ, коего могучимъ вдохновителемъ и руководителемъ былъ великій подвижникъ земли русской Бѣлинскій:

Молясь твоей многострадальной тѣни,
Учитель! Передъ именемъ твоимъ,
Дозволь смиренно преклонить колѣни...

Какъ ни неблагопріятно переживаемое нами время для либерально-гуманныхъ началъ преобразовательной эпохи, однако внутренняя сила и привлекательность ихъ такъ велика, что напоминаніе о нихъ, позволительно думать, не будетъ совсѣмъ безполезно. Всякій, искренно вѣрующій въ живительную силу этихъ началъ, не можетъ не надѣяться на конечное торжество ихъ.

Если вообще не нужно забывать правила:

Dum spiro spero

то въ особенности умѣстно вспомнить его сегодня, въ Татьянинъ день, съ которымъ, что бы тамъ ни было, связано столько отрадныхъ воспоминаній и радостныхъ чаяній.

Г. Д.

Москва,
12-го января
1892 года.

I.

ОСВОБОЖДЕНІЕ КРЕСТЬЯНЪ.

Да на чредѣ высокой не забудетъ:
Святѣйшаго изъ званій—человѣкъ!

Жуковскій.

Знаю: на мѣсто сѣтей крѣпостныхъ
Люди думали много иныхъ;
Такъ!.. распутать ихъ легче народу...
Муза! съ надеждою привѣтствуй свободу!

Некрасовъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Объявленіе воли и его всеобъемлющее значеніе

(справка къ 5-му марта 1861 — 1891 гг.).

1. Объявленіе воли. — Чтеніе манифеста.—Причина сухаго тона его — Смерть Я. И Ростовцева и ея значеніе. — 2. Назначеніе гр. Панина пред. редак. комм.—Его личныя особенности. — Неопредѣленность положенія. — Роль гр. Панина въ Редакц. Коммиссіи. — Борьба съ ея членами. — Закрытіе ея. — Сопоставленіе гр. Панина съ Ростовцевымъ. — 3. Составленіе манифеста 19 февраля.—Участіе митроп. Филарета.—Впечатлѣніе отъ манифеста. — 4. Значеніе освобожденія крестьянъ для реформъ 60-хъ годовъ.

Значенье крѣпостнаго права въ русской жизни было универсально. Это право обусловливало всѣ стороны быта. Оно было тормазомъ, рѣшительно препятствовавшимъ развитію Россіи.

Иванюковъ.

I.

Не только въ исторіи Россіи, но и въ лѣтописяхъ всемірной исторіи не много найдется дней, съ которыми соединялось-бы такое «радостное» и возвышающее душу настроеніе, какъ съ незабвеннымъ днемъ 5-го марта 1861 года. Каковы бы ни были недостатки Положеній о крестьянахъ, въ памяти людской навсегда сохранится благодарное воспоминаніе о свѣтломъ днѣ, когда великій законодательный актъ 19-го февраля получилъ окончатель-

ную законодательную санкцію [1]) и «юридическое знаменованіе», вслѣдствіе опубликованія его во всеобщее свѣдѣніе. Въ этотъ день съ церковнаго амвона былъ читанъ знаменитый Высочайшій манифестъ 19-го февраля объ отмѣнѣ крѣпостнаго права, заканчивавшійся извѣстными словами: «Осѣни себя крестнымъ знаменемъ, православный народъ, и призови съ нами Божіе благословеніе на твой *свободный* трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго» [2]).

Объявленіе воли, т. е. торжественное чтеніе достопамятнаго акта, даровавшаго личную свободу и элементарныя человѣческія права 25-ти милліонамъ народа, судя по свидѣтельству современниковъ-очевидцевъ, далеко не произвело на непосредственныхъ слушателей впечатлѣнія, соотвѣтствующаго величію и торжественности грандіознаго историческаго момента, который они имѣли счастье переживать. Объясняется это отчасти тогдашнимъ тревожнымъ настроеніемъ, главнымъ же образомъ тѣмъ, что слогъ манифеста, вдобавокъ довольно объемистаго (онъ занимаетъ 6 печатныхъ страницъ большаго формата) «былъ тяжелъ и мало понятенъ для народа» [3]). Когда окончилось чтеніе, пишетъ Д. Г. Щербачевъ, одинъ изъ свидѣтелей чтенія манифеста въ Петербургѣ,—и всѣ стали выходить изъ церкви, замѣтно было «на всѣхъ лицахъ какое-то недоумѣніе». Словомъ, первое впечатлѣніе манифеста было смутно-неопредѣленное и далеко не «радостное». Формальный тонъ манифеста, отзывавшійся оффиціальною реторикою, его черствая дѣловитость, въ которой немногія теплыя слова—«уваженіе къ человѣческому достоинству и христіанская любовь»—незамѣтно терялись, заглушались, тонули въ массѣ сухихъ подробностей и мало вразумительныхъ постанов-

---

[1]) Законъ, гласитъ ст. 59 нашихъ Основ. Законовъ, получаетъ обязательную силу не прежде, какъ со дня объявленія.—Въ исторіи нашего новаго законодательства извѣстенъ случай необнародованія, но измѣнившимся обстоятельствамъ, утвержденнаго верховною властью закона, который, такимъ образомъ, ео ipso потерялъ силу закона, благодаря необнародованію.

[2]) См. второе полн. собр. Зак. Росс. Имперіи, т. XXXIV, № 36,650.

[3]) См. Воспоминанія Г. Д. Щербачева въ *Русскомъ Архивѣ*, 1891 г., № 1, стр. 76.

леній объ устройствѣ матеріальнаго быта крестьянъ, совершенно не шла къ возвышенно-радостному настроенію, подобавшему великому дню провозглашенія паденія рабства въ Россіи, дню котораго лучшіе ея люди [4]) давно уже ждали съ безотрадною тоскою и сердечнымъ томленіемъ:

У вижу-ль я, друзья, народъ освобожденный,
И рабство павшее по манію царя?
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, желанная заря!...

Многіе, въ томъ числѣ и авторъ этихъ стиховъ, такъ и не сподобились видѣть этотъ свѣтлый день, но, говоря словами того-же поэта.

...Не пропалъ ихъ скорбный трудъ
И думъ высокое стремленіе!..

Осуществленіе этой вѣковой думы и мечты передовой части русскаго общества и возвѣщалъ манифестъ 19 февраля, хотя и тономъ, несоотвѣтствовавшимъ этому «радостному» событію.

Само собою разумѣется, что такой тонъ и редакція манифеста не были дѣломъ случайности. Ключъ къ разъясненію этого обстоятельства лежитъ въ событіяхъ, предшествовавшихъ и сопровождавшихъ послѣднюю стадію законодательныхъ работъ по крестьянской реформѣ

6-го февраля 1860 г. умеръ Я. И. Ростовцевъ, знаменитый предсѣдатель Редакціонной Коммиссіи, вложившій въ дѣло освобожденія всю свою душу и, почти можно сказать, пожертвовавшій жизнью [5]) за «святое дѣло». Пока былъ живъ Ростовцевъ,

---

[4]) Карамзинъ во вторую половину своей дѣятельности усвоилъ, какъ пишетъ Валуевъ, „взглядъ на дѣла управленія — царедворческой того времени. Возгласы на счетъ крестьянъ худо платящихъ оброкъ господамъ“ (выраженіе изъ писемъ Карамзина) не сопровождаются никакимъ знакомъ какого-бы то ни было *участья* къ низшимъ классамъ народа“, что Валуевъ объясняетъ тѣмъ, что въ то время Россія кончалась XIV классомъ по табели о рангахъ — (см. Дневникъ П. А. Валуева въ Русской Старинѣ 1891, № 11 стр. 395.

[5]) По поводу послѣдней, предсмертной болѣзни Ростовцева (желчной лихорадки) проф. Иванюковъ въ своей извѣстной книгѣ „Паденіе крѣ-

безчисленныя клеветы и чудовищныя обвиненія, сыпавшіяся на Редакціонную Коммиссію изъ лагеря крѣпостниковъ, были нейтрализуемы вліяніемъ ея предсѣдателя. Неограниченное довѣріе, питаемое императоромъ Александромъ II къ Ростовцеву служило для Коммиссіи щитомъ, ограждавшимъ ее отъ самыхъ яростныхъ и беззастѣнчивыхъ нападокъ, какъ ни были властны сферы, изъ которыхъ онѣ исходили. Смерть Ростовцева, если не произвела окончательнаго перелома въ направленіи работъ Редакціонной Коммиссіи, то все же лишила ее важной точки опоры и окрылила надеждами реакцію, входившую въ силу уже съ конца 1859 г. [6]).

Избраніе преемника Ростовцеву должно было служить пробнымъ камнемъ для опредѣленія дальнѣйшей судьбы принятаго въ Редакціонной Коммиссіи при Ростовцовѣ плана освобожденія крестьянъ съ надѣленіемъ ихъ землею. Ни одинъ изъ сановниковъ, считавшихся искренно сочувствующими дѣлу освобожденія (гр. П. Д. Киселевъ, С. С. Ланской, К. В. Чевкинъ и др.) [7]) не заняли мѣста Ростовцева. Не попалъ также и М. Н. Муравьевъ, который, хотя и былъ въ душѣ противникомъ освобожденія, но считался способнымъ, по соображеніямъ оппортюнизма, пойти на сдѣлку, но считался человѣкомъ ненадежнымъ и способнымъ нарушить данное обѣщаніе [8]).

постнаго права“ пишетъ: воспріимчивая, непривычная къ борьбѣ натура Ростовцева надломилась отъ интригъ, непрестанно окружавшихъ его, съ тѣхъ поръ, какъ онъ, сдѣлавшись предсѣдателемъ коммиссіи, сталъ сторонникомъ воззрѣній интеллигентной части русскаго общества (стр. 375).

6) См. н. с. Иванюкова, глава XX.

7) См. Освобожденіе крестьянъ—Н. П. Семенова. Спб. 1890 г., т. II, стр. 630 и слѣд.

8) См. н. с. Семенова, стр. 631.—Валуевъ въ дневникѣ своемъ называетъ Муравьева „государственнымъ хамелеономъ“ и приводитъ подъ 1860 г. рядъ доказательствъ, заимствованныхъ изъ личныхъ сношеній съ Муравьевымъ, при которомъ онъ служилъ. Въ 1859 г. въ началѣ дѣятельности редакціонныхъ коммиссій Муравьевъ былъ рѣшительнымъ противникомъ освободительной программы Ростовцева. Членъ редакціонной коммиссіи М. П. Позенъ, по разсчету Муравьева, долженъ былъ нанести смертельный ударъ (coup de poignard) Ростовцеву (см. Русск. Стар. 1891 № 8. стр. 278). Но впослѣдствіи, когда Ростовцевъ вошелъ въ полное довѣріе и силу, Муравьевъ говорилъ о немъ: быть можетъ Богъ

II.

Предсѣдателемъ Редакціонной Коммиссіи былъ назначенъ гр. В. Н. Панинъ, старый министръ юстиціи николаевскихъ временъ буквоѣдъ-законникъ [9]), педантъ-мизантропъ, брюзга и деспотъ-самодуръ, съ которымъ личныя отношенія были крайне непріятны. Но не эти качества были причиною того общаго смуще-

---

сохранитъ Якова Ивановича для Россіи (Русская Старина 1891 № 10. стр. 149). Описывая подобострастное преклоненіе Муравьева предъ шефомъ жандармовъ кн. В. А. Долгоруковымъ, Валуевъ между прочимъ. указываетъ, что не только въ словахъ и жестахъ, но въ самомъ сидѣньи выражалъ Муравьевъ свое подобострастіе, сидя на стулѣ en trois quarts или по польски: w pol dupka (Русск. Старина, 1891 г., № 11, стр. 416). Ханъ, бекъ, мирза, паша, мандиринъ — все что угодно, говоритъ Валуевъ о Муравьевѣ, только не министръ (тамъ же № 10, стр. 148). Для характеристики „дѣловитости“ Муравьева Валуевъ между прочимъ пишетъ: ген. Муравьевъ и кн. Долгоруковъ вмѣсто памятованія своихъ „принциповъ“ (кавычки подлинника) робѣютъ предъ мыслью, что „могутъ сказать“ (к. п.) Государю, что „они даютъ мало земли крестьянамъ“ (к. п.). Они—до того поверхносты и легкопядны, продолжаетъ Валуевъ, что совершенно забыли, что коммиссія установила двѣ нормы, высшую и низшую, и сравниваютъ свою собственную норму только съ высшею, потому что она напечатана первою и имъ *виднѣе* (курсивъ подл.) чѣмъ низшая, напечатанная второй (sic—безъ всякаго преувеличенія прибавляетъ Валуевъ въ скобкахъ). Они для исправленія проэкта „грабительствующихъ“, по ихъ мнѣнію, коммиссій, готовы грабительствовать болѣе ихъ и обратить крайній предѣлъ эластичныхъ нормъ коммиссій въ твердую обязательную норму. Все это во имя уваженія къ правамъ собственности и заботливости объ интересахъ помѣщиковъ“ (см. тамъ же, стр. 420).

9) См. Характеристическій очеркъ въ н. с. Семенова, т. II, стр. 665 и слѣд., а также въ книгѣ моей: „С. И. Зарудный и судебная реформа“ стр. 9—10. Въ помянутой характеристикѣ г. Семеновъ между прочимъ упоминаетъ, что гр. Панинъ, получивъ должность министра юстиціи. взялъ двухмѣсячный отпускъ и въ это время прочелъ отъ доски до доски весь только что вышедшій Сводъ Законовъ, а два тома (гражданскіе и уголовные законы) выучилъ *наизусть* (стр. 666). Примѣнялъ онъ ихъ съ сухою жестокостью истаго буквоѣда и „кнутофила“ (по мѣткому выраженію нашего ученаго г. Ровинскаго см. ниже главу II). На стр. 22—23 моихъ „Основъ судебной реформы“ указанъ случай, въ которомъ гр. Панинъ не согласился дать Сенатскому ходатайству *о замѣнѣ* малолѣтнему преступнику 100 ударовъ розгами 50-ю!

нія [10]) и неудовольствія, которые вызвало среди членовъ Редакціонной Коммиссіи назначеніе гр. Панина, а репутація его, какъ завзятаго крѣпостника съ феодально-аристократическими тенденціями. Назначеніе гр. Панина считалось побѣдою реакціонной партіи, хотя, съ другой стороны, было извѣстно, что Я. И. Ростовцевъ, какъ за меньшее изъ золъ, высказывался передъ своею смертью [11]), за назначеніе гр. Панина, полагая, что онъ не постѣснится дѣйствовать и вопреки своимъ политическимъ нравственнымъ взглядамъ и убѣжденіямъ [12]).

Предоставленіе руководства дѣломъ освобожденія крестьянъ человѣку, въ душѣ ему не сочувствовавшему, но обязанному оффиціально ему содѣйствовать, создавало уже само по себѣ двусмысленное положеніе, помимо личныхъ особенностей гр. Панина. На мѣсто прежняго живаго, сердечнаго отношенія къ «святому» дѣлу, крестьянская реформа получала сухой, казенный, угрюмый, мрачный колоритъ, да именно мрачный, и вотъ почему.

[10]) Члены редакц. коммиссій такъ были смущены, что собирались подать въ отставку, отъ которой отговорилъ однако великій князь Константинъ Николаевичъ (см. н. с. Семенова, т. II, стр. 586, 695).

[11]) См. н. с. Семенова, т. II, стр. 632—633.

[12]) Когда гр. Панинъ, убѣжденный крѣпостникъ, согласился принять постъ предсѣдателя редакц. коммиссіи съ обязательствомъ вести работы ихъ въ прежнемъ направленіи, т. е. противно своимъ убѣжденіямъ, то въ объясненіе своего поведенія онъ говорилъ слѣдующее: „у меня есть убѣжденія, сильныя убѣжденія. Напрасно иногда думаютъ противное. Но по долгу вѣрноподданической присяги я считаю себя обязаннымъ прежде всего узнавать взглядъ Государя Императора. Если я какимъ-либо путемъ, прямо или косвенно удостовѣрюсь, что государь смотритъ на дѣло иначе, чѣмъ я—я долгомъ считаю тотчасъ отступить отъ своихъ убѣжденій и дѣйствовать даже совершенно *наперекоръ* съ тою и даже большею энергіею, какъ если-бы я руководствовался моими собственными убѣжденіями". Адм. Грейгъ по этому поводу замѣтилъ: „Эта самая полная защита трусости, какую я когда либо слышалъ" (см. дневникъ Валуева. Р. С. 1889 № XI, стр. 150)... Гр. В. Бобринскій уклонился отъ предложеннаго ему Александромъ II званія члена редакц. коммиссіи, такъ какъ условіемъ было поставлено отказъ отъ права подачи отдѣльнаго мнѣнія. Когда гр. Бобринскій объяснялъ гр. Панину свой образъ дѣйствій, имѣвшій цѣлью отклоненіе отъ подписанія мнѣній, несогласныхъ съ его убѣжденіемъ, тотъ наивно возразилъ: да это осужденіе всей моей дѣятельности. Я всю жизнь подписывалъ вещи, не согласныя съ моими убѣжденіями. (Тамъ-же, стр. 153).

Гр. Панинъ вмѣстѣ съ высшимъ дворянствомъ [13]), вопреки мнѣнію Ростовцева, стоявшаго горою за «раціональное, а не палліативное» рѣшеніе вопроса, боялся народа и считалъ опаснымъ предоставить ему настоящую свободу, т. е. освободить съ землею и совершенно упразднить помѣщичью юрисдикцію.

Желая затормозить крестьянскую реформу, крѣпостники частью старались запугать высшее правительство завѣдомо преувеличенными страхами революціи вообще и народныхъ волненій въ частности, частью сами боялись ихъ bona fide [14]).

Нѣкоторое внѣшнее правдоподобіе этимъ мрачнымъ предсказаніямъ придавало то возбужденное состояніе, въ которомъ дѣйствительно находилось крѣпостное населеніе въ послѣдніе годы предъ объявленіемъ воли. Хотя значенье этого факта, совершенно неправильно истолковывалось сторонниками вотчинной полиціи, но самый фактъ возбужденности населенія не подлежалъ сомнѣнію. Еще въ концѣ Николаевскаго царствованія, благодаря невѣрному истолкованію указовъ 3-го апрѣля 1854 г. о морскомъ ополченіи и 29-го января 1854 г. о народномъ ополченіи, были волненія во многихъ губерніяхъ, вызванныя тѣмъ, что являлась масса желающихъ поступить въ ополченіе, надѣясь этимъ путемъ добиться воли. Дѣло дошло до того, что рязанскіе крестьяне, считая мѣстныя власти подкупленными помѣщиками, собрались было идти на Москву, и только военною силою были возвращены обратно [15]).

Съ новымъ царствованіемъ и въ особенности съ обнародованіемъ первыхъ рескриптовъ стала циркулировать въ народѣ

---

[13]) См. н. с. Семенова, т II, стр. 69.

[14]) Валуевъ заноситъ въ свой дневникъ слова М. Н. Муравьева: „на Высшую власть нужно дѣйствовать страхомъ опасности. Не слѣдуетъ говорить, что опасность грозитъ именно отъ демократіи, а вообще нужно говорить объ опасности... Если пройдутъ заключенія ред. ком. я буду молчать, но революція у насъ неизбѣжна“ (Р. Ст. 1891, № 9, стр. 147). Такого же мнѣнія держался и шефъ жандармовъ кн. В. А. Долгоруковъ, предрекавшій революцію въ виду неудовольствія дворянства (см. Русс: Стар. 1891, № 11, стр. 412), а изъ Москвы въ началѣ января 1860 г. доходили извѣстія, что тамъ ожидаютъ катастрофы въ теченіе года. (См. Русс. Стар. 1891, № 10, стр. 147).

[15]) См. Иванюкова „Паденіе крѣпостнаго права“, стр. 9.

масса темныхъ слуховъ, и увеличились толки о предстоящей въ скоромъ времени волѣ. «Народъ нашъ скрытенъ и легковѣренъ, писалъ оренбург. ген. - губ. въ 1859 г. Нѣтъ нелѣпаго слуха, который не могъ бы взволновать его. Въ прошломъ году цѣлыя селенія бѣжали изъ домовъ отъ страха нападенія коканцевъ, отстоящихъ отъ волновавшихся мѣстъ болѣе, чѣмъ на 2000 верстъ. Теперь волнуютъ простолюдиновъ слухи о появленіи... антихриста. Еще въ минувшемъ мѣсяцѣ ходила молва, что въ гнѣвѣ на откупщиковъ царь позволяетъ бить кабаки, но что это только начало и что, покончивъ съ откупомъ, примутся и за помѣщиковъ» [16]).

Въ настоящее время,—писалъ тверской комитетъ въ 1859 г.,—надежды крѣпостнаго населенія перешли въ нетерпѣливое ожиданіе. Сначала народъ считалъ оставшееся время своей неволи годами, потомъ сталъ считать мѣсяцами и скоро размѣняетъ этотъ счетъ на дни: такъ, въ продолженіе прошлаго 1858 г. повсемѣстно ходили въ народѣ слухи, что свобода будетъ объявлена въ день Свѣтлаго Воскресенья, въ день тезоименитства Государя Императора, въ Новый годъ [17]).

С. С. Ланской, министръ внутреннихъ дѣлъ, въ своей всеподданнѣйшей запискѣ отъ 1859 г., писалъ, между прочимъ, слѣдующій отзывъ о состояніи умовъ въ народѣ вообще: «Давно уже мысль о свободѣ волнуетъ умы крѣпостныхъ людей. Давно уже между ними ходятъ толки, что Государь желаетъ освобожденія, но что дворяне мѣшаютъ этому дѣлу. Съ самаго восшествія Вашего на престолъ, народная молва, время отъ времени, назначаетъ то тотъ, то другой день манифеста объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія. Въ настоящее время этотъ срокъ, по общему во всѣхъ сословіяхъ распространившемуся слуху, назначается въ день рожденія и празднованія совершеннолѣтія Государя Наслѣдника» [18]).

Считая лихорадочное возбужденіе народа болѣе или менѣе доказаннымъ, либеральная и консервативная партіи, боровшіяся около крестьянской реформы, дѣлали изъ этого факта противо-

---

[16]) См. письма Катенина къ Ростовцеву во II т. н. с. Семенова, стр. 24.

[17]) См. Полож. тверскаго комитета, стр. 2. Обзора основаній.

[18]) См. т. I н. с. Семенова, стр. 832.

положные выводы. Ростовцевъ, выражавшій мнѣніе первой, полагалъ, что спасти Россію отъ потрясеній возможно только путемъ *радикальнаго* [19]) рѣшенія крестьянскаго вопроса, т. е. освобожденіемъ крестьянъ съ землею и съ полнымъ упраздненіемъ вотчинной полиціи.

«Если одиннадцать (съ женщинами 22) милліоновъ жителей, писалъ Ростовцевъ Александру II [20]), тѣшимые въ продолженіе двухъ лѣтъ надеждою на свободу и на улучшеніе своего состоянія, будутъ обмануты, разочаруются, потеряютъ довѣріе и любовь къ верховной власти и неисполненіе своихъ ожиданій припишутъ, разумѣется, своимъ помѣщикамъ, то Россія не будетъ спасена [21])».

Въ подтвержденіе той мысли, что разрѣшеніе крестьянской реформы не усилитъ, а уничтожитъ возбужденіе умовъ въ народѣ, ссылались и на данныя уголовной статистики. Въ 40-хъ годахъ были особенно часты убійства крестьянами ихъ господъ: въ одной изъ западныхъ губерній въ теченіе двухъ лѣтъ было одиннадцать убійствъ. Незадолго предъ освобожденіемъ кресть-

---

19) Въ литературѣ, въ обществѣ и въ правительственныхъ сферахъ вопросъ о радикальномъ или постепенномъ освобожденіи крестьянъ трактовался на всѣ лады. Американскій экономистъ Кери на обѣдѣ у Донона лѣтомъ 1859, намекая на крестьянскую реформу, въ назиданіе своихъ слушателей говорилъ такъ: „Будемъ учиться у природы. Когда она желаетъ добра человѣку, дѣйствуетъ постепенно: она ниспосылаетъ росу, лѣтніе дожди, солнечное тепло. Когда она стремится къ разрушенію, дѣйствуетъ разомъ: таковы бури, землетрясеніе“. На это кн. Черкасскій отвѣчалъ: „женщина беременна въ теченіе 9 мѣсяцевъ, а разрѣшается отъ бремени въ нѣсколько часовъ“ (см. Русс. Стар. 1891. № 9, стр. 556. Не лишено назидательности, что однимъ изъ самыхъ горячихъ *поборниковъ радикализма* былъ въ это время М. Н. Катковъ въ своемъ *„Русскомъ Вѣстникѣ“*. *Всякое уклоненіе и замедленіе* въ подобномъ дѣлѣ, какъ освобожденіе, писалъ, когда оно почувствовано и заявлено, пагубно для всѣхъ сторонъ и для самого общества (Русс. Вѣст. 1860, февраль).

20) См. письмо отъ 23 октября 1859 въ прилож. 4, т. II н. с. Семенова, стр. 929.

21) Съ членами редакц. коммиссіи Ростовцевъ былъ еще откровеннѣе и прямо указывалъ, что въ случаѣ обезземеленія крестьянъ Россіи грозитъ „пугачевщина“ см. прот. зас. 23 ноября 1859 г. въ кабинетѣ большаго Ростовцева, стр. 254 н. с. Семенова, т. II.

янъ, какъ только пронесся первый благовѣстъ о предстоящей волѣ, убійства вовсе прекратились, не смотря на сильное возбужденіе умовъ: до поднятія крестьянскаго вопроса среднее число убійствъ помѣщиковъ въ годъ было 13, послѣ же объявленія рескриптовъ не было ни одного случая убійства [22]).

Другая (консервативная) партія держалась противоположнаго взгляда. Она полагала, что предоставленіе свободы народу, въ теченіе многихъ вѣковъ жившему подъ крѣпостнымъ правомъ, должно опьянить его, вскружить ему голову и повести къ волненіямъ, а то и прямо къ анархіи, а потому стояла за сохраненіе хоть части прежней помѣщичьей юрисдикціи и освобожденіе безъ земли. По убѣжденіямъ своимъ графъ Панинъ принадлежалъ къ этой крѣпостнической партіи, тогда какъ огромное большинство Редакціонной Коммиссіи, въ составѣ которой продолжали оставаться главные ея вдохновители: Н. А. Милютинъ, Я. А. Соловьевъ, кн. В. А. Черкасскій и Д. Ѳ. Самаринъ, продолжали держаться программы либеральной партіи.

Какой образъ дѣйствій приметъ новый предсѣдатель при исполненіи своей трудной миссіи?

Личный тактъ, умѣнье ладить съ людьми и привлекать ихъ своею обходительностью могли бы нѣсколько облегчить щекотливую роль гр. Панина, обязаннаго устраивать мирные компромиссы. Но именно личныя качества его такъ мало соотвѣтствовали этой роли, что положеніе его въ коммиссіи во все время ея существованія было неблагодарное и тяжелое, иногда комичное, а подчасъ просто невыносимое, даже унизительное.

Типичный представитель старой бюрократической системы, знакомый съ жизнью только чрезъ груды бумажнаго производства и чрезъ окно своего кабинета, гр. Панинъ вдругъ сталкивается съ столь труднымъ и сложнымъ вопросомъ [23]), какъ

[22]) См. н. с. Иванюкова, стр. 30.

[23]) Иногда членамъ коммиссіи стоило неимовѣрныхъ трудовъ разъяснить Панину самые незамысловатые практическіе вопросы см., напр., стр. 728—729 н. с. Семенова, т. II. Гр. Панинъ, пишетъ г. Семеновъ, какъ будто никогда не предвидѣлъ, что къ исполненію *имъ* задуманнаго могутъ встрѣтиться препятствія и даже по объясненіи ему дѣла съ практической стороны, никогда не могъ представить себѣ указанныхъ препятствій см. н. с. Семенова, т. II, стр. 672.

крестьянскій. Магнатъ-деспотъ, привыкшій всю жизнь смотрѣть на людей только съ точки зрѣнія «кастовыхъ» отличій и табели о рангахъ [24]) и слышать около себя одно лишь подобострастное: «такъ точно!»—вдругъ лицомъ къ лицу сталкивается, въ составѣ Редакціонной Коммиссіи, съ людьми новаго образа мыслей и дѣйствій, которые вовсе не спѣшатъ выставить на показъ свои молчалинскія добродѣтели и осмѣливаются горячо отстаивать свои убѣжденія. Человѣкъ, привыкшій мѣнять свои убѣжденія по мѣрѣ надобности начальства и въ свою очередь превращавшій своихъ приближенныхъ въ простыя пѣшки запуганной и безотвѣтной исполнительности,—вдругъ на старости лѣтъ узнаетъ, что не только между «порядочными» людьми «высшей касты» [25]) (т. е. богатыми аристократами), но и между небогатыми людьми, съ маленькими чинами и даже безъ чиновъ, встрѣчаются лица съ твердыми, дорогими для нихъ убѣжденіями, которыя они не приносятъ въ жертву соображеніямъ карьеры. Эти «смѣльчаки» дерзаютъ говорить «нѣтъ», тамъ, гдѣ гр. Панинъ говоритъ «да», и на оборотъ. Ему, привыкшему слышать: только почтительное «слушаю-съ», кажется, что онъ ослышался... Онъ вторично развиваетъ свои предложенія, и что же? члены Коммиссіи вторично не соглашаются съ нимъ—съ самимъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, гр. Панинымъ [26]). Диву долженъ былъ даться этотъ

---

[24]) О дореформенномъ времени Валуевъ въ дневникѣ пишетъ: Россія тогда кончалась XIV классомъ. Ниже этой степени, кромѣ солдатъ, которые имѣли коллективное, машинное значенье и купцовъ, представлявшихъ родъ промышленной прислуги, *ничего* не было—только скорлупа, въ которой вмѣшалось 14-ти гранное зерно. (Русс. Стар. 1891, № 11, стр. 325.

[25]) См. выше въ примѣч. 10 о разговорѣ гр. Панина съ гр. Бобринскимъ.

[26]) Съ особенною силою сказалось это въ засѣданіяхъ 6 и 8 апрѣля, когда гр. Панинъ употреблялъ страшныя усилія, чтобы сломить сопротивленіе Н. А. Милютина, Ю. Ѳ. Самарина и кн. В. А. Черкасскаго и солидарнаго съ ними большинства и добиться отмѣны рѣшеннаго при Ростовцевѣ *коренного* вопроса о безсрочности пользованія крестьянами землею до выкупа ея. Непосредственно подчиненный гр. Панину оберъ-прокуроръ Н. М. Любощинскій († 1890 г.) ни однимъ словомъ не поддержалъ своего раздраженнаго оппозиціею начальника. За то самымъ горячимъ сторонникомъ его мнѣнія выступилъ другой оберъ-прокуроръ, Н. П. Семеновъ, авторъ цитуемой не разъ книги, котораго кн. Черкасскій упрекнулъ тогда

чудакъ-мизантропъ,—проведшій всю жизнь среди бумагъ и искавшій эквивалента семейныхъ радостей и общественной жизни въ кругу попугаетъ «порѣчистѣе», говорившихъ, какъ люди, и людей «посмирнѣе, говорившихъ какъ попугаи, въ родѣ его, правой руки М. И. Топильскаго [27]),—когда судьба столкнула его съ независимыми людьми этого новаго тона, которые не только высокопоставленнаго предсѣдателя не слушаются и не боятся, но даже, horribile dictu! и отъ орденовъ отказываются [28]). Словно впервые, послѣ сороколѣтней государственной службы, гр. Панинъ вышелъ изъ душной канцелярской атмосферы на вольный воздухъ и впервые въ Редакціонной Коммиссіи увидѣлъ людей безъ преломленія ихъ сквозь призму табели о рангахъ. Тутъ-то у него вырвалась знаменательная фраза: «нѣтъ, надо признаться время тайныхъ и даже дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ прошло безвозвратно» [29]).

Впрочемъ, и помимо личныхъ свойствъ новаго предсѣдателя, самая неопредѣленность и шаткость крестьянскаго дѣла въ 1860 г. создавала «переходное состояніе» [30]), съ которымъ не легко

же въ отступленіи отъ прежняго взгляда.—Несмотря на убійственную сухость протоколовъ г. Семенова, и въ нихъ достаточно отражается не завидная роль гр. Панина. (См. т. III, н. с. Семенова, стр. 2—23 и 69—85) въ этихъ засѣданіяхъ. Г. Семеновъ и теперь усиливается оправдать гр. Панина, но лучшимъ доказательствомъ тому, что со стороны гр. Панина это было сознательное стремленіе повернуть дѣло вспять, служитъ отмѣтка въ дневникѣ Валуева отъ 9 апрѣля 1860: „гр. Панинъ, пишетъ онъ, хотѣлъ *опрокинуть* начало постояннаго пользованія, но долженъ былъ уступить“. (См. Русс. Стар. 1891, № 11, стр. 394).

[27]) См. характеристику Панина въ наз. соч. Семенова. т. II, стр. 672. Приближенные графа Панина въ сношеніяхъ съ нимъ не только теряли всякую свободу мнѣнія, но даже до нѣкоторой степени и чувство человѣческаго достоинства. (См. разговоръ П. П. Семенова съ гр. Панинымъ въ н. с. н. Семенова, т. II, стр. 692).

[28]) М. И. Сухомилновъ напечаталъ письмо къ гр. Панину Ю. Ѳ. Самарина, при которомъ онъ возвратилъ пожалованный орденъ Владиміра 3 ст., ссылаясь на то, что принятіе ордена можетъ дать поводъ къ неправильному истолкованію дѣятельности его по крестьянской реформѣ. (См. Истор. Вѣстн. 1885, № 1, стр. 77-79),

[29]) См. н. с. Иванюкова, стр. 379.

[30]) См. н. с. Семенова, т. II, стр. 693.

было справиться и человѣку, болѣе проницательному и обходительному, нежели гр. Панинъ.

Съ одной стороны ему оказывалось высшею властью «непостижимое довѣріе» [31]), съ другой—велѣно было ему сохранить прежнее направленіе [32]) въ работахъ Редакціонной Коммиссіи, которая оказывала ему упорное сопротивленіе. Единомышленники гр. Панина съ своей стороны требовали, чтобы онъ положилъ преграду слишкомъ далеко зашедшимъ друзьямъ «Колокола» [33]) т. е. членамъ Редакціонной Коммиссіи, которыхъ единомышленникъ гр. Панина, М. Н. Муравьевъ, называлъ, безъ обиняковъ «грабителями» [34]).

Какой путь избралъ гр. Панинъ? Въ вступительной рѣчи своей онъ заявилъ себя довольно примирительно, указавъ на то, что дворянская партія «нерѣдко опрометчиво и неосновательно укоряла Редакціонную Коммиссію». Онъ даже употребилъ такую фразу: «за крестьянъ между нами нѣтъ представителей, и потому намъ самимъ предстоитъ *отстаивать* ихъ» [35]).

Была ли эта рѣчь со стороны гр. Панина дипломатическимъ маневромъ или сказалась въ ней хорошо извѣстная приближеннымъ его черта—не согласовать посылокъ съ заключеніемъ [36]),—

---

31) Такъ именно отмѣчаетъ Валуевъ въ своемъ дневникѣ 12 декабря 1860 г., см. Р. С. 1891, № 11, стр. 424.

32) Подобныя колебанія продолжались до конца реформы. Послѣ смерти Ростовцева Государь полагалъ, что проектъ редакц. коммиссія можетъ быть измѣненъ „только въ подробностяхъ“ (см. н. с. Семенова, стр. 634). а по окончаніи же ея работъ при пріемѣ членовъ редакціонной коммиссіи Государь заявилъ, проекты ея „вѣроятно будутъ подлежать значительнымъ измѣненіямъ“ (см. дневникъ Валуева Р. С- 1891, № 11, стр. 410). Въ высочайшихъ резолюціяхъ на докладѣ гр. Панина, вызванномъ его столкновеніемъ съ большинствомъ редакціонной коммиссіи, есть также нѣкоторая неясность. (См стр. 491 и 193, т. III, ч. 1, н. с. Семенова).

33) См. н. с. Иванюкова. стр. 376.

34) См. Русс. Стар. 1891, № 11, стр. 410, а также примѣч. 8 и 61.

35) См. н. с. Семенова, т. II, стр. 698.

36) Г. Семеновъ, относящійся къ гр. Панину съ большимъ уваженіемъ, между прочимъ, объ немъ пишетъ: послѣ обстоятельнаго разбора чужихъ мнѣній гр. Панинъ иногда приходилъ къ такому неожиданному заключенію, что связать его съ тѣмъ, къ чему онъ клонилъ, не было никакой возможности. (См. н. с. Семенова, т. II, стр. 672).

но только послѣдующій его образъ дѣйствій не согласовался ни съ этимъ обѣщаніемъ, ни съ вышеупомянутою его profession de foi вообще.

Въ первыхъ же засѣданіяхъ Редакціонной Коммиссіи гр. Панинъ дѣлалъ попытки добиться отъ нея существеннаго измѣненія постановленій принятыхъ при Ростовцовѣ [37]), но когда такія попытки разбились о стойкое противодѣйствіе членовъ, гр. Панинъ сталъ отстаивать частичныя выгоды въ пользу помѣщиковъ въ ущербъ крестьянамъ. Видя безплодность и этихъ своихъ усилій, гр. Панинъ, у котораго отношенія съ большинствомъ членовъ дѣлались все болѣе и болѣе натянутыми, сталъ, въ качествѣ тонкаго казуиста, прибѣгать ко всевозможнымъ способамъ оттяжки дѣла. Пренія затягивались, протоколы задерживались недѣлями, засѣданія назначались въ дни, неудобные для членовъ, и даже — протоколы «исправлялись» въ духѣ предсѣдателя. Но пришлось отказаться и отъ этой системы, такъ какъ члены уклонялись подписать протоколы, не соотвѣтствующіе дѣйствительности. Когда однажды такой маневръ былъ выведенъ Н. А. Милютинымъ на свѣжую воду, гр. Панинъ поблѣднѣлъ и задыхаясь сказалъ: «такъ это значитъ, вы выражаете сомнѣніе въ моемъ словѣ! это случается со мною въ первый разъ моей жизни» [38]). Отъ системы проволочекъ пришлось также отказаться въ виду прямаго предписанія Государя окончить работы къ октябрю 1860 г. Только впослѣдствіи, въ главномъ комитетѣ гр. Панину удалось провести довольно существенныя измѣненія въ проектѣ редакціонной коммиссіи, при чемъ, вопреки первоначальному намѣренію [39]) допущенъ былъ даже т. н. сиротскій или гагаринскій надѣлъ. Въ главномъ комитетѣ гр. Панинъ игралъ очень двусмысленную роль, набросивъ тѣнь на правильность цифръ позе-

---

37) Помимо указанныхъ выше апрѣльскихъ засѣданій см. еще засѣданіе 5 марта 1860 года, гдѣ рѣчь шла о выкупѣ дворовыхъ; см. н. с. Семенова, т. II, стр. 805.

38) См. н. с. Иванюкова, стр. 378.

39) На письмѣ Паскевича къ Государю противъ того мѣста, гдѣ говорилось о правѣ крестьянъ отказаться отъ земли, на полѣ Государь отмѣтилъ: „и тогда помѣщики будутъ гонять ихъ съ земли и пустятъ ходить по міру“. см. Р. С. 1891, № 10, стр. 145—146.

мельнаго надѣла, выведенныхъ, подъ его предсѣдательствомъ редакціонной коммиссіи [10])

Закрытіе редакціонной коммиссіи происходило при обстановкѣ, совершенно не сходной съ открытіемъ ея. Предсѣдатель коммиссіи, гр. Панинъ, который даже не подавалъ руки его членамъ, вовсе не явился на церемонія закрытія. Помимо его, исходатайствована была С. С. Ланскимъ для членовъ коммиссіи аудіенція у государя, при которой однако Ланской явившійся со спискомъ членовъ редакціонной коммиссіи, былъ игнорированъ и благодарность была выражена гр. Панину [11]), пожаловавшемуся Государю на дѣйствія Ланскаго.

При столь печальной обстановкѣ закрылась Редакціонная Коммиссія, которая съ такою бодростью и радостными надеждами приступала въ 1859 году къ дѣлу подъ воодушевленнымъ предводительствомъ своего знаменитаго предсѣдателя! Какъ измѣнились времена въ этотъ небольшой промежутокъ времени! Но еще болѣе разительна была перемѣна въ лицахъ, дававшихъ ходъ дѣлу и налагавшихъ на него свой отпечатокъ. Когда Ростовцевъ получилъ увѣдомленіе о Высочайшемъ назначеніи на должность,

---

[10]) Въ дневникѣ своемъ (см. Русс. Старина 1891, № 11, стр. 417), подъ 19-мъ ноября 1860 г. Валуевъ пишетъ: Въ сегодняшнемъ засѣданіи главнаго Комитета была рѣчь о цифрахъ Редакціонныхъ Коммиссіи. Ген. Чевкинъ принялъ на себя защиту этихъ цифръ. Ген. Муравьевъ и кн. Гагаринъ оспаривалъ ихъ. Великій князь Константинъ Николаевичъ горячо за Коммиссію заступался. Гр. Панинъ, бывшій шесть мѣсяцевъ предсѣдателемъ Коммиссій, объявилъ что цифры *невѣрны*, къ дѣлу непригодны и правительствомъ объявлены быть не могутъ". Между тѣмъ, вотъ что говорилъ самъ гр. Панинъ въ одномъ изъ засѣданій Редакціонной Коммиссіи о своей будущей роли въ Главномъ Комитетѣ. „Я человѣкъ честный, заявлялъ онъ въ засѣданіи 16 апрѣля, я не хочу говорить здѣсь одно, а потомъ дѣлать другое. Подписывать журналъ въ одномъ смыслѣ, а защищать въ Главномъ Комитетѣ мое мнѣніе въ другомъ направленіи—я считаю безчестнымъ" (см. н. с. Семенова, т. III, стр. 73 — 74). Не лишнее къ этому добавить, что въ разговорахъ съ своимъ приближеннымъ М. И. Топольскимъ гр. Панинъ говорилъ иначе: „въ Редакц. Ком. я всего говорить не могу. Мнѣ необходимо для Главнаго Комитета и Государственнаго Совѣта оставить зады" (см. н. с. Семенова, т. III, стр. 431).

[11]) См. Р. Ст. 1891, № 11, стр. 410.

въ оговорнаго «*если* онъ согласится принять эту обязанность на себя,—онъ отвѣчалъ кн. А. Ф. Орлову въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «принимаю я на себя не съ согласіемъ, но съ молитвою, съ благоговѣніемъ, со страхомъ и чувствомъ долга». «*Съ молитвою* къ Богу, чтобы онъ сподобилъ меня оправдать довѣренность Государя. *Съ благоговѣніемъ* къ Государю, удостоившему меня такого *святаго* призванія. *Съ страхомъ* предъ Россіею и предъ потомствомъ, съ *чувствомъ долга* предъ своею совѣстью [42]).»

Относясь такъ серьезно и искренно къ своей трудной, но благородной миссіи, Ростовцевъ всецѣло сталъ за радикальное и за неуклонно-послѣдовательное [43]) рѣшеніе крестьянскаго вопроса, требуемое государственною пользою. Если при этомъ иногда, при столкновеніи интересовъ дворянъ съ интересами крестьянъ, вѣсы наклонялись въ пользу послѣднихъ, то это дѣлалось, какъ объяснилъ Ростовцевъ въ письмѣ къ Государю потому, «что наклонить *потомъ* (курсивъ подлинника) отъ пользы крестьянъ къ пользѣ помѣщиковъ будетъ и *много охотниковъ* [44]) и *много силы* (к. п.)». Такое теплое, сердечное отношеніе къ дѣлу къ «святому дѣлу», такую вѣру въ него сохранялъ Ростовцевъ *до конца своихъ дней*. Послѣднюю свою, продиктованную уже на смертномъ одрѣ, записку къ Государю заканчивалъ онъ слѣдующими бодрыми словами: «въ настоящую минуту я смотрю на будущее своего отечества, полный тѣхъ же *надеждъ* и той же *теплой вѣры*, которыя васъ, Государь, никогда не покидали» [45]). Послѣднія слова Ростовцева, обращенныя къ Государю во время агоніи были: «Государь не бойтесь!»... Вѣра и надежда, гуманность и уваженіе къ «святѣйшему изъ званій — человѣкъ» — вотъ что двигало дѣло освобожденія:

Не ты-ли одно все свершило,
Святое, горячее сердце?

---

42) См. н. с. Семенова, т. I, стр. 48. Письмо Ростовцева къ Орлову.

43) Далъ бы Богъ, писалъ Ростовцевъ Государю 25 сентября 1875 г.. „не упасть духомъ, вести дѣло ровно, спокойно, безъ треволненій внѣшнихъ“, см. н. с. Семенова. I. II, 913.

44) См. н. с. Семенова, т. II, стр. 932.

45) Тамъ же, стр. 993.

Именно такой вѣры, такого сердечнаго отношенія, такой теплой вѣры не было и не могло быть у преемника Ростовцева гр. Панина. Онъ не вѣрилъ въ дѣло, порученное его руководству. Онъ могъ исполнять навязанную ему не симпатичную обязанность только съ тою казенною готовностью, только съ тою кислосладкою гримасою исполнительнаго рутинера, который привыкъ, ради угожденія начальству, faire bonne mine au mauvais jeu! Мало того. Въ отличіе отъ Ростовцева, который послѣ тщательнаго изученія и уясненія крестьянскаго дѣла, искренно сознавалъ ошибочность своихъ взглядовъ и отступалъ отъ нихъ, преемникъ его застывалъ безповоротно, по соображеніямъ далеко не почтеннаго упрямства, въ своихъ бюрократическо-кастовыхъ воззрѣніяхъ. Самонадѣянный педантъ, увѣренный въ своей непогрѣшимости бюрократъ, гр. Панинъ, какъ истый Титъ-Титычъ въ мундирѣ, способенъ былъ, не смотря на свое прекрасное знаніе классической литературы, забыть классическое правило—nullius nisi insipientis in errore perseverare,—и скорѣе съ тупымъ упрямствомъ отстаивать свое мнѣніе и оправдывать свою ошибку, нежели поколебать догматъ своей непогрѣшимости [47]).

---

[46]) См. тамъ же, стр. 628.

[47]) Можно бы составить назидательный и веселый томикъ изъ случаевъ проявленія у гр. Панина нелѣпаго педантизма, упрямаго самодурства, которые въ изобиліи разсыпаны и въ характеристикахъ, написанныхъ людьми ему преданными. Приведу два—три. Въ 20-хъ годахъ, гр. Панинъ состоялъ секретаремъ при нашемъ посольствѣ въ Мадритѣ. Дѣла не было никакого, но движимый усердіемъ къ службѣ гр. Панинъ самъ придумалъ для себя такое „дѣло". Въ назначенные имъ самимъ дни недѣли являлся съ подушкою въ пріемную посольства и оставался тамъ цѣлыя сутки, не раздѣваясь на ночь, и лишь утромъ слѣдующаго дня самъ смѣнялъ себя съ дежурства. — Немногіе смѣльчаки рѣшались разъяснить гр. Панину допущенныя имъ ошибки, но и тогда, когда онѣ были доказаны, никогда онъ не соглашался исправить ихъ. Нужно было выдать деньги Деноткину, а въ резолюціи Панина по ошибкѣ оказалась фамилія Демонтовичъ. Когда разъяснена была эта ошибка, гр. Панинъ изрекъ такую резолюцію: „Деноткинъ тоже, что Демонтовичъ. Выдать г. Деноткину по ходатайству г. Домонтовича" (см. н. с. Семенова, т. II, стр. 679, 673).— Гр. Панинъ приказалъ вице-директору Б. Н. Хвостову изготовить въ 24 часа докладъ по одному крайне сложному вопросу крестьянской ре-

Если таковъ былъ гр. Панинъ въ обычной своей служебной дѣятельности, въ крестьянскомъ вопросѣ, помимо личныхъ непріятностей [48]), упрямство его имѣло еще особенныя причины. Не имѣя убѣжденій, въ истинномъ значеніи слова [49]), гр. Панинъ

формы. Съ чрезвычайнымъ напряженіемъ силъ Хвостовъ исполнилъ порученіе и къ назначенному часу принесъ данное порученіе. Проходитъ нѣсколько времени, и гр. Панинъ дѣлаетъ Хвостову замѣчаніе за недоставленіе доклада. Хвостовъ оправдывается, напоминаетъ обстоятельства, при которыхъ былъ переданъ пакетъ съ докладомъ. Все напрасно. Панинъ настаиваетъ на своемъ. Тогда Хвостовъ отыскиваетъ на столѣ Панина доставленный пакетъ, лежавшій нераспечатаннымъ. Вы думаете Панинъ извинился предъ Хвостовымъ? Ничуть! Онъ къ нему обратился съ слѣдующими словами: «господинъ Хвостовъ, завтра, къ десяти часамъ, доставьте мнѣ то, чего я требую". Хвостову пришлось вторично продѣлать ту же работу ради торжества принципа: sic volo, sic jubeo или что тоже—„моему нраву не препятствуй". Но такъ какъ нѣтъ такого дикаго акта самодурства, для котораго приспѣшники не могли выдумать объясненія, то и здѣсь М. И. Тонильскій желалъ усмотрѣть глубокій замыселъ со стороны гр. Панина: провѣрить правильность работы Хвостова (см. Истор. Вѣст. 1885 г., № 1, стр. 74). — И это говорилъ человѣкъ, который, по продолжительному личному опыту зналъ, что всѣ дѣйствія гр. Панинъ опредѣлялись тѣмъ, съ какой онъ ноги всталъ, въ какомъ онъ настроеніи духа (см. н. с. Семенова, т. II, стр. 668), человѣкъ который дрожалъ предъ Панинымъ и не смѣлъ ему открыть явную его ошибку. Былъ такой случай. Гр. Панинъ по ошибкѣ вмѣсто одного чиновника уволилъ въ отпускъ на 4 мѣсяца другаго, что имѣло послѣдствіемъ лишеніе жалованья. Тонильскій *отказался* доложить Панину объ ошибкѣ, „доказывая, что это безполезно, что графъ *ни за что* своей резолюціи не измѣнитъ" (см. тамъ же, стр. 78).

48) Въ дневникѣ Валуева находимъ такую подробность. Гр. Панинъ, исказившій цифры Редакціонныхъ Коммиссій, вздумалъ оправдать свои и съ этою цѣлью устроилъ, въ присутствіи великаго князя Константина Николаевича диспутъ, съ дѣлопроизводителемъ Коммиссіи П. П. Семеновымъ, но изъ диспута первый вышелъ съ пораженіемъ. Тогда, для отмщенія онъ устроилъ въ своемъ присутствіи ратоборство между П. П. Семеновымъ и братомъ его Н. П. Семеновымъ, подчиненнымъ гр. Панина и раздѣлявшимъ мнѣніе своего начальства (см. Русс. Стар. 1891, № 11, стр. 424) Неизвѣстно, дало ли это комичное ратоборство, показывающее, какъ велико было раздраженіе „невозмутимаго" графа Панина, ему нравственное удовлетвореніе и въ какой именно степени

49) Г. Семеновъ въ своей характеристикѣ Панина говоритъ, что у него „не было никакого міровоззрѣнія", но при этомъ неожиданно прибавля-

имѣлъ много закоренѣлыхъ предразсудковъ, которые невозможно было поколебать никакими доводами разума и справедливости. Въ числѣ ихъ былъ тотъ, по которому онъ на всѣхъ не аристократовъ смотрѣлъ съ гадливою пренебрежительностью истаго брамина. Гордость происхожденія, пишетъ г. Семеновъ, заставляла считать гр. Панина, лицъ не его круга простолюдиномъ, а людей низшихъ сословій онъ признавалъ какъ за существо *другаго порядка* творенія [50]). Такимъ образомъ, если не личный матеріальный интересъ въ тѣсномъ смыслѣ слова—графъ Панинъ, владѣвшій 21,000 душъ и имѣвшій годовой доходъ въ 130,000 [51]), по его собственнымъ словамъ терялъ немного [22]),—то непреодолимые кастовые предразсудки «крѣпостника—кнутофила» мѣшали ему любить и уважать народъ, а безъ этого нельзя было ни довѣрять ему, ни желать дѣйствительнаго его освобожденія, т. е. не на словахъ, а *на дѣлѣ*, какъ того желалъ Государь [53]).

А могъ-ли уважать «быдло», «чернь» этотъ браминъ-бюрократъ, который даже къ лицамъ, одною-двумя степенями ниже его стоящимъ по общественному положенію—относился съ нескрываемымъ пренебреженіемъ [54])?! Холодомъ, недовѣріемъ, пессимизмомъ, свѣтобоязною повѣяло отъ первыхъ же словъ [55]) и дѣйствій преемника Ростовцева, гр. Панина и этотъ отпечатокъ

етъ, что „воспитаніе Панина было болѣе *европейское* (?), нежели русское“. См. т. II, н. с., стр. 666.

50) Тамъ же.

51) Тамъ же, стр. 671.

52) Тамъ же, стр. 698.

53) См. Рѣчь Государя 21 февраля 1860 г. къ депутатамъ втораго приглашенія, н. с. Семенова, т. II, 696.

54) См. бесѣду П. П. Семенова съ гр. Панинымъ въ н. с. Н. П. Семенова, т. II, стр. 691.

55) Хотя предъ назначеніемъ своимъ гр. Панинъ говорилъ, что „нуженъ свѣтъ со всѣхъ сторонъ“, но въ первый же рѣчи къ депутатамъ онъ строжайше рекомендовалъ воздержаться отъ разглашенія и вести дѣло семейно (см. Н. Семенова, т. II, стр. 692, 698). Между тѣмъ Ростовцевъ разсылалъ печатные матеріалы по крестьянскому дѣлу въ количествѣ 3,000 экземпляровъ по всей Россіи, считая, что это дѣло не семейное, а общегосударственное, за которое, какъ выразился Ростовцевъ, обязаны отчетомъ предъ всею Россіею (см. н. с. Семенова, т. I, стр. 126 и II, стр. 686).

сохранился за его дѣятельностью по крестьянской реформѣ до самаго конца ея!

III.

Такой же холодный тонъ звучитъ въ послѣднемъ, заключительномъ аккордѣ крестьянской реформы, — манифестѣ 19-го февраля, составленіе котораго имѣетъ свою любопытную исторію. Наблюденіе за изготовленіемъ этого акта возложено было на того же гр. В. Н. Панина въ его качествѣ министра юстиціи.

Первоначальный проектъ манифеста былъ составленъ Ю. Ѳ. Самаринымъ и Н. А. Милютинымъ [56]). Но проектъ не удовлетворилъ гр. Панина, и по его докладу, Высочайше повѣлено было окончательную редакцію этого важнаго документа, возложить на московскаго митрополита Филарета. При томъ высокомъ уваженіи, которымъ пользовался митрополитъ Филаретъ при дворѣ и въ обществѣ, весьма понятно,—говоритъ академикъ М. И. Сухомлиновъ,—что выборъ Государя остановился на іерархѣ, обладавшемъ такимъ сильнымъ нравственнымъ авторитетомъ и вліяніемъ [57]).

Въ письмѣ своемъ отъ 31-го января 1861 г. гр. Панинъ, извѣщая митрополита Филарета о воспослѣдовавшемъ Высочайшемъ повелѣніи, между прочимъ писалъ: «При предстоящемъ преобразованіи крестьянскаго быта слово Государя Императора къ народу своему будетъ имѣть самое сильное вліяніе на успѣхъ предпринятаго дѣла. Въ семъ убѣжденіи Его Императорское Величество, съ полною довѣренностью къ вѣрноподданническимъ вашимъ чувствамъ и къ дарованіямъ вашимъ, призналъ нужнымъ обратиться къ Вамъ съ изъявленіемъ желанія, чтобы Вы приняли на себя трудъ составить манифестъ, въ коемъ изъяснены будутъ воля и ожиданія Его Величества по сему важному предмету... Руководимый сими чувствами и симъ довѣріемъ Государь предоставляетъ вамъ сдѣлать всѣ тѣ измѣненія или

---

[56]) См. Русскій Вѣстникъ, 1891 года, № 6, статью Н. П. Семенова „Проекты Манифеста 19 февраля 1861 г.“.

[57]) См. статью Сухомлинова: „Два эпизода изъ эпохи освобожденія крестьянъ“ въ Историч. Вѣстн. 1885, № 1.

прибавленія, кои бы Вы признали соотвѣтствующими чувствамъ Его Величества и собственнымъ вашимъ, для лучшаго успѣха предположенной цѣли» [58]).

Митрополитъ Филаретъ, по словамъ М. И. Сухомлинова, не сочувствовалъ крестьянской реформѣ. Онъ полагалъ, что правительство не справится «съ тѣми безурядицами и волненіями, которыхъ ожидали многія по освобожденіи крестьянъ». По складу своего ума и по другимъ причинамъ, онъ не сочувствовалъ, говоритъ г. Сухомлиновъ, рѣшительнымъ переворотамъ въ народной жизни и предпочиталъ держаться того порядка вещей, который установился издавна и пустилъ глубокіе корни. Но не сочувствуя освобожденію крестьянъ, митрополитъ Филаретъ долженъ былъ сдѣлаться его первымъ провозвѣстникомъ» [59]). Поставленный въ затруднительное положеніе, митрополитъ Филаретъ,—говоритъ г. Сухомлиновъ,—просилъ снять съ него непосильное бремя. Оффиціально, онъ ссылался на свое незнакомство съ кругомъ тѣхъ предметовъ, основательное познаніе которыхъ необходимо для успѣшнаго содѣйствія крестьянской реформѣ и т. п. Въ частной бесѣдѣ онъ высказывался откровеннѣе, находя безполезнымъ исправлять частности, когда цѣлое, т. е. *весь проектъ*, представляетъ нѣчто шаткое, непрочное, «утлое».

Но воля Государя оставалась непреклонною, и чтобы склонить митрополита Филарета, былъ командированъ въ Москву довѣренный чиновникъ гр. Панина, извѣстный его alter ego М. И. Топильскій. Этой миссіи придавалось такое важное значеніе и умы находились въ такомъ напряженномъ состояніи, что гр. Панинъ, боясь, чтобы донесенія Топильскаго не вскрывались на почтѣ, приказалъ ему употреблять вымышленныя названія. Сначала хлопоты Топильскаго, человѣка довольно ограниченнаго [60]), оставались безуспѣшны, не смотря, какъ онъ пишетъ, на его «довольно льстивыя рѣчи». Но благодаря содѣйствію духовника митрополита Филарета, удалось склонить его. 3-го февраля

---

58) См. Собраніе мнѣній и отзывовъ митрополита Филарета, т. V, ч. 1. М. 1887, стр. 6.

59) См. н. с. Сухомлинова, стр. 75.

60) См. н. с. Семенова, т. II, стр. 665—693.

1861 г. Тобольскій писалъ объ этомъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Наконецъ другъ добродѣтели (т. е. митрополитъ Филаретъ) убѣдился въ необходимости сдѣлать предлагаемое дѣло и, послѣ двукратныхъ со мной объясненій, принялся сегодня рѣшительно за работу. Саввинское подворье совсѣмъ въ сторонѣ, но Андроніевъ (т. е. духовникъ филарета) былъ пущенъ въ игру, и это подѣйствовало» и пр. [61]).

5-го февраля проектъ манифеста былъ составленъ и въ тотъ же день препровожденъ къ графу Панину при письмѣ, въ которомъ митрополитъ Филаретъ высказываетъ, что «въ исполненіе порученія его ввело вѣрноподданическое повиновеніе, а не сознаніе удовлетворить требованію». Далѣе онъ изъясняетъ основанія сдѣланныхъ въ присланномъ проектѣ манифеста измѣненій.

Измѣненія противъ первоначальнаго проекта сдѣланы были довольно значительные. Объемъ его былъ почти вдвое сокращенъ [62]). Пропущено было (впрочемъ, безъ всякаго ущерба для содержанія) довольно длинное историческое введеніе. Но выкинуто было также и простое, задушевное обращеніе къ крестьянамъ и дворовымъ, въ которомъ обрисовывалась ихъ новая будущность. «Довольство добывается, гласило между прочимъ это обращеніе, не иначе какъ собственнымъ трудомъ, умножается доброю жизнью и строгою бережливостью, а законъ издается для того, чтобы всякій, исполнивъ свои обязанности, могъ трудиться невозбранно, себѣ на пользу въ мѣру своихъ силъ и способностей, и чтобы каждый трудящійся могъ безбоязненно утѣшаться нажитымъ честно добромъ». Опущено было также мѣсто, гдѣ о днѣ объявленія воли говорилось такъ: «въ сей *радостный* для насъ и для всѣхъ вѣрноподданныхъ нашихъ день».

По поводу этого измѣненія была составлена митрополитомъ Филаретомъ на другой день вслѣдъ за манифестомъ, 6-го февраля особая «записка о затрудненіяхъ, которыя могутъ возникнуть при приведеніи въ исполненіе Положенія о преобразованіи быта помѣщичьихъ крестьянъ». Въ запискѣ этой разъяснялось,

---

[61]) См. н. ст. Сухомлинова, стр. 76.

[62]) Самаринскій проектъ напечатанъ г. Семеновымъ въ Русск. Вѣст., 1891, № 6.

почему изъ Манифеста исключено находившееся его въ первоначальномъ проектѣ мѣсто, въ которомъ предпринимаемое преобразованіе называлось «радостнымъ».

«Затрудняюсь и теперь, сказано въ запискѣ, объяснить сіе, чтобы не коснуться сужденіемъ дѣла государственнаго, о которомъ судить не призванъ я моимъ служеніемъ», но затѣмъ далѣе онъ разъясняетъ этотъ пунктъ такимъ образомъ: «не упомянулъ я о радости, чтобы отъ лица царя не было произнесено слово, которому не сочувствовали бы *многіе* [63]) изъ вѣрноподданныхъ. Предпріемлемому преобразованію радуются люди теоретическаго прогресса [63*]); но многіе благонамѣренные люди ожидаютъ онаго съ недоумѣніемъ, предусматривая затрудненія. Объявленіе отреченія помѣщиковъ отъ крѣпостнаго права на крестьянъ и настоятельное побужденіе тѣхъ и другихъ войти въ рѣшительныя условія о земляхъ — вотъ мѣры благонадежныя. Но когда крестьянамъ возвѣщено будетъ право *«постояннаго пользованія землею* помѣщиковъ», не затруднятся ли чрезъ сіе предполагаемыя соглашенія, такъ какъ въ семъ найдетъ для себя опору, *упрямство* крестьянъ, которое проявляется у нихъ

---

63) По поводу неудовольствія дворянъ Я. И. Ростовцевъ въ письмѣ своемъ Государю отъ 29 сентября 1859 г., между прочимъ писалъ: „Какой-бы проектъ ни написали Редакціонныя Коммиссіи, хотя такой, по которому помѣщики даже ничего не теряли бы, все таки многіе депутаты непремѣнно потребовали-бы уступокъ... Вообще *если-бы мы боялись огорчить* дворянство, *то никогда бы ничего не сдѣлали,* ибо все отнимающее что либо у человѣка не можетъ быть для него пріятно, а уладить крестьянскій вопросъ безъ пожертвованій со стороны дворянства нѣтъ никакой возможности. Дай только, чтобы пожертвованій этихъ было менѣе“, (см. т. II, н. с. Семеновъ, стр. 912—913).

63*) Не безъинтересно сопоставить эти строки съ словами Я. И. Ростовцева. „Смотря съ точки зрѣнія гражданскаго права, писалъ онъ Государю 23-го октября 1859 г. вся зачатая реформа отъ начала до конца несправедлива, ибо она есть нарушенія правъ частной собственности. Но какъ необходимость государственная и на основаніи государственнаго права реформа эта законна, *священна*, необходима. Огромное большинство враговъ реформы, не уясняя себѣ этой неотложной необходимости обвиняютъ Редакц. Комм. въ желаніи обобрать дворянъ, а иные даже въ желаніи пропзвести анархію, называя нѣкоторыхъ изъ членовъ Коммиссіи *красными*“. (См. п. с. Семенова т. II, стр. 828).

и безъ законной опоры? При рѣшительномъ отчужденіи отъ помѣщиковъ земли, прежде ихъ согласія, хотя и безъ наименованія собственностью крестьянъ, помѣщики не найдутъ ли себя *стѣсненными въ правѣ собственности* и въ хозяйственныхъ обстоятельствахъ [64]). И сіе не подѣйствуетъ ли неблагопріятно на ихъ усердіе къ правительству?...» [65]).

Видоизмѣненный проекъ манифеста былъ Высочайше утвержденъ 19-го февраля, почти безъ всякихъ измѣненій [66]).

Къ 19-му февраля ожидали появленія манифеста, и около этого времени возбужденіе умовъ достигало въ Петербургѣ крайней степени. По поводу засѣданія государственнаго совѣта 29-го января 1861 года, посвященнаго обсужденію Положенія о крестьянахъ, акад. Никитенко заноситъ въ свой дневникъ: «партія противниковъ свободы, кажется, готова въ своемъ безсиліи на всякія гадости. Она выдумываетъ и распускаетъ по городу слухи, въ разсчетѣ напугать правительство. Теперь, напримѣръ, пущена въ ходъ глупая выдумка о явленіи Путятину (мин. нар. просв.) тѣни Я. И. Ростовцева и пр.» Подъ 18-мъ февраля въ томъ же дневникѣ читаемъ: «Умы въ сильномъ напряженіи по случаю крестьянскаго дѣла. Всѣ ожидали манифеста о свободѣ 19 числа. Потомъ начали ходить слухи, что онъ на время отла-

---

64) Какъ извѣстно, оспариваемое здѣсь „безсрочное пользованіе“ получило силу закона и вошло въ Положеніе 19-го Февраля. Есть ли это дѣло случая или прямаго заимствованія, но изложенная здѣсь аргументація почти дословно воспроизводитъ соображенія гр. Панина, которыя онъ развивалъ въ интересахъ помѣщиковъ въ своей всеподданѣйшей запискѣ отъ 19 апрѣля 1861, написанной послѣ столкновенія съ членами Редакц. Коммисс. „Это (постоянное и безсрочное пользованіе), писалъ гр. Панинъ, во 1-хъ явно противорѣчитъ удостовѣренію Вашего Величества (въ рескриптахъ), что земли остаются въ полной собственности дворянства, во 2-хъ, воспрепятствуетъ добровольному выкупу, ибо крестьянинъ, увѣренный въ томъ, что земля всегда за нимъ останется, не имѣетъ никакого побужденія ее покупать. Въ 3-хъ, разоритъ окончательно всѣхъ землевладѣльцевъ, и пр.“, см. т. III, н. с. Семеновъ, стр. 491.

65) См. н. Сборникъ мнѣній Филарета, стр. 16—17.

66) Редакторъ помянутаго „Собранія мнѣній“, преосвященный Савва, сличивъ черновой подлинникъ митрополита Филарета, хранящійся въ архивѣ Св. Синода, съ опубликованнымъ текстомъ манифеста, отмѣчаетъ только самые незначительные варіанты (стр. 15).

гается. Въ народѣ возбудилась мысль, что его обманываютъ. Вчера генералъ-губернаторъ пустилъ черезъ газеты объявленіе, что несмотря на разнесшіеся слухи «никакихъ правительственныхъ распоряженій по крестьянскому дѣлу объявлено *не будетъ*». Это странное объявленіе приводитъ въ раздраженіе умы. Опасаются тревогъ и вспышекъ» [67])...

А между тѣмъ жребій уже былъ брошенъ, вопросъ уже былъ рѣшенъ, вѣковое рабство было упразднено въ незабвенный день 19-го февраля; оставалось только оформить дѣло и принять необходимыя мѣры къ оповѣщенію желанной свободы. Съ 19-го февраля въ двухъ казенныхъ и въ двухъ частныхъ типографіяхъ шла кипучая работа надъ печатаніемъ Положеній и Манифеста 19-го февраля, при чемъ были приняты строжайшія мѣры, чтобы преждевременно не прошелъ въ публику слухъ о печатаемыхъ документахъ. Но не смотря на угрозу ссылкою, животрепещущая радостная новость проникла въ публику чрезъ одного рабочаго [68]).

Насталъ, наконецъ, великій день 5-го марта, одинъ изъ самыхъ свѣтлыхъ дней, какіе только знаетъ исторія: десятки милліоновъ вздохнули свободно и изъ рабовъ стали гражданами. Ликованіе было всеобщее. Одинъ изъ современниковъ описываетъ такъ одну изъ сценъ народнаго ликованія: «Было 2 часа по полудни. На Царицыномъ лугу было народное гулянье; плацъ былъ полонъ народомъ. Издали послышались крики «ура». Государь ѣхалъ съ развода. По мѣрѣ того какъ онъ приближался, крики «ура»! становились громче и громче; наконецъ, когда Государь подъѣхалъ къ плацу, толпа заколыхалась, шапки полетѣли вверхъ, раздалось такое «ура», отъ котораго, казалось, земля затряслась. Никакое перо не въ состояніи описать тотъ восторгъ, съ которымъ освобожденный народъ встрѣтилъ своего Царя-Освободителя. Я счастливъ,—пишетъ авторъ воспоминаній,—что мнѣ пришлось въ моей жизни видѣть этотъ народный энтузіазмъ, не поддающійся описанію» [69]).

Другой изъ современниковъ, профессоръ и цензоръ А. В.

---

67) Русская Старина, 1891 г., № 1, стр. 49.

68) См. Воспоминанія Г. Д. Щербачева въ № 1 Русск. Арх. 1891 г.

69) См. тамъ-же.

Никитенко подъ 5-мъ марта пишетъ въ своемъ дневникѣ. «Великій день: манифестъ о свободѣ крестьянъ мнѣ принесли около полудня. Съ невыразимо отраднымъ чувствомъ прочелъ я этотъ драгоцѣнный актъ, важнѣе котораго врядъ ли есть въ тысячелѣтней исторіи русскаго народа. Я прочелъ его вслухъ женѣ моей и дѣтямъ въ кабинетѣ предъ портретомъ Александра II, на который мы всѣ взглянули съ глубокимъ благоговѣніемъ и благодарностью. Моему десятилѣтнему сыну я старался объяснить, какъ можно, понятнѣе сущность манифеста и велѣлъ затвердить ему навѣки въ своемъ сердцѣ 5-е марта и имя Александра II Освободителя. Я не могъ усидѣть дома,—продолжаетъ Никитенко. Мнѣ захотѣлось выйти побродить по улицамъ и, такъ сказать, слиться съ обновленнымъ народомъ. На перекресткахъ наклеены были объявленія отъ генералъ-губернатора и возлѣ каждаго толпились кучки парода; одинъ читалъ, другіе слушали. Вездѣ встрѣчались лица довольныя, но спокойныя... Изъ знакомыхъ я встрѣтился съ Галаховымъ (ученымъ).—Христосъ воскресе! сказалъ я ему.—Воистину воскресе,—отвѣчалъ онъ, и мы взаимно перадали другъ другу нашу радость. Потомъ я зашелъ къ Ребиндеру. Онъ велѣлъ подать шампанское, и мы выпили по бокалу въ честь Александра II» [70]).

IV.

Такъ сливались въ общемъ восторгѣ и народныя массы, непосредственно ощутившія на себѣ блага великаго законодательнаго акта, и лучшая часть образованнаго общества, привѣтствовавшая въ немъ упраздненіе застарѣлой вѣковой неправды и начало обновленія русской жизни во всѣхъ направленіяхъ.

Значеніе крѣпостнаго права въ русской жизни, по справедливому замѣчанію проф. Иванюкова [71]), было универсально; это право обусловливало всѣ стороны быта, начиная отъ крупныхъ и кончая самыми мелкими. Оно было тормазомъ, рѣшительно препятствовавшимъ развитію Россіи. Съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права Россія вступила въ новую эпоху развитія.

[70]) Русская Старина, 1891 г., № 1.

[71]) „Паденіе крѣпостн. права“, предисловіе.

Благодаря такому всеобъемлющему значенію крестьянской реформы, она сдѣлалась точкою отправленія для цѣлой системы послѣдующихъ реформъ, имѣвшихъ цѣлью: установленіе законности, учрежденіе независимаго суда, уравненіе всѣхъ предъ закономъ и привлеченіе къ управленію общественнаго элемента, отмѣну тѣлеснаго наказанія, раскрѣпощеніе печати и пр. Уже въ 1859 г. во многихъ Положеніяхъ, составленныхъ дворянскими губернскими комитетами, доказывалась необходимость устройства управленія и суда на новыхъ началахъ въ виду освобожденія крестьянъ.

Значеніе крестьянской реформы, какъ отправной точки для реформы администраціи и суда, обстоятельно разъяснено въ запискѣ тверскаго комитета, составленной предсѣдателемъ его А. М. Унковскимъ.

«Несмотря на все зло крѣпостнаго права,—читаемъ въ запискѣ,—власть помѣщика, его мѣстное значеніе, его вліяніе и на крестьянъ, и на должностныхъ лицъ служили, съ одной стороны, огромнымъ пособіемъ въ управленіи, съ другой—ограничивали произволъ чиновниковъ. Съ уничтоженіемъ ея, средства управленія и охраненія общественнаго порядка и безопасности, до сихъ поръ недостаточныя, будутъ совершенно ничтожны. Съ другой стороны, крѣпостное право, глубоко пустившее корни во всѣхъ сферахъ русской жизни, проникло насквозь и служебную дѣятельность. Если уничтожить его только въ частномъ видѣ, оставивъ все прежнее по старому, это не будетъ уничтоженіе крѣпостнаго права, а только передача его изъ рукъ помѣщиковъ въ руки чиновниковъ и расширеніе его предѣловъ. Это будетъ раздѣленіе всѣхъ сословій въ государствѣ на два враждебные лагеря: на лагерь полноправныхъ чиновниковъ и на лагерь безправныхъ и безгласныхъ жителей. Такой порядокъ порождаетъ полное равнодушіе къ общественнымъ дѣламъ, и для устраненія его необходимо положить основаніе самостоятельнаго управленія общинъ. Страшиться самостоятельности, какъ начала анархіи, неосновательно; въ ней лежитъ, напротивъ, залогъ порядка и спокойствія. Человѣкъ, принимая участіе въ интересахъ общества, привязывается къ этимъ интересамъ и дорожитъ ими».

Тверской комитетъ проектировалъ мѣстное всесословное самоуправленіе, отчасти осуществившееся впослѣдствіи, и въ защиту его между прочимъ приводилъ то соображеніе, что соединеніе дворянства и крестьянъ въ одно общее собраніе заставитъ смолкнуть мелкіе сословные интересы предъ интересами болѣе общими и болѣе широкими.

Какъ одно изъ условій правильнаго управленія выставлялось учрежденіе независимаго суда, въ качествѣ блюстителя законности, которой не могло существовать, какъ гласитъ одинъ изъ дворянскихъ адресовъ [72]), въ то время, пока допускалось крѣпостное право на людей.

Въ частности относительно проектированнаго тверскимъ комитетомъ суда присяжныхъ въ запискѣ его находимъ слѣдующія возраженія, направленныя противъ мысли о невозможности введенія его, въ виду невѣжества народа: «Невозможно ожидать, чтобы судъ присяжныхъ въ Россіи могъ имѣть съ самаго начала то же самое значеніе, какое онъ имѣетъ въ Англіи въ настоящее время. Но развѣ судъ присяжныхъ въ Англіи въ XV и XVI столѣтіяхъ былъ то же, что́ теперь? Развѣ народъ Англіи того времени былъ образованнѣе, нежели нашъ? Англія вводитъ судъ присяжныхъ всюду, куда достигаетъ ея владычество, и вездѣ это учрежденіе оказываетъ благодѣтельныя послѣдствія. Судъ присяжныхъ существуетъ даже въ Новой Зеландіи. Неужели дикари этого острова болѣе развиты, чѣмъ нашъ народъ?... Для сужденія о виновности преступника нужны только здравый смыслъ и совѣсть, — ничего болѣе. Неужели можно отвергать въ нашемъ народѣ и эти качества? Это было бы слишкомъ много!». Затѣмъ комитетъ доказываетъ необходимость раздѣленія властей и непосредственное подчиненіе чиновниковъ административнаго вѣдомства суду по преступленіямъ должности.

Изъ сказаннаго явствуетъ, что при обсужденіи крестьянскаго вопроса были поставлены почти всѣ реформы, осуществившіяся впослѣдствіи.

Резюмируя во всеподданнѣйшемъ письмѣ отъ 23-го октября

---

[72]) См. адресъ владимірскаго дворянства, стр. 396, н. с. Иванюкова.

1859 г. предложенныя дворянскими депутатами реформы, Я. И. Ростовцевъ писалъ: «Во всѣхъ мнѣніяхъ депутатовъ только и есть *одна идея*, *равно всѣми раздѣляемая* (курсивъ подлинника): это—несчастное устройство нынѣшняго мѣстнаго управленія и судовъ и дѣйствія ихъ произвольныя, злоупотребительныя, скрытыя и необличимыя. Всѣ убѣждены, что при подобномъ устройствѣ суда и полицейскаго порядка благосостояніе какъ помѣщиковъ, такъ и крестьянъ не можетъ быть устроено надежно и прочно» [73]).

Но значеніе освобожденія крестьянъ этимъ не ограничилось. Оно не только выдвинуло извѣстныя реформы, но и оказало прямое вліяніе на то направленіе, въ которомъ онѣ были разрѣшены. Оно дало ту смѣлость, воодушевленіе и вѣру въ силу разума и правды, безъ которыхъ невозможно осуществленіе крупныхъ реформъ.

Съ особенною наглядностью это вліяніе можно прослѣдить, напр., на судебной реформѣ. Извѣстно, что начало ея относится къ 1848 г. Но во все время Николаевскаго царствованія законодательныя предположенія не выходили за черту обычныхъ палліативныхъ исправленій. Съ новымъ царствованіемъ повѣяло и въ этой отрасли новымъ духомъ. Предсѣдатель коммиссіи, составлявшей законопроекты, гр. Блудовъ сдѣлалъ значительную уступку духу времени. Въ проектахъ, составленныхъ имъ въ 1859 и въ 1860 гг., онъ уже допускалъ гласность, состязательность, мировой институтъ, адвокатуру. Но все-таки на проектахъ гр. Блудова видны были слѣды нѣкоторой робости, нерѣшительности, непослѣдовательности. Судъ присяжныхъ, напримѣръ, гр. Блудовъ признавалъ совершенно разумнымъ учрежденіемъ, но въ 1859 г. не рѣшался еще внести въ свой проектъ. Если Судебные Уставы получили тотъ законченный, раціональный радикальный характеръ, который вызвалъ справедливое удивленіе не только у насъ, но и за границею [74]), то этимъ они обязаны бодрому настроенію и гуманному направленію, которыя

[73]) См. н. с. Семенова, т. II, стр. 931.

[74]) См. статью Миттермайера въ Жур. Мин. Юстиціи, 1864 г., № 5. Во главѣ защитниковъ необходимости *радикализма* въ судебной реформѣ стоялъ не кто иной какъ М. Н. Катковъ. См. Русскій Вѣстникъ 1860. № 2

оказались въ нашихъ правящихъ сферахъ послѣ освобожденія крестьянъ. Это явствуетъ изъ хронологіи. Судъ присяжныхъ, несмѣняемость судей, независимость адвокатуры и прочія основы нашего новаго судебнаго строя впервые были предложены въ извѣстныхъ «Соображеніяхъ государственной канцеляріи», составленныхъ въ началѣ 1862 г. и Высочайше утвержденныхъ 29-го сентября того же года [75]).

На эту не только хронологическую, но и логическую связь между крестьянскою и судебною реформами настойчиво указываютъ ближайшіе дѣятели ея. Членъ государственнаго совѣта Н. И. Стояновскій въ рѣчи, произнесенной въ 1880 г. въ петербургскомъ юридическомъ Обществѣ, между прочимъ говорилъ: «Въ 1861 г. судебная реформа сдѣлалась настоятельною. До этого времени для 25-ти милліоновъ народа почти единственными судьями были помѣщики; они имѣли право налагать всѣ виды наказанія, кромѣ отдачи въ каторжныя работы и наказанія кнутомъ (до 1840 г.) или плетьми установленнаго образца (послѣ 1846 г.» [76]). Положеніе 19-го февраля 1861 г.,—говоритъ другой ближайшій дѣятель и руководитель судебной реформы С. И. Зарудный,—прекратили эти порядки. Тогда высшіе наши сановники поняли, что для Россіи также точно, какъ и для всякаго порядочнаго государства, явилась безотлагательная надобность въ судѣ скоромъ и справедливомъ. Вотъ задача Судебныхъ Уставовъ. Если бы въ 1861 году *не состоялось освобожденіе крестьянъ съ землею, то ни въ какомъ случаѣ* не были бы 20 ноября 1864 г. утверждены Судебные Уставы [77]).

Огромное вліяніе освобожденія крестьянъ на всѣ послѣдующія реформы засвидѣтельствовано и оффиціальнымъ актомъ, которымъ мы и закончимъ нашъ очеркъ. «Уничтоженіе крѣпостнаго состоянія, — читаемъ въ журналѣ государственнаго совѣта 1862 г.,—провело столь рѣзкую черту между прежнимъ и новымъ порядкомъ вещей, что нѣкоторыя относящіяся къ судопроизводству начала (смѣшеніе властей, сословные суды и пр.),

---

75) См. мои: Основы Судебной реформы. М. 1891, гл. III.

76) Журн. Гражд. Прав. 1882, № 9.

77) См. Русскую Старину, 1888 г., № 9.

болѣе или менѣе соотвѣтствовавшія прежнему гражданскому быту половины населенія нашего обширнаго отечества, теперь обратились въ недостатки. Первое начало,—смѣшеніе властей, было отчасти неизбѣжнымъ *послѣдствіемъ* крѣпостнаго состоянія. Смѣшеніе властей, проникавшее въ отдѣльныя управленія, должно было проникнуть и *въ общее управленіе* имперіи, и нынѣ всѣ административныя власти, начиная отъ становаго пристава до губернатора и даже до министровъ, вмѣшиваясь въ силу самаго закона въ ходъ судебныхъ дѣлъ и тѣмъ самымъ ослабляя истинное значеніе суда, останавливаютъ правильное отправленіе правосудія... Указанныя начала, истекающія изъ *прежняго* устройства нашего общества, имѣютъ между собою такую *непосредственную* связь, что при осуществленіи одного изъ нихъ были неизбѣжны и другія, и потому нынѣ, съ уничтоженіемъ самой причины, оправдывавшей до нѣкоторой степени прежній порядокъ, необходимо *одновременно устранить* всѣ эти органическіе недостатки теперешняго судопроизводства» [78]).

78) См. т. XVIII, Дѣла о преобразованіи судебной части въ Россіи, стр. 55, 57.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Роль тверскаго дворянства въ крестьянской реформѣ.

(Эпизодъ изъ исторіи общественнаго движенія 60-хъ годовъ).

1. Значеніе губернскихъ комитетовъ и общественнаго элемента въ крестьянской реформѣ.—Отношеніе къ ней большинства дворянства.—Тверское дворянство, какъ представитель либеральной части общества и литературы.—Тверской губернскій комитетъ и предсѣдатель ея А. М. Унковскій.—2. Обзоръ основаній, принятыхъ комитетомъ при составленіи Положенія.—Признаніе необходимости радикальной реформы.—Вопросъ о надѣленіи землей и о выкупѣ.—3. Проектъ мѣстныхъ реформъ, предложенныхъ тверскимъ комитетомъ.—Самоуправленіе и всесословность.—Раздѣленіе властей.—Независимость суда и судъ присяжныхъ.—4. Нападки на Положеніе со стороны крѣпостниковъ.

Настоящее правительство не видитъ настоящаго народа только въ неподвижной массѣ; оно вызываетъ изъ массы лучшія силы; оно не боится этихъ силъ,—оно въ тѣсномъ союзѣ съ ними.

С. М. Соловьевъ.

I.

Минуло уже тридцать лѣтъ со дня объявленія великаго законодательнаго акта 19 февраля 1861 года. Не взирая на этотъ довольно значительный промежутокъ времени, нѣкоторыя стороны крестьянской реформы остаются еще въ тѣни. Нельзя сказать, чтобы это явленіе всецѣло объяснялось неблагопріятными цензурными условіями. На ряду съ ними слѣдуетъ поставить не-

достаточную извѣстность матеріаловъ крестьянской реформы. Несмотря на то, что, начиная съ 50-хъ годовъ, печаталась и печатается масса данныхъ, касающихся ея хода, многія свѣдѣнія остаются еще подъ спудомъ. Таковы, наприм., положенія губернскихъ комитетовъ, которыя вовсе или почти вовсе неизвѣстны въ публикѣ [1]), что̀ создаетъ невѣрное представленіе о факторахъ, такъ или иначе вліявшихъ на ходъ и исходъ великаго преобразованія. Имѣвъ случай ознакомиться съ трудами одного изъ самыхъ видныхъ губернскихъ комитетовъ, тверскаго, считаемъ не безъинтереснымъ подѣлиться ими съ читателями.

Матеріалы эти заслуживаютъ тѣмъ бо̀льшаго вниманія, что они колеблютъ общепринятый и довольной прочно установившійся взглядъ на дѣятельность губернскихъ комитетовъ. Въ обществѣ существуетъ легенда,—замѣчаетъ въ своемъ извѣстномъ трудѣ о крестьянской реформѣ проф. Иванюковъ,—«будто положенія дворянскихъ комитетовъ представляютъ цѣликомъ безобразный и ни къ чему негодный хламъ крѣпостническихъ тенденцій, въ которомъ только кое-гдѣ, въ головѣ случайно замѣшавшихся единицъ, мелькали здравая мысль и добросовѣстное отношеніе, «будто Положеніе 19 февраля *сочинилъ* (курсивъ подлинника) *кружокъ* умныхъ и честныхъ либераловъ, *а общество* не причемъ и скорѣе мѣшало» [2]). Чѣмъ болѣе уясняется прагматическая исторія освобожденія крестьянъ, тѣмъ болѣе теряетъ почву помянутая легенда и становится яснымъ, что если эта трудная реформа, вызывавшая столько опасеній и противодѣйствій, была доведена до благополучнаго конца, то только благодаря тому обстоятельству, что правительство шло рука объ руку съ лучшею частью дворянства и было солидарно съ либерально настроенною литературой и интеллигенціей, преданною народу.

Утверждать въ настоящее время, что дворянство *en masse* оказалось на высотѣ выпавшей на его долю трудной, но щекотливой задачи, значило бы грѣшить противъ истины, засвидѣтельствованной самыми безспорными документами. Министръ внутрен-

---

[1]) См. Н. П. Семенова: Освобожденіе крестьянъ. Спб., 1889 г., т. I, стр. 38.

[2]) И. И. Иванюковъ: „Паденіе крѣпостнаго права въ Россіи“. Спб., 1882 г., стр. 165.

нихъ дѣлъ С. С. Ланской въ своей запискѣ отъ августа 1859 г. удостовѣряетъ, что большинство дворянства *не оправдало* ожиданій правительства и прямо или косвенно стремилось къ сохраненію крѣпостной зависимости въ болѣе или менѣе искусно замаскированной формѣ [3]). Въ той-же запискѣ своей Государю Ланской писалъ: «Въ большинствѣ проектовъ, представленныхъ комитетами, не замѣчается безпристрастнаго соблюденія интересовъ обоихъ сословій, нѣтъ даже яснаго пониманія самыхъ выгодъ помѣщиковъ; въ нихъ выражалось стремленіе къ безземельному освобожденію крестьянъ и въ то же время затрудняются имъ переходы». Въ опубликованныхъ собственноручныхъ отмѣткахъ покойнаго Государя на адресѣ одного изъ корифеевъ крѣпостнической партіи, камергера М. А. Безобразова, имѣется любопытная отмѣтка, заключающая характеристику настроенія дворянства вообще. Противъ словъ адреса, подчеркнутыхъ Государемъ: «дворянство горячо сочувствуетъ Государю; оно доказало готовность свою исполнить его волю»—стоитъ собственноручная ироническая отмѣтка Государя: «хорошо доказало!» [4]).

Явленіе это было печально, непонятно, нежалательно, но объяснимо. Смыслъ и источникъ его очень просто и вразумительно объяснялъ Я. И. Ростовцевъ въ своемъ предсмертномъ письмѣ къ императору Александру II отъ 23 октября 1859 г.». Большинство дворянскихъ комитетовъ,—писалъ онъ,—смотрѣло на дѣло съ точки зрѣнія частныхъ интересовъ и гражданскаго права, меньшинство же съ точки зрѣнія *общественной пользы*, государственной *необходимости* и государственнаго права. Огромное

---

[3]) Н. П. Семеновъ: „Освобожденіе крестьянъ въ Россіи". Спб., 1889 г., т. I, стр. 828—830. Въ началѣ дворянство было даже противъ освобожденіе личности крестьянъ безъ денежнаго выкупа и до конца большинство дворянства стояло—за обезземеленіе крестьянъ (см. н. с. проф. Иванюкова, стр. 234 и слѣд. и стр. 828 н. с. Семенова: т. I, вышеупомянутую записку мин. внутр. дѣлъ).

[4]) См. томъ II назв. соч. Семенова, стр. 951.—Противъ того мѣста письма Паскевича, гдѣ говорилось, что предположеніе Редакціон. Коммиссій могутъ быть введены въ дѣйствіе только силою, имѣется отмѣтка Государя: „да, если дворянство будетъ продолжать упорствовать" (см. Дневникъ Валуева въ Русской Старинѣ, 1891 г., № 10, стр. 146).

число враговъ реформы, не понимая этой необходимости, придумало противъ Редакціонной Коммиссіи обвиненіе въ желаніи обобрать дворянъ и произвести анархію» [5])... До такой степени у большинства депутатовъ преобладало это частно-правовое воззрѣніе на дѣло, что когда заходила рѣчь объ отчужденіи дворянской собственности для надѣленія крестьянъ землею, то многіе изъ нихъ открыто, *горячо* и, повидимому, bona fide, заявляли и въ губернскихъ комитетахъ, и въ Редакціонной Коммиссіи, что за себя лично они готовы приносить жертвы, но не считаютъ себя вправѣ и уполномоченными «жертвовать интересами дворянъ, которыхъ они удостоены чести быть представителями» [6]).

Такимъ образомъ, большинство дворянскихъ депутатовъ смотрѣло на себя не какъ на носителей государственно-общественной миссіи, призванныхъ вершить общественное дѣло съ точки зрѣнія общей государственной пользы или необходимости, а какъ на излюбленныхъ адвокатовъ своего сословія, избранныхъ имъ ad hoc для упрямаго отстаиванья его матеріальныхъ и частно-сословныхъ интересовъ и привилегій, хотя бы и съ ущербомъ для другихъ сословій и классовъ.

Въ этомъ неумѣньи подняться выше своихъ узко-сословныхъ интересовъ, въ этой неспособности различать области частныхъ и государственныхъ интересовъ заключалась едва ли не основная ошибка дворянскаго большинства, приведшая его къ обвиненію своихъ противниковъ въ революціонныхъ и анархическихъ стремленіяхъ [7]).

Судить за это черезъ-чуръ строго тогдашнее дворянство едва ли будетъ вполнѣ справедливо, въ виду невысокаго его общественнаго развитія. Конечно, если сравнивать его поведеніе съ образомъ дѣйствій высшихъ сословій во Франціи и Пруссіи въ дѣлѣ отмѣны феодальныхъ привилегій, то сравненіе окажется не въ пользу русскаго дворянства. Но если припомнить событія современной жизни и принять во вниманіе, какъ поступало то или другое сословіе, когда интересы его, какъ цѣлаго, или

---

[5]) Ibid., стр. 928—929.

[6]) См. особое мнѣніе Милюкова въ прил. къ пол. тверск. ком., стр. 5, а также т. II н. с. Семенова, стр. 35. — Мнѣніе ярос. деп. Васильева.

[7]) Ibid., стр. 951, 929.

даже отдѣльной группы членовъ сталкивались съ другими интересами, то, быть можетъ, къ дворянству будемъ менѣе строги. Оно, конечно, noblesse oblige, но развѣ меньше обязываетъ высшее образованіе и сознаніе достоинства либеральной корпораціи? А, между тѣмъ, припомнимъ, какъ поступили недавно не то что московскіе купцы, которые подняли страшный вопль по поводу французской выставки въ Москвѣ, а московскіе присяжные повѣренные въ вопросѣ о помощникахъ...

Но какъ ни смотрѣть на роль дворянства въ крестьянской реформѣ, для правильнаго сужденія о ней необходимо имѣть въ виду и то просвѣщенное, передовое, либеральное и истинно-патріотическое меньшенство [8]) его, которое, понявъ высокое значеніе выпавшей на его долю исторической миссіи, смѣло пошло ей на встрѣчу. Пренебрегши и личною карьерой и отношеніями, и даже личною безопасностью, эти передовые бойцы за свободу народа оказали энергическую поддержку благому почину правительства, несмотря на сыпавшіеся на нихъ инсинуаціи [9]) клеветы, прямые доносы и даже открытое насиліе [10]).

---

[8]) Но если большинство почти вездѣ не оправдало ожиданій правительства, писалъ въ своей запискѣ мин. внут. дѣлъ Ланской, то въ мнѣніяхъ меньшинства и отдѣльныхъ членовъ многихъ комитетовъ нельзя не признать зрѣлости, образованія, безпристрастія и правильности взглядовъ (см. н. с. Семенова, т. I, стр. 829).

[9]) До какой неразборчивости доходили противники радикальнаго рѣшенія крестьянскаго вопроса, можно судить по факту, оглашенному недавно Русскимъ Архивомъ. На одномъ обѣдѣ князь А. В. Оболенскій предложилъ тостъ за всѣхъ трудившихся по крестьянскому вопросу и въ томъ числѣ за Кавелина и Унковскаго. Булгаковъ (чл. ред. ком.) не постѣснился прервать тостъ такимъ замѣчаніемъ: „Ужь если пить, то лучше начать съ начала, съ перваго, кто трудился за крестьянъ... съ Пугачева!“ (Р. А. 1891 г., № 1, стр. 7).

[10]) Ю. Ѳ. Самаринъ, кн. В. А. Черкасскій и А. И. Кошелевъ, какъ извѣстно, должны были принимать рядъ мѣръ предосторожности и самообороны противъ угрозъ крѣпостниковъ (см. н. с. Иванюкова, стр. 170). Въ Дневникѣ Валуева находимъ подъ 30-мъ декабря 1859 г. слѣдующую отмѣтку: „анти-ростовцевцы предприняли формальную ажитацію по имперіи, разослали своихъ агентовъ по губерніямъ, получаютъ des adresses d'adhésion и т. п. Вотъ до чего доведено дѣло и низведено!... Одинъ генералъ-адъютантъ и три флигель-адъютанта открыто дѣйствуютъ на свою руку и находятъ приверженцевъ“ (Русс. Ст. 1891 г., № 10, стр. 147).

Большое счастье,—говоритъ историкъ крестьянской реформы проф. Иванюковъ,—что въ работахъ по этому вопросу было дано участіе общественному элементу — впервые въ теченіе всего XIX столѣтія [10*]). Благодаря этому, свѣтлыя мысли, высказывавшіяся въ литературѣ, все-таки, хоть косвенно, могли найти себѣ выраженіе въ губернскихъ комитетахъ и потомъ въ редакціонныхъ коммисіяхъ [11]).

Нужно отдать справедливость либеральнымъ общественнымъ дѣятелямъ эпохи крестьянской реформы, что они дѣйствовали съ замѣчательною *самостоятельностью* и стойкостью, а нѣкоторые даже съ рѣдкимъ мужествомъ и полнымъ самоотверженіемъ. Отмѣчу одну подробность, свидѣтельствующую о томъ, какъ лучшая меньшая часть дворянства увлекала не только значительную часть дворянства, но и вліяла иногда на правительство [12]). Въ октябрѣ 1858 г., когда въ оффиціальныхъ сферахъ никто и не смѣлъ заикаться о *выкупѣ* полевой земли и даже запрещено было дворянскимъ собраніямъ касаться, этого вопроса, пріѣхали въ Петербургъ тверскіе депутаты: А. М. Унковскій, А. Н. Перхуровъ, Н. Бакунинъ и Кишенскій. Они представлялись министру внутрен. дѣлъ С. С. Ланскому и категорически заявили ему, что они согласны составить проектъ реформы не иначе какъ на основаніяхъ, которыя *они сами* считаютъ полезными, а если такого проекта не нужно, продолжали депутаты, пусть назначатъ на мѣсто наше чиновниковъ, которые напишутъ все, что имъ велятъ.

10*) Указывая на это первое въ текущемъ столѣтіи обращеніе верховной власти къ содѣйствію общества въ дѣлѣ государственнаго устройства, г. Семеновъ сопоставляетъ это явленіе съ народнымъ представительствомъ, существовавшимъ въ древней Руси. - Отсутствіе крестьянъ г. Семеновъ объясняетъ ихъ неразвитостью, истекавшею изъ крѣпостнаго права. Нужно отдать, говоритъ онъ, полную справедливость всему (??) русскому дворянству, что интересы крестьянъ были до конца имъ ограждены лучше, нежели бы даже самими крестьянами. См. н. с. Семенова т. I. 24—25.

11) Сравнивая положенія губернскихъ комитетовъ съ постановленіями редакціонной коммиссіи, г. Иванюковъ отмѣчаетъ, что послѣднія *всѣ* заимствованы изъ того или другаго мѣстнаго положенія.

12) См. Записку Ланскаго въ н. с. Семенова II, 827.

Какой получается контрастъ если сопоставить эту независимую рѣчь тверскихъ депутатовъ съ діалогомъ, имѣвшимъ мѣсто въ томъ же городѣ всего за сорокъ съ небольшимъ лѣтъ передъ тѣмъ.

— Вы чего сюда притащились, кричалъ въ 1812 министръ полиціи Балашевъ на дворянскую депутацію, которая въ годину народнаго бѣдствія пріѣхало въ Петербургъ «положить къ стопамъ Государя» свои животы» и все прочее по случаю нашествія Наполеона.

— Кто это вамъ позволилъ, господа? [13])...

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!...

Съ такою же независимостью, несмотря на всѣ цензурныя тиски, раздавался и голосъ общественнаго мнѣнія. Журналистика, не смѣвшая при Дуббельтѣ говорить напр. о загрязненіи Фонтанки и даже одобрительно отзываться о правительственныхъ дѣйствіяхъ, критиковала ихъ съ свободою, которая не только не провзойдена, но и не была достигнута впослѣдствіи, съ отмѣною предварительной цензуры.

Роль либеральной литературы [14]), разъяснявшей и развивавшей планъ *полнаго* освобожденія крестьянъ была громадна. Особенно *Современникъ* и *Русскій Вѣстникъ* горячо ратовали противъ крѣпостническихъ тенденцій въ привительствѣ и въ литературѣ. «Литература, можно сказать, писалъ въ 1859 г. М. Н. Катковъ оказала *несомнѣнныя* услуги правительству и обществу по крестьянскому вопросу. Благодаря ея *искреннему* и *дружному* содѣйствію свѣтъ быстро и благотворно распространялся въ самыхъ отсталыхъ, упорныхъ и неприготовленныхъ умахъ. А между тѣмъ, продолжаетъ онъ, съ какими усиліями, съ какими трудностями должны были мы бороться сколько перенести тревогъ и опасеній для того, чтобы разъяснить мало по малу элементы этого вопроса» [15]).

---

[13]) См. Русскія народныя картины Д. Ровинскаго, т. V, стр. 318.

[14]) Роли литературы въ н. с. Иванюкова посвящена особая обширная глава (см. стр. 86—143).—Редакціонная коммиссія собрала до 1000 сочиненій по крестьянскому вопросу, въ томъ числѣ до 400 на русскомъ языкѣ. Сдѣлано было сношеніе съ редакціями русскихъ журналовъ о высылкѣ въ библіотеку ея 100 оттисковъ *всѣхъ* (ст. б. и не пропущенныхъ цензурою) статей, поступившихъ въ редакціи (см. н. с. Семенова II, 84, 114).

[15]) См. М. Н. Катковъ—соч. Н. А. Любимова, стр. 113.

Въ ряду проводниковъ свѣтлыхъ, мыслей, развиваемыхъ въ литературѣ, на первомъ планѣ выступало дворянство Тверской губерніи имѣвшее въ то время во главѣ одного изъ самыхъ стойкихъ и самоотверженныхъ борцовъ за «святое дѣло» какъ въ литературѣ, такъ и въ правительственныхъ сферахъ—Алексѣя Михайловича Унковскаго (нынѣ петербургскій присяжный повѣренный). Если въ другихъ губерніяхъ дворяне, стремившіеся не къ фиктивному, а къ дѣйствительному освобожденію народа, составляли меньшинство, а то и просто считались единицами,—въ тверскомъ дворянствѣ большинство, хотя и не сильное, стало на сторону либерально-гуманной программы, предложенной его предводителемъ, и оказало сильное вліяніе на измѣненіе первоначальнаго довольно неопредѣленнаго и узкаго правительственнаго плана «объ улучшеніи быта крестьянъ». Въ первыхъ рескриптахъ и разъяснительномъ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ помѣщикамъ «сохранялось право собственности на *всю* землю», крестьянамъ же предоставлялось пріобрѣсти въ собственность только «усадебную осѣдлость», т. е., какъ разъяснялъ министръ, «избу или хату, въ которой живетъ крестьянинъ, съ дворомъ и принадлежностями, съ огородомъ и землею подъ оными». Остальная земля, составляя собственность помѣщика, отдавалась лишь въ пользованіе крестьянамъ, которые должны были или отбывать натуральныя повинности, или платить оброкъ деньгами или произведеніями. Уничтоженіе крѣпостнаго права должно было совершиться не вдругъ, а постепенно, причемъ переходное состояніе могло длиться до 12 лѣтъ. За помѣщиками сохранялась вотчинная полиція [16]).

Неопредѣленность выраженій означенныхъ оффиціальныхъ документовъ, которыя въ лучшемъ случаѣ могли быть истолкованы въ смыслѣ установленія феодальной собственности, а въ худшемъ—въ смыслѣ возможности полнаго обезземеленія крестьянъ, ввела въ искушеніе большинство дворянства исказить по своекоростнымъ соображеніямъ основной смыслъ намѣренія правительства. Руководствуясь открытымъ еще въ древности «бла-

---

[16]) См. пункты I, II, III отношенія Ланскаго къ ген.-губ. Назимову отъ 22 ноября 1857 г.

говиднымъ» рецептомъ обхода закона, состоящимъ въ явномъ нарушеніи смысла закона при кажущемся буквальномъ его исполненіи (verbis legis amplexus contra ejus niti voluntatem), нѣкоторые дворянскіе комитеты (какъ-то курскій, новгородскій, тамбовскій, херсонскій, виленскій и др.) истолковали намѣренія правительства въ томъ смыслѣ, что предлагали въ своихъ проектахъ вовсе лишить крестьянъ, по истеченіи переходнаго времени, земли.

Не такъ посмотрѣлъ на дѣло тверской дворянскій губернскій комитетъ. Составленное имъ «Положеніе» краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, что оно съ самаго начала взглянуло на возложенную на него правительствомъ задачу, какъ на общественное служеніе, а не частное, сословное дѣло. Служа органомъ циркулировавшихъ въ обществѣ и литературѣ «свѣтлыхъ мыслей» о дѣйствительномъ, а не фиктивномъ освобожденіи крестьянъ, тверской комитетъ «добросовѣстно и съ полною откровенностью высказалъ свой взглядъ на предстоящую реформу», въ которомъ, по справедливому замѣчанію министра внутреннихъ дѣлъ Ланского, «хотя не было вѣрности буквѣ высочайшаго рескрипта, но было согласіе съ духомъ и цѣлью его: *обезпечить и улучшить* бытъ крестьянъ».

Въ Положеніи своемъ, которое занимаетъ первое мѣсто въ ряду однородныхъ работъ, тверской комитетъ твердо и убѣдительно настаивалъ на необходимости полнаго освобожденія крестьянъ съ землею и на предоставленіи имъ, при посредствѣ выкупной операціи, въ собственность не только усадебной осѣдлости, но и надѣльной полевой земли. Кромѣ того, онъ считалъ крайне опаснымъ сохраненіе вотчинной полиціи и предлагалъ стройную систему мѣстныхъ административныхъ и судебныхъ учрежденій, основанныхъ на принципѣ всесословнаго самоуправленія и согласованныхъ съ духомъ предположенной реформы. Подъ положеніемъ подписались, кромѣ предсѣдателя губернскаго предводителя А. М. Унковскаго, тверской уѣздный предводитель тит. сов. Арсеній Балкашинъ и члены: депутатъ отъ Кашинскаго уѣзда кап.-лейт. Павелъ Максимовъ, депутатъ Калязинскаго уѣзда шт. кап. Михаилъ Нероновъ, кандидатъ Весьегонскаго уѣзда шт. кап. Петръ Измайловъ, депутатъ Вышневолоцкаго уѣзда кап.-лейт. Николай Харламовъ, депутатъ

Ржевскаго уѣзда колл. секр. Никита Семеновъ, депутаты Старицкаго уѣзда шт. рот. Алексѣй Вульфъ и лейт. Петръ Панафидинъ, депутаты Новоторжскаго уѣзда: гв. пор. Павелъ Кишенскій и пор. Константинъ Мячковъ, депутаты Корчевскаго уѣзда: гвардіи полковникъ Александръ Перхуровъ и Алексѣй Головачевъ (впослѣдствіи извѣстный публицистъ), депутаты отъ правительства кап. арт. Николай Бакунинъ и отст. маіоръ Александръ Вельяшевъ. 13 депутатовъ остались при особыхъ мнѣніяхъ [17]).

[17]) «Эти 13 членовъ, не подписавшихъ проекта большинства, пишетъ мнѣ одинъ изъ членовъ тверскаго комитета, не были всѣ противниками освобожденія, или надѣленія крестьянъ землею. Такихъ, какъ Веревкинъ, Милюковъ и Кудрявцевъ (см. ниже), было очень мало. Большая часть ихъ боялись только слишкомъ быстраго переворота въ хозяйствѣ и не вѣрили возможности одновременнаго выкупа по громадности финансовой операціи, т. е. были нашими противниками по недальновидности, словомъ, такими же противниками, какъ и члены редакціонныхъ коммиссій. Съ ними большинству Комитета приходилось такъ же спорить, какъ впослѣдствіи депутатъ тверскаго А. М. Унковскій спорилъ съ Н. А. Милютинымъ, кн. Черкасскимъ, Самаринымъ, Ростовцевымъ, Я. И. Соловьевымъ и др. Они не могли понять, что одновременный выкупъ всѣхъ надѣловъ *возможнье и выгоднье постепеннаго* между тѣмъ, какъ это для лицъ, подписавшихъ проектъ большинства, было ясно, какъ день, ибо, при обязательномъ выкупѣ для однихъ крестьянъ, операція должна была совершаться преимущественно въ имѣніяхъ, въ которыхъ крестьяне несостоятельны къ платежу оброковъ или къ погашенію ссудъ, вслѣдствіе чего сумма недоимокъ должна быть пропорціонально больше къ обороту, нежели при одновременномъ выкупѣ всѣхъ надѣловъ. Вотъ о чемъ мы спорили и въ Твери съ меньшинствомъ, и въ Петербургѣ—съ членами коммиссій. Между тѣмъ, изъ неподписавшихъ проектъ 14-ти я могу назвать трехъ членовъ, расположенныхъ не менѣе насъ къ реформѣ—депутата Бѣжецкаго уѣзда Модеста Воробьева, Кашинскаго—Зміева и Зубцовскаго – Зубкова. Въ доказательство привожу слѣдующій случай.

Когда пришлось разрѣшить вопросъ о способѣ опредѣленія суммы оброка, а, слѣдовательно, и капитализаціи ея для выкупа, мы всѣ стали въ тупикъ. Крѣпостники требовали производства кадастра, при чемъ дѣло затянулось бы на многіе годы. У насъ же не было никакихъ основаній. Тогда насъ вывелъ изъ этого важнаго затрудненія Модестъ *Воробьевъ*. Онъ предложилъ ту систему, которая была принята не только нами, но и правительствомъ. Редакціонныя коммиссіи только измѣнили разсчетъ, понизивъ нѣсколько оброкъ за первыя двѣ десятины и возвысивъ за 3-ю и 4-ю, но мысль дана покойнымъ Воробьевымъ въ видахъ ускоренія дѣла».

II.

Положеніе тверскаго комитета состоитъ изъ 212 статей и одного приложенія *О властяхъ уѣздныхъ*, распадающагося на 47 параграфовъ. Къ положенію присоединенъ, въ видѣ объяснительной записки, замѣчательный какъ по своему содержанію, такъ и по формѣ объемистый документъ [18]): *Обзоръ основаній*, принятыхъ комитетомъ при составленіи своего проекта. Обращаемся къ содержанію этого интереснаго документа, принадлежащаго, главнымъ образомъ, перу г. Унковскаго [19]).

Во введеніи комитетъ, прежде всего, аргументируетъ основное свое положеніе о необходимости *полнаго*, а не частичнаго и постепеннаго освобожденія крестьянъ.

Крѣпостное право въ Россіи,—говорится въ *Обзорѣ*,—образовалось не вслѣдствіе порабощенія свободныхъ людей посредствомъ завоеванія, а установлено по государственнымъ соображеніямъ, какъ вознагражденіе за обязательную службу въ пользу государства. Будучи слѣдствіемъ не завоеванія, а государственной необходимости, и основываясь *на неопредѣленныхъ обычаяхъ*, освященныхъ временемъ, крѣпостное право не поселяло ненависти къ помѣщикамъ. Но съ того времени, какъ вслѣд-

---

18) Послѣ появленія настоящей статьи въ № 5 *Русской Мысли* за 1891 г., въ № 9 того же журнала была напечатана А. М. Унковскимъ слѣдующая поправка: „всѣ письменныя работы, заявляетъ г. Унковскій, какія только были въ Твери, по дѣлу освобожденія крестьянъ, производились мною *пополамъ* (курсивъ подлинника) съ бывшимъ тогда членомъ Комитета и Корчевскимъ уѣзднымъ предводителемъ Алексѣемъ Адріановичемъ Головачевымъ. Окончательная редакція была моя, но писали мы двое и обсуждали все вмѣстѣ. А. А. Головачевъ изъ всѣхъ намъ болѣе расположенныхъ къ дѣлу моихъ сотоварищей, былъ въ полномъ смыслѣ слова *единственнымъ* (К. П.), какъ лицомъ, способнымъ къ письменной работѣ. При томъ большую часть письменной работы въ то горячее время приходилось производить по ночамъ, и мнѣ бы одному безъ Головачева не справиться".

19) *Положеніе тверскаго комитета, Обзоръ основаній* и *Отдѣльныя мнѣнія* напечатаны были, для членовъ его, въ тверской губернской типографіи въ 1859 г. Одинъ экземпляръ имѣлся у насъ и всѣ ссылки мы дѣлаемъ по этому экземпляру, который нынѣ находится въ Московскомъ Румянцевскомъ музеѣ.

ствіе *требованій вѣка*, патріархальныя отношенія стали замѣняться мало-по-малу *юридическими* и произволъ помѣщиковъ началъ ограничиваться законами, крестьяне получили сознаніе *о неправомѣрности* крѣпостной зависимости и крѣпостное право сдѣлалось невыносимымъ бременемъ для народа. Сѣмя раздора было брошено и постоянно поддерживалось полумѣрами, клонившимися къ ограниченію произвола помѣщика. Народъ инстинктивно понималъ, что правительство желаетъ освободить его отъ ига помѣщиковъ и только упорство помѣщиковъ задерживаетъ освобожденіе. Указавъ на то, какъ въ два предшествовавшія царствованія, по случаю разныхъ мѣропріятій, неправильно истолкованныхъ, народъ выражалъ нетерпѣніе по поводу ожидаемой свободы (см. выше главу I), *Обзоръ* останавливается на томъ лихорадочномъ возбужденіи, въ которомъ находился народъ съ конца 1857 г. послѣ обнародованія первыхъ рескриптовъ. Сначала народъ считалъ,—сказано въ запискѣ, комитета,—остающееся время своей неволи годами, потомъ сталъ считать мѣсяцами и скоро размѣняетъ этотъ счетъ на дни; такъ, въ продолженіе прошедшаго 1858 г. повсемѣстно ходили въ народѣ слухи, что свобода будетъ объявлена въ день Свѣтлаго праздника, въ день тезоименитства Государя Императора, въ Новый годъ [20]). Но эти слухи не нарушали общественнаго спокойствія, потому что народъ убѣжденъ былъ, что обѣщанія правительства будутъ свято исполнены. Поэтому только *полное* освобожденіе крестьянъ удовлетворитъ ихъ горячимъ желаніямъ и пройдетъ спокойно, помиривъ всѣ стороны. Если же правительство,—продолжаетъ Комитетъ, — остановится на полумѣрахъ и оставитъ какіе бы то ни было слѣды крѣпостной зависимости, то чего можно будетъ ожидать отъ народа, *обманутаго* въ своихъ ожиданіяхъ, и, вдобавокъ, отъ народа, который, зная о существованіи дворянскихъ комитетовъ, отнесетъ эти распоряженія къ недоброжелательству помѣщиковъ? Всѣ полумѣры произведутъ повсемѣстный антагонизмъ между помѣщиками и крестьянами и будутъ имѣть гибельныя послѣдствія.

---

[20]) Какъ извѣстно, такое же лихорадочное нетерпѣніе наблюдалось и въ другихъ губерніяхъ (см. главу I).

Смотря на дѣло съ истинно-государственною дальновидностью, тверской комитетъ рѣшительно считалъ вреднымъ «постепенное» освобожденіе и возставалъ какъ противъ сохраненія, хотя бы и временнаго, натуральныхъ господскихъ повинностей, такъ и противъ вотчинной полиціи помѣщика.

Такъ какъ сущность крѣпостной зависимости, — разсуждалъ комитетъ,—состоитъ въ правѣ суда и расправы, то удержаніе за помѣщикомъ полицейской и административной власти неминуемо приведетъ къ тому, что крѣпостное право будетъ оставлено подъ другимъ именемъ и свобода будетъ дарована на однихъ словахъ. Отъ такой перемѣны, по справедливому замѣчанію комитета, могло произойти не улучшеніе, а *ухудшеніе* быта крестьянъ. При крѣпостномъ правѣ,—говоритъ комитетъ въ подтвержденіе своей мысли,—интересы помѣщика были въ прямой зависимости отъ степени благосостоянія его крестьянъ, а потому произволъ владѣльцевъ значительно умѣрялся ихъ собственною выгодой, при строгомъ же юридическомъ опредѣленіи взаимныхъ экономическихъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ и *разъединеніи* ихъ интересовъ, ничто не будетъ обуздывать произвола землевладѣльцевъ. Притомъ, соединеніе экономическихъ отношеній съ служебными обязанностями всегда вредно и ведетъ къ самому грубому самоуправству, предъ которымъ, должны *поблѣднѣть* всѣ воспоминанія о крѣпостномъ правѣ. Такое положеніе уничтожитъ въ народѣ всякое уваженіе къ власти и можетъ привести къ глубокой и вѣчной ненависти между сословіями и совершенной дезорганизаціи общественнаго порядка.

Противъ такого «радикальнаго» рѣшенія вопроса, предложеннаго тверскимъ комитетомъ, возражали, съ крайнею запальчивостью, сторонники «постепеннаго» освобожденія. Съ внѣшней стороны аргументація ихъ была обставлена прилично и солидно: тутъ фигурировало и «общее благо», и опасность «дѣлать скачки», и разрушить давнишнія «патріархальныя узы» и проч. [21]). Но

[21]) Одинъ изъ членовъ губернскаго комитета депутатъ Веревкинъ возражалъ картинно: „Не думаю, чтобъ благоразумно было тѣхъ, коихъ столько времени водили на помочахъ, вдругъ спустить съ оныхъ, оставя безъ поддержки (?), или невидавшихъ свѣта внезапно подвергнуть

что опасеніе, высказанное большинствомъ комитета, относительно возможности «ухудшенія» быта крестьянъ при «постепенномъ» освобожденіи, было не гадательно или преувеличено, это лучше всего явствуетъ изъ мнѣнія одного изъ членовъ меньшинства, который съ нескрываемымъ злорадствомъ обнаруживаетъ чаянія, возлагавшіяся на вотчинную полицію. Извѣстно, что предполагалось при регулированіи обязательнаго труда въ замѣнъ личныхъ отношеній помѣщика къ отдѣльнымъ крестьянамъ установить сношенія съ крестьянскою общиной [22]). Отстаивая это мнѣніе, членъ меньшинства Веревкинъ весьма наглядно обрисовываетъ выгоды, получаемыя помѣщикомъ: «Съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, — пишетъ онъ,—если я и лишусь *незавидной* возможности прибѣгать къ угрозамъ тѣлеснаго наказанія, а вмѣсто *получу право:* требовать отъ цѣлой общины исполненія того, что̀ отдѣльные члены ея не исполнили добросовѣстно, и, въ случаѣ медленности исполненія моего требованія, на счетъ этой же общины нанять свободныхъ работниковъ, и потомъ, *не разбирая виновныхъ лицъ*, чтобы удовлетворить нанятыхъ земледѣльцевъ, взыскивать деньги съ цѣлой общины, а при остановкѣ въ полученіи денегъ—продать скотъ изъ общаго стада по жребію или собственному усмотрѣнію, то я увѣренъ, что эта община *несравненно строже* будетъ поступать съ неисправными своими членами, нежели теперь поступаютъ помѣщики съ неисправными крѣпостными» [23]).

Для всѣхъ безпристрастныхъ людей послѣ этого стало ясно, что̀ именно скрывалось подъ благозвучнымъ проектомъ постепеннаго освобожденія!

Редакціонной коммиссіи, имѣвшей цѣлью, какъ писалъ предсѣдатель ея, «произвести реформу не палліативно, а раціонально,

---

солнечному сіянію: одни могутъ разбить себѣ носы, а другіе навсегда (?) ослѣпнуть". См. мнѣніе Веревкина, прил. къ полож. Тверскаго комитета.

22) Я. И. Ростовцевъ, какъ видно изъ его писемъ къ императору Александру II, придерживался еще въ 1858 этого взгляда, но впослѣдствіи онъ убѣдился въ его зловредности.

23) См. отдѣльное мнѣніе депутата Веревкина отъ 25 августа 1859 г., стр. 4.

т.-е. не въ половину, а вполнѣ и навсегда» [24]), не трудно было рѣшить, которое изъ двухъ приведенныхъ мнѣній соотвѣтствовало благу Россіи.

Одинъ изъ главныхъ спорныхъ пунктовъ, вокругъ котораго происходили самыя ожесточенныя схватки между сторонниками и противниками освобожденія крестьянъ, былъ вопросъ о крестьянской землѣ. Въ первый, подготовительный періодъ крестьянской реформы, когда правительство дѣлало робкіе шаги и шло, такъ сказать, ощупью [25]), вопросъ о землѣ стоялъ, какъ уже было замѣчено выше, крайне неопредѣленно. О предоставленіи крестьянамъ въ собственность всей обрабатываемой ими земли не было и рѣчи.

Но мало-по-малу стало укореняться въ либеральной части общества убѣжденіе о невозможности раціональнаго рѣшенія крестьянскаго вопроса, безъ надѣленія крестьянъ землею. Когда и какъ произошла эта важная перемѣна въ общественномъ сознаніи, трудно указать въ точности и во всѣхъ подробностяхъ. Тутъ вліяли, безспорно, одновременно многія причины, въ числѣ ко-

---

[24]) См. письмо Ростовцева къ Александру II, т. II н. с. *Семенова*, стр. 929.—Н. П. Семеновъ, одинъ изъ немногихъ оставшихся въ живыхъ членовъ редакціонной коммиссіи,—человѣкъ, котораго трудно заподозрѣть въ наклонности къ радикализму, не только въ то время былъ противникомъ постепеннаго освобожденія крестьянъ, но даже и теперь, когда „не въ авантажѣ“ эта идея, онъ продолжаетъ доказывать невозможность „постепеннаго освобожденія“ (см. стр. 67—73 н. с. Семенова, т. I). Какъ извѣстно, за радикальное освобожденіе крестьянъ стоялъ и Катковъ (см. гл. I).

[25]) Назначенный въ январѣ 1857 г. членомъ секретнаго комитета, одинъ изъ главныхъ дѣятелей крестьянской реформы, Я. И. Ростовцевъ, отказался было отъ должности въ виду незнакомства съ крестьянскимъ бытомъ и уступилъ только настоянію Государя. Впослѣдствіи Ростовцевъ много и прилежно учился, пользуясь даже указаніями *Колокола*.

Въ засѣданіи 23 марта 1859 г. Я. И. Ростовцевъ заявилъ, что, по особому разрѣшенію, будутъ пересылать изъ III отдѣленія Е. И. В. канцеляріи 1 экземпляръ „Колокола“, дабы и изъ него дѣлать полезныя указанія и заимствованія.

Аранетовъ. Какъ, неужели заимствовать у Герцена!?

Ростовцевъ. Что намъ за дѣло до личностей? Кто бы ни сказалъ полезное, мы должны воспользоваться (см. н. с. Семенова, т. I, стр. 114).

торыхъ литература — рукописная и печатная, внутренняя и заграничная — играла важнѣйшую роль.

Особенно сильное впечатлѣніе произвела знаменитая статья К. Д. Кавелина *О новыхъ условіяхъ сельскаго быта*, появившаяся въ 1858 г. въ апрѣльской книгѣ *Современника* и надѣлавшая большаго шума. Статья поднимала вопросъ о надѣлѣ крестьянъ полевою землей и выкупѣ въ такое время, когда въ оффиціальныхъ сферахъ еще не была достаточно подготовлена почва для постановки вопроса на такомъ широкомъ основаніи. Статья Кавелина, какъ голосъ передоваго общественнаго мнѣнія, произвела сильное впечатлѣніе и даже нѣкоторое волненіе и переполохъ, словно неожиданно ворвавшійся въ только что пріотворенное, послѣ долгой зимы, окно — порывъ освѣжающаго буйнаго весенняго вѣтерка:

Идетъ гудетъ зеленый шумъ,
Зеленый шумъ, весенній шумъ...

Сдѣлано было распоряженіе снова вставить двойныя рамы, т.-е. приняты строгія мѣры по цензурѣ о недопущеніи такихъ статей. Но кто справится со всепобѣднымъ торжественнымъ шествіемъ весенняго возрожденія [26])? Цензурныя мѣры продержались не долго, правительство скоро сдалось.

Въ правительственныхъ сферахъ усерднымъ поборникомъ идеи освобожденія крестьянъ не иначе, какъ съ землею, выступилъ учрежденный въ мартѣ 1858 г. при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ земскій отдѣлъ, руководимый такими убѣжденными поборниками коренной крестьянской реформы, какъ Н. А. Милютинъ и Я. А. Соловьевъ.

Мысль о надѣленіи крестьянъ полевыми угодьями была сочувственно принята и въ либеральномъ меньшинствѣ губернскихъ комитетовъ, принадлежавшемъ къ среднему дворянству и воспитанномъ на литературѣ 40-хъ годовъ [27]).

[26]) „Мысль о выкупѣ крестьянскихъ земель, писалъ впослѣдствіи М. Н. Катковъ, столько разъ запрещаемая и преслѣдуемая въ литературѣ, наконецъ, принята самимъ правительствомъ, а сколько трудовъ, предпринятыхъ въ пользу этой мысли остались втунѣ и сколько могло бы на каждомъ шагу не встрѣчаться этихъ напрасныхъ препятствій“. См. и. с. Любимова, стр. 113.

[27]) См. назв. соч. *Иванюкова*, стр. 101.

Тверской комитетъ и въ этомъ вопросѣ оказался на высотѣ своей задачи. Большая историческая заслуга либеральной части тверскаго дворянства заключается въ томъ, что оно своею просвѣщенною и настойчивою инициативой очень много способствовало оффиціальному движенію этого вопроса и постановкѣ его предъ всѣми губернскими комитетами.

Объ этой стадіи вопроса, въ нѣдрахъ самого тверскаго комитета, не имѣется никакихъ данныхъ въ печати, и приходится руководствоваться единственно скудными свѣдѣніями, заключающимися въ приложеніяхъ къ положенію тверскаго комитета. Ходъ этого дѣла представляется въ такомъ видѣ. Еще раньше появленія означенной статьи Кавелина, *въ январѣ 1858 г.* тверской губернскій предводитель дворянства А. М. Унковскій разослалъ въ уѣздныя собранія, созванныя для избранія депутатовъ въ губернскій комитетъ, составленную имъ *записку*, въ коей онъ развивалъ мысль о необходимости надѣленія крестьянъ *полевою землей*. На первомъ собраніи дворянъ 16 февраля 1858 г. оказалось, что большинство дворянъ не сочувствовало плану г. Унковскаго, и только меньшинство (четыре уѣзда) одобрили его. Такимъ образомъ, первая попытка г. Унковскаго склонить тверское дворянство къ освобожденію крестьянъ съ землею потерпѣла неудачу. Вслѣдствіе этого, программа, изложенная въ высочайшемъ рескриптѣ на имя тверскаго губернатора въ отвѣтъ на адресъ дворянства, заключала въ себѣ старую стереотипную фразу о выкупѣ «усадебной осѣдлости» и ни слова не говорила о выкупѣ полевыхъ угодій.

Первая неудача не остановила г. Унковскаго, и онъ рѣшился возобновить вопросъ при первой возможности. Между тѣмъ, буря, поднятая статьею Кавелина, стала стихать, и вопросъ о надѣлѣ все настойчивѣе сталъ выдвигаться общественнымъ мнѣніемъ и дѣлаться популярнымъ даже въ оффиціальныхъ кругахъ, однако въ высшихъ сферахъ онъ, по прежнему, все еще игралъ роль «жупела», наводящаго безотчетный страхъ, хотя Я. И. Ростовцевъ уже съ лѣта 1858 г. началъ склоняться въ пользу выкупа полевыхъ надѣловъ и развивалъ эту мысль въ письмахъ къ императору Александру II.

Въ началѣ августа 1858 г. тверской губернскій комитетъ

собирался для составленія положенія. Этотъ моментъ г. Унковскій счелъ удобнымъ, чтобы снова поднять вопросъ о надѣленіи крестьянъ землею. По предложенію его, губернскимъ комитетомъ была образована 9 августа, подъ его же предсѣдательствомъ, коммиссія, которой поручено было составленіе *общаго плана* занятій комитета. Въ этой именно коммиссіи былъ въ *первый разъ* ясно и рѣшительно поставленъ 14 августа 1858 г. вопросъ объ освобожденіи крестьянъ съ землею. Но коммиссіи предстояло одолѣть, прежде всего, одно препятствіе чисто-формальнаго свойства. Обсужденіе этого вопроса, строго говоря, выходило за букву начертанной правительствомъ программы. Коммиссіи приходилось сойти съ почвы внѣшней, формальной законности, чтобы стать на точку зрѣнія истиннаго права и справедливости. Точка опоры для такого воззрѣнія находилась отчасти и въ правительственной программѣ, которая ставила задачею реформы не только освобожденіе крестьянъ, но *и улучшеніе и обезпеченіе ихъ быта*. Выдвинувъ впередъ эту цѣль, коммиссія нашла, что достиженіе ея *невозможно указанными въ программѣ паліативными средствами*, и представила на утвержденіе губернскаго комитета слѣдующія свои три заключенія:

1) Такъ какъ улучшеніе быта крестьянъ можетъ быть достигнуто только однимъ дарованіемъ имъ личныхъ и имущественныхъ гражданскихъ правъ, не стѣсняемыхъ ничѣмъ, кромѣ общихъ государственныхъ законовъ, то первою и главною цѣлью нашего труда должно быть дарованіе помѣщичьимъ крестьянамъ гражданской свободы, а вслѣдствіе того *уничтоженіе принудительнаго труда* и *всякихъ личныхъ* натуральныхъ господскихъ повинностей, какъ несогласныхъ съ понятіемъ свободы.

2) Принимая во вниманіе п. 1 высочайшаго рескрипта и *неразрывную историческую связь* нашего крестьянина съ землею,— связь, при которой освобожденіе его отъ власти и вмѣшательства въ его бытъ частныхъ лицъ можетъ осуществиться вполнѣ только при освобожденіи необходимой для его существованія земли отъ всякихъ повинностей въ пользу частныхъ лицъ, коммиссія находитъ, что затѣмъ второю главною цѣлью занятій комитета должно быть изысканіе *способовъ къ обезпеченію крестъ-*

янамъ прочной осѣдлости и предоставленіе имъ оной въ полную собственность (курсивъ подлинника).

3) Находя, что земли, состоящія во владѣніи крестьянъ Тверской губ. подъ строеніями и огородами, по пространству своему, не могутъ обезпечить крестьянамъ прочной осѣдлости, коммиссія полагаетъ, что въ видахъ *дѣйствительнаго* улучшенія быта крестьянъ, безъ нарушенія имущественныхъ правъ владѣльцевъ и точнаго исполненія высокихъ предначертаній, указанныхъ въ высочайшемъ рескриптѣ, *подъ крестьянскою осѣдлостью слѣдуетъ непремѣнно разумѣть не одни такъ называемыя усадебныя земли, но все количество земли, необходимое для обезпеченія быта крестьянъ.*

Заключенія коммиссіи вызвали въ комитетѣ бурныя и страстныя пренія. Партія, желавшая освобожденія крестьянъ безъ земли, напала на заключенія коммиссіи, усматривая въ нихъ принудительное отчужденіе помѣщичьей земли и колебаніе основъ родовой собственности и *всѣхъ коренныхъ основъ* нашего гражданскаго и государственнаго быта, но, тѣмъ не менѣе, большинство комитета (14 голосовъ противъ 13) одобрило заключенія коммиссіи.

Но этимъ вопросъ еще не рѣшался. Такъ какъ заключенія коммиссіи, если не измѣнили, то существенно дополнили первоначальную правительственную программу, то требовалось получить на это разрѣшеніе высшаго правительства. Министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской къ которому ѣздили тверскіе депутаты (см. выше) сталъ на сторону тверскаго комитета. Отъ него не укрылось, что крестьянскій вопросъ вступаетъ *въ новую фазу*. Въ представленіи своемъ главному комитету онъ писалъ, что если заключенія тверскаго комитета и не согласны съ буквою высочайшихъ рескриптовъ, то вполнѣ вѣрны *ихъ духу и цѣли*. Главный комитетъ, скрѣпя сердце, разрѣшилъ тверскому комитету заняться вопросомъ о надѣленіи крестьянъ землею «по желанію помѣщиковъ». Въ ноябрѣ 1858 года министръ внутреннихъ дѣлъ сообщалъ объ этомъ постановленіи тверскому комитету, а также начальникамъ *всѣхъ губерній*, и, такимъ образомъ, вопросъ о надѣлѣ и выкупѣ полевой земли благодаря настойчивой иниціативѣ тверскаго комитета, былъ

оффиціально внесенъ въ *программу занятій* губернскихъ комитетовъ.

По полученіи разрѣшенія на обсужденіе вопроса о надѣлѣ, тверской комитетъ составилъ детальный проектъ какъ надѣла (причемъ за основаніе бралось существующее владѣніе, если оно не превышало 4 десятинъ), такъ и устройства акціонернаго банка для облегченія выкупной операціи. Въ своемъ *Обзорѣ основаній* комитетъ убѣдительно доказывалъ недостаточность выкупа однѣхъ усадебъ и необходимость надѣленія землею и высказалъ, между прочимъ, слѣдующія соображенія:

Личная свобода,—разсуждаетъ комитетъ,—никогда не можетъ осуществиться безъ свободы имущественной. Все настоящее имущество крестьянъ — въ хозяйственномъ обзаведеніи, которое имѣетъ цѣнность только при владѣніи землею и не можетъ быть легко переносимо съ мѣста на мѣсто. Если признать крестьянина лично свободнымъ, съ правомъ вольнаго перехода, оставивъ всю землю въ неограниченномъ распоряженіи помѣщиковъ, не значитъ ли это *освободить только помѣщиковъ* отъ всѣхъ лежавшихъ на нихъ обязанностей въ отношеніи къ крестьянамъ, подчинивъ послѣднихъ *еще большему ихъ произволу?* Тогда крестьянинъ будетъ поставленъ въ необходимость соглашаться на всякія требованія помѣщика, а потому все имущество, а, слѣдовательно, вся жизнь его будетъ зависѣть отъ произвола землевладѣльца. Этого не было даже и при крѣпостномъ правѣ, которое поставляло помѣщикамъ въ обязанность доставлять ихъ крѣпостнымъ людямъ средства къ существованію. Такую свободу нашъ народъ называетъ *волчьею волей*. Если крестьяне получатъ только право пользованія полевыми землями, необходимыми для ихъ существованія, безъ всякой возможности пріобрѣсти ихъ въ собственность, то свобода ихъ будетъ существовать только на однихъ словахъ. Отдавая собственность помѣщика въ вѣчное пользованіе крестьянъ, законъ непремѣнно будетъ *вынужденъ обезпечить права собственника земли* предоставленіемъ ему права *вмѣшательства* въ хозяйственный бытъ крестьянъ, дабы предупредить ухудшеніе качества земли. Такое вмѣшательство частнаго лица въ хозяйственную сферу предполагаетъ предоставленіе ему судебно-административной вла-

сти, что исключаетъ уже всякое понятіе о гражданской свободѣ крестьянъ (стр. 4—5).

Благодаря трудамъ тверскаго и другихъ комитетовъ, а также благодаря либеральной журналистикѣ, вопросъ *о надѣлѣ и выкупѣ* настолько уже уяснился, что, спустя съ небольшимъ годъ послѣ появленія статьи Кавелина, сторонниками выкупа [28]) между прочимъ, являлись два такихъ крупныхъ дѣятеля по крестьянской реформѣ, какъ С. С. Ланской и Я. И. Ростовцевъ, стоявшіе прежде за предоставленіе крестьянамъ одного только права пользованія землею. Въ всеподданнѣйшей запискѣ, составленной въ октябрѣ 1859 г., Ланской писалъ, что «мысль о выкупѣ все болѣе и болѣе укореняется и дѣлается общимъ убѣжденіемъ». Отношеніе Ростовцева къ вопросу о выкупѣ явствуетъ изъ слѣдующихъ словъ его, приводимыхъ въ книгѣ г. Семенова. Это было 29 ноября 1859 г. Засѣданіе редакціонной коммиссіи происходило на дому предсѣдателя въ кабинетѣ его. Ростовцевъ, больной, разслабленный, вмѣшался въ споръ, завязавшійся между Милютинымъ и Галаганомъ о надѣлѣ, и сдѣлалъ со смертнаго своего одра слѣдующее замѣчаніе: «Одинъ памфлетистъ [29]) изъ высшаго аристократическаго общества,— сказалъ онъ,—сочинилъ обо мнѣ, что якобы я написалъ дворянству: если хотите беречь ваши головы, то отдайте земли. Могъ ли я это сдѣлать и куда мнѣ было писать? Но какъ отнять отъ насущнаго хлѣба 11 милліоновъ или, если считать крестьянъ обоего пола, 22 милліона душъ?... Я *увѣренъ*, что если у нихъ совсѣмъ отрѣзать земли, будетъ пугачевщина (я говорю между своими, въ дружескомъ обществѣ), и не могу не предвидѣть въ такомъ случаѣ страшныхъ обстоятельствъ, страшныхъ потрясеній, которыя ожидаютъ бѣдную Россію» [30]).

---

28) Собственно планъ выкупа былъ предложенъ тверскимъ депутатомъ Модестомъ Воробьевымъ (см. выше, прим. 17).

29) Намекъ на извѣстную брошюру гр. В. П. Орлова-Давыдова: *Lettre d'un député de Comité à M-r le président de la Comission de réduction aide-de-camp général Rostovtzeff*. Paris, 1859.

30) См. и. с. *Семенова*, т. II, стр. 254.—Сознаніе невозможности обезземелить крестьянъ къ началу 1860 года сдѣлалось почти аксіомою. Даже въ консервативныхъ дворянскихъ кругахъ стали сознавать ее. Еще можно

III.

Послѣдній отдѣлъ объяснительной записки тверскаго комитета посвященъ обзору «основаній новаго управленія». Усматривая непосредственную связь между крѣпостнымъ правомъ и строемъ существовавшихъ при немъ учрежденій, тверской комитетъ начерталъ планъ новой организаціи мѣстнаго управленія, вытекавшій изъ отмѣны крѣпостнаго права и согласованный съ нею. Если въ деталяхъ этого плана и встрѣчаются слабыя стороны, то основныя положенія его такъ разумны и убѣдительны, что они не только для своего времени, но даже и для нашего заключаютъ въ себѣ много поучительнаго. Какъ ни стары высказанныя въ нихъ истины, но онѣ изложены съ такимъ благородныхъ воодушевленіемъ, широтою взгляда и твердою вѣрой въ силу разума и правды, что чтеніе тверской записки и теперь производитъ освѣжающее и ободряющее впечатлѣніе.

Комитетъ, прежде всего, настаиваетъ на упраздненіи въ управленіи всякихъ слѣдовъ прежнихъ вотчинныхъ отношеній. По уничтоженіи крѣпостной зависимости и объявленіи крестьянамъ свободы,—читаемъ въ тверской запискѣ,—власть помѣщиковъ лишится всякаго нравственнаго основанія, и потому дальнѣйшее существованіе ея даже и на самое короткое время можетъ породить только неудовольствіе со стороны народа и гибельное послѣдствіе: эта власть естественно будетъ напоминать народу ненавистное ему крѣпостное право (стр. 7).

Уничтожая помѣщичью власть въ управленіи, тверской комитетъ признавалъ невозможнымъ оставить прежній порядокъ вещей, при которомъ 100,000 полиційместеровъ-душевладѣльцевъ служили настоящимъ *instrumentum regni*. Несмотря на все зло крѣпостнаго права,—разсуждалъ онъ, — власть помѣщика, его мѣстное значеніе, его вліяніе и на крестьянъ, и на

было прежде, говорилось въ одномъ циркулярномъ обращеніи къ депутатамъ втораго призыва, увлекаться подобными фантазіями: многіе вовсе не знали, что такое русскій крестьянинъ; многіе думали, что его также легко пожаловать въ бездомники, какъ эстонца или ливонца. Теперь тѣшитъ себя надеждою, что въ Россіи можно освободить крестьянъ безъ земли не позволительно, скажу болѣе—преступно. См. н. с. Иванюкова, стр. 200.

должностныхъ лицъ служили, съ одной стороны, огромнымъ пособіемъ въ управленіи, съ другой—ограничивали произволъ чиновниковъ. Съ уничтоженіемъ ея останутся для управленія и охраненія порядка и спокойствія только два становыхъ пристава. Съ другой стороны, въ чемъ будетъ ограниченіе произвола чиновниковъ? Крѣпостное право, глубоко пустившее корни *во всѣхъ сферахъ* русской жизни, проникло насквозь и служебную дѣятельность: если уничтожить его только въ чистомъ видѣ, оставивъ все прежнее по-старому, это не будетъ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, а только передачей его изъ рукъ помѣщиковъ въ руки чиновниковъ и расширеніемъ его предѣловъ. Это будетъ раздѣленіе всѣхъ сословій въ государствѣ на два враждебные лагеря: на лагерь полноправныхъ чиновниковъ, вооруженныхъ всею необузданностью безотвѣтственнаго произвола, и безгласныхъ жителей. Такой порядокъ порождаетъ боязливыхъ рабовъ, но не истинныхъ гражданъ. Человѣкъ въ такихъ обстоятельствахъ покоряется только необходимости и исполняетъ свои обязанности нехотя, и разъ сила, заставляющая его дѣйствовать, въ сторонѣ, онъ постарается обойти законъ. Гдѣ же человѣкъ призванъ къ участію въ управленіи своимъ обществомъ, гдѣ онъ сознаетъ это участіе и значеніе свое, тамъ онъ не ставитъ ни малѣйшаго препятствія къ исполненію распоряженій лицъ управляющихъ, а, напротивъ, содѣйствуетъ имъ. Отсутствіе самодѣятельности общества ведетъ къ апатіи и уничтожаетъ въ обществѣ всякое понятіе о *чести и долгѣ*.

Для прекращенія такого апатическаго состоянія, комитетъ предлагалъ положить основаніе *самоуправленію*, т.-е. самостоятельному управленію общинъ. Страшиться самостоятельности, какъ начала анархіи,—говоритъ онъ,—неосновательно; въ ней лежитъ, напротивъ, залогъ порядка и спокойствія. Человѣкъ, принимая участіе въ интересахъ общества, привязывается къ этимъ интересамъ и дорожитъ ими изъ личнаго интереса — самой сильной пружины человѣческой дѣятельности. Гдѣ для развитія общаго благосостоянія дѣйствуютъ всѣ отдѣльныя личности, тамъ, навѣрное, получаются такіе результаты, какихъ не въ состояніи достигнуть никакое сильное правительство. Сверхъ того, самоуправленіе гораздо лучшая школа для образованія го-

сударственныхъ дѣятелей, нежели бюрократическая система, вырабатывающая только механическихъ исполнителей чужихъ предписаній (ср. выше гл. I).

Въ основаніе своей системы самоуправленія комитетъ кладетъ, начиная съ волостнаго управленія, всесословность или, скорѣе, безсословность съ нѣкоторымъ преобладаніемъ дворянскаго элемента, причемъ во главѣ управленія ставятся волостной попечитель и уѣздный предводитель, избираемые волостнымъ и уѣзднымъ собраніями, вѣдающими всѣ мѣстныя дѣла по управленію и суду. Чтобы самоуправленіе имѣло какое-нибудь значеніе,— говорится въ запискѣ,—надобно, чтобы интересы населенія были *соединены*, а не разъединены, чтобы интересы различныхъ слоетъ общества не находились въ борьбѣ, какъ это случается при раздѣленіи ихъ по сословіяхъ: только при такой общности можетъ создаться общественное мнѣніе.

Въ частности относительности мудрой, но необычайно смѣлой по тому времени попытки дарованія политическихъ правъ «вчерашнему рабу» и допущенія его къ управленію рядомъ со вчерашнимъ его господиномъ въ тверской запискѣ находимъ слѣдующія глубокія соображенія: исторія указываетъ, что общественная жизнь человѣчества въ своихъ главныхъ основаніяхъ подчиняется одинаковымъ законамъ: разность является лишь въ подробностяхъ. Неосновательно возражать, что не годится для Россіи то, къ чему *неизбѣжно* идутъ всѣ народы и государства. Одинъ изъ законовъ человѣческихъ обществъ есть, съ одной стороны, постепенное возвышеніе низкихъ слоевъ общества и пріобрѣтеніе ими правъ, которыхъ они раньше были лишены, вслѣдствіе несовершенства человѣческихъ обществъ, съ другой — постепенное уничтоженіе всѣхъ привилегій, которыми нѣкоторые умѣли пользоваться. Это сближеніе правъ сословій есть повсемѣстный историческій законъ, въ пользу котораго дѣйствуютъ люди, независимо отъ ихъ воли. Даже противодѣйствуя этому закону люди на дѣлѣ способствуютъ его развитію, выставляя всѣ недостатки общественной жизни при его отсутствіи. И такъ, сближеніе правъ сословій, хотя и въ отдаленномъ будущемъ, есть историческая необходимость. Поэтому комитетъ считалъ за лучшее идти на встрѣчу этому закону, чѣмъ,

затрудняя его развитіе, ускорять взрывъ. Устранить народный элементъ въ управленіи значило положить революціонное начало въ самомъ основаніи обществъ, которое впослѣдствіи могло оказаться гибельнымъ. Предоставленіе крестьянскому сословію участія въ управленіи имѣетъ значеніе предохранительнаго клапана на паровомъ котлѣ. Съ другой стороны, соединеніемъ дворянства и крестьянъ въ одно собраніе комитетъ имѣлъ въ виду заставить смолкнуть мелкіе частные интересы предъ интересами болѣе общими и болѣе широкими, и живительнымъ началомъ общественныхъ интересовъ соединить воедино всѣхъ жителей края (стр. 22, 24).

Рядомъ съ началомъ самоуправленія тверской комитетъ выдвигаетъ, какъ лучшую гарантію для правильнаго дѣйствія мѣстныхъ учрежденій, строгое *раздѣленіе властей*, проведенное на всѣхъ ступеняхъ управленія, учрежденіе гласнаго независимаго суда и суда присяжныхъ, а также установленіе непосредственной отвѣтственности предъ судомъ чиновъ администраціи за преступленія по должности безъ предварительнаго испрошенія разрѣшенія начальства.

Указавъ на необходимость раздѣленія властей въ интересахъ успѣшнаго дѣйствія ихъ, въ частности относительно *низшей* ступени власти, комитетъ возражаетъ противъ мнѣнія, будто въ низшихъ должностяхъ отъ дѣленія властей онѣ мельчаютъ и теряютъ значеніе. При самостоятельности управленія, при личной отвѣтственности должностныхъ лицъ за свои дѣйствія и при уничтоженіи раболѣпнаго подчиненія,—замѣчаетъ комитетъ,—никакая должность не теряетъ своего значенія: человѣкъ чувствуетъ, что онъ необходимое звено въ цѣломъ, и, при личной иниціативѣ, видитъ на дѣлѣ свое значеніе.

Необходимость учрежденія независимаго суда мотивируется такъ: исполнительная власть имѣетъ въ рукахъ матеріальную силу. Что же касается суда, то онъ долженъ имѣть силу нравственную: назначеніе суда замѣнять матеріальную силу идеею права. Правительство, учреждая судъ, какъ бы ставитъ посредниковъ изъ среды самихъ гражданъ между собою и лицами подвластными. Этимъ правительство придаетъ особенное могущество судебной власти, которое въ свою очередь поддерживаетъ значеніе правительства.

Затѣмъ тверской комитетъ указывалъ на необходимость учрежденія суда присяжныхъ. Противъ возраженія о неразвитости [31]) народа, въ запискѣ А. М. Унковскаго, между прочимъ, приводились слѣдующіе доводы [31*]): «что значитъ: недостаточно развитъ, и какая нужна степень развитія для нагляднаго сужденія факта по совѣсти и здравому смыслу? Присяжнымъ именно это только и нужно, а русскій народъ, конечно, не имѣетъ недостатка ни въ здравомъ смыслѣ, ни въ добросовѣстности. Судъ присяжныхъ, судъ гласный и по совѣсти требуетъ въ судьяхъ гораздо менѣе умственнаго развитія и образованія, нежели всякій другой судъ, а тѣмъ болѣе наше сложное судопроизводство; поэтому можно скорѣе сказать, что у насъ возможенъ *только* судъ присяжныхъ и менѣе всего возможно настоящее судопроизводство». Далѣе, указывая на то, что старые засѣдатели просто прикладывали печати или снимали шубы съ почетныхъ посѣтителей. Записка продолжаетъ: устройте самостоятельный судъ, независимый отъ исполнительной власти и притомъ словесный и гласный, т. е. судъ присяжныхъ *(потому что другаго независимаго суда на свѣтѣ нѣтъ и не бывало)* [31**]), и тѣ же люди

---

[31]) У этихъ людей (противниковъ радикальныхъ реформъ), писалъ Катковъ въ 1860 г., всегда на языкѣ незрѣлость общества, неразвитость народа, негодность породы и т. п. Они думаютъ что дѣло пойдетъ лучше, если давать лучшее устройство понемногу. Къ сожалѣнію, они забываютъ, что всякая система можетъ развиться и принесть пользу только тогда, когда взяты ея началы *во всей ихъ истинѣ и полнотѣ*. Русс. Вѣст. 1860 г. № 2.

[31*]) Извлеченіе изъ *Обзора* приведены выше въ первой главѣ, тутъ приводится соображеніе изъ Записки А. М. Унковскаго. Эта обширная записка, заключающая ѣдкую и мѣткую характеристику нашего дореформеннаго строя, была представлена отъ имени Тверскаго комитета депутатомъ А. М. Унковскимъ въ Редакц. Коммис. Весьма интересное извлеченіе изъ нея приводятся въ н. с. Иванюкова на стр. 346 — 363 (опечатка 343).

[31**]) Какъ извѣстно, впослѣдствіи, т. е. вскорѣ послѣ «19-го февраля», когда прозрѣли на время самые безнадежные слѣпцы,—истина эта настолько стала для всѣхъ очевидною, это даже самъ гр. Панинъ вотировалъ въ 1862 г. (см. Дѣло о преобраз., суд. части, т. XIX) въ Государственномъ Совѣтѣ за судъ присяжныхъ, при чемъ заявилъ, что *дѣйствительно* независимымъ можетъ быть только судъ присяжныхъ.

окажутся способными къ произнесенію приговоровъ; это ясно какъ день, и противиться этому благодѣтельному учрежденію могутъ только тѣ, которымъ безсудность и безнаказанность *выгодны* [32]).

Относительно гласности комитетъ ограничивается слѣдующимъ краткимъ, но выразительнымъ замѣчаніемъ: «Публичность и гласность! Два великія слова! Свѣтъ разума и истины! Комитетъ не осмѣливается говорить въ доказательство ихъ необходимости, вполнѣ увѣренный, что Государь, поднявшій вопросъ объ уничтоженіи крѣпостнаго права, не оставитъ безъ примѣненія этихъ великихъ началъ».

IV.

Свою замѣчательную записку тверской комитетъ заканчиваетъ такими словами: «Комитетъ свято исполнилъ свое назначеніе Не обманывая ни верховной власти, ни владѣльцевъ, ни народа, онъ изложилъ добросовѣстно и съ полною откровенностью свой взглядъ на предстоящую реформу, и убѣжденъ, что составленное имъ положеніе представляетъ *единственный* (курсивъ подлинника) мирный путь къ освобожденію крестьянъ, который, охраняя интересы всѣхъ сословій, ведетъ къ развитію производительныхъ силъ и могущества государства».

И въ этихъ словахъ не было и тѣни преувеличенія. Трудно представить себѣ, что бы вышло, если бы освобожденіе крестьянъ состоялось не въ томъ духѣ, какой былъ рекомендованъ тверскимъ комитетомъ. Съ другой стороны, чтобы судить о значеніи предложенныхъ тверскимъ комитетомъ общихъ реформъ, достаточно сказать, что, наприм., судъ присяжныхъ еще въ 1859 г., т. е. въ самый годъ составленія положенія, вызывалъ въ оффиціальныхъ сферахъ паническій страхъ и государственному совѣту строжайше *воспрещено* было затрогивать этотъ вопросъ. Что касается предположенія о непосредственномъ подчиненіи суду преступленій по должности, то оно и нѣкоторыя

[32]) Такія консерваторы, отстаивающіе выгодныя для нихъ застарѣлыя злоупотребленія, по вѣрному замѣчанію Д. А. Ровинскаго, стары, какъ міръ (см. Русс. Народ. Картины, т. V, 325, прим. 375).

другія мѣры до сихъ поръ остаются pium desiderium... Вотъ почему историкъ крестьянской реформы, проф. Иванюковъ, былъ вправѣ, сравнивая тверское положеніе съ другими, сказать, что тверской комитетъ представилъ не только относительно лучшій, но и абсолютно разумный и либеральный проектъ освобожденія крестьянъ [32*]).

Но эти же крупныя достоинства тверскаго положенія вызвали злостныя и ожесточенныя нападки со стороны членовъ меньшинства тверскаго комитета. Такъ, депутатъ поручикъ Веревкинъ въ отдѣльномъ мнѣніи заявлялъ, что положеніе предлагаетъ сдѣлать «судорожные революціонные скачки», и чтобы не оставалось никакого сомнѣнія о смыслѣ этой инсинуаціи, авторъ отдѣльнаго мнѣнія спѣшитъ пребавить: «что скачки эти угрожаютъ породить въ нашемъ отечествѣ, тѣ же революціонныя сцены, которыхъ нельзя не ужасаться, читая новѣйшую исторію Франціи» (стр. 4). Депутатъ Кудрявцевъ, критикуя положеніе, между прочимъ, писалъ: «Каждая волость управляется парламентомъ, въ каждомъ уѣздѣ парламентъ, въ губерніяхъ, вѣроятно, будетъ то же и тѣмъ же, конечно, должно кончиться въ средоточіи государства; и такъ, въ основаніе управленія положена централизація (sic!), обусловленная парламентаризмомъ. Необходимая обстановка этого гиганта также налицо: судъ гласный, словесность судопроизводства, раздѣленіе властей и въ заключеніе судъ присяжныхъ: однимъ словомъ, на мѣсто Россіи появляется западное государство. Милостивые государи, господа большинство! Не слишкомъ ли далеко зашли вы на пути преобразованій?...» (стр. 9).

Но самыя рѣзкія и неприличныя нападки мы находимъ въ діатрибѣ депутата Вышневолоцкаго уѣзда стат. сов. Милюкова, который, не останавливаясь даже предъ извращеніемъ оффиціально удостовѣренныхъ журналами комитета фактовъ [33]), осуждаетъ тверское положеніе во всѣхъ его частяхъ и выставляя его какъ продуктъ *насилія* 14 голосовъ противъ 13, называетъ его не иначе, какъ «насильственнымъ и возмутительнымъ». Тверское

32*) См. названное сочиненіе Иванюкова, стр. 387.

33) См. отзывъ губ. предв. Унковскаго, стр. 2—3.

дворянство,—говоритъ въ началѣ своего заявленія г. Милюковъ,—привыкло во всѣхъ важныхъ отечественныхъ событіяхъ выказывать свое *безкорыстіе и нерѣдко самопожертвованіе* для общей пользы. Но это не мѣшаетъ автору мнѣнія черезъ нѣсколько строкъ возмущаться даже безвозмезднымъ освобожденіемъ женской дворовой прислуги, принятымъ въ комитетѣ большинствомъ 20 противъ 7 [34]). Въ заключеніе своего пространнаго мнѣнія г. Милюковъ торжественно объявляетъ, что тверское дворянство «потеряло довѣріе къ своимъ депутатамъ и замѣнило его *презрѣніемъ* къ нимъ», и громко протестуетъ противъ основъ Положенія, какъ «противныхъ законамъ нашего отечества и благой волѣ монарха и кроющихъ въ себѣ начала самой гибельной анархіи» (стр. 7—10).

Приведенныхъ образцовъ достаточно, чтобы видѣть, до какихъ чудовищныхъ крайностей доходили приверженцы крѣпостнаго права, стремившіеся прикрыть свои корыстныя вождѣленія свои выгоды щитомъ политической благонадежности и патріотическаго усердія.

Сколько нужно было энергіи, самопожертвованія, вѣры въ себя и въ нравственныя силы освобождаемаго народа, чтобы съ неостывающимъ рвеніемъ и мужествомъ отстаивать «святое дѣло» отъ систематическихъ нападокъ сильныхъ [35]) своимъ положеніемъ и богатствомъ враговъ дѣйствительнаго освобожденія и смыть съ Россіи позорное пятно крѣпостнаго строя, упраздненіе котораго однако и въ наши дни еще оплакиваютъ новѣйшіе крѣпостники и, профанируя гомерическій стихъ, на-

---

[34]) Въ своемъ отзывѣ противъ мнѣнія г. Милюкова г. Унковскій приводитъ на справку, что нѣкоторыя постановленія комитета принимались единогласно, другія значительнымъ большинствомъ, въ томъ числѣ и г. Милюковымъ. Г. Милюковъ называетъ „возмутительными“ иногда и такія постановленія, подъ которыми имѣется его собственноручная подпись (стр. 5, 6—7).

[35]) „Поборники этого направленія (обезземеленія крестьянъ),—писалъ въ 1859 г. Ланской къ Александру II,—нашли себѣ сочувствіе въ дворянствѣ, можетъ быть, и въ нѣкоторыхъ изъ приближенныхъ Вамъ, Государь, особахъ и нѣкоторыхъ членахъ главнаго комитета“. См. т. II назв. соч. Семенова, стр. 831.

зываютъ это постыдное рабство—«святымъ, великимъ, невозвратнымъ Иліономъ» *)...

Если даже теперь, черезъ тридцать лѣтъ, съ воплемъ и воздыханіемъ вспоминаются постыдные крѣпостные порядки, невозвозвратность коихъ окончательно признана еще героями «Дыма», то это одно показываетъ какъ глубоки были корни этого застарѣлаго зла, этого многовѣковаго устоя русской жизни, упраздненіе котораго даже люди благонамѣренные, но робкіе ждали со страхомъ и трепетомъ!...

Тѣмъ больше чести и славы небольшой, но могучей кучкѣ безкорыстныхъ общественныхъ дѣятелей и просвѣщенныхъ руководителей общественнаго мнѣнія, которые, слѣдуя девизу:

Вѣруй вожатому разуму—бодро плыви океаномъ...

имѣли смѣлость взглянуть прямо въ лицо этому «страшному вопросу» и, во имя права и разума, вступить, для освобожденія народа, въ неравную борьбу съ могущественными поборниками вѣковой неправды и застоя.

Не менѣе велики заслуги и тѣхъ государственныхъ людей, которые, съумѣвъ возвыситься надъ обычною бюрократическою рутиною, возводящею въ идеалъ застой и общественную апатію [36]), оперлись на просвѣщенную часть общества и литературы,

*) См. Москов. Вѣдом. 1891 г., № 54.

[36]) По убѣжденію типичнаго бюрократа, ученика Меттерниха, австр. импер. Франца, государство—это машина; все государственное управленіе должно идти, какъ заведенные часы. Нечего трогать, перемѣнять, только все испортишь: Іосифъ II, какъ безпокойный, пытливый ребенокъ вздумалъ потрогать машину—и что же вышло?—только разстроилъ. „Держитесь старины,—говорилъ Францъ профессорамъ лайбахскаго лицея. Нашимъ предкамъ хорошо было при старинѣ, отчего же намъ будетъ дурно? Теперь (начало XIX) новыя идеи въ модѣ: я ихъ не могу одобрить, никогда не одобрю". Францъ запретилъ болѣе 2,500 книгъ, изданныхъ при Іосифѣ II. Ѣсть, пить, наслаждаться музыкою и какъ можно меньше отягощать себя мыслью—вотъ главное правило добраго подданнаго. (Францъ войны не любилъ, но любилъ музыку. При Францѣ музыкантъ могъ дойти до генералъ-адъютантскаго званія)... Всякое дѣло вершается въ канцеляріяхъ.—Какое *дѣло*—спрашиваютъ иные, но такіе вопросы могутъ поднимать только либералы-идеалоги. (см. С. М. Соловьева—Александръ I, стр. 194).

на «лучшія силы народа», въ союзѣ съ которыми «правительство, какъ выразился знаменитый историкъ С. М. Соловьевъ, можетъ быть безнаказанно либеральнымъ» [37]).

Память этихъ честныхъ общественныхъ и государственныхъ дѣятелей, способствовавшихъ благополучному исходу реформы, «предъ которой, по выраженію тверскаго комитета, блѣднѣютъ всѣ доселѣ представляемыя намъ не только русскою, но и всемірною исторіей», безспорно перейдетъ на страницы исторіи русской культуры.

Имена этихъ благородныхъ, мужественныхъ и безкорыстныхъ сѣятелей «разумнаго, добраго, вѣчнаго», этихъ доблестныхъ сподвижниковъ Царя-Освободителя, споспѣшествовавшихъ ему въ осуществленіи великаго завѣта поэта-наставника:

Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій—человѣкъ

разумѣется, вспомянутся и въ признательной памяти созданнаго 30 лѣтъ тому назадъ русскаго народа [38]), если не теперь, то тогда, когда онъ придетъ въ возрастъ, разумъ и сознаніе.

---

37) См. превосходное мѣсто объ отношеніи правительства къ простому народу и интеллигенціи на стр. 197—198 н. с. Соловьева—Александръ I.

38) Въ письмѣ своемъ къ кн. А. Ѳ. Орлову отъ 14 февраля 1859 г. Я. И. Ростовцевъ замѣчаетъ, что „Государь создаетъ русскій народъ, котораго доселѣ въ отечествѣ нашемъ не существовало". — Что въ такомъ отзывѣ нѣтъ никакого преувеличенія это лучше всего видно изъ характеристики гр. Валуева, по которой дореформенная Россія оканчивалась XIV классомъ (см. прим. 24 главы I).

II.

ОТМѢНА ТѢЛЕСНАГО НАКАЗАНІЯ.

И кто мнѣ помогъ
Осилить надменность тирановъ?
Кѣмъ былъ я избавленъ отъ смерти?
Отъ рабства?
Не ты ли одно все свершило,
Святое, горячее сердце?!

Гёте.

Словно въ сказкѣ какой: изъ битаго царства вдругъ не битое стало.

Д. Ровинской.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

По поводу двадцатипятилѣтія отмѣны тѣлеснаго наказанія. *)

(Эпизодъ изъ исторіи гуманныхъ вѣяній 60-хъ годовъ).

1. Жестокія тѣлесныя наказанія по Уложенію 1845 и 1857 гг. — Безуспѣшность усилій, направленныхъ къ смягченію наказаній при Екатеринѣ II и Александрѣ I. Аракчеевская манера прогнанія сквозь строй.— Вліянія гуманныхъ вѣяній 60-хъ годовъ, приведшихъ, вслѣдъ за отмѣною крѣпостнаго права, къ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, смягченію наказаній вообще и дѣйствительной отмѣнѣ пытокъ.—2. Записка кн. Н. А. Орлова объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія. Разныя мнѣнія.—Мнѣніе гр. Панина и митрополита Филарета. — 3. Законъ 17-го апрѣля, его значеніе и недостатки. — 4. Принципіальное значеніе побѣды гуманности и прогресса, сказавшейся въ изданіи закона 17 Апрѣля, и ея современное общественное значеніе.

I.

17-го апрѣля 1888-го года исполнилось двадцать пять лѣтъ со дня воспослѣдованія одной изъ гуманнѣйшихъ реформъ прошлаго царствованія, со дня полной отмѣны *въ принципѣ* тѣлеснаго наказанія и значительнаго ограниченія и смягченія его *на практикѣ*.

До изданія Высочайшаго указа 17-го апрѣля 1863 года тѣлесныя наказанія всевозможныхъ видовъ [1]) и степеней составляли

*) Читано въ засѣданіи Московскаго Юридическаго Общества въ апрѣлѣ 1888 г.

1) См. Сергѣевскаго.—Наказаніе въ русс. правѣ, стр. 162.

основу нашей карательной системы, корни коей восходили къ Уложенію «тишайшаго» царя Алексѣя Михайловича 1648 года.

Отличіе между Уложеніемъ 1648 года и Уложеніемъ 1845 г. сводилось, главнымъ образомъ, только къ постановкѣ смертной казни. Тогда какъ первое назначало смертную казнь въ 60 статьяхъ, Уложеніе 1845 г. ограничивало примѣненіе ея тремя—четырьмя случаями, введя притомъ ее впервые въ видѣ общаго правила за важнѣйшія политическія преступленія. Кромѣ того, первое назначало въ 140 случаяхъ наказаніе кнутомъ, смертельный исходъ котораго былъ явленіемъ весьма обычнымъ. Такимъ образомъ смертная казнь, въ теоріи отмѣненная еще указами 1753—1754 гг., до 1845 г. фактически процвѣтала въ квалифицированномъ, то есть утонченно-жестокомъ, видѣ [2]). Уложеніе 1845 года кнутъ замѣнило плетью. Впрочемъ, для военныхъ и ссыльно-каторжныхъ оставленъ былъ тотъ же кнутъ подъ названіемъ шпицрутеновъ.

Сущность произведенной въ 1845 г. карательной реформы, привѣтствованной необыкновенно горячо съ каѳедръ тогдашнею пресмыкающеюся «кнутофильскою» наукою [3]), въ лицѣ извѣст-

2) Въ губерніяхъ Эстляндской и Лифляндской вмѣсто плети дѣйствовали «пиррутены» (прутья), вѣроятно, нѣчто очень близкое къ шпицрутенамъ, судя потому, что 100 ударовъ плетьми, по легальному тарифу, признавались равными 30 пиррутенамъ и исполнялись въ три воскресенья по десяти на каждое (см. подробности этого отдѣла «кнутологіи» въ примѣч. ст. 21. Улож. о нак., изд. 1857 г.).

3) Щедринъ далъ этимъ типичнымъ панегиристамъ всякаго status quo ѣдкую характеристику, которая приложима и къ нашимъ современнымъ криминалистамъ. Когда я былъ въ школѣ, пишетъ Салтыковъ, то въ нашемъ уголовномъ законодательствѣ еще весьма часто упоминалось слово: «кнутъ». Профессоръ уголовнаго права такъ или иначе долженъ былъ встрѣтиться съ нимъ на каѳедрѣ. И что же! выискался профессоръ, который не только не проглотилъ этого слова, не только не подавился имъ въ виду десятковъ юношей, внимавшихъ ему, не только не выразился хоть—такъ: какъ дескать ни печально такое орудіе, но при извѣстныхъ формахъ общежитія представляется затруднительнымъ обойти его, а прямо и внятно повѣствовалъ, что кнутъ есть одна изъ формъ, въ которыхъ идея правды и справедливости находитъ себѣ наиболѣе приличное осуществленіе. Мало того, онъ утверждалъ, что самая злая вина преступника требуетъ себя воздаянія именно въ видѣ кнута. Но прошли времена, и кнутъ былъ замѣненъ трехвостною плетью. Насъ, школяровъ,

ныхъ братьевъ-криминалистовъ, сводилась, по одной мѣткой характеристикѣ къ слѣдующему. Еще кнутъ замѣчаетъ нашъ маститый ученый Д. А. Ровинскій [4]) мало-по-малу сокращался въ числѣ ударовъ, а впослѣдствіе и вовсе размѣненъ на плети, которыя въ свою очередь сперва приведены въ систему, потомъ усовершенствованы и отрехвощены [5]) и наконецъ со спины спущены на болѣе мягкія части, а шпицрутены, это дьявольское изобрѣтеніе бездушнаго нѣмца, не только оставались, и послѣ человѣчнаго указа 1801 г., но еще прославились изобрѣтеніемъ новой «Аракчеевской манеры» (см. ниже).

По уложенію 1857 г. тѣлесное наказаніе составляло необхо-

интересовало, прольетъ ли слезу буквоѣдъ на могилѣ кнута или воткнетъ осиновый колъ. Оказалось, что онъ воткнулъ осиновый колъ. Цѣлую лекцію онъ сквернословилъ передъ нами, говоря, какъ скорбѣла идея высшей правды, когда она осуществлялось въ формѣ кнута и какъ она ликуетъ теперь, когда, съ изволенія вышняго начальства, ей предоставлено осуществляться въ формѣ трехвостной плети, съ соотвѣтствующимъ угобженіемъ. Онъ говорилъ — и его не тошнило, а мы слушали, и насъ то же не тошнило!.. Я не знаю, продолжаетъ Салтыковъ, какъ потомъ справился этотъ профессоръ, когда тѣлесныя наказанія были вовсе отмѣнены, но думаю, что онъ и тутъ вышелъ сухъ изъ воды. Кто же однако броситъ въ него камень за выказанную имъ научную сановистость? Развѣ отъ него требовалось, чтобы онъ стоялъ на дорогѣ съ свѣточемъ въ рукахъ? Нѣтъ, отъ него требовалось одно: чтобы *онъ подъискалъ обстановку для истины, уже отвержденной и оффиціально признанной такою* (Сочиненія М. Е. Салтыкова, т. VI, 41).

[4]) См. Русскія Народныя Картины д. Ровинскаго СПб. 1881 V. 322—323.

[5]) Хвостъ *кнута* состоялъ изъ бѣлаго сыромятнаго ремня, длиною въ 13 вершковъ, шириною $^6/_8$ вершковъ. Онъ былъ твердъ какъ кость и загнутъ съ обѣихъ сторонъ въ видѣ желобка. При ударахъ острые края должны были приходиться къ спинѣ наказываемаго. — Сила ударовъ была такова, что онъ пробивалъ мясо почти до костей. Послѣ нѣсколькихъ ударовъ мѣняли кнутъ, такъ какъ ремень размягчался отъ крови. Въ часъ давали не болѣе 20 ударовъ, такъ что торговая казнь иногда длилась отъ восхода до захода солнца. Мѣстомъ наказанія въ Москвѣ была сначала Красная, потомъ конная площадь (см. н. с. Сергѣевскаго, стр. 149—164).

— Плетиво *плети* состояло изъ столбца 6 вершковъ длиною, съ тремя хвостами, въ 1 аршинъ и 4 вершка длиною. Хвосты оканчивались узлами. Столбецъ и хвосты сдѣланы были изъ цѣльныхъ ремешковъ, нарѣзанныхъ изъ куска толстой кожи (см. тамъ-же, стр. 170—171).

димый ингредіентъ всякаго уголовнаго наказанія, начиная отъ тяжкаго уголовнаго и кончая легкимъ исправительнымъ. При ссылкѣ въ каторжную работу назначалось публичное наказаніе отъ 30 до 100 ударовъ плетьми чрезъ палачей. Вслѣдъ за этимъ производилось клейменіе т. е. наложеніе штемпельныхъ знаковъ или *клейма*, т. е. поставленіе «такъ же публично и чрезъ палача опредѣленнымъ для того способомъ», какъ выражается ст. 160 Улож., на лбу и щекахъ трехъ буквъ: К., А., Т. (т. е. «каторжный»), съ принятіемъ мѣръ, какъ гласитъ ст. 544 т. XV ч. 2, «указанныхъ для предупрежденія вытравленія наложенныхъ знаковъ». Публичное наказаніе плетьми назначалось и при ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе. При отдачѣ въ арестантскія роты назначалось отъ 50 до 100 ударовъ розгами чрезъ полицейскихъ служителей. Розгами же замѣнялось и кратковременное тюремное заключеніе и арестъ.

Кромѣ того для ссыльно-каторжныхъ и военно-служащихъ существовали по Своду Законовъ особыя жестокія наказанія *шпицрутенами* или прогнаніе сквозь строй. Число ударовъ шпицрутенами достигало ужасающей цифры 5000—6000; это наказаніе сопровождалось для каторжныхъ *приковываніемъ* къ телѣжкѣ на время отъ одного года до трехъ лѣтъ.

Нельзя сказать, чтобы жестокія наказанія, унаслѣдованныя отъ XVII—XVIII вв., не встрѣчали протеста со стороны болѣе развитой части общества. Царственная ученица Беккаріи, Вольтера Монтескье писала еще въ 1767 году въ своемъ знаменитомъ Наказѣ: «Искусство (т. е. опытъ—*l'expérience*) научаетъ насъ, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ кроткія наказанія, сердце гражданъ онымъ столько же поражается, какъ въ другихъ мѣстахъ жестокими. Сдѣлался вредъ ли въ государствѣ чувствительный отъ какого непорядка,—продолжаетъ Наказъ,—насильное правленіе хочетъ внезапно исправить, и въ мѣсто того, чтобы думать и стараться о исполненіи древнихъ законовъ, установляетъ жестокое наказаніе, которымъ зло вдругъ прекращается. Воображеніе въ людяхъ дѣйствуетъ при семъ великомъ наказаніи такъ же, какъ бы оно дѣйствовало и при маломъ; и какъ уменьшится въ народѣ страхъ сего наказанія, то нужно уже будетъ установити во всѣхъ случаяхъ другое» (§§ 86, 87). Упомянувши съ

«ужасомъ и съ внутри содраганіемъ чувствительнаго сердца при зрѣлищѣ тысячъ безщастныхъ людей, которые претерпѣли сколько варварскихъ и безполезныхъ мученій, выисканныхъ и въ дѣйство произведенныхъ, безъ малѣйшаго совѣсти зазора, людьми, давшими себѣ имя премудрыхъ», гуманный авторъ Наказа заключаетъ: «страны и времена, въ которыхъ казни были самыя лютѣйшія въ употребленіи, суть тѣ, въ которыхъ содѣлывалися беззаконія самыя безчеловѣчныя» (§ 206).

Но, къ сожалѣнію, эти гуманныя идеи оставались въ области литературныхъ упражненій [6]), и при самой державной почитательницѣ Беккаріи не только господствовалъ кнутъ, но и бывали случаи самыхъ жестокихъ видовъ смертной казни въ видѣ колесованія и червертованія (примѣч. къ ст. 16, Зак. Уголов., изд. 1842 г.).

Даже внукъ ея, ученикъ Лагарпа, Александръ, отмѣнивъ, конечно, въ теоріи только, пытки, вырываніе ноздрей и тѣлесное наказаніе для духовенства, оставилъ въ неприкосновенности тотъ же ужасный кнутъ, нѣсколькими ударами коего, по отзыву графа Мордвинова, опытный палачъ могъ засѣчь до смерти сильнаго мужчину [7]), а Аракчеевъ даже изобрѣлъ особую манеру битья шпицрутенами, названную въ честь изобрѣтателя «аракчеевскою»? Съ этой манерой «проводка сквозь строй, въ гарнизонѣ», свыше 500 ударовъ, часто равнялась смертному приговору; въ Москвѣ, напримѣръ, въ пятидесятыхъ годахъ «гарнизонные» гоняли сквозь строй мѣщанина Васильева, который былъ судимъ военнымъ судомъ (по особому повелѣнію): ему дали всего 400 ударовъ, и онъ умеръ на третьи сутки.

А что сказать о шпицрутенахъ „*сквозь тысячу двѣнадцать*

---

[6]) «До такихъ громкихъ фразъ, не всегда соотвѣтствовавшихъ дѣлу, была особенная любительница, либеральная императрица Екатерина, замѣчаетъ нашъ знаменитый ученый Д. А. Ровинскій, (см. его Русскія народныя картинки, т. V, Спб. 1881, стр. 321).—Подъ конецъ царствованія она признавала достойными висѣлицы московскихъ масоновъ. См. ст. проф. Тихонравова въ Сборникѣ „Помощь голодающимъ“ стр. 543.

[7]) Были «виртуозы» палачи, которые *одинаковымъ*, повидимому, ударомъ кнута могли чуть прикоснуться къ листу бумаги или переломить спинной хребетъ осужденному и разрубить толстую доску. Все зависѣло отъ пощады или жалости палача.

разъ, безъ медика". Надо видѣть однажды эту ужасную пытку, чтобы никогда не забыть ея, говоритъ г. Ровинскій и затѣмъ описываетъ слѣдующую ужасающую сцену прогнанія сквозь строй, какъ-будто выхваченную изъ Дантова Ада.—«Выстраивается тысяча бравыхъ русскихъ солдатъ въ двѣ шпалеры, лицемъ къ лицу, каждому дается въ руку хлыстъ шпицрутенъ,—живая «зеленая улица», только безъ листьевъ, весело движется и помахиваетъ въ воздухѣ. Выводятъ преступника, обнаженнаго до пояса и привязаннаго за руки къ двумъ ружейнымъ прикладамъ, впереди двое солдатъ, которые позволяютъ ему подвигаться впередъ только медленно, такъ чтобы каждый шпицрутенъ имѣлъ время оставить слѣдъ свой на «солдатской шкурѣ»; сзади вывозится на дровняхъ гробъ. Приговоръ прочтенъ, раздается зловѣщая трескотня барабановъ, разъ, два... и пошла хлестать зеленая улица, справа и слѣва. Въ нѣсколько минутъ солдатское тѣло покрывается, сзади и спереди, широкими рубцами, краснѣетъ, багровѣетъ, летятъ кровяныя брызги... «Братцы, пощадите!»... прорывается сквозь глухую трескотню барабана, но вѣдь щадить значитъ самому тутъ же быть пороту,— и еще усерднѣе хлещетъ березовая улица. Скоро бока и спина представляютъ одну сплошную рану, мѣстами кожа сваливается клочьями,— и медленно движется на прикладахъ живой мертвецъ, обвѣшанный мясными лоскутьями, безумно выкативъ оловянные глаза свои... Вотъ онъ свалился, а бить осталось еще много,—живой трупъ кладутъ на дроги и снова возятъ, взадъ и впередъ, промежъ шпалеръ, съ которыхъ сыплются удары шпицрутеновъ, и рубятъ кровавую кашу. Смолкли стоны, слышно только какое-то шлепанье, точно кто по грязи палкой шалитъ, да трещатъ зловѣщіе барабаны».

Эту леденящую душу картину г. Ровинскій заканчиваетъ такъ: съ полнымъ спокойствіемъ можемъ мы смотрѣть на это кровавое время, ушедшее отъ насъ безвозвратно и говорить о жестокихъ пыткахъ, и о татарскомъ кнутѣ, и о нѣмецкихъ шпицрутенахъ: народу данъ *судъ присяжныхъ*, при которомъ слѣдователю не зачѣмъ *добиваться* (курс. подлин.) отъ обвиняемаго «*чистосердечнаго признанія*» (кавычки и курсивъ подлинника)—сознавайся, не сознавайся, а если виноватъ предъ обществомъ, обви-

нень всетаки будешь, а затѣмъ нѣтъ надобности прибѣгать ни къ пыткамъ, ни къ пристрастнымъ допросамъ. Отмѣненъ кнутъ, уничтожены шпицрутены, несмотря на вопли «кнутофиловъ» 1863 г., вопившихъ какъ и кнутофилы 1767 г. о невозможности защититься отъ злодѣевъ безъ кнута (см. н. с. Ровинскаго, т. V, стр. 324).

Отмѣненъ кнутъ, но какъ мучительно долго пришлось ждать этой побѣды гуманности!

Столь продолжительное и безраздѣльное господство жесточайшихъ тѣлесныхъ наказаній, вопреки желанію гуманнѣйшихъ и сильнѣйшихъ монарховъ, объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что въ основѣ всего нашего стараго государственнаго и общественнаго строя лежало крѣпостное право, сохраненіе и охраненіе котораго только и можно было при помощи жесточайшихъ наказаній.

Любовь къ отечеству, стыдъ и страхъ поношенія, писала Екатерина въ своемъ Наказѣ,—суть средства укротительныя и могущія воздержать множество преступленій. И если гдѣ сыщется,—продолжала она,—такая область, въ которой бы стыдъ не былъ слѣдствіемъ казни, то сему причиною мучительное владѣніе (въ подлинникѣ *tyrannia*), которое налагало тѣ же наказанія на людей беззаконныхъ и добродѣтельныхъ. Такою областью и была до 1861 г. Россія съ ея ста тысячами полицеймейстровъ-помѣщиковъ, по мановенію коихъ подвластные имъ крѣпостные могли подвергаться тяжкимъ наказаніямъ, начиная отъ ссылки въ Сибирь и кончая жесточайшими тѣлесными наказаніями. При такомъ режимѣ, лишенномъ всякой нравственной опоры, основанномъ исключительно на страхѣ передъ физическою болью, тѣлесныя наказанія были естественны. Страхъ и испугъ были основою крѣпостнаго права. Кто могъ пугать больше,—говоритъ Шелгуновъ, характеризуя крѣпостное время,—тотъ и былъ больше; кто могъ пугать меньше, тотъ и былъ меньше (*Русск. Мысль*, 1880 г., № 9, стр. 80). Сознаніе о человѣческомъ достоинствѣ отсутствовало вполнѣ до преобразовательной эпохи.

Благодаря могучему гуманному движенію 60-хъ годовъ, коего ближайшимъ послѣдствіемъ было упраздненіе крѣпостнаго права, возвысилось и уваженіе къ достоинству человѣка и стали

устанавливаться болѣе человѣчные взгляды на людей и вещи. Въ незабвенномъ манифестѣ 19-го февраля отмѣна крѣпостной зависимости мотировалась «уваженіемъ къ достоинству человѣка и христіанскою любовью къ ближнимъ». Это широкое гуманное теченіе, столь торжественно выразившееся въ освобожденіи крестьянъ, сказалось на всѣхъ отрасляхъ общественной жизни и разнородныхъ отношеній человѣка къ человѣку и даже человѣка къ животнымъ.

Тутъ нѣтъ ни малѣйшаго преувеличенія. Это непреложный историческій фактъ, который можно точно доказать. Укажу на одинъ примѣръ. До 1861 г. не разъ возбуждался вопросъ о назначеніи наказанія за жестокое обращеніе съ животными; но всякій разъ выставлялось въ нашихъ законодательныхъ сферахъ противъ этого предположенія то соображеніе, что при существованіи тѣлесныхъ наказаній невозможно преслѣдовать за жестокое обращеніе съ животными. Только послѣ 1861 г., благодаря гуманнымъ вѣяніямъ 60-хъ годовъ, вмѣстѣ съ вопросомъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній сталъ на очередь и вопросъ о наказаніи за жестокое обращеніе съ животными [8]).

Послѣ провозглашенія въ 1861 г. уваженія къ личному достоинству человѣка и правъ свободной личности, стало уже очевидно чѣмъ-то безчеловѣчнымъ публичное, или тайное, жестокое истязаніе, чинимое во имя закона или обычая (какъ напр. пытка) [9])

---

8) См. объясненіе подъ ст. 43 уст. о нак. нал. мир. суд.

9) Пытка юридически была уничтожена указомъ 27-го сентября 1801 г., «дабы самое названіе пытки, стыдъ и укоризну человѣчеству наносящее изглажено было навсегда изъ памяти народной». Но на дѣлѣ пытки существовали до самаго конца крѣпостнаго права. Помѣщики пытали людей своихъ и дѣвокъ надѣвая имъ на шею желѣзныя рогатки, приковывая тяжелыми цѣпями къ стѣнѣ и засѣкая плетьми и розгами.— По удостовѣренію бывшаго московскаго губернскаго прокурора (нынѣ сенатора) Д. А. Равинскаго еще въ пятидесятыхъ годахъ у московскихъ слѣдователей пытка, въ видѣ кормленья соленымъ сельдемъ, была явленіемъ обыкновеннымъ.— Въ 50-хъ гг. въ Москвѣ въ городскомъ частномъ домѣ существовалъ «клоповникъ», а при Басманномъ частномъ домѣ – знаменитыя „могилы“(совершенно темные подвалы подъ зданіемъ частнаго дома), куда сажали несознававшихся обвиняемыхъ. Почетный гражданинъ Соповъ, выйдя изъ такой могилы на свѣтъ Божій, совершенно *ослѣпъ* (см. Народ. картины Д. Ровинскаго т. V, стр. 321, 322, 327).

надъ личностью преступника безъ различія пола. Точно завѣса спала съ глазъ, и если не всѣ, то передовая часть общества поняла всю жестокость [10]) и даже нецѣлесообразность наказаній, унаслѣдованныхъ отъ варварскихъ временъ. Стонъ и вопли, стоявшіе въ теченіе вѣковъ отъ свиста потрясающихъ душу шпицрутеновъ, плетей и розогъ повсемѣстно, начиная отъ дѣтской и учебныхъ заведеній и кончая помѣщичьими конюшнями-казармами и городскими площадями, и рѣдко кого смущавшіе въ теченіе вѣковъ, вдругъ предстали послѣ 1861 г. во всемъ своемъ безчеловѣчномъ ужасѣ [11]) и дикомъ безобразіи.

---

[10]) Гуманныя вѣянія 60-хъ годовъ имѣли послѣдствіемъ не только отмѣну жестокихъ тѣлесныхъ наказаній, но и общее смягченіе всѣхъ наказаній. Приведу одинъ примѣръ, заимствуя его у г. Ровинскаго.— По Уложенію (изд. 1857 г.) порубка лѣса на самую незначительную сумму наказывалась лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и т. д.—По Положенію же 19 февраля 1861 г. за порубку назначенъ штрафъ maximum до 5 руб. (см. Записку Ровинскаго въ т. XVI Дѣла о преобразов. судебн. ч. въ Россіи).

[11]) Говоря о времени господства кнута, г. Ровинскій пишетъ: не однихъ только ребятъ въ школѣ били—господа потчивали свою крѣпостную прислугу «березовой лапшей съ ременнымъ масломъ», мужья били своихъ женъ для дѣтей, а дѣтей били «для людей», мастера били учениковъ, хозяева—рабочихъ, сѣкли дворянъ, сѣкли фрейлинъ, били придворныхъ и все это по правилу, что за битаго двухъ небитыхъ даютъ, такъ-что при этомъ повальномъ битьѣ въ родномъ языкѣ нашемъ выработалось особое свойство, по которому изъ каждаго существительнаго *боевой* глаголъ можно сдѣлать. (—Ужья-те *отстаканю*, говоритъ половой мальчику, уронившему стаканъ.—*Наговорите-ка* Антошкѣ спину, говоритъ артельный староста. Нутка *припонтійстимъ-ка* (отъ Понтійскаго Пилата!!) его, братцы, кричитъ артель на Волгѣ).

Въ старину *учить и бить значило одно и то же.*

Давно уже отмѣнено тѣлесное наказаніе, говоритъ г. Ровинскій, а боевой глаголъ все еще остался и не скоро, должно быть, выведется. Насъ тоже били говоритъ иной, потому мы и въ люди вышли; какое безъ битья ученье, безъ него ни отъ малаго, ни отъ стараго настоящаго толку *не добьешься*. Ну, какъ не проучить разсѣяннаго ученика, не задавъ ему хорошей встрепки, головомойки или подзатыльника, не вспрыснувъ лѣниваго, не отхлеставъ или не отстегавъ за испорченную вещь; воришкѣ надо выколотить охоту воровать уже болѣе дѣйствительными мѣрами: высѣчь, отпороть, отодрать,—въ военномъ быту и крѣпостномъ за такую провинность „шкуру съ него до головы сдирали“. Въ домашнемъ быту тоже долго

Когда извѣстная мысль настолько созрѣла въ общественномъ сознаніи, то за иниціативою къ ея исполненію дѣло не станетъ. Она и не заставила себя долго ждать.

II.

19-го февраля 1861 г. была провозглашена, во имя достоинства человѣка, личность его свободною, и не прошло послѣ этого и мѣсяца, какъ въ мартѣ 1861 г. появляется проектъ или записка объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія. Она принадлежала извѣстному государственному человѣку (впослѣдствіи послу въ Парижѣ), генералъ-адъютанту кн. Н. А. Орлову († 17 марта 1885 г.).

Записка эта и дальнѣйшая судьба ея заслуживаетъ полнаго вниманія. Вотъ что писалъ кн. Орловъ въ своей запискѣ, давшей толчекъ одной изъ величайшихъ реформъ прошлаго царствованія [12]).

«Въ большой части европейскихъ государствъ, — говоритъ онъ,—тѣлесныя наказанія совершенно уничтожены; въ Россіи же и Польшѣ онѣ служатъ основаніемъ всей исправительной и карательной системы. Между тѣмъ тѣлесныя наказанія противны *христіанству*, *нравственности и общественности*. Законъ ми-

---

разговаривать нечего, за дѣло такъ и поучить надо: за святые волосы, да за бороду, за виски, да въ ухо, да въ усъ, да въ рыло, да бока ощупать. Ну, а незваннаго гостя какъ тычкомъ не выпроводить,—какъ не накласть ему киселю, да не накостылить шею,—и на западѣ такого человѣка въ шею выгонятъ, а по нашему, по русски: если ужъ гнать, такъ его въ *три шеи*. Въ духовномъ вѣдомствѣ, кромѣ общеупотребительныхъ боевыхъ терминовъ, есть еще свои спеціальные: благословить, вздрючить, припшандорить и взъерлантулить. (См. н. с. Ровинскаго. V, 57, 58) —Въ бурсѣ встрѣчались еще выраженія: — взбутетенить, взъерепенить, застребушить.

Въ т. VI н. с. Ровинскаго (стр. 335, 336) приводятся старинныя вирши, изъ букварей. XVII. „Похвала розгѣ“, начинающія такъ:

Розгою Духъ Святый дѣтище бити велитъ.
Розга убо мало здравію вредитъ.

Тамъ же приводятся любопытные стихи извѣстнаго вора Ваньки Каина о томъ, какъ его безпрестанно пороли въ школѣ (337).

[12]) См. «Исторію тѣлесныхъ наказаній въ Россіи» М. Ступина.

лосердія и кротости безусловно осуждаетъ всякія насилія и истязанія. Тѣлесныя кары безнравственны, такъ какъ онѣ порождаютъ грубость нравовъ и мѣшаютъ правильному развитію человѣческой личности; онѣ противны общественности, такъ какъ сословія, подверженныя побоямъ, съ опасеніемъ и недовѣрчивостью относятся къ остальнымъ. Для русскаго общества существованіе тѣлесныхъ наказаній даже опасно; просвѣщеніе проникло во всѣ слои общества, и недалеко то время, когда эти наказанія будутъ приводить къ открытому сопротивленію или самоубійству. Еще менѣе сообразно существованіе тѣлесныхъ каръ послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостой зависимости, потому что свобода и право собственности только тогда дѣйствительны, когда обладающій ими вполнѣ огражденъ въ своей чести и личномъ достоинствѣ. Тѣмъ менѣе умѣстны тѣлесныя казазанія въ Польшѣ, долгое время управлявшейся законами, вполнѣ сообразными съ требованіями человѣчества (гуманности) и юридической правды».

Для разсмотрѣнія записки кн. Орлова былъ учрежденъ въ апрѣлѣ 1861 г. особый комитетъ при II отдѣленіи Е. И. В. канцеляріи. Прежде чѣмъ высказать свое сужденіе, комитетъ обратился съ запросомъ къ вѣдомствамъ, наиболѣе заинтересованнымъ въ сохраненіи устрашающихъ тѣлесныхъ наказаній— къ военному и морскому. Вопреки опасеніямъ, военный министръ Сухозанетъ въ принципѣ высказался за отмѣну шпицрутеновъ и только стоялъ за сохраненіе въ интересахъ дисциплины розогъ. Генералъ же адмиралъ великій князь Константинъ Николаевичъ выразилъ полное сочувствіе запискѣ князя Орлова и полагалъ, что хотя отмѣна плетей и розогъ и желательна въ гражданскомъ вѣдомствѣ, все же, если бы таковая замедлилась, не усматривается достаточнаго основанія отлагать эту мѣру относительно военно-морскаго вѣдомства.

Послѣ этого комитетъ призналъ возможнымъ согласиться съ основною мыслью о своевременности отмѣны тѣлесныхъ наказаній, такъ какъ онѣ не соотвѣтствуютъ *ни духу времени*, *ни достоинству человѣка*, *ожесточаютъ* нравы, весьма часто губительно дѣйствуетъ на здоровье и, находясь въ зависимости отъ силы и произвола палача и тѣлосложенія наказуемаго, лишены

равномѣрности, т. е. одного изъ главныхъ условій каръ. «Единственное назначеніе тяжкихъ тѣлесныхъ наказаній,—разсуждалъ комитетъ,—устрашеніе другихъ на дѣлѣ, вовсе не достигается. Изъ отзывовъ главныхъ начальниковъ губерній видно, что жестокое публичное наказаніе вызываетъ въ народѣ лишь чувство жалости къ преступнику — изъ толпы бросаютъ на эшафотъ деньги и нерѣдко стараются подкупить палача, чтобы облегчить участь преступника. Кромѣ того, въ послѣднее время *невозможно было найти* желающихъ идти *въ палачи*, несмотря на то, что преступники, изъявившіе на это согласіе, освобождаются отъ всякаго наказанія». Въ отзывахъ главные начальники губерній, между прочимъ, указывали на слѣдующій фактъ. При наказаніи женщинъ случалось даже, что лица, совершенно незнакомыя съ преступницами (вѣроятно изъ дворянъ или другихъ лицъ, изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія?), приходили въ земскій судъ просить въ замужество, предполагая тѣмъ избавить ихъ отъ наказанія плетьми. Возражая тѣмъ, которые опасались, что общественное зданіе можетъ пошатнуться, а то и рухнуть вслѣдствіе отмѣны варварскихъ наказаній, комитетъ отвѣчаетъ указаніемъ на общественный фактъ, что съ отмѣною жестокихъ наказаній въ разныхъ государствахъ не увеличивалось, а уменьшалось число преступленій. Такъ, въ Россіи послѣ отмѣны наказанія кнутомъ число преступленій по оффиціальнымъ даннымъ *уменьшилось* въ три года на 20%.

По Высочайшему повелѣнію, въ видахъ разъясненія дѣла, потребованы были отзывы отъ разныхъ вѣдомствъ.

Изъ восемнадцати мнѣній, поступившихъ въ комитетъ, 12 было въ пользу отмѣны и 6 въ пользу сохраненія тѣлесныхъ наказаній. Приведемъ наиболѣе характерные изъ нихъ. «Положеніе человѣка, совершившаго преступленіе, писалъ министръ внутреннихъ дѣлъ, ст.-секр. Валуевъ, есть положеніе ненормальное, только не въ физическомъ, а въ нравственномъ смыслѣ, а потому и приведеніе такого человѣка въ нормальное состояніе, т. е. *исправленіе* преступника, должно быть не физическое, а нравственное. Здѣсь полезнѣе всего умѣть заставить преступника почувствовать всю гнусность и вредъ преступленія, вызвать въ немъ сожалѣніе о потерянныхъ чрезъ преступ-

леніе преимуществахъ въ жизни человѣка честнаго, а вмѣстѣ и раскаяніе въ совершенномъ преступленіи. Тѣлесныя же наказанія скорѣе ожесточаютъ, чѣмъ исправляютъ».

Рѣшительнымъ сторонникомъ сохраненія шпицрутеновъ, плетей и клейменія выступилъ министръ юстиціи, извѣстный магнатъ-мизантропъ гр. В. Н. Панинъ. Признавая предложеніе комитета несогласнымъ *съ историческимъ* [13]) развитіемъ русскаго законодательства, гр. Панинъ считалъ «при настоящемъ положеніи народнаго развитія тѣлесныя наказанія для тѣхъ, на кого дѣйствіе ихъ распростанено, *наиболѣе вразумительными* и слѣдовательно наиболѣе годными для *устрашенія* другихъ и для предотвращенія преступленій» [14]). Гр. Панинъ возсталъ даже противъ освобожденія женщинъ отъ тѣлесныхъ наказаній, мотивированнаго комитетомъ уваженіемъ къ стыдливости, свойственной ихъ полу. Министръ юстиціи указывалъ, что «женщины часто совершаютъ преступленія, обнаруживающія въ нихъ присутствіе большей *развращенности*, чѣмъ въ мужчинахъ, а полъ и сословіе возвышаютъ не освобожденіе отъ наказанія, а *несовершеніе преступленія*» [15]). Изъ этой посылки логически вытекало заключеніе, что въ такомъ случаѣ и дворянское сословіе не должно быть освобождено отъ тѣлеснаго наказанія, но такъ

---

13) Такіе консерваторы, замѣчаетъ г. Ровинскій, порицавшіе всякое нововведеніе и похвалявшіе все старое изъ болѣзненнаго опасенія за нажитыя выгоды, извѣстны не только у насъ, но и у всѣхъ другихъ народовъ, чуть ли не съ сотворенія міра (примѣч. 275, стр. 325 н. с. Ровинскаго, V) см. также примѣч. 36 главы II.

14) По поводу о попозиціи консерваторовъ противъ отмѣны тѣлесныхъ наказаній сенаторъ Д. А. Ровинскій дѣлаетъ слѣдующее любопытное сопоставленіе: кнутофилы 1863 г., точно также, какъ и собраты ихъ въ 1767 г. вопили нестройнымъ голосомъ прежнюю пѣснь,—что и теперь-де никто, ложась спать вечеромъ, не можетъ поручиться, живъ-ли встанетъ поутру и что ни дома, ни въ постели не будетъ безопасности отъ злодѣевъ».—Миръ и тишина остались въ домѣ говорить онъ и въ постели, спать даже *стали больше и крѣпче прежняго* (стр. 324 н. с. Ровинскаго п. V).

15) Вѣдь только человѣкъ, испорченный до мозга костей, замѣчаетъ г. Ровинскій видитъ въ каждомъ провинившемся опаснаго преступника и придумываетъ для него такія *исправительныя* мѣры, которыя не лучше смертной казни (см. н. с. Ровинскаго V, 329).

далеко не простиралъ гр. Паниинъ, смотрѣвшій съ гадливою пренебреженностью на все profanum vulgus (см. гл. I) требованіе послѣдовательной логики. Государственный контролеръ, указывая на уничтоженіе помѣщичьей власти и на политическія смуты, полагалъ, «что заявленіе (даже одно только заявленіе!) намѣренія измѣнить существующую систему наказаній опасно и вредно, потому что возбужденные имъ толки могутъ еще болѣе *ослабить страхъ наказанія*, еще сильнѣе поколебать власть и безъ того уже ослабленную, и могутъ совершенно ее парализовать» [16]).

Генералъ-адмиралъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ высказалъ слѣдующее заключеніе: «тѣлесныя наказанія составляютъ такое въ государствѣ зло, которое оставляетъ въ народѣ вредоносныя послѣдствія, дѣйствуя разрушительно на народную нравственность и возбуждая массу населенія противъ установленныхъ властей, что такія наказанія могутъ быть терпимы въ государствѣ лишь въ самыхъ необходимыхъ случаяхъ».

Со стороны вѣдомства православнаго исповѣданія поступила особая записка подъ заглавіемъ «О тѣлесныхъ наказаніяхъ съ христіанской точки зрѣнія». Записка эта была составлена высокопреосвященнымъ Филаретомъ, митрополитомъ московскимъ, по приглашенію оберъ-прокурора святѣйшаго синода, гр. А. П. Толстаго, который, указывая на то, что «въ основаніе предполагаемыхъ мѣръ приводятся соображенія, почерпнутыя будто бы изъ христіанскаго ученія, считалъ весьма важнымъ разсмотрѣть со строгостью сіи соображенія, подносимыя на Высочайшее разсмотрѣніе, дабы обсудить, согласны ли они съ ученіемъ православной церкви и не заключается ли въ нихъ какихъ-либо произвольныхъ выводовъ». Съ своей стороны графъ Толстой до-

---

16) Нашимъ квутофиламъ померещилось, пишетъ Д. А. Ровинскій, что де всякая дисциплина съ уничтоженіемъ шпицрутеновъ рушится. Всуе смятошася и вотще прорѣкаша, говоритъ онъ, дисциплина не пострадала, и въ доказательство приводитъ онъ отзывъ враждебной Россіи англійской журналистики, отзывавшейся съ величайшею похвалою о поведеніи русскихъ солдатъ въ послѣднюю восточную войну (см. н. с. Ровинскаго т. V, стр. 325, прим. 276).

бавлялъ, что хотя существо вопроса и не касается до духовнаго вѣдомства, но «трудно, кажется, согласиться съ мыслями, будто для предупрежденія конечной порчи народной нравственности и для обезпеченія порядка въ государствѣ необходимо отмѣнить тѣлесныя наказанія; будто они ослабляютъ силу военной дисциплины, подрывая живую связь между офицерами и нижними чинами и поселяя въ нихъ чувства взаимнаго неуваженія и нерасположенія» [17]).

Въ запискѣ своей митрополитъ Филаретъ высказалъ слѣдующія соображенія, которыя приводимъ слово въ слово:

„I. Попеченіе о устройствѣ таковой системы наказаній, которая была бы направлена къ цѣли — исправлять виновныхъ и противодѣйствовать поползновеніямъ къ проступкамъ и преступленіямъ и которая бы съ тѣмъ вмѣстѣ умягчала правосудіе кротостію, коснувшись предѣловъ духовнаго вѣдомства, породило вопросъ, какое можетъ быть правильное воззрѣніе на тѣлесныя наказанія со стороны христіанства? II. При разсмотрѣніи сего вопроса прежде всего надобно имѣть въ виду, что Христосъ Спаситель созидалъ церковь, а не государство. Силою внутренняго благодатнаго закона онъ благоустрояетъ внутреннюю и внѣшнюю жизнь человѣка. Государство старается силою внѣшняго закона поставить въ порядокъ и охранить въ порядкѣ частную жизнь человѣка и общественную жизнь государства. III. И посему государство не всегда можетъ слѣдовать высокимъ правиламъ христіанства, а имѣетъ свои правила, не становясь чрезъ то недостойнымъ христіанства. Напримѣръ: христіанство говоритъ: хотящему судитися съ тобою и (посредствомъ неправды въ судѣ) ризу твою взяти, отпусти ему и срачицу (Мат. V 40). Но государство не можетъ сказать ограбленному: отдай грабителю и то, что еще не отнято у тебя. Съ такимъ правиломъ не могло бы устоять государство, въ которомъ есть и добрые и злые. Оно, по необходимости говоритъ ограбленному—иди въ судъ; по суду грабитель (хитрый или наглый) долженъ возвратить отнятое и быть обличенъ или наказанъ. IV. Вотъ изреченіе Христа Спасителя, касающееся наказаній, опредѣленныхъ въ законѣ Моисеевомъ: слышасте, яко речено бысть око за око и зубъ за зубъ. Азъ же глаголю вамъ: непротивитися злу (Мат. V 38, 39), то есть по закону Моисееву выколовшій у другаго глазъ долженъ быть наказанъ выколотіемъ глаза, выбившій зубъ выбитіемъ зуба: но вы непротивоборствуйте дѣлающему вамъ зло, не воздавайте обидою за обиду, терпите великодушно, предоставляйте Богу отмщеніе. И вотъ опять правило, которому не можетъ слѣдовать законодательство государственное.

---

17) См. Собраніе Мнѣній и Отзывовъ Филарета т. V. М. 1877 стр. 128.

Спаситель не кодексъ уголовный исправляетъ; не о томъ говоритъ, чтобы измѣнить родъ и степень наказанія; онъ преподаетъ духовный законъ: терпѣть и не домогаться наказанія за обиду. V. И такъ вопросъ: о употребленіи или неупотребленіи тѣлеснаго наказанія въ государствѣ стоитъ въ сторонѣ отъ христіанства. Если государство можетъ отказаться отъ сего рода наказанія, находя достаточнымъ болѣе кроткіе роды онаго: христіанство одобритъ сію кротость. Если государство найдетъ неизбѣжнымъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ употребить тѣлесное наказаніе: *христіанство не осудитъ сей строгости*, только бы наказаніе было справедливо и нечрезмѣрно. VI. Нѣкоторые полагаютъ, что тѣлесныя наказанія дѣйствуютъ разрушительно на народную нравственность. Нельзя думать, чтобы Господь Богъ, чрезъ Моисея, узаконилъ тѣлесное наказаніе виновному: числомъ четыре—десять ранъ да наложатъ ему (Втор. XXV, 3) съ тѣмъ, чтобы это разрушительно дѣйствовало на нравственность еврейскаго народа. VII. Полагаютъ, что тѣлесное наказаніе поражаетъ въ наказываемомъ всякое чувство чести. Въ силѣ сего возраженія противъ тѣлесныхъ наказаній многое препятствуетъ убѣдиться. Преступникъ убилъ въ себѣ чувство чести тогда, когда рѣшался на преступленіе. Поздно щадить въ немъ сіе чувство во время наказанія. Тюремное заключеніе виновнаго менѣе ли поражаетъ въ немъ чувство, нежели тѣлесное наказаніе? Можно ли признать правильнымъ такое сужденіе, что виновный изъ подъ розогъ съ безчестіемъ, а изъ тюрьмы съ честью выходитъ? Если какое сознаніе подавляетъ виновнаго, производитъ въ немъ упадокъ духа и тѣмъ препятствуетъ ему возвыситься къ исправленію, то это сознаніе сдѣланнаго преступленія, а не понесеннаго наказанія. Имѣющіе случай обращаться съ совѣстью такихъ людей замѣчаютъ иногда, что они чувствуютъ внутреннее облегченіе, понеся унизительное наказаніе; симъ удовлетвореніемъ правосудію укрѣпляются въ надеждѣ небеснаго прощенія и побуждаются къ исправленію. Прежде, когда тѣлесныя наказанія были суровѣе, пріѣзжающіе въ Сибирь со страхомъ встрѣчались съ людьми, имѣющими клеймо на лбу и не имѣющими ноздрей; но тамошніе увѣряли, что это люди честные и достойные полнаго довѣрія. *Видно, тѣлесное наказаніе не препятствовало имъ изъ бездны преступленія возвыситься до совершенной честности.* Неизвѣстно, такъ ли теперь: можетъ быть не бывшіе подъ наказаніемъ не такой, какъ прежде, подаютъ примѣръ наказаннымъ. Надо возвратиться снова на христіанскую точку зрѣнія. Апостолы, претерпѣвъ отъ синедріона безвинно тѣлесное наказаніе, идяху радующеся отъ лица, собора, яко за имя Господа Іисуса сподобишася *безчестіе пріяти* (Дѣян. V 41). Апостолъ Павелъ пишетъ къ Коринѳянамъ: трижды палицами біенъ былъ (2 Кор. XI, 25), не думая, что тѣмъ унижаетъ себя предъ ними. И такъ, по христіанскому сужденію, тѣлесное наказаніе, само въ себѣ, не безчестно, а безчестно только преступленіе. Нѣкоторые полагали бы совсѣмъ уничтожить тѣлесныя наказанія и замѣнить ихъ тюремнымъ заключеніемъ.

Для сего, при многолюдномъ городѣ, потребовалось бы построить и содержать почти городъ тюремный. Для сего потребовались бы огромныя издержки, единовременныя и непрерывныя. Изъ какихъ суммъ? Изъ государственныхъ доходовъ. Откуда государственные доходы? Изъ налоговъ на народъ. Итакъ, чтобы облегчить истинную или мнимую тягость виновныхъ, надобно положить новую тягость на невинныхъ. На сей случай и христіанское и просто человѣческое милосердіе можетъ сказать: хорошо миловать виновныхъ, но еще нужнѣе не отягощать невинныхъ. IX. Указано въ направленіи противъ тѣлесныхъ наказаній слѣдующее изреченіе: «Святители всѣхъ вѣроисповѣданій постоянно защищали личность существа, созданнаго по образу и подобію Божію». Много указано свидѣтелей: жаль что ни одинъ не именованъ, и непоказано, хотя о нѣкоторыхъ, что именно говорятъ они. Указаны даже и не существующіе. То, что мы называемъ Святителями, въ нѣкоторыхъ исповѣданіяхъ и не признается и не существуетъ. Изъ того, что Святители защищаютъ личность существа, созданнаго по образу и по подобію Божію, нельзя вывести никакого заключенія противъ тѣлесныхъ наказаній. Защищать личность существа, созданнаго по образу Божію, не значитъ защищать личность преступника.

И что значитъ защищать личность человѣка? Не значитъ ли сдѣлать ее неприкосновенною? Но если можно сдѣлать личность виновнаго неприкосновенною для розогъ, можно ли сдѣлать личность всякаго виновнаго неприкосновенною для оковъ?

Богодухновенные писатели защищаютъ личность созданнаго по образу Божію не отъ тѣлеснаго наказанія, а отъ порока и его послѣдствій. Ты побіеши его жезломъ: душу же его избавиши отъ смерти (Прит. XXIII, 14). X. Есть мысли, блещущія нравственною красотою, такъ что въ нихъ, какъ въ солнцѣ, не вдругъ можно усмотрѣть темное пятно, хотя оно и есть. Таково слѣдующее изреченіе: «законъ милосердія и кротости безусловно осуждаетъ всякія насильства и истязанія». Прекрасно; однако если разсмотрѣть внимательно, то въ семъ блистательномъ изреченіи найдется нѣкоторое пятно, т. е. нѣчто неистинное: нельзя осудить всякое насильство безусловно. Если кто буйствуетъ неукротимо, то необходимо употребить насильство, чтобы связать его. Если надобно поймать и задержать преступника, вора, разбойника: онъ конечно не допуститъ сего добровольно, а надобно употребить насильство, чтобы его схватить и сковать.

Такимъ образомъ мысль блистательная, но не строго вѣрная, не обѣщаетъ надежныхъ заключеній въ отношеніи къ вопросу о наказаніяхъ. XI. Слышно, что недавно въ Англіи разсматриваемъ былъ вопросъ о уничтоженіи тѣлеснаго наказанія въ военномъ званіи и что тамошніе военоначальники подали голосъ сохранить оное, не опасаясь разрушить въ воинахъ чувство чести, особенно для нихъ важное, и даже

признались, что безъ сего имъ трудно было бы сохранить дисциплину въ нижнихъ военныхъ чинахъ [18]).

Но слово уже выходитъ изъ предѣловъ предложеннаго вопроса. Время молчати“ [19]).

III.

Обсудивъ поступившія мнѣнія, комитетъ II отдѣленія Е. И. В. Канцеляріи составилъ проектъ отмѣны тѣлесныхъ наказаній, не смотря на сильное противодѣйствіе консервативной партіи, которая старалась эксплоатировать въ свою пользу начавшееся въ 1863 г. политическое броженіе. Но, съ другой стороны, могучимъ и просвѣщеннымъ защитникомъ этой реформы явился только-что назначенный на постъ военнаго министра генералъ-адъютантъ (нынѣ графъ) Д. А. Милютинъ.

По обсужденіи дѣла въ государственномъ совѣтѣ подписанъ былъ въ день рожденія покойнаго Государя знаменитый указъ 17-го апрѣля 1863 г., составляющій одну изъ самыхъ свѣтлыхъ страницъ въ исторіи русскаго законодательства.

Главное содержаніе его сводится къ слѣдующему: жесточайшія наказанія — шпицрутены или прогнанье сквозь строй для военнаго вѣдомства, кошки для морскаго и плети для лицъ гражданскаго вѣдомства—отмѣняются вовсе; отмѣняется также наложеніе клеймъ и штемпельныхъ знаковъ; лица женскаго пола вовсе изъемлются отъ тѣлеснаго наказанія. Таковы главные пункты этого гуманнаго законодательнаго акта, истинные мотивы коего, вслѣдствіе необъясненнаго недоразумѣнія, попали не въ подлинный указъ правительствующему сенату, а въ приказы по военному и морскому вѣдомствамъ. Въ указѣ правительствующему сенату такая радикальная мѣра, какъ отмѣна жесточайшихъ тѣлесныхъ наказаній, мотивируется желаніемъ «*еще точнѣе (sic)* соразмѣрить кару оныхъ (наказаній) съ свойствомъ и степенью преступленія»,—фраза, ничего не разъясняющая!—Гораздо больше имѣетъ значенія мотивъ, помѣщенный

---

18) Въ этомъ пунктѣ г. Ровинскій отмѣчаетъ фактическую невѣрность справки (см. н. с. Ровинскаго V, стр. 324 прим. 277).

19) См. назв. собр. Мнѣній Филарета стр. 130—134.

въ означенныхъ выше приказахъ и мотивирующій указъ 17-го апрѣля желаніемъ Государя Императора «явить новый примѣръ отеческой заботливости о благосостояніи арміи и *возвысить нравственный духъ нижнихъ чиновъ*».

Значеніе указа 17-го апрѣля было громадно какъ для развитія нашего уголовнаго права, такъ и для огражденія нравственной личности гражданина. Если въ высшихъ своихъ ступеняхъ тѣлесныя наказанія возмущали своею безчеловѣчною жестокостью относительно истязуемаго публично преступника, который, изнемогая, долженъ былъ идти сквозь строй, или лежать на плахѣ съ изодранною, шпицрутенами и плетьми, въ клочья спиною,— то въ низшихъ своихъ ступеняхъ оно до нельзя принижало личность гражданина, который рѣшительно ничѣмъ не былъ огражденъ отъ кулачной расправы и произвольнаго наказанія розгами со стороны административныхъ властей. Отмѣняя жестокія наказанія по суду, законодатель долженъ былъ озаботиться отмѣною «административной расправы», иначе реформа оставалась бумажною, если не въ важнѣйшей своей, то въ самой обыденной части». Такъ и поступилъ законодатель. «Во избѣжаніе *своеручныхъ* расправъ, практикуемыхъ исполнительными властями», вышеупомянутый комитетъ полагалъ поручить министру внутреннихъ дѣлъ принять мѣры къ внушенію *начальствующимъ полицейскою частью*, что *собственноручные побои* будутъ подвергаться строгому преслѣдованію и наказанію. Въ видахъ обезпеченія болѣе строгаго преслѣдованія комитетъ полагалъ, что такія расправы слѣдуетъ передать на разсмотрѣніе *не начальствъ* виновныхъ, а общихъ судовъ. Къ сожалѣнію, предположенія комитета въ этой послѣдней части не осуществились.

Можно ли въ настоящее время считать отмѣну тѣлесныхъ наказаній вполнѣ осуществившеюся? И да, и нѣтъ. Не даромъ на статистическомъ конгрессѣ, бывшемъ во Флоренціи въ 1881 г., изъ двухъ представителей Россіи, предъ изумленными иностранцами, одинъ утверждалъ, что тѣлесныя наказанія отмѣнены въ Россіи, а другой—что существуютъ. Пожалуй, оба были правы. Какъ факультативная мѣра, розги еще фигурировали въ Уложеніи 1866 г. Но съ новымъ изданіемъ въ 1886 г. Уложенія въ

которомъ считаются отмѣненными ст. 78, 80, 81 и 82 Улож., разрѣшавшія до 1885 г. судамъ, въ случаѣ явной невозможности подвергнуть заключенію въ рабочемъ и исправительномъ домахъ, тюрьмѣ или подъ арестомъ, замѣнять эти наказанія наказаніемъ розгами отъ трехъ до ста ударовъ,—тѣлесныя наказанія можно признать *окончательно отмѣненными*, такъ что въ судебномъ порядкѣ теперь нельзя присуждать къ наказанію розгами.

Тѣлесныя наказанія, въ видѣ розогъ, остались въ военномъ вѣдомствѣ въ дисциплинарныхъ батальонахъ для штрафованныхъ, а также для сосланныхъ въ Сибирь въ каторжныя работы и на поселеніе. Въ случаѣ побѣга или совершенія новаго важнаго преступленія каторжные подвергаются наказанію *плетьми* и прикованію къ тѣлежкѣ на время отъ одного и до трехъ лѣтъ. Но замѣчательно, что *плеть*, которая всего 26 лѣтъ тому назадъ была самымъ зауряднымъ явленіемъ въ русской уголовной практикѣ и даже вызывала диѳирамбы съ университетскихъ каѳедръ, современному правосознанію кажется чѣмъ-то столь дикимъ и ужаснымъ, что, изъ боязни оскорбить общественную нравственность, приведеніе приговора о наказаніи плетьми, хотя бы и состоявшагося въ предѣлахъ Европейской Россіи, совершается обязательно въ Азіи, въ Сибири, и притомъ непублично (ст. 849 Устава о ссыльн. по прод. 1886 г.).

Въ совершенно иномъ положеніи находится розга. Она еще не считается способною оскорбить атмосферу и территорію цивилизованной Европы. Розга допускается по уголовнымъ дѣламъ, подсуднымъ волостному суду, и признается цѣлесообразнымъ институтомъ для выколачиванія недоимокъ. Область ея примѣненія широка и безконтрольна. При отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія въ 1863 году комитетъ полагалъ, что уничтоженіе розогъ въ крестьянскомъ быту должно быть достигнуто не путемъ прямой отмѣны этого наказанія, а посредствомъ внушенія (кѣмъ?) обществамъ, что имъ полезнѣе употреблять провинившихся въ какую-нибудь работу, чѣмъ подвергать ихъ тѣлесному наказанію. Судя по существующей практикѣ волостныхъ судовъ въ теченіе истекшихъ 25 лѣтъ, нужно думать, что внушеніе дѣлалось

недостаточно убѣдительно или оно парализовалось другими неблагопріятными явленіями [20]).

Совершенно особое мѣсто занимаютъ тѣлесныя наказанія, практикуемыя иногда высшими административными властями въ видѣ экзекуціи во время народныхъ волненій или даже въ видахъ предупрежденія ихъ, какъ это было недавно на послѣдней Нижегородской ярмаркѣ. Такія экстраординарныя расправы не имѣютъ подъ собою никакой легальной почвы. Но и съ точки цѣлесообразности польза подобныхъ мѣръ подлежитъ крайнему сомнѣнію. Самый главный аргументъ, который приводили защитники тѣлеснаго наказанія, сводился къ тому, что оно производитъ устрашающее дѣйствіе на народъ. Но и этотъ сомнительный доводъ могъ имѣть значеніе только относительно тягчайшихъ видовъ тѣлеснаго наказанія—шпицрутеновъ, кнута и плетей, а никакъ не относительно розогъ, которыми трудно терроризировать народъ. А если возстановленіе торговой казни кнутомъ и плетьми немыслимо въ наше время, то не лучше ли отказаться и отъ розогъ, употребленіе коихъ едва ли можетъ предупредить, *caeteris paribus*, безпорядки гдѣ бы то ни было.

IV.

Нужно думать, что недалеко время, когда исчезнутъ эти послѣдніе жалкіе остатки тѣлеснаго наказанія, въ спасительность

---

[20]) Говоря объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, назначаемыхъ по суду г. Ровинскій указываетъ, что въ другихъ сферахъ розги дѣйствуютъ по прежнему; впрочемъ не далеко то время, когда съ уничтоженіемъ *личной подати* (курс. подл.) съ татарскою *круговою порукою* (id.) перестанутъ дѣйствовать и административныя розги (это оптимистическое ожиданіе, высказанное въ 1881 г., къ сожалѣнію, практикою и законодательствомъ—законоположеніемъ 12-го іюля 1889 г.,—было опровергнуто), а то куріозно смотрѣть, какъ на судѣ какой нибудь „аблакатъ“ изъ кожи вонъ лѣзетъ, чтобы сбавить своему „кліенту“ мѣсяцъ-другой ареста, а за стѣнами суда распорядительному становому тому же кліенту, за податную недоимку, ни по чемъ сотни три *соленыхъ* розогъ *всыпать*. — только не самъ, а *„по приговору общества или волостныхъ судей“*, которые о такомъ приговорѣ только черезъ годъ узнаютъ (см. и. с. Ровинскаго, V, 324, примѣч. 273).

которыхъ иные по старой традиціи еще вѣрятъ или хотѣли бы вѣрить. 25-лѣтній опытъ нашъ собственный и почти вѣковой иныхъ европейскихъ законодательствъ ясно свидѣтельствуетъ, что, вопреки опасенію «*кнутофиловъ*» консервативнаго лагеря, *увѣрявшихъ, что съ отмѣною* этого освященнаго божескими и человѣческими законами орудія мздовоздаянія не только *не распадается общество*, не расшатывается дисциплина и не водворяется анархія, а падаетъ общая преступность и уменьшается звѣрскій характеръ преступленій. Прожитое Россіею безъ тѣлеснаго наказанія двадцатипятилѣтіе служитъ новымъ доводомъ въ пользу того, какъ рѣдко бываютъ правы застывшіе въ унаслѣдованныхъ традиціяхъ мнительные люди, готовые возстать противъ всякой гуманной и прогрессивной мѣры подъ предлогомъ преждевременности ея и неприготовленности среды. Истекшее двадцатипятилѣтіе показываетъ, что едва ли ошибались тѣ, которые, вопреки совѣту мудрыхъ и искушенныхъ, съ юношеской вѣрою въ силу добра и добрые инстинкты русскаго народа, съ благородною отвагою дерзнули признать его достойнымъ дарованныхъ ему правъ и реформъ. Кто же въ самомъ дѣлѣ оказался правъ? тѣ ли, которые вмѣстѣ съ графомъ Панинымъ утверждали, что русскій народъ такъ грубъ, неразвитъ и незрѣлъ [21]), что не можетъ обойтись безъ плетей и шпицрутеновъ, или же тѣ, которые высказывали убѣжденіе, что гуманныя реформы всегда благовременны [22]), такъ какъ трудно допустить, чтобы люди были когда либо приготовлены для дурнаго и незрѣлы для хорошаго?

---

[21]) У этихъ людей (противниковъ рѣшительныхъ реформъ), писалъ М. Н. Катковъ въ 1860 г., всегда на языкѣ незрѣлость общества, неразвитость народа, негодность породы и т. п. (см. Русс. Вѣст. 1860, № 2).

[22]) Вопреки воззрѣніямъ нынѣшнихъ (1891 г.) „друзей народа“, увѣряющихъ, что его нужно пороть во имя уваженія къ народному міровоззрѣнію, Я. И. Ростовцевъ разсуждалъ иначе: „Нѣкоторые говорятъ, писалъ онъ въ 1859 г., что русскій мужикъ *любитъ* розгу: точно ли это справедливо? Если же онъ къ ней и привыкъ, то не надобно ли его отъ нея отучать. Со смягченіемъ нравовъ и мѣры исправительныя должны смягчаться, если же мѣры эти смягчаться не будутъ, не будутъ смягчаться и нравы“ (см. Освобожд. крест. Семенова т. I, 97).

Кто же былъ больше правъ,—тѣ ли, которые, обращая свой взоръ только къ прошлому и пренебрегая будущимъ, вмѣстѣ съ графомъ Панинымъ увѣряли, что отмѣна тѣлеснаго наказанія несогласна съ «историческимъ» развитіемъ русскаго законодательства и преждевременна, или тѣ, которые, не дѣлая себѣ кумира изъ историческаго наслѣдія, стремились къ обновленію жизни при помощи указаній общечеловѣческой культуры и гуманности, вѣря, что однимъ изъ могучихъ средствъ для поднятія культуры и смягченія нравовъ служитъ гуманное и передовое законодательство. Исторія оправдала этихъ смѣлыхъ и легкомысленныхъ доктринеровъ-теоретиковъ, добившихся, во имя разума и человѣчности, упраздненія историческаго наслѣдія съ его пытками и кнутами.

Объ этомъ историческомъ фактѣ нелишнее было, смѣю думать, вспомнить въ наше время не потому только, чтобы, слѣдуя девизу юриста, воздать *suum cuique*, но и ради насъ самихъ, ради нашего «пестраго» времени, когда такъ неожиданно воскресаютъ давно и, казалось, безвозвратно погребенные мертвецы, когда извѣстная «историческая» школа уголовнаго права настолько эманципировалась отъ доктрины, отъ завѣтовъ исторіи и гуманности, что не только. съ невѣроятнымъ даже для нашего времени, цинизмомъ и озвѣрѣніемъ смакуетъ «интересныя» подробности сажанія на полъ, урѣзанія языка, заливанія горла и т. п. прелести добраго стараго времени, но и не прочь бы порекомендовать нашему законодательству оставить ложный стыдъ и взамѣнъ дорогихъ тюремъ завести нѣсколько десятковъ палачей и нѣсколько сотъ тысячъ кнутовъ!

И, конечно, не эта «трезвая» школа безпринципнаго оппортюнизма, возводящая на степень вѣковѣчныхъ устоевъ человѣческаго общежитія, и «примѣненіе уголовныхъ каръ къ лицамъ, невиновнымъ наравнѣ съ виновными», и тѣлеснаго наказанія и смертной казни *пятаго, десятаго»* и т. п., институты эпохи «богомерзкаго людодерства», по выраженію Крижанича,—конечно, не эта школа, занимающаяся «реабилитаціей» [23]) былыхъ «оригинальныхъ» институтовъ «групповаго» наказанія возстала-бы

---

[23]) Этой богатой темѣ посвящены въ н. с. Сергѣевскаго, 31—46 стр.

противъ возстановленія тѣлесныхъ наказаній во имя науки, во имя «снаровистой» науки, которая привыкла «подъискивать обстановку для истины, уже отвержденной и оффиціально-признанной таковою» (см. выше прим. 3).—Но пусть-бы эти безчеловѣчные институты оправдывались примитивными принципами «волчьей этики», такъ кратко и убѣдительно изложенной въ извѣстномъ діалогѣ:

. . . Да, помнится, что еще въ запрошломъ лѣтѣ
Мнѣ здѣсь же какъ-то нагрубилъ:
Я этого пріятель не забылъ!
„Помилуй, мнѣ еще и отроду нѣтъ году",
Ягненокъ говоритъ.—„Такъ это былъ твой братъ.
—„Нѣтъ братьевъ у меня"...—„Такъ это кумъ иль сватъ.
И, словомъ, *кто-нибудь изъ вашего же роду,*
Вы сами, ваши псы, и ваши пастухи
Вы всѣ мнѣ зла хотите,
И, если можете, то мнѣ всегда вредите;
Но я съ тобою за ихъ развѣдаюсь грѣхи".
—„Ахъ, я чѣмъ виноватъ?"—Молчи усталъ и слушать.
Досугъ мнѣ разбирать вины твои, щенокъ!
Ты виноватъ ужъ тѣмъ, что хочется мнѣ кушать".
Сказалъ и въ темный лѣсъ ягненка уволокъ...

Такъ нѣтъ-же, нужно было отыскать «обстановку» для такого безнравственнаго института, какъ «наказаніе невиновныхъ вмѣстѣ съ виновными», отъискать для него основанія и «даже весьма глубокія основанія»—въ наукѣ!

Невольно тутъ вспомнишь слова знаменитаго сатирика: «Я понимаю, писалъ М. Е. Салтыковъ въ послѣдней книгѣ *Отечественныхъ Записокъ*, что можетъ такой казусъ случиться, что не имѣя за душою ничего, кромѣ праха, поневолѣ приходится имъ однимъ торговать, но вѣдь и съ прахомъ слѣдуетъ обходиться бережно. Прахъ такъ прахъ; но пускай же онъ будетъ одинъ и тотъ-же всегда и вездѣ, ибо только тогда онъ сдѣлается владыкой міра. Отрицайте разумъ, прогрессъ, правду, человѣческое право на счастье—прекрасно. Называйте все это опасною утопіею, источникомъ заблужденій и потрясеній—еще того лучше. Утверждайте, что завтрашняго дня нѣтъ, что перспективъ не полагается, а есть только то, что торчитъ

подъ носомъ. Но держитесь этихъ отрицаній твердо и не призывайте ни разума, ни человѣчности, и пр., ни въ помощь, ни въ свидѣтельство. Совсѣмъ не произносите этихъ словъ, такъ какъ вы выходите изъ принципа, который признаетъ ихъ праздными. Не пишите въ смыслѣ порицанія: такое-то дѣйствіе противно разуму, ибо согласно вашей программѣ это и есть дѣйствіе, достойное похвалы» [24]).

Но, къ счастію для русскаго народа, «легкомысліе» гуманныхъ дѣятелей 60-хъ годовъ сдѣлало невозможнымъ осуществленіе идеаловъ «трезвыхъ» жрецовъ науки 80-хъ годовъ!...

Пройдутъ годы, улягутся страсти, подведутся итоги дѣятельности легкомысленныхъ либераловъ и «трезвыхъ» историковъ, и не трудно угадать, кому скажетъ сердечное «спасибо русскій народъ» оторвавшимся ли отъ народа «либераламъ, освободившимъ его отъ розогъ, или тѣмъ торжествующимъ хранителямъ историко-народныхъ традицій, которыя «изъ уваженія» къ воззрѣніямъ народа защищаютъ розгу для народа!...

Закончимъ нашъ очеркъ словами нашего маститаго юриста Д. А. Ровинскаго: «Кнутъ и шпицрутены и даже розги изчезли изъ военнаго и судебнаго быта, а съ ними и замаскированная смертная казнь въ самомъ гнусномъ ея видѣ. И не забудетъ народъ этого кровнаго дѣла, и никакое время не изгладитъ изъ народной памяти святое имя его Дѣлателя. Словно въ сказкѣ какой: *изъ битаго царства вдругъ не битое стало*» [25]).

---

[24]) Стр. 277 - 278 Отеч. Зап. 1884. № 4.

[25]) См. н. с. Ровинскаго V, 326.

III.

ЦЕНЗУРНАЯ РЕФОРМА.

Мысль, слово! Это та неотъемлемая принадлежность человѣка, безъ которой онъ не человѣкъ, а животное.

Просторъ слова нужнѣе всѣхъ реформъ, послѣ освобожденія крестьянъ; нужнѣе и земскихъ и другихъ учрежденій, ибо въ этомъ просторѣ заключается условіе жизненности, для всѣхъ этихъ учрежденій, и безъ него — они едва-ли взойдутъ.

И. С. Аксаковъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Законъ о печати 6-го апрѣля 1865 года.

(Справка къ двадцатипятилѣтію).

1. Первыя попытки къ цензурной реформѣ въ 50-хъ годахъ. Передача цензуры въ вѣдомство мин. внутр. дѣлъ. — 2. Проэктъ Коммиссіи кн. Оболенскаго 1863 г. — Критическія замѣчанія Головнина. — Подробный разборъ проекта бар. Корфомъ. — Вредъ цензуры и значеніе свободы печати и общественнаго мнѣнія. — Предостереженія. — Залоги. — 3. Обсужденіе проекта въ государственномъ совѣтѣ. — Оппозиція Норова. — Судъ присяжныхъ по дѣламъ печати. — Мнѣніе Д. А. Милютина. — Временный характеръ новаго закона о печати. — 4. Послѣдующая цензурная практика и законодательство.

I.

Переломъ, явственно сказавшійся во второй половинѣ 50-хъ годовъ во всѣхъ отрасляхъ нашей государственной и общественной жизни, коснулся и роли въ ней общественнаго мнѣнія, а также главнаго его органа — печати. Уже съ первыхъ лѣтъ минувшаго царствованія положеніе печати обратило на себя вниманіе правительства. Четыре министра народнаго просвѣщенія, слѣдовавшіе другъ за другомъ въ теченіе краткаго періода шести лѣтъ (Норовъ, Ковалевскій, Путятинъ, Головинъ), помимо измѣненія цензурной практики, ставили на очередь вопросъ о пересмотрѣ нашего законодательства о печати, при чемъ, согласно Высочайшему повелѣнію, взято было за основаніе, что «*разумная бдительность* со стороны цензуры необходима» [1]).

[1]) См. стр. 59-ю Представленія Ковалевскаго въ государственный совѣтъ 1859 г., № 1,068, и стр. 1-ю Представленія Валуева 1864 года, № 183.

Министръ народнаго просвѣщенія Е. П. Ковалевскій внесъ 8-го мая 1859 г. въ государственный совѣтъ проектъ устава о цензурѣ, который представлялъ собою компиляцію разнородныхъ постановленій, изъ коихъ одни относились къ началу 40-хъ годовъ, ко времени наибольшаго стѣсненія свободы печати, а другія ко времени сравнительно болѣе мягкому—къ концу 59 гг., когда фактически признано было за печатью право обсужденія государственныхъ вопросовъ и критики законовъ.

Противъ проекта возсталъ со всею силою своего служебнаго и юридическаго авторитета гр. Д. Н. Блудовъ. Онъ порицалъ проектъ прежде всего за повтореніе «тѣхъ стѣсненій для умственнаго развитія страны», которыя были изданы съ 1848 г., и предлагалъ вернуться къ уставу 1828 г., который «не препятствовалъ постепенному развитію умственныхъ силъ народа и выраженію общественнаго мнѣнія, независимаго отъ личныхъ видовъ, и только удерживалъ ихъ въ надлежащихъ предѣлахъ».

«Извѣстно, и опытъ послѣднихъ лѣтъ снова доказалъ сію истину,—писалъ гр. Блудовъ,—что излишне, а слѣдственно и неосторожно стѣсненная мысль ищетъ и всегда почти находитъ средства проявляться и распространяться, или чрезъ рукописныя или чрезъ тайно-печатаемыя здѣсь или внѣ государства статьи и разсужденія, уже не подлежащія никакому надзору и контролю и не влекущія за собой никакой отвѣтственности».

Не отрицая нѣкоторыхъ достоинствъ проекта Ковалевскаго, гр. Блудовъ указывалъ на то, что недостатками проекта могутъ «воспользоваться недоброжелательные дѣятели заграничной журналистики и выставить намѣреніе правительства въ превратномъ видѣ». Въ заключеніе гр. Блудовъ высказалъ мнѣніе, что изданіе полнаго Устава несвоевременно и предпочтительно возстановленіе и дополненіе Устава 1828 года.

Государственный совѣтъ по департаменту законовъ одобрилъ мнѣніе гр. Блудова, и затѣмъ проектъ Ковалевскаго былъ возвращенъ въ министерство народнаго просвѣщенія [2]).

Со вступленіемъ въ министерство въ концѣ декабря 1861 г., послѣ кратковременнаго управленія адмирала Путятина, А. В.

---

2) Стр. 85 журн. госуд. совѣта 15-го іюня 1859 г.

Головнина — возобновились съ новою энергіею работы по реформѣ законодательства о печати. Но предварительно Головнинъ старался нѣсколько упорядочить цензурную практику, на которую всѣ жаловались. Правительство недовольно было снисходительностью цензоровъ. Цензоры въ свою очередь жаловались, что они теряются въ противорѣчивыхъ указаніяхъ, исходящихъ отъ разныхъ министерствъ. Журналистика сѣтовала на произволъ и медленность цензоровъ. Для устраненія этихъ неудобствъ Головнинъ распорядился о составленіи Свода Постановленій по цензурѣ. «Имѣя въ виду, что если необходимо усиливать строгость цензуры, то не менѣе нужно съ другой доставлять литературѣ, какъ средству для просвѣщенія народнаго, всевозможныя льготы и облегченія», Головнинъ исходатайствовалъ упраздненіе спеціальныхъ цензуръ, дозволеніе всѣмъ газетамъ печатать объявленія, облегченіе въ полученіи изъ-за границы книгъ и газетъ, облегченіе пересылки газетъ и пр. «Исполненіе этого плана,—пишетъ Головнинъ,—начало уже ознаменовываться весьма благотворными результатами. Въ обсужденіи нѣсколькихъ важныхъ вопросовъ нашего устройства литература заговорила спокойнымъ, обдуманнымъ тономъ, и многіе ея органы, вмѣсто того, чтобы упорствовать въ безплодной оппозиціи правительству, *старались служить ему опорою*. Къ несчастью, въ то самое время, когда печать наша заявляла такъ успѣшно о достаточной *зрѣлости*,—пишетъ Головнинъ,—своей для пользованія разумною свободою, произошли событія, не дозволившія расширять ея права» (появленіе прокламацій, революціонная пропаганда). Въ виду этого изданы были разсмотрѣнныя въ совѣтѣ министровъ временныя правила 14 го мая 1862 г., имѣвшія цѣлью точнѣе опредѣлить предметы государственнаго управленія, которые *разрѣшалось* обсуждать печатью, и указаніе налагаемыхъ взысканій (пріостановленіе изданія на 8 мѣсяцевъ) и пр.

Рядомъ съ улучшеніемъ цензурной практики шли подготовительныя работы по реформѣ законодательства о печати: собраны были матеріалы по исторіи законодательствъ о печати у насъ и за границей, дозволено было въ печати обсужденіе лучшаго устройства цензуры и разрѣшено литераторамъ высказать свои

соображенія по этому предмету [3]). Въ мартѣ 1862 г. учреждена была подъ предсѣдательствомъ кн. Д. Оболенскаго коммиссія для «составленія проекта Устава о книгопечатаніи»; проектъ былъ приготовленъ къ началу 1863 г. Внося проектъ въ совѣтъ министровъ, В. А. Головнинъ счелъ необходимымъ разрѣшить предварительно важный вопросъ—слѣдуетъ-ли оставить цензуру въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія или передать въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Самъ Головнинъ высказалъ по этому вопросу слѣдующія соображенія: «Министерство народнаго просвѣщенія имѣетъ обязанностью покровительствовать литературѣ, заботиться о развитіи, о преуспѣяніи оной; посему, находясь къ литературѣ въ отношеніяхъ болѣе близкихъ, чѣмъ всякое другое вѣдомство, оно не можетъ (?) быть ея строгимъ судьею (какъ извѣстно, исторія цензуры не подтверждаетъ этого взгляда). Сверхъ того министерство народнаго просвѣщенія обязано содѣйствовать движенію впередъ науки, и для этого необходима свобода анализа; посему цензура, находясь въ вѣдѣніи сего министерства, принимаетъ направленіе болѣе снисходительное, стремящееся къ тому, чтобы медленно и осторожно *отодвигать границы*, поставленныя свободѣ разсужденій. При нынѣшнемъ же всеобщемъ броженіи умовъ, необыкновенномъ развитіи умственной дѣятельности, обращающейся преимущественно къ обсужденію вопросовъ общественныхъ, дѣятельность цензуры становилась все болѣе и болѣе затруднительною въ томъ вѣдомствѣ, которое обязано содѣйствовать развитію умственной дѣятельности; положеніе министерства внутреннихъ дѣлъ совсѣмъ другое. На него не возложена обязанность изыскивать средства къ развитію литературы. Оно обязано только наблюдать за нарушеніемъ закона и способнѣе министерства просвѣщенія оцѣнить *важность нарушенія;* роль министерства внутреннихъ дѣлъ въ цензурѣ яснѣе, опредѣлительнѣе и проще, а потому и самая цѣль достижимѣе» [4]). Такимъ образомъ сущность предположенной ре-

---

[3]) Весьма любопытный отзывъ М. Е. Салтыкова приведенъ въ статьѣ г. Пыпина въ Вѣстникѣ Европы 1889 г., № 10.

[4]) Стр. 47 Отзыва Головнина, отъ 7-го декабря 1863 г., № 11,510.

формы сводилась къ передачѣ печати въ вѣдѣніе болѣе «строгаго» начальства.

Согласно мнѣнію Головнина послѣдовало 10-го января 1863 г. Высочайшее повелѣніе о передачѣ цензуры въ министерство внутреннихъ дѣлъ [5]), куда переданъ былъ и проектъ коммиссіи кн. Оболенскаго.

II.

Съ начала 1863 г. руководство реформою законодательства о печати переходитъ къ министру внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуеву. 14-го января онъ образовалъ подъ предсѣдательствомъ того же кн. Д. Оболенскаго вторую коммиссію, въ составъ которой вошли гг. Никитенко, Ржевскій, Бычковъ, Гиляровъ-Платоновъ, Погорѣльскій, Ѳеоктистовъ и Фуксъ. Къ концу мая былъ составленъ обширный проектъ Устава о книгопечатаніи, обнимавшій всѣ стороны реформы, какъ полицейско-административную, такъ и судебно-карательную. Уставъ этотъ, основанный главнымъ образомъ на французскомъ законодательствѣ временъ Второй имперіи, легъ въ основу дѣйствующаго закона 6-го апрѣля о печати. Самое главное изъ предложенныхъ проектомъ нововведеній это освобожденіе нѣкоторой части литературы (книги объемомъ до 20-ти листовъ издаваемыя въ столицахъ [6]) и періодическія изданія, съ особаго разрѣшенія ми-

---

[5]) Проф. Фойницкій (Сборникъ Государ. Знаній т. II) видитъ въ такой передачѣ шагъ впередъ въ исторіи нашего законодательства о печати, свидѣтельствующій, что печать вышла изъ періода «опеки» и вступила въ періодъ «полицейскаго» управленія, которое авторъ приравниваетъ къ положенію «временно-обязанныхъ» крестьянъ. Настоящее освобожденіе наступитъ, по мнѣнію автора, съ переходомъ дѣлъ о печати въ область «права», т. е. въ вѣдѣніе суда.—М. Е. Салтыковъ довольно скептически относился къ указанному «прогрессивному шагу» и высказывалъ опасенія, что «полиція, привыкнувъ имѣть дѣло съ врагами общества, неслышно для самой себя перенесетъ это воззрѣніе и на литературу» (стр. 585 Н. С.).

[6]) Первоначально предполагалось это временное ограниченіе допустить лишь до введенія судебной реформы (прим. къ § 1), но впослѣдствіи оно сдѣлалось общимъ правиломъ, такъ что и по открытіи новыхъ судовъ на провинцію не была распространена эта льгота.

нистра) отъ предварительной цензуры. Для повременныхъ изданій устанавливался залогъ для «покрытія пени», и они подвергались, сверхъ наказанія по суду, административнымъ взысканіямъ за «вредное направленіе» въ видѣ предостереженій отъ министра. Послѣ третьяго предостереженія изданіе прекращалось (§ 105 проекта) *). Что же касается книгъ, то онѣ могли подвергаться только судебному взысканію и для точнаго опредѣленія его проектъ въ раздѣлахъ III и IV даетъ длинный перечень преступленій и проступковъ печати (§§ 93—143) и весьма подробныя правила о судопроизводствѣ по дѣламъ печати (198 параграфовъ), при чемъ важнѣйшія дѣла предлагаетъ отдать въ Петербургѣ и Москвѣ на *судъ присяжныхъ*, избираемыхъ изъ гласныхъ мѣстной думы (§ 1 и 4).

Въ іюнѣ 1863 г. проектъ Устава о книгопечатаніи, нѣсколько измѣненный министромъ П. А. Валуевымъ, былъ разосланъ, до внесенія въ государственный совѣтъ, на заключеніе министровъ и главноуправляющихъ. Изъ поступившихъ отзывовъ наибольшаго вниманія заслуживаютъ замѣчанія В. А. Головнина и барона М. А. Корфа. Головнинъ, привѣтствуя сочувственно освобожденіе части печати отъ цензуры и подчиненіе ея (печати) судебному режиму, высказывается рѣшительно противъ «административныхъ взысканій». «Система эта,—пишетъ Головнинъ,—получила господство въ тѣхъ странахъ, гдѣ, по существующимъ условіямъ, невозможно было *возстановить* цензуру предварительную, но вмѣстѣ съ тѣмъ являлось желаніе *приблизиться* къ ней какъ можно болѣе. Въ новомъ уставѣ, напротивъ, система административныхъ взысканій является переходною мѣрою, т. е. такою, при существованіи которой литература должна пріобрѣсти извѣстную опытность, извѣстное самообладаніе и вы-

*) Такъ какъ въ настоящее время между предостереженіями иногда проходятъ года и десятилѣтія (недавно былъ случай дачи втораго предостереженія спустя 13 слишкомъ лѣтъ послѣ перваго предостереженія) небезъинтересно ознакомиться съ текстомъ ст. 105 проекта, которая гласитъ такъ: „Повременное изданіе, въ теченіе *одного* года подвергшееся *двумъ* предостереженіемъ, по *третьему* считается прекращеннымъ, если это предостереженіе состоится въ теченіи того-же самаго года или послѣдующихъ 3 мѣсяцевъ (см. стр. 21 Проэкта уст. о книгопеч., составленный въ 1863 г. при мин. внутр. дѣлъ).

держанность для умѣнья пользоваться разумною свободою. Мнѣ кажется, что система, о которой идетъ рѣчь, *не въ состояніи* развить въ литературѣ этихъ качествъ; опытъ убѣждаетъ, что подобно предварительной цензурѣ она возбуждаетъ въ обществѣ то раздраженіе, тотъ духъ упорной и даже преднамѣренной оппозиціи, устраненіе которыхъ должно имѣть преимущественно въ виду... Цензура не допускаетъ появленія въ свѣтъ вредной статьи, административная кара постигаетъ статью, когда она уже проникла въ публику; взысканія не ослабляютъ произведеннаго ею впечатлѣнія, напротивъ: вниманіе публики еще привлекается къ ней, и она получаетъ такое значеніе, на которое часто не имѣетъ никакого права. Публика становится въ такихъ случаяхъ какъ бы судьею между правительствомъ и журналистикою и принимаетъ почти всегда сторону послѣдней» [7]).

Затѣмъ Головнинъ считалъ несправедливымъ лишеніе, послѣ третьяго предостереженія, путемъ административнымъ, права собственности на изданіе, не рѣдко представляющее значительную имущественную цѣнность.

«Послѣ опытовъ послѣднихъ лѣтъ, — писалъ въ заключеніе министръ народнаго просвѣщенія, — я вообще нахожу предварительную цензуру *несостоятельною* для достиженія цѣлей правительства, и потому полагаю всего бы полезнѣе вовсе отмѣнить оную, замѣнивъ прямо взысканіями по суду; но такъ какъ нѣтъ ни малѣйшей надежды осуществить такое предположеніе, то я допускаю переходныя мѣры, какъ временную уступку обстоятельствамъ».

Самый обстоятельный разборъ проекта мы находимъ въ обширной запискѣ главноуправлявшаго II-мъ отдѣленіемъ Е. И. В. канцеляріи барона М. Н. Корфа, занимающей 64 печатныхъ страницы *in folio*. Баронъ Корфъ ставитъ въ вину коммиссіи кн. Оболенскаго, что она не обратила должнаго вниманія на необходимость *коренного* измѣненія законодательства въ смыслѣ перехода отъ системы предварительной цензуры къ карательной. Указавъ на то, какъ наканунѣ еще крестьянской реформы люди мнительные признавали ее преждевременною, баронъ Корфъ

---

7) Стр. 48—49 Отзыва Головнина.

замѣчаетъ, что въ сходномъ положеніи находится и вопросъ о цензурѣ, съ тою разницею, впрочемъ, что вредъ цензуры не для всѣхъ такъ очевиденъ, какъ вредъ крѣпостнаго права. «Какъ въ крѣпостномъ правѣ,—пишетъ баронъ Корфъ, — по вѣковой къ нему привычкѣ, многіе видѣли основаніе стойкости нашего государственнаго организма и мысль объ упраздненіи его возбуждала чувство *безотчетнаго страха*; такъ и цензура глубоко вросла въ наши обычаи, и не мало людей готовы думать, что ею единственно держится общественный порядокъ» [8]).

Переходя затѣмъ къ вопросу о вредѣ цензуры, бар. Корфъ оговаривается, что онъ затрудняется изложить вполнѣ свои соображенія въ оффиціальной бумагѣ и старается быть сколь возможно краткимъ и менѣе отвлеченнымъ. Главный вредъ цензуры онъ видитъ не въ произволѣ, который болѣе или менѣе встрѣчается во всякой административной и политической дѣятельности, а въ *основной идеѣ* цензуры. «На первый взглядъ по идеѣ своей цензура,—говоритъ баронъ Корфъ,—могла бы показаться учрежденіемъ самымъ благодѣтельнымъ, необходимымъ въ благоустроенномъ государствѣ. Ея назначеніе, повидимому, указывать *лучшую* и правильнѣйшую *дорогу* умственному развитію общества, устранять изъ области все ложное и вредное, опасное и расчищать путь всему истинному и полезному. Въ самомъ дѣлѣ, *еслибы* существовало такое неизмѣнное, безошибочное мѣрило для распознанія, что̀ истинно и что̀ ложно, что̀ въ произведеніяхъ человѣческой мысли можетъ принести пользу и что̀ обратиться во вредъ; *еслибы* нашелся ареопагъ, который обнималъ бы прошедшее, настоящее и будущее человѣчества, въ состояніи былъ бы непогрѣшимо указать, какимъ путемъ должна идти наука, и въ какія окончательныя формы должно вылиться общество; *еслибы* при этомъ контролируемая правительствомъ печать была единственнымъ средствомъ распространенія мнѣній и ученій между людьми: установленіе цензуры *было бы* идеаломъ, лучше котораго нечего бы и желать» [9]). Ссылаясь на вѣковой опытъ, баронъ считаетъ, однако, дока-

[8]) Стр. 59. Отзыва бар. Корфа.

[9]) Ibidem, стр. 60. Группировка доказательствъ сильно напоминаетъ аргументалію Дж. Ст. *Милля* въ его „Свободѣ“.

заннымъ, что цензура не въ состояніи была выполнить эту миссію, *превоеходящую силы человѣческія:* многія, если не всѣ, истины, которыми постепенно обогащалось человѣчество, первоначально встрѣчались *съ недовѣріемъ*, должны были выдерживать *борьбу* и только среди ея выяснялись, пріобрѣтали силу и окончательно утверждались, а съ другой стороны ложныя и опасныя доктрины распространялись, несмотря на всѣ запрещенія. Только карательная система, предоставляющая печати свободу и карающая только за посягательства на главныя начала общественнаго порядка, чужда указанныхъ недостатковъ».

Обращаясь къ Россіи, бар. Корфъ замѣчаетъ, что переломъ, происшедшій въ послѣдніе (60-е) годы въ направленіи внутренней политики, привелъ къ необходимости дать печати почти полный просторъ, такъ какъ убѣдились, что *только при содѣйствіи свободнаго общественнаго мнѣнія возможно плодотворное движеніе и осуществленіе законодательныхъ реформъ*, и само высшее правительство, передавшее на литературное обсужденіе свои проекты, не могло не оцѣнить услугъ, оказанныхъ литературою. «На опытѣ правительство убѣдилось, что только *въ свободѣ* печати находится *противоядіе* противъ злоупотребленія печатью. Въ этомъ свободномъ обращеніи нѣкоторой доли неправды на-ряду съ истиною одно изъ драгоцѣннѣйшихъ свойствъ карательной системы, и чрезъ это она дѣлается могущественнымъ орудіемъ воспитанія народа».

Исходя изъ такого воззрѣнія, бар. Корфъ, однако, полагалъ, что въ Россіи, въ виду отсутствія правильныхъ судовъ (новые суды еще не были открыты) и привычки къ свободному слову, невозможно было полное осуществленіе карательной системы. «Въ жизни общественной и частной,—говоритъ онъ,—ближайшею цѣлью не всегда бываетъ тотчасъ безусловно хорошее, часто приходится искать сперва не лучшаго, а *наименѣе худшаго*». Въ этомъ смыслѣ онъ склоняется на сторону смѣшанной системы и переходныхъ мѣръ, но осуждаетъ проектъ Валуева, видя въ немъ не проникновеніе духомъ карательной системы, а лишь подновленіе дѣйствующаго цензурнаго устава и даже введеніе для періодической прессы и литературы, не изъ-

ятой отъ предварительной цензуры (книги 20-и листовъ объема), новыхъ строгостей и ограниченій [10]).

Въ частности относительно «предостереженій» баронъ Корфъ пишетъ: «Административныя взысканія—это *новая язва*, заключающая въ себѣ такую массу вреда, произвола и несправедливости, что противъ нихъ протестовали и протестуютъ *всѣ благомыслящіе люди*... Система административныхъ взысканій *еще болѣе заражена* произволомъ и несправедливостью, нежели предупредительная цензура, ибо наказываетъ за вину, *непредвидѣнную* никакимъ положительнымъ закономъ. Она могла оказаться необходимою тамъ, гдѣ правительство, уже лишенное орудія предварительной цензуры, не считало возможнымъ къ ней возвращаться, но что вынуждаетъ подражать въ этомъ отношеніи примѣру другихъ, когда мы желаемъ не утѣсненія, а расширенія свободы слова»... [11]). «Самая же опасная сторона административныхъ взысканій, какъ они, напримѣръ, примѣнялись во Франціи,—пишетъ баронъ,—состоитъ въ томъ, что одному лицу дается власть, по индивидуальному воззрѣнію, иногда по одному *минутному настроенію духа*, безъ всякой дальнѣйшей предъ закономъ отвѣтственности лишать человѣка права собственности, права на занятіе, которымъ онъ можетъ быть жилъ, и что еще важнѣе исключать изъ круга вращающихся въ обществѣ мнѣній цѣлое ученіе или направленіе».

Въ возраженіяхъ своихъ П. А. Валуевъ оставилъ это мѣсто безъ отвѣта, но впослѣдствіи, въ засѣданіи государственнаго совѣта 10—23-го января 1865 г., онъ объяснилъ, что «допущеніе административныхъ взысканій необходимо по свойству журнальной литературы, которая всегда носитъ на себѣ болѣе или менѣе оттѣнки политическаго характера и потому вызываетъ нѣкоторыя мѣры ограниченія для того, чтобы сдерживать направленія періодическихъ изданій въ законныхъ предѣлахъ» [12]).

---

[10]) Ibid., стр. 75.

[11]) Ibid. 68.

[12]) Журн. деп. зак. госуд. совѣта, 1865, № 4. Вообще большинство сдѣланныхъ противъ проэкта замѣчаній Валуевъ оставилъ безъ вниманія и обыкновенно ограничивался стереотипною фразою: „остаюсь при моемъ мнѣніи“ и не выходилъ, по словамъ Никитенко, изъ тѣсной рамки

Баронъ Корфъ возражалъ также противъ установленія, 20-листовой нормы для освобожденія отъ предварительной цензуры. Во Франціи и Германіи, откуда заимствована эта норма, литературная дѣятельность сосредоточивалась въ сочиненіяхъ значительнаго объема. У насъ же, гдѣ объемистыя, капитальныя сочиненія составляютъ рѣдкость, подъ такую норму подошла бы развѣ $^1/_7$ всѣхъ сочиненій. Бар. Корфъ предлагалъ понизить норму до 10-листовъ и разсчитывалъ, что этою льготою воспользуются не болѣе $^1/_3$ всѣхъ сочиненій. П. А. Валуевъ находилъ такое пониженіе опаснымъ, ссылаясь на то, что книги, объемомъ въ 10 листовъ, касаются «самыхъ щекотливыхъ вопросовъ государственныхъ и общественныхъ» и по преимуществу (?) являются «популярными сочиненіями съ матеріалистическими, соціалистическими и т. п. тенденціями».

Весьма энергично возражалъ бар. Корфъ и противъ установленія «залоговъ» для періодической прессы. Оправданіе коммиссіею кн. Оболенскаго залоговъ, какъ источника для «пополненія пеней», оппонентъ находилъ недостаточнымъ: уголовный законъ ни отъ кого никогда не требуетъ обезпеченія *на случай* (курсивъ въ подлинникѣ) совершенія поступленія. Истинный мотивъ для залоговъ бар. Корфъ видѣлъ въ желаніи сосредоточить періодическую печать въ рукахъ людей болѣе зажиточныхъ и удержать прессу отъ слишкомъ сильнаго развитія. Но первое условіе нисколько не служитъ гарантіею для увеличенія въ журналистикѣ здравомыслія и другихъ желаемыхъ качествъ. Что касается сокращенія журналистики, то оно искусственно создаетъ *монополію* для немногихъ изданій, которыя получаютъ власть и возможность господствовать надъ умами. При отсутствіи же искусственнаго стѣсненія, журналы хотя и умножаются, но исчезаетъ ихъ неестественное обаяніе: народъ начинаетъ относиться къ печатному слову, какъ къ «обыкновенному говору людскому, въ которомъ смѣсь дурнаго и хорошаго, ложнаго и истиннаго никого не смущаетъ». «Стремиться къ водворенію такого порядка вещей,— пишетъ бар. Корфъ, — намъ

бюрократизма (см. Дневникъ его въ Русской Старинѣ 1891 года, № 6, стр. 619).

въ настоящее время въ особенности необходимо: мы теперь вступили въ тотъ именно періодъ полуобразованности и *полузнакомства* съ гласностью и съ печатнымъ словомъ, который неизбѣженъ въ жизни каждаго народа, но чрезъ который, для блага государства, желательно пройти какъ можно скорѣе».

III.

Въ январѣ 1865 г. департаментъ законовъ государственнаго совѣта приступилъ къ обсужденію проекта Валуева въ составѣ членовъ: Норова, барона Корфа, Литке, кн. Долгорукова, Бахтина, Буткова, кн. Горчакова, Валуева, Головнина, Замятнина, при статсъ-секретарѣ Зарудномъ. Единственный членъ, сдѣлавшій серьезную оппозицію проекту, былъ бывшій министръ народнаго просвѣщенія Норовъ[13]). Онъ возражалъ противъ смѣшенія предупредительной и карательной цензуры и видѣлъ въ такомъ смѣшеніи доказательство «нестойкости мнѣній при начертаніи устава». Въ частности Норовъ возсталъ противъ расширенія власти министра внутреннихъ дѣлъ и лишенія главнаго управленія по дѣламъ печати всякой самостоятельности и низведенія его на степень министерской канцеляріи. Ссылаясь на собственный опытъ по министерству народнаго просвѣщенія, Норовъ утверждалъ, что «громадная отвѣтственность за проявленія мысли въ государствѣ едва ли не *свыше* силъ одного человѣка». Для сохраненія престижа министерской власти Норовъ проектировалъ переносить въ комитетъ министровъ разногласія между нимъ и главнымъ управленіемъ. Но мнѣніе это не было принято и проектъ Валуева прошелъ въ департаментѣ почти цѣликомъ [14]). Измѣненія были сдѣланы только въ частно-

---

[13]) Записку для Норова редактировалъ академикъ А. В. Никитенко (см. Дневникъ его Русс. Стар. 1891. № 6. стр. 619).

[14]) Когда я похвалилъ, пишетъ подъ 23-мъ января 1865 г. въ своемъ Дневникѣ Никитенко, записку М. А. Корфа М. Н. Любощинскому (впослѣдствіи членъ Государств. Совѣта † 1891), Маркъ мнѣ сказалъ: „Записка можетъ быть хорошею, но думаете-ли вы, что Корфъ будетъ поддерживать свои мысли? Повѣрьте, онъ отъ всего отречется, если ему представится малѣйшая возможность кому-либо угодить". Такъ и слу-

стяхъ: такъ, отъ представленія залога освобождены были періодическія изданія, выходящія съ разрѣшенія предварительной цензуры; третье предостереженіе, влекшее за собою прекращеніе изданія, могло быть сдѣлано только съ разрѣшенія I-го департамента сената.

Что касается суда по дѣламъ печати, то тутъ произошла значительная перемѣна къ худшему, противъ первоначальныхъ предположеній. Какъ извѣстно, въ 1862 г. существовало предположеніе подчинить суду спеціальныхъ присяжныхъ, избираемыхъ особымъ комитетомъ [15]), государственныя преступленія. Такому же суду предположено было передать и важнѣйшія дѣла печати. Но мысль эта не получила осуществленія и присяжные засѣдатели были замѣнены по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ сословными представителями. Что касается до другихъ дѣлъ по дѣламъ печати, то Валуевъ проектировалъ спеціальный судъ присяжныхъ (обладаніе имущественнымъ цензомъ, требуемымъ для избранія въ мировые судьи) [16]).

Предложеніе Валуева было поддержано II-мъ отдѣленіемъ Е. И. В. канцеляріи въ лицѣ трехъ его главноуправляющихъ— бар. М. А. Корфа, гр. В. Н. Панина и кн. С. А. Урусова. Послѣдній въ своемъ обстоятельномъ отзывѣ 1865 г., между прочимъ, приводитъ слѣдующія соображенія въ пользу необхо-

---

чилось. Когда Норовъ, человѣкъ, по крайней мѣрѣ, честный, началъ упрекать Корфа, что тотъ отступается отъ собственныхъ своихъ мнѣній, Корфъ отвѣчалъ: „Да изъ-за чего, Авраамъ Сергѣевичъ, горячитесь? Вѣдь все это пустяки“.—Подъ 28-мъ января у Никитенко находимъ такую запись: Совѣтъ (государств.) сначала стремился ограничить неограниченную власть мин. внутр. дѣлъ и исправить многіе недостатки проекта, а кончилъ полнымъ на него согласіемъ. Первый Корфъ протестовалъ противъ собственныхъ мнѣній, написанныхъ такъ умно. Хотя Норовъ и представилъ въ нашей съ нимъ запискѣ мнѣніе противъ, однако это было гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. – „Неужели, спросилъ я у статсъ-секретаря С. И. Заруднаго, у васъ всѣ дѣла такъ дѣлаются?“—„А то какъ-же иначе; разумѣется такъ“, отвѣчалъ онъ... Выходитъ, что я преувеличивалъ мое недовѣріе къ подобнымъ толкамъ... Валуевъ торжествуетъ, а здравый смыслъ и общая польза плачутъ“. (Русс. Стар. 1891, № 6, стр. 623—625.

15) Подробныя соображенія Государственной Канцеляріи по этому предмету приведены въ главѣ XIII моихъ „Основъ Судебной Реформы“.

16) § 181 проекта Валуева.

димости допущенія присяжныхъ. «Благотворное дѣйствіе судебныхъ приговоровъ на настроеніе общества невозможно, — пишетъ онъ,—если судъ не будетъ пользоваться *полнымъ довѣріемъ и нравственною поддержкою* со стороны самого общества, а для этого прежде всего нужно, чтобы его рѣшенія вытекали изъ началъ, убѣжденій и взглядовъ, обществу вполнѣ сродныхъ. Коронные судьи по самому положенію своему не могутъ не быть нѣсколько оторваны отъ окружающей жизни и приговоры ихъ по дѣламъ печати часто бывали бы плодомъ отвлеченныхъ умозаключеній. Въ дѣлахъ прессы эта односторонность можетъ вести къ большимъ неудобствамъ, ибо свобода слова менѣе чѣмъ что-либо должна измѣряться какимъ-либо безусловнымъ, общимъ для всѣхъ странъ масштабомъ» [17]).

Несмотря на столь авторитетную поддержку, департаментъ законовъ не принялъ предложенія Валуева, главнымъ образомъ, въ виду нежеланія *колебать* (что однако не помѣщало (см. ниже) изданію, полгода спустя послѣ введенія Судебныхъ Уставовъ, измѣненію ихъ закономъ 17-го Декабря 1866 г. въ смыслѣ, стѣснительномъ для печати) только что утвержденные Судебные Уставы 1864 г.

Въ началѣ марта 1865 г. проектъ Валуева изъ общаго собранія государственнаго совѣта поступилъ обратно въ департаментъ законовъ. Въ точности прослѣдить судьбу проекта въ общемъ собраніи по имѣющимся въ нашемъ распоряженіи оффиціальнымъ даннымъ нельзя. Сколько можно судить по матеріаламъ для журнала, засѣданія (форменнаго журнала, кажется, не было составлено), проектъ, во всей цѣлости, не нашелъ сочувствія въ общемъ собраніи. По иниціативѣ Н. А. Милютина, поддержанной военнымъ министромъ Д. А. Милютинымъ, государственный совѣтъ предложилъ департаменту законовъ ограничиться вмѣсто общаго цензурнаго устава отдѣльными дополнительными мѣропріятіями впредь до дальнѣйшихъ указаній опыта.

Проектъ, — высказалъ Д. А. Милютинъ, — если смотрѣть на него, какъ на законченное законоположеніе, не удовлетворитъ требованій, заявляемыхъ съ каждымъ днемъ все сильнѣе и

---

17) См. отзывъ II-го отдѣл., стр. 19.

сильнѣе литературою и публикою, а между тѣмъ создастъ *новыя затрудненія*. Если же видѣть въ немъ лишь переходную мѣру, то «можно смотрѣть снисходительно на *многія* (курсивъ въ подлинникѣ) слабыя стороны проекта». Съ такой новой точки зрѣнія вторично былъ разсмотрѣнъ проектъ 10-го и 13-го марта 1865 г. въ департаментѣ законовъ. Признавая всѣ преимущества карательной системы, департаментъ законовъ, въ виду неустройства еще судебной части [18]), единогласно одобрилъ, въ видѣ *переходной мѣры*, смѣшанную систему, съ чѣмъ согласился и Норовъ, мотивируя свое согласіе тѣмъ, что «правительство не произноситъ еще теперь послѣдняго слова и рѣчь идетъ только о мѣрахъ переходныхъ».

Затѣмъ по существу департаментъ законовъ принялъ мнѣніе бар. Корфа о пониженіи нормы свободныхъ отъ цензуры книгъ до 10 листовъ, при чемъ главному управленію предоставилъ, одновременно съ заарестованіемъ книги, возбужденіе уголовнаго преслѣдованія.

По вопросу объ организаціи главнаго управленія восемь членовъ (Литке, Бахтинъ, Норовъ, Ковалевскій, Д. Милютинъ, Ахматовъ, Бутковъ, Н. Милютинъ) стояли за предоставленіе главному управленію *самостоятельности* и за переносъ, въ случаѣ несогласія министра, дѣла въ комитетъ министровъ, а пять членовъ (бар. Корфъ [19]), кн. Долгоруковъ, Валуевъ, Головнинъ, Замятнинъ) за предоставленіе управленію лишь совѣщательнаго голоса [20]).

---

[18]) Въ первоначальномъ проектѣ Высочайшее повелѣніе начиналось такъ: «Признавая за благо дать печатному слову всю степень свободы, совмѣстимую съ настоящимъ положеніемъ судебной части» и пр.

[19]) Ранѣе въ отзывѣ своемъ отъ 19 го декабря 1863 года бар. Корфъ рѣшительно высказывался за отвергнутое имъ теперь мнѣніе. (См. стр. 83—85 его отзыва).

[20]) Большинство отдѣльныхъ замѣчаній членовъ общаго собранія государственнаго совѣта клонилось къ усиленію цензурной репрессіи. І. *Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій* полагалъ увеличить до 7 дней срокъ просмотра цензурою книгъ до 20 печатныхъ листовъ. Указывая на то, что не смотря на заарестованіе нумера журнала (?) *Вѣсть*, въ коемъ былъ напечатанъ извѣстный адресъ московскаго дворянства о представительствѣ, оставшіеся въ публикѣ экземпляры должны были

Что касается формы законоположенія, то рѣшено было всѣ перемѣны, имѣющія предметомъ поощрительныя для нашей литературы льготы, изложить въ формѣ именнаго Высочайшаго Указа, непосредственно отъ престола исходящаго, а подробно-

произвесть извѣстное дѣйствіе, принцъ полагалъ, что такимъ же образомъ могутъ быть изданы не только замаскированные переводы нѣкоторыхъ запрещенныхъ сочиненій Бюхнера, Молешота, Бунзена и др., но и зажигательнѣйшія изъ ученій Герцена.—Онъ возражалъ также противъ дозволенія частнымъ лицамъ имѣть ручные станки, ссылаясь на то Земля и Воля и Юная Россія печатались на такихъ станкахъ.—Онъ же возражалъ противъ освобожденія отъ залоговъ ученыхъ журналовъ. Е. В., обращая вниманіе на то, что ученые, особенно натуралисты и медики суть весьма часто матеріалисты, полагалъ примѣнять къ нимъ болѣе строгія взысканія. Онъ же полагалъ предоставить, какъ во Франціи, дѣлать предостере женія префектамъ — губернаторамъ, дабы наказаніе слѣдовало тотчасъ за преступленіемъ, и вообще находилъ неправильнымъ смягченіе наказаній, допущенное проектомъ сравнительно съ Улож. о нак. (см. стр. 1—4 Замѣчаній).

II. Кн. П. П. *Гагаринъ* высказался, вмѣстѣ съ гр Панинымъ за то, чтобы предостереженія дѣлались отъ совѣта главнаго управленія, полагая, что тогда они будутъ имѣть болѣе нравственнаго авторитета, а также за предоставленіе *самостоятельности* совѣту, полагая, что отвѣтственность его будетъ болѣе реальною, чѣмъ отвѣтственность министра внут. дѣлъ и что промахи будутъ рѣже, такъ министръ, какъ бы геніаленъ ни былъ, не можетъ избѣгнуть ихъ.

III. Ген.-адъют. *Сухозанетъ* указывалъ на то, что лицамъ, содержащимся въ крѣпости за политическія преступленія дозволялось въ недавнее время заниматься литературою, полагалъ не распространять на нихъ право издавать книги безъ предварительной цензуры.

IV. Ген.-адъют. *Игнатьевъ* полагалъ требовать залоги и отъ подцензурныхъ повременныхъ изданій. Никому нѣтъ пользы писалъ онъ, чтобы органы общественнаго мнѣнія выходили изъ самыхъ низшихъ слоевъ общества. Чѣмъ выше, независимѣе индивидуальное положеніе, тѣмъ безпристрастнѣе сужденіе, тѣмъ болѣе сближаются частные интересы съ общественною пользою (стр. 14 Замѣчаній).

V. Оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода предлагалъ внести особую статью о воспрещеніи критическаго разсмотрѣнія законовъ, которыми управляется православная церковь (стр. 21).

Нѣсколько незначительныхъ замѣчаній сдѣлалъ бывшій мин. нар. просв. Е. Ковалевскій.—Самыя полныя и разумныя замѣчанія были сдѣланы военнымъ министромъ Д. А. Милютинымъ (стр. 21—28). Часть этихъ замѣчаній приводится въ текстѣ.

сти мѣръ и ограниченій изложить въ видѣ мнѣнія государственнаго совѣта.

Въ исполненіе этого плана 6-го апрѣля 1865 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе, гласившее такъ: «Желая дать отечественной печати возможныя *облегченія и удобства*. Мы признали за благо сдѣлать въ дѣйствующихъ цензурныхъ постановленіяхъ, при настоящемъ *переходномъ* положеніи судебной части и впредь до дальнѣйшихъ указаній опыта, перемѣны и дополненія» [21]).

Такимъ образомъ по мысли законодателя законъ 6-го апрѣля составлялъ только *первый* шагъ по пути освобожденія печати и какъ таковой имѣетъ видное значеніе въ исторіи нашего законодательства о печати, хотя самъ по себѣ, по вѣрному замѣчанію проф. Фойницкаго, онъ стоитъ ниже даже реакціонныхъ законодательствъ: прусскаго 1851 года и австрійскаго 1852 г. [22]). Г. Головачевъ, прекрасно выяснившій многочисленныя слабыя стороны его [23]), тѣмъ не менѣе въ правѣ былъ воскликнуть: свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ»... Въ самомъ дѣлѣ, если припомнить, что еще Сводомъ Законовъ изданія 1857 г. воспрещалось вообще всякое «разсужденіе въ печати о потребностяхъ и средствахъ къ улучшенію какой-либо отрасли

---

[21]) Въ 1864 г. былъ внесенъ также въ государственный совѣтъ проектъ о штемпельномъ сборѣ съ повременныхъ изданій, но проектъ былъ отвергнутъ. Изъ приложенныхъ статистическихъ данныхъ видно, что въ 1863 г. въ Россіи выходило 301 періодическое изданіе. Въ этомъ числѣ частнымъ лицамъ принадлежало 124, изъ коихъ 70 политическаго содержанія. Размѣръ предположеннаго сбора опредѣлялся въ 70,000 руб., при чемъ больше всего должны были платить: *Сынъ Отечества* и *Русскія Вѣдомости* — по 11000 руб. въ годъ (съ 20000 подписчиковъ по 55 коп. съ экз.), *Московскія Вѣдомости* 7200 р. (съ 12000 подп. по 60 к. съ год. экз.), *Сѣверная Пчела*—3000 руб. (съ 5000 под.) *Голосъ* (годъ основанія)—1200 руб. (съ 2000 подп.). *С.-Петербургскія Вѣдомости*—4000 руб. (съ 8000 подп.), *День*—1440 руб. (съ 8000 подп.), *Искра*—1260 руб. (съ 7000 подп.), *Отечественныя Записки*—2000 р. (съ 4000) *Русскій Вѣстникъ*—2850 р. (съ 5700 подп.), *Современникъ*—3540 р. (съ 7000 подп.), *Русское Слово* - 2500 руб. (съ 4000 подп.) и т. д. (стр. 25—27 проэкта).

[22]) См. Сбор. госуд. знаній, т. II, 433.

[23]) А. Головачевъ. Десять лѣтъ реформъ, стр. 257—276.

государственнаго хозяйства въ имперіи», то законъ 6-го апрѣля, разрѣшившій обсужденіе какъ «отдѣльнаго, такъ и цѣлаго законодательства и опубликованныхъ распоряженій правительства», знаменуетъ собой нѣкоторый шагъ впередъ.

IV.

Но отъ теоретическаго прогресса до практическаго осуществленія его на дѣлѣ еще очень далеко. Законъ, проходя чрезъ руки исполнителей, подвергается уклоненію въ ту или другую сторону, подвергается преломленію, подъ воздѣйствіемъ среды, подобно преломленію луча свѣта, проходящаго чрезъ призму. Суровое законодательство Николаевской эпохи подъ мягкимъ управленіемъ В. А. Головнина дало русской печати такую свободу, какою она ни раньше, ни позже не пользовалась и которая, по справедливому замѣчанію бар. Корфа, была «близка къ полной свободѣ» [24]). Тутъ мы видимъ благопріятное для печати уклоненіе практики отъ первоначальнаго законодательнаго намѣренія, клонившагося къ возможно большему стѣсненію печати.

Слишкомъ хорошо извѣстно, при какихъ условіяхъ пришлось дѣйствовать и въ какую сторону уклониться «льготному» законодательству 6-го апрѣля, вызванному къ жизни стремленіемъ предоставить отечественной печати возможныя облегченія или, какъ гласитъ первоначальный проектъ указа, «всю степень свободы, совмѣстимую съ тогдашнимъ (1865 г.) положеніемъ судебной части»... [25]).

Что касается законодательной практики, то и она также уклонилась въ сторону отъ первоначальнаго направленія, легшаго въ основу закона 6-го апрѣля. Этотъ «временной» законъ, изданный сначала въ видѣ «переходной мѣры», просуществовалъ гораздо дольше, чѣмъ другіе коренные законы. А съ другой стороны перемѣны, послѣдовавшія въ этомъ законѣ, какъ свидѣтельствуетъ законодательная хроника, имѣли не освобо-

---

[24]) См. отзывъ его, стр. 83.

[25]) См. проектъ по дѣламъ печати въ дѣлѣ госуд. совѣта, по департаменту законовъ, стр. 1.

дительный, а стѣснительный или репрессивный характеръ, знаменовавшій перемѣну взглядовъ на роль и положеніе печати въ обществѣ.

17-го октября 1866 г. послѣдовалъ, послѣ разсылки редакціею пріостановленнаго на пять мѣсяцевъ *Русскаго Слова* сборника *Лучъ*, законъ, воспретившій разсылать подписчикамъ, въ періодъ пріостановки, какое-либо изданіе отъ имени редакціи.

Послѣ перваго журнальнаго процесса «*Современника*» на новомъ судѣ былъ изданъ 12-го декабря 1866 г. законъ, передавшій дѣло печати изъ окружныхъ судовъ въ судебныя палаты, въ качествѣ первой инстанціи.

Закономъ 13-го іюня 1867 г. печатаніе отчетовъ о засѣданіяхъ сословныхъ и общественныхъ собраній поставлено въ зависимость отъ разрѣшенія губернскаго начальства.

Закономъ 7-го іюня 1872 г. установлены болѣе строгія правила для заарестованія и преслѣдованія книгъ.

Закономъ 12-го іюля 1873 года предоставлено министру внутреннихъ дѣлъ воспрещать временно, безъ опредѣленія однако срока, (вслѣдствіе этого есть воспрещенія, длящіяся до 10—15 лѣтъ) оглашеніе и обсужденіе въ печати какого-либо вопроса государственной важности и за нарушеніе этого распоряженія пріостанавливать изданіе на три мѣсяца.

Временными правилами 5-го апрѣля 1879 г. предоставлено было генералъ-губернаторамъ право пріостанавливать или прекращать, за вредное направленіе, изданія журналовъ и газетъ, а положеніемъ 14-го августа 1881 г. предоставлено право пріостанавливать ихъ изданіе главноначальствующему въ мѣстностяхъ, объявленныхъ въ положеніи чрезвычайной охраны.

Высочайше утвержденнымъ 27-го августа 1882 г. положеніемъ комитета министровъ временно узаконены слѣдующія новыя репресивныя мѣры: газеты, возобновившія изданія послѣ третьяго предостереженія, представляются въ цензуру въ 11 час. наканунѣ выхода нумера, причемъ цензору предоставляется въ случаяхъ усматриваемаго имъ значительнаго вреда (этого режима не могло выдержать до сихъ поръ ни одна газета) пріостанавливать выходъ въ свѣтъ безъ возбужденія уголовнаго преслѣдованія. Повременныя изданія обязываются сообщать, по требо-

ванію министра внутреннихъ дѣлъ, имена авторовъ анонимныхъ статей. Совершенное прекращеніе изданія повременныхъ изданій, съ воспрещеніемъ редакторамъ и издателямъ принимать эти званія впослѣдствіи, предоставлено особому совѣщанію, въ составъ котораго входятъ: министры внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія и юстиціи и оберъ-прокуровъ святѣйшаго синода.

Этотъ краткій перечень достаточно говоритъ о направленіи, усвоенномъ нашимъ законодательствомъ относительно печати.

Едва ли не въ такомъ неблагопріятномъ для свободы печати направленіи одна изъ главныхъ причинъ неудовлетворительнаго дѣйствія реформъ 60-хъ годовъ. Безъ свободы слова новыя свободныя учрежденія неизбѣжно обречены были на захирѣніе [26]).

[26]) См. Собраніе Сочиненій И. С. Аксакова, IV, 407.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Первые шаги безцензурной печати.

(Справка къ 4-му сентября 1865—1890 гг.).

1. Открытіе Главнаго Управленія по дѣламъ печати.—Статья *Сѣверной Почты.* — 2. Статьи *С.-Петерб. Вѣдом., Голоса* и *Москов. Вѣдом.* — 3. *Статьи Дня* И. С. Аксакова и *Отчетъ Записокъ.*—4. Первыя административныя и судебныя взысканія.

I.

Двадцать пять лѣтъ тому назадъ имѣло мѣсто довольно крупное, въ исторіи нашей общественной жизни, событіе *4-го сентября 1865 г.*, впервые за все время существованія русской печати, вышли въ свѣтъ, въ силу закона 6-го апрѣля 1865 г., произведенія печатнаго слова безъ предварительнаго цензурнаго просмотра и одобренія.

Освобожденію печати отъ предварительной цензуры предшествовало устройство того учрежденія, въ которомъ отнынѣ должно было сосредоточиться общее руководство, надзоръ и карательная дѣятельность относительно произведеній словесности,—Главнаго Управленія по дѣламъ печати. Оно было открыто 1-го сентября министромъ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуевымъ въ присутствіи предсѣдателя коммиссіи, выработавшей проектъ закона 6-го апрѣля, кн. Д. А. Оболенскаго. Въ составъ главнаго управленія вошли: въ качествѣ предсѣдателя, начальникъ его, бывшій предсѣдатель московскаго цензурнаго комитета, сенаторъ

М. П. Щербининъ, на правахъ членовъ: бывшій предсѣдатель с.-петербургскаго цензурнаго комитета Туруновъ, члены бывшаго совѣта по дѣламъ книгопечатанія Гончаровъ и Варадиновъ, завѣдывавшій дѣлами означеннаго совѣта Фуксъ, состоявшій по военному вѣдомству Толстой; правителемъ канцеляріи былъ назначенъ Капнистъ. Послѣ молебствія, совершеннаго въ помѣщеніи главнаго управленія, министръ произнесъ рѣчь, въ которой указалъ на важную роль, выпадающую на долю новаго учрежденія [1]).

3-го сентября въ оффиціальномъ органѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, въ *Сѣверной Почтѣ*, появилась передовая статья, разъяснявшая значеніе новаго режима русской печати. Открытіе главнаго управленія *можетъ*,—гласитъ статья,—составить *новую эру* для русской литературы. Законодательство, — продолжалъ оффиціальный органъ, — исполнило свою задачу: печати даны возможныя облегченія и льготы. Администраціи предстоитъ блюсти, чтобы пользованіе ими оставалось въ предѣлахъ новаго закона, который «не ставитъ слишкомъ много преградъ для честнаго пользованія свободою выражаться въ печати». Обращаясь къ литературнымъ дѣятелямъ, *Сѣверная Почта* замѣчала, что они сами должны озаботиться о своемъ будущемъ, о томъ, чтобы для нихъ дѣйствительно настала новая эра.

Обстоятельства, при которыхъ литература вступаетъ въ новый періодъ, были, по мнѣнію оффиціальнаго органа, благопріятны. Свобода, которою печать пользовалась *на дѣлѣ* въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ, могла служить полезною школою для литетурныхъ дѣятелей. Печать должна имѣть въ виду условія, соблюденіе которыхъ необходимо для пользы печати и въ интересахъ общества и безъ которыхъ немыслимо достоинство писателя, изъявляющаго притязаніе на пользованіе свободою слова. «*Свобода*—писала названная газета,—*обязываетъ;* право неразрывно съ обязанностью; самостоятельность призываетъ къ самообладанію». Указавъ затѣмъ, что превительство въ послѣдніе 10 лѣтъ охотно выслушивало многія заявленія въ печати и пользовалось ими въ интересахъ общества, *Сѣверная Почта* выражала увѣ-

---

1) См. № 189. *Сѣвер. Почты* за 1865 г.

ренность, что готовность эта и впредь *не уменьшится*. Она только приглашала печать взвѣшивать практическія средства выполненія того, что она предлагаетъ (*Съв. Почта*, № 120-й),

II.

Изъ петербургскихъ изданій первыми воспользовались новымъ режимомъ свободы или, какъ вѣрнѣе назвалъ его проф. Фойницкій [2]), «временно-обязаннымъ» состояніемъ полусвободы, *С.-Петербургскія Вѣдомости* и *Голосъ*. Въ нумерахъ, вышедшихъ 4-го сентября 1865 г., и та, и другая газета, разумѣется, занимаются обсужденіемъ новыхъ условій дѣятельности печати.

Старѣйшая изъ русскихъ газетъ, *С.-Петербургскія Вѣдомости*, въ небольшой передовой статьѣ встрѣчаетъ довольно сдержанно наступившую «новую эру». «Сегодня мы получили право на изданіе газеты безъ цензуры. *Крѣпостная* зависимость наша отъ цензуры, отъ личной воли и личнаго усмотрѣнія посторонняго лица кончилась (?); признанные совершеннолѣтними, мы будемъ зависѣть съ настоящаго дня отъ нашей собственной (sic) воли, отъ нашего собственнаго усмотрѣнія въ тѣхъ предѣлахъ (газета съ прискорбіемъ вскорѣ должна была убѣдиться какъ не ясны эти предѣлы), какіе предоставляетъ законъ для публичной дѣятельности. Нынѣ отошла отъ насъ попечительная опека, и мы очутились, какъ люди свободные, лицомъ къ лицу съ закономъ (?), ничѣмъ, кромѣ собственнаго благоразумія, незащищенные отъ его грозы и кары» [3]).

Переходя засимъ къ вопросу о будущности русской печати, академическая газета выражала надежду, что «строгій законъ» будетъ смягченъ благодаря «просвѣщенному взгляду» исполнителей. «Нигдѣ такъ не будетъ чувствоваться,—писали *П. В.*,—надобности въ благосклонномъ толкованіи, какъ при переходѣ отъ предупредительной цензуры къ карательной. Открывается обширное поле для ошибокъ, *недоразумѣній* (первою жертвою

---

[2]) См. Сборникъ государственныхъ знаній, т. II: «Моменты въ исторіи законодательства о печати».

[3]) *С.-Петерб. Вѣд.*, № 229-й.

такого недоразумѣнія, какъ увидимъ ниже, сдѣлалась академическая газета, которой дано было прежде всѣхъ первое предостереженіе), для невольныхъ промаховъ съ одной стороны, для *излишней осторожности* съ другой: только опытъ покажетъ путь, на которомъ русская литература можетъ безопасно пользоваться предоставленною свободою». Вступая, не безъ тревоги предъ неизвѣстнымъ будущимъ, въ новыя условія дѣятельности, газета Корша видѣла залогъ лучшей будущности въ довѣріи общества къ печати и въ союзѣ всѣхъ честныхъ дѣятелей печати.

Голосъ посвятилъ закону 6-го апрѣля большую передовую статью. «Сегодня въ первый разъ отъ самаго начала нашей журнальной дѣятельности, — писалъ старѣйшій изъ русскихъ публицистовъ А. А. Краевскій,—обращаемся мы къ читателямъ съ рѣчью, непросмотрѣнною предварительно цензоромъ. Намъ нечего скрывать чувство радости, съ которымъ мы начинаемъ вести такую рѣчь; радость наша не выразится шумно именно потому, что эта радость искренняя, глубокая. Мы приступаемъ къ болѣе свободной дѣятельности не съ дѣтскимъ восторгомъ, какой ощущаетъ школьникъ, выходя изъ училища, съ намѣреніемъ забыть уроки, разорвать связь съ прошедшимъ. Мы ничего не забываемъ, ничего разрывать не хотимъ, мы не можемъ даже сказать, что для нашей прессы настаетъ новая эра, эра возрожденія. Нѣтъ, намъ не слѣдуетъ ни забывать, ни разрывать. Наша пресса въ послѣднее полустолѣтіе оказала услуги, которыми по справедливости она можетъ гордиться. Она по мѣрѣ возможности высказывала стремленія общества; чѣмъ стѣснительнѣе бывала иногда доступная ей форма выраженія, чѣмъ ограниченнѣе бывало поле ея дѣйствія, тѣмъ больше ея заслуги; многіе изъ горячихъ, благородныхъ дѣятелей ея не дождались настоящаго дня, того дня, когда слову серьезнаго, благоразумнаго писателя дается болѣе простора».

Указывая на то, что въ Россіи, въ отличіе отъ другихъ странъ, свобода печати явилась по иниціативѣ правительства, а не была результатомъ насильственныхъ дѣйствій, *Голосъ* совѣтовалъ не упускать въ будущемъ изъ виду эту особенность русской печати. Дѣятелямъ же печати онъ рекомендовалъ имѣть въ виду

служеніе обществу. Какъ-бы предугадывая нѣкоторыя послѣдующія прискорбныя явленія изъ исторіи нашей печати, *Голосъ* называлъ презрѣнными тѣхъ дѣятелей, которые воспользуются реформою «для балаганнаго представленія» и превратятъ печать «въ орудіе личныхъ цѣлей». Болѣе же всего негодовала газета Краевскаго на тѣхъ публицистовъ, которые «воспользуются новымъ правомъ, чтобы инквизиторски преслѣдовать новое слово, производить дознаніе, почему что сказано и почему чего-либо не сказано, словомъ учредить *инквизицію слова*» (чѣмъ, какъ извѣстно, прославились извѣстные органы московской печати) [4]).

Въ заключеніе *Голосъ* выражалъ пожеланіе, чтобы правительство разширяло постепенно предѣлы свободной печати и не увлекалось «подозрительностью, если бы даже въ печати стали появляться неблагонамѣренные доказчики».

Въ Москвѣ стали выходить безъ предварительной цензуры: *Московскія Вѣдомости*, *Современная Лѣтопись и Русскій Вѣстникъ* М. Н. Каткова, *День* И. С. Аксакова.

Московскія Вѣдомости вышли 4-го сентября съ небольшой передовой статьей, которая начиналась такъ: «Первымъ словомъ освобожденной печати да будетъ слово хвалы и благодарности Монарху, полагающему свое счастье въ томъ, чтобы видѣть русскій народъ «охраненнымъ въ своемъ развитіи твердыми законами и ненарушимымъ правосудіемъ» [5]). Отнынѣ печать наша находится на твердой (?) почвѣ закона (ниже увидимъ, какъ скоро должна была исчезнуть эта оптимистическая иллюзія, навѣянная первымъ порывомъ радостнаго настроенія) и не подлежитъ *произволу*, который и при самыхъ лучшихъ условіяхъ никогда *не можетъ* замѣнить то, что̀ называется законностью, то, что̀ называется справедливостью и въ чемъ состоитъ *истинный смыслъ того, что̀ называется свободою*». Разъясняя далѣе значеніе новаго юридическаго положенія печати, *Московскія Вѣдомости* съ удареніемъ указывали, что свобода печати не есть интересъ тѣснаго круга литераторовъ

4) См. *Голосъ* 1865 г., № 244.

5) Слова́ эти взяты изъ Высочайшаго рескрипта, послѣдовавшаго 30-го августа 1865 г. на имя московскаго митрополита Филарета, въ отвѣтъ на принесенное имъ поздравленіе со днемъ тезоименитства.

и издателей, а «*великій интересъ цѣлой страны;* это—политическое право, даруемое пѣлому народу». «Въ наши государственныя и общественныя дѣла, — писалъ московскій публицистъ,—вносится начало публичности и каждому предоставлено законное участіе въ дѣлахъ общаго интереса. Русское *общественное мнѣніе впервые возводится на степень законной силы* и празднуетъ теперь свое политическое совершеннолѣтіе; о чемъ за нѣсколько лѣтъ предъ симъ можно было мечтать, то становится теперь живою дѣйствительностью».

Ставя высоко значеніе новаго закона, университетская газета не скрывала однако отъ себя, что то или другое положеніе печати всецѣло будетъ зависѣть отъ исполненія закона. «Общія основанія закона, — писали *Моск. Вѣд.*, — очень (?) широки (какъ мы видѣли выше, оффиціальный органъ довольствовался только констатированіемъ, что новый законъ ставитъ «не слишкомъ много преградъ»). Но законъ есть только начало, остается желать, чтобы исполненіе соотвѣтствовало благимъ намѣреніямъ закона. Все будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ, среди которыхъ законъ будетъ дѣйствовать. При благопріятныхъ условіямъ свобода окажетъ свое благотворное дѣйствіе; *она облагородитъ и возвыситъ* нашу общественную среду и сообщитъ нашей печати болѣе достойный характеръ и полезное значеніе» [6]).

III.

Самое горячее и обстоятельное обсужденіе новаго законодательства о печати мы находимъ въ газетѣ И. С. Аксакова *День*. Какъ извѣстно, свобода печати входила какъ одинъ изъ основныхъ догматовъ въ политическое ученіе славянофиловъ. Еще до изданія закона 6-го апрѣля, *День* въ цѣломъ рядѣ статей трактовалъ о разныхъ сторонахъ вопроса о свободѣ печати. Считая пользу свободы печати и вредъ цензуры за аксіомы, признаваемыя всѣми *разумными* (курсивъ въ подлинникѣ) людьми, газета старалась опровергнуть то предубѣжденіе, которое существовало противъ нея въ оффиціальныхъ кругахъ [7]).

[6]) См. *Московскія Вѣдомости*, 1865 г., № 199.

[7]) См. *День* отъ 12-го мая 1862 г.

Покойный Аксаковъ полагалъ, что свобода слова есть прирожденное право человѣка [8]), и смотрѣлъ на вопросъ о свободѣ печати, какъ на самый жизненный, самый важный для Россіи послѣ освобожденія крестьянъ [9]). «Мѣра простора, предоставленнаго мысли и выраженію ея въ словѣ,—писалъ Аксаковъ,—будетъ служить въ то же время мѣрою нашего общественнаго развитія; просторъ слова *нужнѣе всѣхъ реформъ*, послѣ освобожденія 20-ти милліоновъ русскихъ крестьянъ, нужнѣе и земскихъ и другихъ учрежденій, ибо въ немъ, въ этомъ просторѣ, заключается *условіе жизненности* для всѣхъ этихъ учрежденій, и безъ него они едва ли взойдутъ» [10]).

Въ первомъ нумерѣ *Дня*, вышедшемъ безъ цензуры, И. С. Аксаковъ въ живой и прочувствованной передовой статьѣ обрисовалъ значеніе и послѣдствія произведенной реформы и высказалъ вкратцѣ свое profession de foi.—«Наконецъ-то!...—такъ начинаетъ свою статью *День*. Сегодняшній № выходитъ безъ предварительной цензуры. Сегодня, принимаясь за передовую статью, мы знаемъ, что прочтемъ ее въ печати въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ мы ее напишемъ; сегодня мы не обязаны сообразоваться съ вкусомъ, доблестью и міросозерцаніемъ «господъ команду на заставахъ и шлагбаумахъ имѣющихъ» (какъ писалось въ старинныхъ паспортахъ). Сегодня кошмаръ, въ образѣ цензора, не станетъ мѣшать нашей работѣ, спирать духъ, давить умъ и задерживась перо, и мы получимъ неслыханное и невиданное право: не лгать, не кривить словомъ, говорить не фистулой, а своимъ собственнымъ природнымъ голосомъ».

«Не благоразумнѣе, не тактичнѣе ли было бы, однако,—говорится дальше, — вступить въ пользованіе новыми правами горделиво и важно, не понимая стараго? Но такое поведеніе грѣшило бы противъ искренности: русскому печатному слову стыдно бы не радоваться своему освобожденію, хотя бы еще далеко не полному, изъ долгаго, долгаго тягостнаго плѣна».

«Но не было ли бы, однако, дѣломъ великодушія пощадить

---

[8]) См. *День* отъ 23-го января 1863 г. и 22-го декабря 1862 г.

[9]) *День* 19-го мая 1862 г.

[10]) *День* 6-го января 1864 г.

отъ упрековъ прежній порядокъ и предать забвенію старое? Мы не будемъ великодушны, — говоритъ Аксаковъ. Мы считаемъ такое великодушіе неумѣстнымъ. Мы поминаемъ лихомъ, мы не можемъ, мы не должны не поминуть лихомъ того страшнаго стѣсненія, которому такъ долго подвергалась русская печать. Къ тому же это старое еще вовсе не есть что либо окончательно отжившее и схороненное; напротивъ, оно живетъ, обнаруживаетъ и обнаружитъ еще не разъ живучесть своего принципа, хотя и подъ другими формами».

Останавливаясь на прежнемъ цензурномъ порядкѣ, *День* ставитъ ему въ вину то, что онъ внесъ *кривду* въ область печатнаго слова. «Мало было кривды,—пишетъ Аксаковъ,—во всемъ строѣ нашего общественнаго развитія; мы добились того, что самое *слово искривилось:* авторъ думалъ не о томъ, чтобы какъ можно яснѣе выразить свою мысль, а только о томъ, чтобы протащить свою мысль контрабандою сквозь цензурную стражу: отсюда условный языкъ, чтеніе между строкъ. Нравственныя пытки, — продолжаетъ Аксаковъ, — которымъ при предварительной цензурѣ подвергался писатель, могутъ быть сравнены развѣ только съ пыткою художника кисти, когда непрошенный цѣнитель мазнетъ толстымъ пальцемъ по его свѣжему рисунку. Писатель зависѣлъ,—продолжаетъ онъ,—не отъ твердо установленныхъ правилъ, а отъ чужаго ума и чужаго вкуса. Слово изъ-подъ цензорскихъ рукъ выходило взъерошенное, искалѣченное и привѣтствовалось публикою, какъ тріумфъ побѣды, внушалось съ жадностью, какъ запрещенный плодъ».

Чтобы излѣчить весь тотъ вредъ, который проникъ въ общество благодаря этому стѣсненію, нуженъ теперь уже, — говоритъ *День*, — «не мерцающій, не мигающій, а прочный свѣтъ свободы, нужно, чтобы даруемая свобода печати стала дѣйствительною правдою, а *не подобіемъ*». Развивая свою мысль Аксаковъ продолжаетъ:

Подобіе правды! Неужели намъ еще не надоѣло подобіе? Всмотритесь пристальнѣе кругомъ себя,—что вы увидите? Толпу призраковъ, тѣней, или, вѣрнѣе сказать, подобій; вы окружены подобіемъ всего—живаго, дѣйствительнаго, реальнаго, но только подобіемъ,—а вовсе не самымъ этимъ живымъ, дѣйствитель-

нымъ, реальнымъ. Все у насъ существуетъ будто-бы; ничто не кажется серьезнымъ, настоящимъ, а имѣетъ видъ чего-то временнаго, поддѣльнаго, показнаго, и все это отъ самыхъ мелкихъ явленій до крупныхъ. У насъ будто-бы есть и законы, и даже пятнадцать томовъ Свода Законовъ, обнимающихъ всѣ отрасли управленія, регламентирующихъ всѣ отправленія государственной и общественной жизни, а между тѣмъ половина этихъ управленій въ дѣйствительности вовсе не существуетъ, а законы не уважаются. У насъ есть очень либеральныя учрежденія, такія либеральныя, что либеральнѣе ихъ нѣтъ въ цѣлой Европѣ, но и это все будто-бы, всѣ эти либеральныя права не вносятъ въ общественную жизнь, и просто даже въ душу отдѣльныхъ людей никакой животворной свободы,—все исполняется по наружности, все либеральничаетъ по формѣ и данному образцу, а плоды порождаетъ, какъ извѣдано опытомъ, самые непригодные!—Мы чуть не восторженно привѣтствовали отмѣну тѣлеснаго наказаній, но однако-же лишены права сказать, что тѣлеснаго наказанія въ Россіи не существуетъ: его будто-бы нѣтъ, и дѣйствительно нѣтъ по суду, но оно есть, да и въ какомъ еще широкомъ размѣрѣ, налагаемое по усмотрѣнію полицейской власти! Правительство истощается въ благородныхъ усиліяхъ, желая создать какую-нибудь живую дѣятельную силу въ обществѣ, но и тутъ успѣваетъ создать только—видимость... Подобіе правосудія, подобіе муниципалитетовъ (на самомъ дѣлѣ признающихъ свои муниципальныя права за повинность, отъ которой муниципалы спѣшатъ уклоняться), подобіе самоуправленія (примѣръ городскихъ думъ въ столицахъ, несмѣющихъ израсходовать двухъ рублей съ полтиной безъ разрѣшенія начальства), подобіе просвѣщенія, подобіе науки, подобіе классическаго образованія, подобіе университетовъ,—подобіе либерализма, прогресса, независимости церкви, порядка, общественной силы, общественныхъ дѣйствительныхъ интересовъ, общественнаго мнѣнія, подобіе самостоятельности у публицистовъ, подобіе правды въ отчетахъ, подобіе жизни!...

День высказываетъ надежду, что отнынѣ печать будетъ поставлена въ возможность говорить правду, а не подобіе правды. «Этотъ недостатокъ правдивости въ русскомъ обществѣ,—гово-

ритъ онъ,—эта непривычка высказывать свою мысль со всею откровенностью, во всей ея полнотѣ, безъ унизительныхъ для нея двусмысленностей; оговорокъ и иносказаній, затрудняетъ не только развитіе нашей общественности, но и ходъ государственныхъ отправленій» [11]).

Отечественныя Записки въ своемъ первомъ нумерѣ, вышедшемъ безъ цензуры, въ статьѣ озаглавленной «Безъ цензуры» такъ опредѣлялъ значеніе закона 6-го апрѣля. Указывая вмѣстѣ съ другими изданіями, что все будетъ зависѣть отъ способа примѣненія новаго закона, журналъ замѣчаетъ: «Достовѣрно, однако [12]), что даже самое неблагопріятное примѣненіе новаго закона всетаки должно быть *неизмѣримо* (??) лучше самаго идеальнаго состоянія печати подъ цензурною властью; если и можно сказать, что въ новыхъ правилахъ дано мѣсто произволу, то этотъ произволъ поставленъ въ необходимость обнаруживаться явно, долженъ при всякомъ проявленіи своемъ возбуждать общественное вниманіе и уже по одному этому можно надѣяться, что онъ не будетъ такимъ непріятнымъ, каковъ былъ тайный и безапелляціонный произволъ цензора».

IV.

Ближайшая практика по примѣненію правилъ объ отмѣнѣ предварительной цензуры и замѣнѣ ея карательною показала, какъ правы были тѣ государственные люди [13]) и публицисты, кото-

---

11) См. т. IV. Собраніе сочиненій Аксакова стр. 431—439.

12) *Отечественныя Записки* 1865 г., № 5.

13) Профессоръ-цензоръ Никитенко, очень близко стоявшій къ цензурному вѣдомству и принимавшій участіе въ составленіи проекта новаго закона о печати, смотрѣлъ очень мрачно на будущность русской литературы.—Подъ 16-мъ мая 1865 г. онъ заноситъ въ свой дневникъ: „Литературу нашу, кажется, ожидаетъ лютая судьба. Валуевъ достигъ своей цѣли: онъ забралъ ее въ свои руки и сдѣлался полнымъ ея властелиномъ. Худшаго господина она не могла получить. Сколько я могу судить по нѣкоторымъ убѣдительнымъ даннымъ, онъ, кажется, замыслилъ огромный планъ—уничтожить въ ней всякія „нехорошія поползновенія“ и сдѣлать ее „вполнѣ благонадежной“ т. е. сдѣлать то, чего не въ состояніи были сдѣлать, да едва ли и хотѣли сдѣлать до 1855 г. Тогда пре-

рые утверждали что неопредѣленная постановка въ законѣ вопроса о предостереженіяхъ можетъ дать поводъ къ весьма печальнымъ недоразумѣніямъ. Безмятежное существованіе безцензурной печати продолжалось не долго. Не прошло и двухъ недѣль со дня введенія новаго закона, какъ 18-го сентября послѣдовало *первое* изъ первыхъ предостереженіе.

Оно дано было *С.-Петерiскимъ Вѣдомостямъ*. Обстоятельства, при которыхъ оно состоялось, наглядно показываютъ, какія неудобства сопряжены съ системою предостереженій. Въ означенной газетѣ появилась полемическая (противъ *Сѣверной Почты*) статья, въ которой высказано было мнѣніе, что осуществленіе *предположеннаго*, по газетнымъ извѣстіямъ, проекта о залогѣ части государственныхъ имуществъ и о второмъ выпускѣ 5% банковыхъ билетовъ невозможно, безъ выкупа перваго выпуска, который обезпеченъ государственными имуществами. 18 сентября, въ *Сѣверной Почтѣ* появилось *первое* предостереженіе, данное за эту статью *С.-Петербурiскимъ Вѣдом.*, въ лицѣ ихъ редактора, В. Ѳ. Корша. Съ внѣшней стороны предостереженіе отличалось большою обстоятельностью. Указанъ былъ не только № и статья, вызвавшая административную кару, но и мѣста въ статьѣ съ точнымъ обозначеніемъ строкъ. Предостереженіе было мотивировано тремя соображеніями. Прежде всего ставилось въ вину газетѣ, что она высказала сужденіе, несогласное съ интересомъ государственнаго кредита, по поводу мѣры, не объявленной въ установленномъ порядкѣ. Затѣмъ выставлялось, что газета оспа-

---

зирали литературу, но не считали возможнымъ формулировать на *свой* ладъ. Валуевъ тоже ее презираетъ и думаетъ, что административныя мѣры сильнѣе всякой мысли. — Изданіе журналовъ, съ освобожденіемъ отъ предварительной цензуры становится крайне затруднительнымъ. Прежде цензоръ все-таки не могъ пренебрегать вполнѣ „что скажутъ о немъ въ обществѣ“, и издатели освобождались отъ отвѣтственности. Теперь надъ редакторами помѣщенъ Дамокловъ мечъ въ видѣ двухъ предостереженій и третьяго, за которымъ слѣдуетъ пріостановленіе.—Эта перспектива такъ мало улыбалась журналамъ, что намѣревались было отказаться отъ „эмансипаціи“. Но волею неволею пришлось оставить эту мысль, такъ какъ Валуевъ пригрозилъ большими цензурными строгостями. Никитенко полагалъ однако, что планъ Валуева разлетится, какъ дымъ, какъ и всѣ подобные планы (Русс. Стар. 1891, № 6, стр. 644).

ривала принадлежащее правительству право на залогъ государственныхъ имуществъ, и, наконецъ, указывалось, что газета неправильно приписывала государственнымъ имуществамъ характеръ спеціальнаго обезпеченія 5% банковыхъ билетовъ и тѣмъ возбуждала сомнѣніе, могущее имѣть вліяніе на довѣріе, которымъ пользуются билеты.

Предостереженіе встрѣчено было общимъ недоумѣніемъ и неудовольствіемъ. Выраженіемъ этихъ чувствъ служила статья, напечатанная въ № 288 *Моссковскихъ Вѣдомостей*. Газета прежде всего удивляется первому, юридическому мотиву предостереженія. Если законъ 6-го апрѣля разрѣшалъ обсужденіе опубликованныхъ законовъ, то тѣмъ болѣе онъ разрѣшилъ критику только еще предположенныхъ мѣропріятій. Переходя затѣмъ къ содержанію статьи, *Московскія Вѣдомости* находятъ, что статья, вызвавшая административное взысканіе, ничего злонамѣреннаго по цѣли не заключаетъ, по тону она также вполнѣ спокойна и прилична. Стало быть, заключаетъ московская газета, кара вызвана сущностью сужденія. Считая съ своей стороны мнѣніе, высказанное петербургскою газетою, неосновательнымъ, *Московскія Вѣдомости*, удивляются, что предостереженіе дано за «ошибочное» сужденіе. «Неужели государственный кредитъ есть вещь до такой степени колеблющаяся,—замѣчаютъ *Моск. Вѣдомости*,—что подъ вліяніемъ неосновательнаго, ошибочнаго, даже вопіюще-нелѣпаго сужденія той или другой независимой газеты онъ подвергается колебанію? Отъ свойства сужденія газеты зависитъ ея собственный, а не государственный кредитъ» [14]).

[14]) Въ Дневникѣ академика Никитенко находимъ слѣдующее мѣсто касательно этого перваго предостереженія: „Гер—съ, тов. мин. госуд. имущ. вмѣстѣ съ тѣмъ состоитъ и директоромъ френкелевскаго банка. Когда въ госуд. совѣтѣ была принята фраза, что и казна можетъ закладывать въ немъ свои имущества, обезпечивая ихъ всѣмъ государственнымъ достояніемъ, то Гер—съ далъ тотчасъ знать о томъ Френкелю, который, въ свою очередь, поспѣшилъ разгласить о томъ по всей Европѣ. Это страшно взволновало нашихъ капиталистовъ. Поднялись толки, невыгодные для правительства, и появилась статья въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*. Гер—съ большой пріятель Валуева и тотчасъ бросился къ нему, а Валуевъ, желая угодить нѣкоторымъ лицамъ, суммы которыхъ находятся въ банкѣ Френкеля, поспѣшилъ разразиться грозою надъ газетою, совершенно невинною. Значитъ, тутъ главную

Послѣ небольшой передышки предостереженія посыпались съ новою силою, въ которой явственнно слышалась нота личнаго раздраженія [15]). Не прошло и года со времени введенія новаго закона какъ подъ предостереженіями очутились журналы и газеты самыхъ различныхъ, часто противоположныхъ направленій.

Предостереженія, мотивированныя самыми разнообразными соображеніями (изъ коихъ далеко не всѣ проводились оффиціально) были даны: радикальнымъ *Современнику* [16]) и *Русскому Слову* [17]), умѣренно-либеральнымъ— *С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ* [18])

роль играли личные интересы, угодливость Валуева этимъ интересамъ. Впрочемъ, всѣ эти вещи такъ не новы, что никого и удивлять не могутъ. Въ публикѣ всеобщее негодованіе противъ Валуева (см. Русск. Стар. 1891, № 7, стр. 92 – 93).

15) Подъ 5-мъ октября 1866 г. академикъ Никитенко заноситъ въ свой дневникъ: Валуевская администрація, кажется, видитъ въ печати *личнаго врага*, и далѣе, подъ 5-мъ ноября: совершилось то, чего боялись люди мыслящіе, наступаетъ время поворота назадъ, время реакціи. *Русс. Стар.* 1891, № 9, стр. 575, 581.

16) Предостереженіе *Современнику* ставило ему въ вину косвенное и прямое порицаніе началъ собственности, брачнаго союза, возбужденіе вражды къ высшему сословію.—Академикъ Никитенко, относившійся отрицательно ко всѣмъ предостереженіямъ, даннымъ Валуевымъ, по поводу перваго предостереженія *Современнику* замѣчаетъ: по дѣламъ вору и мука (см. Русс. Стар. 1891, № 7, стр. 104).

17) Второе предостереженіе *Русскому Слову* дано было за статью Писарева объ ученіи Конта Акад. Никитенко, относившійся крайне враждебно къ этому журналу (см. стр. 104 Русс. Стар., 1991, № 7, 130) заноситъ въ свой дневникъ слѣдующее по поводу этого предостереженія: „Это уже придирка. Мы, значитъ, поворачиваемъ назадъ къ архи-цензурному времени. Одно изъ двухъ: или надо при расширеніи свободы допустить разныя воззрѣнія и толки о такихъ предметахъ, о которыхъ прежде толковалось не иначе, какъ оффиціально, и предоставить другимъ воззрѣніямъ опровергать первыя или остаться при прежнемъ стѣсненіи печати“. Возвращаясь къ этому предостереженію еще разъ, Никитенко прибавляетъ: „Во второмъ предостереженіи „Русс. Слову“ приведена причина: *косвенное* намѣреніе дать приложеніе коммунизму. Это одно слово: *косвенное* въ состояніи привести въ *отчаяніе* всякаго пишущаго, ибо чего нельзя представить въ видѣ косвеннаго нападенія на Бога, царя и т. д.“ (Русс. Стар. 1891, № VIII, стр. 282, 284).

18) Отмѣтивъ фактъ систематическаго преслѣдованія этой порядочной, по крайне осторожной газеты, пріостановленной въ сентябрѣ 1866 г., Никитенко замѣчаетъ: и такъ, Валуевъ, не одолѣвъ медвѣдя въ лѣсу (Кат-

и *Голосу* [19]), крѣпостнической *Вѣсти* [20]), славянофильскимъ *Дню* и *Москвѣ* [21]); даже архи-либеральный въ то время столпъ отечества *Московскія Вѣдомости* не былъ помѣщенъ [22]).

кова) набросился на бѣднаго беззащитнаго зайца и немилосердно травитъ его съ Щербининымъ и Фуксомъ. (Нач. и членъ главн. управл.) (см. Русс. Стар., 1891, № IX, стр. 572).

[19]) *Голосу* давалось предостереженіе и за непочтительный отзывъ о туркестанской администраціи и за неуважительный отзывъ о Наполеонѣ и объ остзейскихъ баронахъ (Русс. Стар. 1891, № XI, стр. 440) и даже ради доказательства *безпристрастія* цензуры. Я прочелъ, пишетъ академ. Никитенко, №№ 109 и 114 Голоса за 1866 г., на которые ссылается предостереженіе, но рѣшительно не понимаю законности послѣдняго. Оно понадобилось развѣ для того, чтобы показать публикѣ, что министерство преслѣдуетъ не одни *Москов. Вѣд.*, а на всѣхъ равно распространяетъ свои дары,—но вѣдь при такихъ предостереженіяхъ дѣлается невозможнымъ издавать газеты. Какъ предвидѣть, за что она можетъ подвергнуться предостереженію? (Русс. Стар., 1891, № 8, стр. 306—307).

[20]) Отмѣтивъ это предостереженіе, данное по поводу мысли объ общемъ земскомъ собраніи, акад. Никитенко присовокупляетъ: но вѣдь объ этомъ было говорено и печатано уже не разъ во время земскихъ собраній въ Петербургѣ. Вообще министерство очень щедро на предостереженія. Имъ, кажется, овладѣла мысль уничтожить тѣ пріобрѣтенія послѣднихъ 10 лѣтъ, отъ которыхъ многія гарантированы верховною властью. Разумѣется все это имѣетъ видъ пресѣченія злоупотребленія въ печати, но то, что министру внутреннихъ дѣлъ кажется злоупотребленіемъ, составляетъ только послѣдствіе совершившагося факта и настоятельную потребность общества, допущенную самимъ правительствомъ. Такой образъ дѣйствій производитъ только неудовольствіе и стѣсненіе нашей бѣдной мысли и образованности. (Русс. Стар. 1891, № VIII, стр. 282).

[21]) *Москвѣ* въ теченіи одного года дано было шесть предостереженій: И. С. Аксаковъ съ рѣдкимъ мужествомъ и достоинствомъ отпарировалъ нападеніе и въ первомъ, вслѣдъ за предостереженіемъ N, подвергалъ его подробнѣйшей и серьезнѣйшей критикѣ. По поводу одной такой статьи (Москва, № 45 за 1867 г.) Никитенко пишетъ: презрительнѣе о цензурѣ отозваться нельзя (Русс. Стар., 1891, № X, стр. 165).—Нужно вообще отдать справедливость печати того времени, что она забывала партійные раздоры въ дѣлѣ защиты общихъ интересовъ литературы. Мы приводили выше примѣръ *Москов. Вѣдом.*, выступившихъ на защиту *С.-Петерб. Вѣдом.* по поводу постигшаго ихъ перваго предостереженія. Тѣ же *Моск. Вѣд.* въ № 239 за 1867 г. горячо заступились за *Голосъ* по поводу даннаго имъ предостереженія. — *Моск. Вѣд.*, писалъ въ Дневникѣ своемъ Никитенко, сильно допекаютъ Валуева за распоряженія по дѣламъ печати (Русс. Стар. 1891, № IX, стр. 575).

[22]) Первое предостереженіе *Моск. Вѣд.*, отъ 1-го апрѣля 1866 г. вызвало

Въ первые два года существованія безцензурной печати дано было 24 предостереженія. *С.-Петербургскія Вѣдомости*, *Голосъ*, *Москва*, *Московскія Вѣдом.* пріостановлены были послѣ третьихъ предостереженій. Прекращены были *Современникъ*, *Русское Слово* [23]), *Москва* и сами *Московскія Вѣдомости* висѣли на волоскѣ [24]).

большую сенсацію. Газета въ то время пользовалась такимъ авторитетомъ, что приверженцы ея, по словамъ Никитенко, распускали слухъ, что правительство *не осмѣлится* поступить съ *Моск. Вѣд.*, какъ съ другими, и были увѣрены, что если это случится въ Москвѣ произойдетъ нѣчто въ родѣ бунта. Противники же ихъ, напротивъ, находили, что пора вылить ведро холодной воды на головы опьянѣвшихъ издателей. Къ такому взгляду, кажется, склонялся и самъ Никитенко относительно перваго предостереженія, для котораго, какъ онъ пишетъ, „предлогомъ“ былъ взятъ № 61 *Моск. Вѣд.* (Русс. Стар. 1891, № VIII, стр. 294). Относительно втораго предостереженія *Моск. Вѣд.*, Никитенко замѣчаетъ (см. тамъ же, стр. 305): *Моск. Вѣд.* возбуждаютъ непріязнь и недовѣріе къ правительственнымъ лицамъ. Это настоящая конституціонная оппозиція. Конечно, наши государственные люди не отличаются ни способностями, ни характерами, но обвинять ихъ чуть-ли не въ измѣнѣ, какъ то дѣлаютъ *Моск. Вѣд.*, это ужъ черезчуръ крѣпко и значитъ взывать къ анархіи. Кѣмъ же замѣнить ихъ? и т. д. (тамъ-же, стр. 305). Впослѣдствіи, когда рѣшена была пріостановка *Моск. Вѣд.*, которая, однако, вскорѣ была взята назадъ, Никитенко оплакивалъ паденіе *Моск. Вѣд.*, какъ доказательство побѣды бюрократіи надъ *общественнымъ* умомъ и сочувствіемъ. Впрочемъ, изъ дальнѣйшаго изложенія Никитенко явствуетъ въ борьбѣ *Моск. Вѣд.* съ Валуевымъ, онѣ опирались, главнымъ образомъ, на оффиціальныхъ союзниковъ, въ особенности на только-что назначеннаго мин. нар. просв. гр. Д. А. Толстаго, который, какъ удостовѣряетъ Никитенко, благоговѣлъ предъ *Моск. Вѣд.*, высказывалъ имъ сыновнюю почтительность (Рус. Стар. 1891, № IX, стр. 579); ѣздилъ совѣтоваться съ Катковымъ въ Москву (тамъ-же, № 11, стр. 444) и который отстоялъ *Моск. Вѣд.* (тамъ-же, № 8, стр. 308). Изъ книги г. Любимова „М. Н. Катковъ“, видно, что у Каткова были и другіе, еще болѣе сильные союзники и покровители (см. стр. 341 и слѣд.).

[23]) Я не помню давно, пишетъ въ своемъ дневникѣ акад. Никитенко, явно враждебный этимъ журналомъ „около *Русс. Слова*, писалъ онъ, группируются отчаянные радикалы, нигилисты, отвергающіе всѣ законы нравственные, эстетическіе и религіозные“ и пр. (см. Русс. Стар. 1891, №7, стр. 130)—чтобы какая-либо мѣра производила такое *единодушное* и всеобщее недовольство, какъ запрещеніе двухъ журналовъ: *Современника* и *Русскаго Слова*—послѣднее, впрочемъ, потому, что сдѣлано внѣ правилъ (Русс. Стар. 1891, № IX, стр. 566).

[24]) По словамъ Никитенко гр. Д. А. Толстой разсказывалъ: „ему уда-

Безпрестанныя и совершенно неожиданныя предостереженія, сыпавшіяся на печать, создали для нее невыносимое положеніе и вызвали толки объ предстоящей отмѣнѣ ихъ. По поводу третьяго (а въ общей сложности—шестаго за одинъ 1867 годъ) предостереженія, даннаго въ 1867 году *Москвѣ*, возникла между *Сѣверною Почтою* и *Современными Извѣстіями* полемика вообще о цѣлесообразности системы предостереженій. Издатель этой газеты Н. П. Гиляровъ-Платоновъ привелъ мнѣніе меньшинства коммиссіи, которая составляла проектъ закона 6-го апрѣля и въ составъ которой и онъ самъ входилъ, признававшее, что система предостереженій неудобна, такъ какъ она основывается исключительно на личныхъ соображеніяхъ. *Сѣверная Почта* въ свою очередь опубликовала мнѣніе большинства коммиссіи, которое, не оспаривая, что «основаніемъ административнаго взысканія служитъ *пропзволъ*, что онъ противенъ понятію законности и формальной легальности», признавало *пока* (до устройства судебной части)

лось отстоять у Государя *Моск. Вѣд.*“ (Русс. Стар. 1891, № VIII, стр. 308). Судя по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ г. Любимовымъ судьба *Моск. Вѣд.* рѣшена была въ Москвѣ. Чрезъ гр. В. А. Адлерберга передано было Государю въ с. Ильинскомъ письмо М. Н. Каткова.—20-го іюня Катковъ былъ принятъ Государемъ въ Петровскомъ дворцѣ. Государь, между прочимъ, сказалъ Каткову: „Сохрани тотъ священный огонь (тотъ feu sacré, какъ выразился Государь), который есть въ тебѣ: я подаю руку тѣмъ, кого знаю и уважаю. Тебѣ не о чемъ безпокоиться. Я внимательно слѣжу за Моск. Вѣд.; постоянно ихъ читаю. Въ тебѣ вполнѣ увѣренъ. Понимаешь-ли силу того, что говорю тебѣ?“ Коснувшись далѣе сепаратизма, Государь замѣтилъ: „не надо какъ-бы колоть и раздражать происхожденіемъ. Всѣ могутъ быть вѣрными подданными и хорошими гражданами. Надо говорить объ этомъ, но слѣдуетъ сохранять мѣру. Покушенія этого рода есть; я знаю и съ тобою согласенъ. Величіемъ и единствомъ имперіи я дорожу, конечно, не менѣе тебя (съ улыбкою)... А я на тебя посердился, прибавилъ, вновь улыбаясь, Государь. Предостереженіе всетаки надо было напечатать“. При прощаніи Государь опять пожалъ крѣпко руку Каткова и повторилъ: „помни, я въ тебѣ вполнѣ увѣренъ“. Газета была возвращена Каткову. 25-го іюля 1866 г. вышли *Моск. Вѣд.*, передовая статья коихъ начинается такъ: „Мы возвращаемся къ нашей дѣятельности съ новою бодростью, съ новымъ болѣе чѣмъ когда-либо возвышеннымъ чувствомъ призванія“ (см. н. с. Любимова, стр. 343—344).

нужнымъ сохранить предостереженіе въ видѣ чрезвычайной мѣры. Въ полемикѣ принялъ участіе также и выходившій вмѣсто *Москвы—Москвичъ*, который, указывая на то, что съ открытіемъ въ 1866 году новыхъ судовъ, главное соображеніе, въ силу котораго былъ изданъ временный законъ 6-го апрѣля 1865 года, потеряло значеніе, полагалъ, что слѣдовало бы отмѣнить предостереженіе. — Вопросъ о предостереженіяхъ былъ поднятъ потомъ въ 1880 году въ коммиссіи, состоявшей подъ предсѣдательствомъ гр. Лорисъ-Меликова, но, какъ извѣстно, никакихъ практическихъ результатовъ не получилось.

Рядомъ съ административными взысканіями шли судебныя преслѣдованія газетъ и журналовъ. Чтобы дать понятіе о крайностяхъ, въ которыя впадала въ этомъ отношеніи полиція мысли, достаточно указать на обвиненіе, воздвигнутое въ 1866 г. противъ редактора *Голоса* А. А. Краевскаго. Въ *Голосѣ* появилась статья, въ которой нападали на администрацію за преслѣдованія раскольниковъ, вопреки Высочайшей волѣ (выраженной въ рѣчи, обращенной въ раскольникамъ въ 1863 г.).—Цензура подвела эту статью подъ статью Улож., предусматривающую *возстаніе* противъ правительства и незаконное *объявленіе* Высочайшей воли лицомъ, на то неуполномоченнымъ, и требовала присужденія Краевскаго ни болѣе ни менѣе какъ къ *каторжнымъ* работамъ. Нечего и говорить, что судъ не могъ согласиться съ такою ни съ чѣмъ несообразною квалификаціею и приговорилъ Краевскаго къ кратковременному аресту.—Отсюда первые поводы для столкновенія Валуева съ новымъ судомъ, сдѣлавшагося его непримиримымъ врагомъ [25]).

Такимъ образомъ ближайшая практика (а болѣе отдаленной нечего и говорить!) показала что, при извѣстномъ настроеніи администраціи, «льготное» положеніе эманципированной печати можетъ на дѣлѣ оказаться столь тягостнымъ [26]), что оно ничѣмъ не

---

[25]) Никитенко удостовѣряетъ, что отовсюду слышалось неудовольствіе противъ раздутаго обвиненія, направленнаго противъ *Голоса* (Русск. Стар. 1891, № VIII, стр. 284).

[26]) Русс. Стар. 1891, № IX, стр. 579 и № X, стр. 180.

будетъ уступать самымъ тяжелымъ дореформеннымъ временамъ [27]).

---

[27]) Писатели, заноситъ акад. Никитенко въ свой Дневникъ въ декабрѣ 1866 г., *самые благоразумные* не знаютъ чего имъ держаться. То имъ кажется, что они могутъ высказать нѣчто болѣе, кромѣ общихъ мѣстъ, то, чувствуя надъ собою Дамокловъ мечъ, смущаются и перо, обмакнутое въ чернильницу, замираетъ въ ихъ рукахъ. Таково теперь положеніе нашей печати. Правительству слѣдовало или пріостановить еще на нѣсколько времени изданіе новаго закона о печати, имѣющаго либеральный видъ, или, издавъ новый законъ—допустить и неизбѣжныя его послѣдствія (Русс. Стар, 1891, № VIII, стр. 283).

IV.

ОТКРЫТІЕ НОВАГО СУДА.

Nul n'est juste s'il n'est doux.

V. Гюго.

...И на обломкахъ произвола
Царитъ теперь законъ.

Ѳ. Кони.

Съ упроченіемъ новаго судоустройства становится возможнымъ жить въ Россіи какъ въ странѣ цивилизованной.

М. Катковъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Предтечи гласнаго суда.

(Апрѣль — октябрь 1865 — 1890 гг.).

1. Первое гласное судопроизводство въ военныхъ судахъ въ Новгородѣ и Москвѣ. — 2. Гласное судопроизводство по правиламъ 11-го октября 1865 года.

I.

Начало нашего новаго гласнаго судопроизводства обыкновенно принято относить ко времени открытія новыхъ судебныхъ учрежденій, дѣйствующихъ на основаніи судебныхъ уставовъ 20-го ноября 1864 г.; но такой счетъ не совсѣмъ правиленъ. Гласный судъ, т. е. публичное судоговореніе, начался у насъ еще въ старыхъ учрежденіяхъ въ силу закона 11-го октября 1865 г., перенесшаго туда нѣкоторыя начала новаго процессуальнаго строя и въ томъ числѣ гласность.

Но еще ранѣе изданія этого закона, весною 1865 г. впервые публика ознакомилась съ гласнымъ процессомъ въ военныхъ *полевыхъ* судахъ, которые учреждались, въ силу особыхъ Высочайшихъ повелѣній, по дѣламъ особой важности [1]).

---

[1]) До изданія судебныхъ уставовъ преданіе военному суду за общегражданскія преступленія было явленіемъ обычнымъ. Помимо дѣлъ, передаваемыхъ военному суду по особымъ повелѣніямъ, Сводъ Законовъ допускалъ до 40 случаевъ передачи дѣлъ военному суду. Судебные уставы отмѣнили этотъ порядокъ, исходя изъ того соображенія, что всякія

Первый такой судъ происходилъ въ апрѣлѣ 1865 г. въ Новгородѣ для сужденія четырехъ лицъ, обвиняемыхъ въ убійствѣ вдовы надв. совѣт. Лейхтенфельдъ. Въ тогдашнихъ газетахъ мы находимъ очень мало данныхъ, могущихъ возстановить ходъ и обстановку *перваго* гласнаго процесса. Изъ *Петербургскихъ Вѣдомостей* мы узнаемъ только, что разбирательство происходило въ крайне неудобномъ помѣщеніи уѣзднаго суда, что публики набралось въ судѣ очень много, но что въ залъ засѣданія пускали только «въ мундирахъ». Всѣ четверо подсудимыхъ были приговорены къ разстрѣлянію.

Гораздо больше подробностей сохранилось *о первомъ гласномъ процессѣ*, разбиравшемся *въ Москвѣ* 29-го мая 1865 г. Онъ также имѣлъ мѣсто въ *военно-полевомъ судѣ*. Суду его, по Высочайшему повелѣнію, были преданы временно-отпускной солдатъ Комаровъ и крестьяне Черемухинъ и Щукинъ по обвиненію въ убійствѣ и ограбленіи кабатчика Подшивалова и его жены и нанесеніи смертельныхъ ранъ тремъ его дочерямъ.

Полный стенографическій отчетъ по этому дѣлу, составленный учениками А. Н. Артобалевскаго, мы находимъ въ *Современной Лѣтописи*[2]). Засѣданіе происходило въ бывшей гостиницѣ «Европа», на Солянкѣ, въ помѣщеніи управленія мѣстныхъ войскъ. Стеченіе публики было громадное. Судъ начался въ 2 часа. Предсѣдательствовалъ полковникъ Святогоръ-Штепинъ, обвинялъ Л. Л. Цвиленевъ, защищалъ кандидатъ правъ А. В. Заринъ.

Судоговореніе началось обвинительною рѣчью прокурора, который, какъ гласитъ отчетъ, произнесъ обвиненіе мѣрнымъ и стройнымъ голосомъ. Небольшая стычка между сторонами произошла въ то время, когда прокуроръ сталъ показывать «публикѣ» (sic) шкворень, найденный въ избѣ одного изъ подсудимыхъ...

Защитникъ. Шкворень, находящійся въ судѣ, не тотъ самый, которымъ совершено преступленіе.

спеціальныя коммиссіи, назначаемыя для суда по извѣстному дѣлу, вызываютъ основательное недовѣріе (см. стр. 25—28, т. XVIII Дѣла о преобраз. суд. части, а также главу XIII моихъ „Основъ судебной реформы).

[2]) См. № 22 іюня 1865 г.

Прокуроръ. Шкворень на подобіе этого.

Подс. Черемухинъ. Это не тотъ шкворень.

Прок. На подобіе.

Черемухинъ. Тотъ мы бросили.

Прок. Ну, да, подобный этому, я говорю.

Затѣмъ начался допросъ подсудимыхъ, при чемъ предсѣдатель говорилъ съ ними на *ты*.

Черемухинъ сознавшійся на предварительномъ слѣдствіи, сталъ рѣшительно отрицать свою виновность. На вопросъ прокурора, почему онъ прежде давалъ другое показаніе, Черемухинъ отвѣчалъ: Ваше благородіе! Слѣдовательно Щелкаловъ билъ на слѣдствіи два раза, схватилъ ножъ и замахнулся на меня.

Предс. Ну, хорошо, а вы не сговаривались съ Комаровымъ?

Черемухинъ. Съ Комаровымъ?

Предс. Да, да.

Черемухинъ. Съ нимъ... я... нѣтъ... не могу знать.

Пред. (Обращаясь къ священнику). Позвольте попросить васъ, батюшка, сказать преступнику (sic!), что нераскаяніе есть одинъ изъ тягчайшихъ грѣховъ.

Священникъ, надѣвъ эпитрахиль и взявъ крестъ и Евангеліе, началъ увѣщевать тихимъ голосомъ.

Черемухинъ. Ей-Богу, батюшка, такихъ дѣловъ не дѣлалъ. Никто во всей деревнѣ на меня не пожалится, кажется, курицы не обидѣлъ. Что я сказалъ правду, вотъ вамъ, коли хотите, и крестъ Христовъ, и святое Евангеліе. А я знать ничего не знаю и не виноватъ, вотъ что!..

Энергическая защита и неожиданное упорное запирательство подсудимаго, повидимому, произвело и на участвующихъ въ дѣлѣ лицъ и на публику сильное впечатлѣніе.

Между прокуроромъ и защитникомъ начался слѣдующій любопытный діалогъ.

Прокуръ. Что вы думаете, г. защитникъ о такомъ запирательствѣ преступника?

Защитникъ. Позвольте мнѣ не отвѣчать на этотъ вопросъ. Сознаться или не сознаться за подсудимыхъ я не могу, это дѣло ихъ самихъ.

Прок. Однако объясненіе этого запирательства необходимо.

Вы *видѣлись* съ подсудимымъ въ мѣстахъ заключенія и читали самое дѣло...

Черемухинъ. Я говорю какъ передъ смертью.

На этомъ заканчивается допросъ Черемухина и его уводятъ, и вводятъ въ залъ Комарова. Онъ сознается, но сваливаетъ главную вину на другихъ подсудимыхъ.

Защитн. Это сознаніе подкрѣплено обстоятельствами дѣла и прежнимъ показаніемъ Черемухина.

Священ. Что тебя принудило быть участникомъ въ убійствѣ?

Комаровъ. Я сознаюсь какъ передъ Богомъ, такъ и передъ вами, батюшка. Я рѣшился обворовать Подшивалова, но намѣренія убить не имѣлъ.

Вводятъ третьяго подсудимаго Щукина. Щукинъ также запирается и объясняетъ возбужденіе обвиненія наущеніемъ «зловреднаго» шурина своего. На увѣщанія священника, онъ отвѣчаетъ: «Ну, что же поцѣлую... вѣдь и у насъ есть батьки» (съ наглостью хватаетъ и цѣлуетъ крестъ). На замѣчаніе предсѣдателя, что крестьяне не одобрили поведеніе подсудимыхъ, Щукинъ скорогоркою отвѣчаетъ: Помилуйте, гг. сенаторы! Крестьяне говорятъ по злобѣ, потому что я не попалъ въ рекруты. Ваше благородіе, войдите въ мое положеніе и гражданскій (губернаторъ) князь Оболенскій...

Прокур. (перебивая его). Это не идетъ къ дѣлу.

Защит. Дайте ему говорить, можетъ и договорится до чего-нибудь. Запрещать подсудимому оправдываться нельзя.

Прокур. Это не есть запрещеніе, а оцѣнка выслушаннаго.

Щукинъ. Князь гражданскій Оболенскій, губернаторъ, сказалъ мнѣ: «въ Богородскѣ не возьмутъ, а въ Москвѣ я самъ буду, а съ тобой языкъ будетъ»...

Прокур. Зачѣмъ ты путаешься?...

Щукинъ. Зачѣмъ? Потому что, гг. сенаторы, крестьяне по злобѣ показали, и пр. На этомъ окончился допросъ подсудимыхъ. Свидѣлетей не допрашивали.

Защит. (взволнованнымъ голосомъ) началъ свою рѣчь такъ: «Сами обстоятельства разсказаннаго дѣла такъ отчетливо представили суду и *публикѣ* картину страшнаго злодѣянія, а г. прокуроръ такъ убѣдительно вывелъ свои обвиненія, что въ глу-

бинѣ совѣсти каждаго изъ присутствующихъ уже составлено убѣжденіе въ безусловной виновности подсудимыхъ».

Затѣмъ защитникъ старался предостеречь судей отъ увлеченія и выяснить роль каждаго изъ подсудимыхъ и находилъ, что не всѣ они одинаково виновны. Указывая на то, что показаніе маленькой дѣвочки Тани служитъ главнымъ базикомъ обвиненій, защитникъ замѣтилъ, что хотя младенецъ и не можетъ солгать,—ложь есть принадлежность взрослыхъ,—но дѣвочка могла ошибиться въ своихъ показаніяхъ». Закончилъ защитникъ свою рѣчь слѣдующими словами: «Помните, что примѣненіе страшнаго наказанія ко всѣмъ тремъ преступникамъ будетъ болѣе нежели несправедливо, будетъ тяжкій грѣхъ, вспомните несчастные процессы невинно-казненныхъ, вспомните «Послѣдній день» Виктора Гюго, когда осужденный на смертную казнь любуется во время чтенія приговора солнечнымъ зайчикомъ, играющимъ на стѣнѣ тюрьмы; вспомните, что заточеніе въ рудникахъ тяжелѣе моментальнаго страданія. Не отнимайте у общества три рабочія единицы; въ рудникахъ, на желѣзной цѣпи, они все-таки будутъ ему полезны; не отнимайте у подсудимыхъ возможности раскаяться въ своемъ преступленіи передъ Богомъ и людьми». При послѣднихъ словахъ арестанты бросились съ воплемъ на колѣни. «Пожалѣйте насъ, несчастныхъ, — вопили они,—и войдите въ наше горемычное положеніе».

Публика, непривыкшая къ условіямъ публичнаго суда, была потрясена этою сценою и выразила свое сочувствіе къ рѣчи защитника громкими рукоплесканіями, которыя, впрочемъ, были остановлены по первому слову предсѣдателя.

Судъ приговорилъ всѣхъ троихъ къ *разстрѣлянію*.

Описанный процессъ и раздавшіеся аплодисменты произвели въ обществѣ сенсацію. Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* появилось письмо, въ которомъ ставилось на видъ защитнику, что онъ не долженъ былъ стремиться вліять на чувства судей, неимѣвшихъ по закону полеваго судопроизводства, даже права допускать смягчающія обстоятельства и поставленнаго между дилеммою оправданія или присужденія къ смертной казни.

Редакціонная статья *Московскихъ Вѣдомостей* [3]), не вполнѣ

[3]) 1866 г., № 13.

раздѣляя точку зрѣнія автора письма, однако сочла нужнымъ указать на существованіе двухъ типовъ адвокатуры—французской и англійской. Отдавши всѣ свои симпатіи послѣдней, отличающейся дѣловитостью и свободой отъ риторики, статья приходила къ заключенію, что наша адвокатура должна бы идти по стопамъ англійской, способствовать правильному приложенію закона. Нельзя, однако, не замѣтить, что совершенно упускались изъ виду въ этихъ нотаціяхъ условія дѣятельности англійскаго суда и военно-полеваго суда. Тогда какъ первый отъ смертной казни можетъ переходить почти къ полному оправданію, полевой судъ не можетъ дать снисхожденія. Къ чему же при такихъ условіяхъ сводится роль защиты?

II.

Въ 1865 году было еще нѣсколько гласныхъ процессовъ военно-полеваго суда, но мы касаться ихъ не будемъ и перейдемъ къ гласности въ старыхъ судебныхъ учрежденіяхъ, гдѣ она введена была закономъ 11-го октября 1865 г. и изъ явленія случайнаго превратилась въ правильное, постоянное.

Когда въ правительственныхъ сферахъ окончательно возпреобладала мысль о невозможности одновременнаго введенія въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ 20-го ноября 1864 во всей Европейской Россіи, то тогда же было признано необходимымъ хоть нѣсколько обновить и освѣжить прогнившее зданіе стараго суда. Съ этою цѣлью было рѣшено ввести въ нашъ старый процессъ нѣкоторые элементы судебной реформы, и въ томъ числѣ устность и гласность. Таковы мотивы, приведшіе къ изданію такъ-называемыхъ «облегчительныхъ» правилъ 11-го октября 1865 г., дѣйствующихъ и понынѣ въ мѣстностяхъ, гдѣ не открыты еще новые суды.

Вслѣдъ за изданіемъ этихъ правилъ были разосланы министромъ юстиціи Д. Н. Замятнинымъ составленныя имъ правила о порядкѣ допущенія постороннихъ лицъ къ присутствію при докладѣ въ судебныхъ мѣстахъ. Содержаніе этихъ правилъ таково. Предсѣдатель судебнаго мѣста, соображаясь съ обширностью и удобствомъ помѣщенія, опредѣляетъ, какое число лицъ мо-

жетъ быть допущено въ присутственную комнату, о чемъ вывѣшивается объявленіе въ пріемной комнатѣ. Публика допускается по билетамъ или безъ билетовъ, по усмотрѣнію предсѣдателя. До чего былъ великъ страхъ предъ новымъ обрядомъ гласности, можно судить по тому, что предсѣдателю предоставлялось для продупрежденія безпорядковъ требовать отъ публики, получающей билеты, расписки въ книгѣ.

Съ октября 1865 года сталъ функціонировать *впервые нашъ гласный судъ* гражданскаго вѣдомства. Въ этотъ день происходило въ Петербургѣ засѣданіе первыхъ трехъ департаментовъ сената въ присутствіи министра юстиціи Д. Н. Замятнина и его товарища Н. И. Стояновскаго. Первыми опытами гласности публика очень мало интересовалась: на помянутое засѣданіе общаго собранія явилось «наибольшее число лицъ», а это число было 20, въ другихъ департаментахъ бывало отъ 5 до 10. Впрочемъ, и число мѣстъ, отведенныхъ для публики, было крайне ограничено; такъ, въ общемъ собраніи было всего 20 мѣстъ.

Журналъ Министерства Юстиціи, какъ-бы недоумѣвая предъ равнодушіемъ публики, старался объяснить его недостаточнымъ знакомствомъ публики съ открытіемъ гласнаго суда [4]). И дѣйствительно, въ послѣдующіе дни число посѣтителей въ департаментахъ с.-петербургской уголовной палаты доходило до 70, а въ харьковской палатѣ дошло до 300. Вообще въ провинціи гласное судопроизводство произвело, повидимому, большую сенсацію, благодаря пустотѣ провинціальной жизни... Такъ, изъ Екатеринослава писали въ *Журналъ Министерства Юстиціи*, что 1-го декабря, когда слушалось одно интересное дѣло, посѣтителей собралось такъ много, что должны были отворить дверь въ переднюю, чтобы могли слушать столпившіеся тамъ посѣтители (въ томъ числѣ и дамы), и многіе должны были возвратиться по недостатку мѣста...

Первыя адвокатскія рѣчи произвели благопріятное впечатлѣніе. Оффиціальный *Журналъ Министерства Юстиціи* констатировалъ фактъ, что наша адвокатура не впадаетъ въ недо-

---

4) См. *Журналъ Министерства Юстиціи*, 1865 г., № 9, стр. 203.

статки французской и приближается къ англійскому образцу, заботясь о дѣльности рѣчей, а не о цвѣтахъ краснорѣчія.

На подсудимыхъ гласное судоговореніе производило довольно сильное впечатлѣніе Въ противоположность вышеприведеннымъ образчикамъ упрямаго запирательства на военно-полевомъ судѣ, предсѣдатель екатеринославской уголовной палаты свидѣтельствуетъ, что «хотя подсудимые и утверждали прежнія показанія, но въ отвѣтахъ ихъ замѣтны были нерѣшительность и и смущеніе, при чемъ они искоса посматривали на публику» [5]).

Первые шаги гласности произвели на общество глубокое впечатлѣніе. Какъ ни несовершенны были формы нашего стараго судопроизводства, все-же оно нѣсколько улучшилось подъ освѣжающихъ вліяніемъ гласности. Съ первыхъ же мѣсяцевъ стало замѣтно ускореніе движенія дѣлъ, исконное недовѣріе къ суду, навѣянное канцелярскою тайною, стало ослабѣвать, послѣ рутины, буквоѣдства и жестокости стали проникать въ судъ болѣе здравыя и гуманныя начала. Словомъ, преимущества гласнаго судопроизводства сразу и наглядно для всѣхъ обнаружились, и русское общество съ радостнымъ нетерпѣніемъ стало ожидать открытія *настоящаго* гласнаго суда, которое уже было не за горами...

---

[5]) *Журналъ Министерства Юстиціи*, 1865, № 12, стр. 637.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Открытіе „новаго суда".

(Справка къ 17-му апрѣля 1866—91 гг.).

1. Введеніе судебныхъ уставовъ въ дѣйствіе.—Разныя мнѣнія о порядкѣ открытія новыхъ судебныхъ учрежденій.—2. Приспособленіе зданій для новыхъ судебныхъ учрежденій.—Назначеніе на должности.—3. Открытіе первыхъ судебныхъ учрежденій въ Петербургѣ. — Рѣчь Д. Н. Замятнина.—4. Отношеніе печати къ новому суду.—Неблагопріятныя условія дѣйствія новаго суда.

Всякій чувствуетъ, что безъ новаго суда невозможна никакая безопасность и всякій ожидаетъ его, какъ манны небесной.

А. В. Никитенко.

I.

Съ утвержденіемъ образцовыхъ [1]) Судебныхъ Уставовъ самая главная задача судебной реформы была разрѣшена. Оставалось об-

---

1) Читалъ, заноситъ 5-го декабря 1864 г. въ свой дневникъ проф. Никитенко, 5-го декабря 1864 г., обнародованные на дняхъ законы о судахъ. Вотъ великолѣпный монументъ нашего времени! Дѣло это станетъ рядомъ съ освобожденіемъ крестьянъ. Между тѣмъ, о немъ, за исключеніемъ небольшаго круга, непосредственно соприкасающихся съ этимъ дѣломъ, очень мало говорятъ и думаютъ въ обществѣ. Какая нибудь журнальная сплетня производитъ больше впечатлѣнія, чѣмъ это *безсмертное* дѣло. Я пробовалъ заговорить объ этомъ хоть съ нѣкоторыми изъ товарищей по академіи, но нашелъ мало сочувствія (Русск. Стар., 1891, № 5, стр. 420).

судить порядокъ ихъ введенія въ дѣйствіе. Несмотря на сравнительно второстепенное значеніе этой второй стадіи дѣла, она заняла довольно много времени—безъ малаго годъ,—что особенно бросается въ глаза, если принять во вниманіе, что сами Судебные Уставы составлены были почти въ $2^1/_2$ года (январь 1862 — ноябрь 1864 г.). При обсужденіи означеннаго вопроса о порядкѣ введенія судебной реформы пришлось считаться съ практическими затрудненіями и возраженіями, подъ которыми, впрочемъ, лежало довольно важное теоретическое разномысліе.

Одно направленіе—представителемъ его былъ предсѣдатель государственнаго совѣта кн. П. П. Гагаринъ — высказывалось за одновременное и повсемѣстное введеніе судебной реформы, но съ постепеннымъ увеличеніемъ состава судовъ; другой взглядъ — представителемъ его былъ министръ юстиціи Д. Н. Замятнинъ—высказывался за введеніе реформы, въ видѣ опыта, въ одномъ или въ двухъ округахъ, но въ полномъ объемѣ.

Императоръ Александръ II, заслушавъ оба мнѣнія въ совѣтѣ министровъ, повелѣлъ 12-го января 1865 года для выработки окончательнаго плана введенія судебной реформы образовать коммиссію подъ предсѣдательствомъ того же В. П. Буткова, который стоялъ во главѣ коммиссіи, составлявшей проекты судебныхъ уставовъ [2]). Въ составъ этой *второй* Бутковской коммиссіи вошли знаменитые дѣятели судебной реформы: С. И. Зарудный, Н. А. Буцковскій, А. М. Плавскій, а также юристы: П. А. Зубовъ, Я. Г. Есиповичъ, М. Е. Ковалевскій, О. И. Квистъ, Н. Г. Принтцъ, Г. К. Рѣпинскій и А. А. Кипримъ.

На дѣятельности коммиссіи отразилось дѣйствіе обычнаго въ нашей государственной и общественной жизни явленія: послѣ кратковременнаго лихорадочнаго возбужденія, поражающаго иной разъ громадными своими результатами, наступаетъ быстрое охлажденіе, упадокъ энергіи, если не преждевременное разочарованіе. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Члены коммиссіи относились съ полнымъ сочувствіемъ къ либеральнымъ основамъ Судебныхъ Уставовъ, но относительно времени и порядка

---

[2]) См. т. LXV „Дѣла о преобразованіи судебной части въ Россіи“ № 12, стр. 12 и слѣд.

введенія ихъ мнѣнія раздѣлились на двѣ группы—на радикальную и умѣренную.

Къ послѣдней принадлежало большинство коммиссіи, и оно отстаивало мнѣніе министра юстиціи Д. Н. Замятнина, который считалъ, въ виду новости дѣла, возможнымъ лишь постепенное введеніе Уставовъ въ видѣ опыта, начавъ съ столичныхъ судебныхъ округовъ. Меньшинство же (въ составъ его входили: С. И. Зарудный, Н. А. Буцковскій, О. И. Квистъ) полагало необходимымъ единовременное введеніе новыхъ Судебныхъ Установленій на всей территоріи Европейской Россіи, съ тѣмъ чтобы персоналъ ихъ пополнялся постепенно, по мѣрѣ накопленія дѣлъ въ судебныхъ округахъ.

Считая невозможнымъ передавать всѣ подробныя соображенія, приведенныя обѣими сторонами въ пользу ихъ плана, познакомимъ съ нѣкоторыми доводами меньшинства. Стремленіе къ опыту, говоритъ оно, положительно вредно, какъ потому, что въ настоящее время не опытъ нуженъ, а введеніе Уставовъ въ дѣйствіе, такъ и потому, что опытъ, устроенный на невѣрныхъ началахъ, приводитъ къ фальшивымъ выводамъ и пагубнымъ результатамъ. Судебные Уставы это—цѣльная, живая органическая сила, которая можетъ обнаружить свое значеніе и желаемое дѣйствіе только въ цѣльной, а не въ разрозненной части Россіи. При опытѣ въ разрозненныхъ мѣстностяхъ можно придти къ отмѣнѣ если не всего лучшаго, что есть въ Уставахъ, то многаго. Если по финансовымъ соображеніямъ нельзя повсемѣстно ввести Судебные Уставы, то, по мнѣнію меньшинства, лучше бы вовсе отложить введеніе ихъ.

На самомъ дѣлѣ финансовыя соображенія, повидимому, служили лишь благовиднымъ флагомъ, подъ которымъ скрывалось скорѣе преждевременное охлажденіе къ судебной реформѣ, подъ вліяніемъ реакціи, наступившей у насъ послѣ событій 1863 г. [3])

[3]) 17-го іюня 1865 г. акад. Никитенко, въ числѣ другихъ признаковъ реакціи, отмѣчаетъ въ дневникѣ: говорятъ, что судебная реформа откладывается въ длинный ящикъ. А между тѣмъ ею возбуждена томительная жажда. Всякій чувствуетъ, что безъ нея невозможна никакая безопасность и всякій ожидаетъ ее какъ *манны небесной*. Но административная или бюрократическая сила не хочетъ выпустить власти изъ своихъ рукъ (Русск. Стар., 1891, № 6, стр. 652).

На это указываетъ прежде всего то обстоятельство, что при осуществленіи плана меньшинства требовался расходъ гораздо меньшій, нежели тотъ, который былъ предположенъ Государственнымъ совѣтомъ въ 1862 г., при разсмотрѣніи основныхъ началъ судебной реформы. Въ 1862 г. совѣтъ находилъ, что на судебную реформу можно ассигновать до 9 милліоновъ, и разсуждалъ такъ: «никакая цифра не должна останавливать введенія въ дѣйствіе судебнаго преобразованія, безусловная важность и безотлагательная потребность котораго не подлежитъ сомнѣнію и давно уже признана правительствомъ» [4]); а въ 1865 г. даже проектируемый трехмилліонный расходъ на открытіе встрѣчалъ возраженіе. Что въ данномъ случаѣ главную роль игралъ именно страхъ передъ «радикализмомъ» [5]) судебной реформы, «предъ невозможностью справиться съ учрежденіями, заимствованными изъ иностранныхъ законодательствъ», это видно также и изъ заключенія министра финансовъ Рейтерна, который наряду съ финансовыми затрудненіями и чуть не съ большею настойчивостью указывалъ на затруднительность пріисканія достаточнаго числа лицъ даже для замѣщенія судебныхъ должностей въ двухъ округахъ [6]).

Въ виду этого меньшинство коммиссіи сочло себя вынужденнымъ еще разъ коснуться тѣхъ возраженій, которыя приводились раньше, въ 1862 г., противъ плана о радикальной судебной реформѣ и устранены были тогда же: Противъ довода, что общество не подготовлено, приводилось слѣдующее соображеніе: если законодательныя предположенія правильны, то они

---

[4]) См. т. XIX „Дѣло о преоб. суд. част., Журн. Госуд. Совѣта, 1862 г., № 65, стр. 336—367.

[5]) Многіе думаютъ, писалъ М. Н. Катковъ, въ защиту радикализма, что правило благоразумія требуетъ не *вдругъ* заводить хорошее, но по немножку, по частямъ; такъ, наприм., вполнѣ признавая необходимость реформы судоустройства, не споря о преимуществѣ гласности и другихъ началъ раціональнаго судопроизводства, иные думаютъ, что вводить ихъ можно по частямъ. Къ сожалѣнію, они забываютъ, что всякая система можетъ развиться и принести пользу только тогда, когда взяты ея начала *во всей ихъ цѣлости и полнотѣ*. Важны не разстроенныя части системы, важенъ жизненный духъ ея, важны ея начала (Русс. Вѣстн. 1860, № 2).

[6]) См. т. *LXIX* и. д., стр. 36, оконч. сообр. коммиссіи.

благовременны: трудно думать, чтобы люди гдѣ-нибудь и когда нибудь были приготовлены къ дурному и были не зрѣлы для хорошаго. Разумный законъ, разсуждаетъ меньшинство, никогда не сдѣлаетъ зла. Можетъ быть, по какимъ-либо обстоятельствамъ и даже по самому свойству закона новаго онъ не будетъ исполняемъ согласно съ истиннымъ его смысломъ; но гораздо вѣроятнѣе, что онъ тотчасъ же глубоко пуститъ свои корни (какъ извѣстно, эта оптимистическая вѣра вполнѣ оправдалась, въ особенности относительно суда присяжныхъ) и составитъ могущественную опору спокойствія и благоденствія государства.—Иные даже въ наше время поднимаютъ на смѣхъ этотъ «оптимистическій и идеалистическій» взглядъ и съ ироніею указываютъ на невозможность примѣненія современнаго европейскаго строя къ «дикарямъ» Дагестана [7]). Но «легкомысленные» либералы судебной реформы не были такими плохими патріотами, чтобы русскій народъ приравнивать къ «дикарямъ».

Опасеніе затрудненій въ приложеніи Судебныхъ Уставовъ,—говорили ихъ составители,—неосновательно, такъ какъ Уставы эти основаны на началахъ, выработанныхъ не одною только теоріею, но и опытомъ всего образованнаго человѣчества. Опасеніе непримѣнимости этихъ началъ къ нашей общественной жизни столь же немыслимо, какъ и сомнѣнія въ томъ, что мы имѣемъ *общечеловѣческія способности и потребности* [8]).

Затѣмъ, переходя къ обсужденію вопроса, дѣйствительно ли невозможно повсемѣстное введеніе судебной реформы по неимѣнію финансовыхъ средствъ и достаточнаго подготовленнаго персонала юристовъ, меньшинство высказываетъ слѣдующія соображенія.

Недостатокъ денежныхъ средствъ, коими можетъ располагать правительство, независимо отъ общихъ экономическихъ условій, происходитъ въ особенности отъ несовершенства основныхъ органовъ отправленія правосудія, составляющаго главную причину упадка кредита и промышленности. Деньги безъ кредита не составляютъ капитала производительнаго, а кредита не можетъ

---

[7]) См. „Очерки современной Россіи“, стр. 402.

[8]) См. н. д., т. LX. Сообр. комм., стр. 34.

быть при безпорядкѣ въ судебномъ вѣдомствѣ, и потому, если дѣйствительно нѣтъ денегъ, то усовершенствованія судоустройства не только полезны, но и необходимы, и горестное обстоятельство, что денегъ нѣтъ, составляетъ не возраженіе противъ усовершенствованій, а доказательство ихъ необходимости.

Недостатокъ людей еще менѣе можетъ остановить правильныя предположенія преобразованія судебныхъ мѣстъ. Законы не могутъ создавать людей, но тѣмъ не менѣе, если законы таковы, что люди находятъ въ нихъ средство для достиженія дурныхъ цѣлей, то люди развращаются; если законы эти такъ неясны, что ихъ не понимаютъ и не могутъ понять, то люди и не знаютъ законовъ; если законы таковы, что они не могутъ быть строго исполняемы даже добросовѣстными людьми, то люди не исполняютъ законовъ, а потому, если возраженія о недостаткѣ людей понять въ томъ смыслѣ, какъ оно обыкновенно приводится, т. е. что нѣтъ достаточнаго числа людей добросовѣстныхъ, знающихъ законы и могущихъ ихъ приводить въ дѣйствіе, то усовершенствованія законовъ становятся необходимыми, ибо безъ того и не будетъ людей въ этомъ смыслѣ; слѣдовательно, и это возраженіе составляетъ также не возраженіе, а доказательство необходимости преобразованія судоустройства въ тѣхъ государствахъ, гдѣ законы по этому предмету считаются по какой либо причинѣ недостаточными. Притомъ не слѣдуетъ преувеличивать недостатка собственно въ образованныхъ юристахъ. У насъ существуютъ уже нѣсколько десятковъ лѣтъ шесть университетовъ, четыре лицея и училище правовѣдѣнія. Число обучавшихся въ этихъ заведеніяхъ юридическимъ наукамъ не можетъ быть незначительно. Изъ окончившихъ курсъ въ одномъ училищѣ правовѣдѣнія состоятъ на службѣ 435 юристовъ. Если вообще до сихъ поръ въ судебномъ вѣдомствѣ было немного образованныхъ юристовъ, то явленіе это объясняется тѣмъ, что доселѣ всѣ служебныя преимущества и законныя выгоды были не на сторонѣ судебнаго вѣдомства. Но если судебная часть получитъ организацію, достойную ея важнаго назначенія, и если служба по судебному вѣдомству, какъ того требуетъ справедливость и польза, будетъ имѣть особенныя преимущества, то не подлежитъ сомнѣнію, что число образованныхъ

юристовъ, желающихъ служить на томъ поприщѣ, къ которому они преимущественно приготовлялись въ училищахъ, будетъ весьма достаточно для преобразованія судебной части.

Мнѣнія большинства и меньшинства Бутковской коммиссіи были переданы на заключеніе министровъ, сенаторовъ и оберъ-прокуровъ и спеціалистовъ, знакомыхъ теоретически и практически съ процессомъ [9]). Среди практиковъ многіе одобряли мнѣніе меньшинства.

При окончательномъ обсужденіи вопроса было одобрено государственнымъ совѣтомъ мнѣніе большинства Бутковской коммиссіи и такимъ образомъ рѣшено было ввести Судебные Уставы сначала въ с.-петербургскомъ и московскомъ судебномъ округахъ (въ 10 губерніяхъ), съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы въ Европейской Россіи открыть новые суды въ теченіе четырехъ лѣтъ (на самомъ дѣлѣ, какъ извѣстно, даже теперь, къ двадцатипятилѣтію, не осуществлено это намѣреніе). Что̀ касается вопроса объ отдѣльномъ введеніи мировыхъ установленій, то въ государственномъ совѣтѣ возникло разногласіе: 17 членовъ [10]) полагали возможнымъ ввести ихъ въ 19 губерніяхъ, 24 [11]) признавали такое частичное введеніе неудобнымъ.

II.

19-го октября 1865 г. было Высочайше утверждено Положеніе о введеніи въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ въ двухъ судебныхъ округахъ—с.-петербургскомъ и московскомъ—съ тѣмъ, чтобы въ теченіе четырехъ лѣтъ они были введены во всей Европейской Россіи. Тотчасъ послѣ обнародованія Положенія

---

[9]) См. т. LXIII Дѣла о преоб. суд. части.

[10]) Кн. Гагаринъ, гр. Сумароковъ, Бахтинъ, Норовъ, кн. Горчаковъ, Брокъ, Мятлинъ, Ковалевскій, Княжевичъ, Назимовъ, Тымовскій, Платоновъ, Мухановъ, гр. Толстой, Гернгроссъ.

[11]) Великій Князь Константинъ Николаевичъ, гр. Клейнмихель, бар. Н. Корфъ, гр. Строгановъ, Танѣевъ, Гасфортъ, Литке, гр. Панинъ, Плаутинъ, гр. Муравьевъ 2-й, гр. Муравьевъ-Амурскій, Игнатьевъ, кн. Суворовъ, бар. Ливенъ, Толстой, Д. Милютинъ, Валуевъ, Рейтернъ, Татариновъ, Н. Милютинъ, Замятнинъ, Граббе, Герстфельдъ, Мезенцевъ.

начались въ министерствѣ юстиціи, подъ высшимъ наблюденіемъ министра Д. Н. Замятнина и при дѣятельномъ участіи товарища его Н. И. Стояновскаго, обширныя и разнообразныя подготовительныя работы по открытію новыхъ судебныхъ установленій. Предстояла масса кропотливой и хлопотливой работы по ликвидаціи старыхъ судовъ и по устройству внутренняго быта новаго суда. Въ теченіе полугода въ департаментѣ министерства юстиціи (директоромъ въ это время былъ бар. Врангель, вице-директоромъ Б. Н. Хвостовъ) кипѣла работа, можно сказать, день и ночь. Министерство озабочено было не только пріисканіемъ персонала для замѣщенія массы новыхъ судебныхъ должностей и приспособленіемъ зданій для помѣщенія судовъ, но и выработкой мелочныхъ, но необходимыхъ правилъ канцелярскаго распорядка, изготовленіемъ формы дѣлопроизводства, составленіемъ рисунковъ знаковъ для должностныхъ лицъ и даже составленіемъ руководствъ по русской стенографіи [12]).

Немало было затрудненій, какъ это ни покажется страннымъ, по пріисканію приличнаго зданія для новаго суда въ самомъ Петербургѣ. Въ этомъ по преимуществу «казенномъ» городѣ оказалось крайне труднымъ найти и приспособить зданіе для петербургскаго окружнаго суда и судебной палаты. Были толки о приспособленіи зданія Синода, инженернаго замка, и пр., но, наконецъ, Д. Н. Замятнинъ остановился на неуклюжемъ зданіи стараго арсенала на Литейномъ. Архитекторъ Шмидтъ взялся приспособить зданіе, и всю зиму 1865 года работы продолжались безостановочно и даже ночью работали при электрическомъ освѣщеніи. Выборъ былъ не изъ очень удачныхъ, но при данныхъ обстоятельствахъ ничего нельзя было лучше придумать, во избѣ-

---

12) Какое большое значеніе придавалось этому вопросу, явствуетъ изъ того, что сначала министерство юстиціи сносилось по этому предмету съ дрезденскимъ стенографическомъ Обществомъ, а потомъ была образована, согласно Высочайше утвержденному Положенію Совѣта министровъ, спеціальная коммиссія подъ предсѣдательствомъ попечителя учебнаго округа И. Д. (нынѣ графа) Делянова. Она объявила конкурсъ за лучшее руководство къ русской „быстрописи“ или „краткописи“ и признала нужнымъ ввести преподаваніе стенографіи въ нѣкоторыхъ петербургскихъ гимназіяхъ и открыть публичные курсы. См. *Журн. Мин. Юстиціи* 1865 г., № 11, стр. 257—259.

жаніе затянуть открытіе новаго суда. Въ Москвѣ было приспособлено монументальное зданіе сената, въ губернскихъ же городахъ, куда лично ѣздилъ Д. Н. Замятнинъ, пришлось довольствоваться старыми зданіями присутственныхъ мѣстъ, въ общемъ очень старыми и неудобными [13]).

Другой вопросъ, вопросъ несравненно большей важности— это было назначеніе на судебныя должности. Этотъ вопросъ сильно озабочивалъ творцевъ Судебныхъ Уставовъ. Чтобы не откладывать реформу въ долгій ящикъ, они рѣшились даже на исключительную мѣру, и предлагали въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ лишить судей прерогативы несмѣняемости. Но государственный совѣтъ имѣлъ дальновидную проницательность сообразить, что отмѣна несмѣняемости, *именно въ первые годы*, можетъ совершенно исказить молодое учрежденіе, и отвергъ проектированное ограниченіе [14]). Министру юстиціи приходилось, такимъ образомъ, дѣлать выборы крайне отвѣтственные, безповоротные и почти предрѣшавшіе судьбу великаго начинанія. Затруднительность положенія Замятнина увеличивалась тѣмъ, что нужно было сразу, одновременно найти кандидатовъ на огромное число должностей: 8 сенаторовъ, 50 предсѣдателей и ихъ товарищей, 144 члена палатъ и окружныхъ судовъ, 192 судебныхъ слѣдователя, 123 чина прокурорскаго надзора. Съ другой стороны, Замятнинъ лишенъ былъ того драгоцѣннаго подспорья, которое даетъ ст. 213 учр. суд. уст. въ видѣ рекомендаціи судебныхъ коллегій на открывшуюся вакантную должность. Замятнинъ съ честью вышелъ изъ своего крайне затруднительнаго и щекотливаго положенія.

Чтобы удачно выполнить свою трудную миссію, Д. Н. Замятнинъ рѣшилъ отступить отъ административной рутины, обыкновенно руководствовавшейся или числомъ лѣтъ сидѣнья на одномъ мѣстѣ, или «протекціей». Замятнинъ взялъ другой критерій: личныя дарованія, основательное знакомство кандидатовъ съ юридическими науками и судебную опытность, а также личное знакомство съ ними и близкое наблюденіе надъ ихъ дѣя-

[13]) См. подробности въ моей „Страницѣ изъ исторіи судебной реформы М. 1883 г., гл. VI.

[14]) См. т. LXVIII, Дѣла о преобраз. суд. части въ Россіи.

тельностью. Съ этою цѣлью онъ часто посѣщалъ судебныя мѣста и внимательно слѣдилъ за гласнымъ судоговореніемъ, которое съ конца 1865 г. уже открыто было въ старыхъ судахъ [15]), обозрѣвалъ дѣлопроизводство и пр. Въ общемъ благодаря этому новому методу, Замятнинъ подобралъ такой блестящій персоналъ перваго назначенія [16]), который и раньше и теперь вызываетъ всеобщее удивленіе и признательность. Память объ этихъ первыхъ благородныхъ піонерахъ суда «праваго и милостиваго» до сихъ поръ живетъ въ памяти новаго суда.

Откуда явилось столько талантливыхъ и честныхъ людей, сразу сумѣвшихъ освоиться съ новыми незнакомыми формами судопроизводства, возвысить судебное дѣло и судейское званіе такъ, что вчерашній тайный продажный судъ казался чѣмъ-то страшно отдаленнымъ, преданіемъ старины глубокой. Кромѣ высокихъ нравственныхъ качествъ удачно подобраннаго персонала, тутъ очень много значила *школа*, созданная судебною реформой, и тотъ духъ уваженія къ честной независимости судьи и къ его достоинству, которыми проникнуты Судебные Уставы. По справедливому замѣчанію одного изъ публицистовъ того времени, «различіе между старыми и новыми судами заключалось въ томъ, что прежніе портили людей, а новые исправляютъ ихъ и воспитываютъ; *великое учрежденіе* тѣмъ и бываетъ велико,—говорилъ тотъ же публицистъ,—что *создаетъ* людей, способныхъ проводить въ жизнь созданное имъ новое начало» [17]).

Судебная реформа доказала,—говорилъ *Вѣстникъ Европы* вскорѣ послѣ открытія новыхъ судебныхъ установленій,—что наше общество не такъ безлюдно, какъ на то ссылаются часто, желая доказать, что у насъ реформы преждевременны. Реформа сдѣлана чуть не вчера, а далеко не вчера родились люди, взявшіе на себя съ самоотверженіемъ и охотою тяжкія обязанности судей. Не служитъ ли это доказательствомъ, что такъ называемое безлюдье бываетъ часто не что иное, какъ *отсутствіе воз-*

---

15) См. объ обстоятельствахъ, при коихъ состоялось назначеніе перваго предсѣдателя с.-петербургскаго окружнаго суда Г. Н. Мотовилова. *Журн. Гражд. и Угол. Права*, 1881, № 6.

16) Списокъ напечатанъ въ приложеніи къ названной книгѣ моей.

17) См. *Моск. Вѣд.*, 1866 г., № 263.

можности для людей честнаго характера и прямаго ума обнаружить свою дѣятельность? Намъ нерѣдко говорятъ: «вы будьте прежде сыты, а затѣмъ мы дадимъ вамъ ѣсть», между тѣмъ не замѣчаютъ того, что можно жить въ извѣстныхъ условіяхъ, которыя не дозволяютъ человѣку обнаружить своихъ достоинствъ [18]).

III.

Трудныя и сложныя приготовленія были окончены, и на 17-е апрѣля, день рожденія покойнаго Государя, было назначено открытіе въ Петербургѣ *первыхъ* судебныхъ установленій новаго образца. Въ виду печальнаго событія 4-го апрѣля 1866 г. сначала предполагалось отложить торжество открытія новаго суда, но впослѣдствіи рѣшено было держаться первоначальной программы.

14-го апрѣля покойный Государь посѣтилъ только что оконченное зданіе новаго суда на Литейномъ проспектѣ. Замятнинъ представилъ Государю вновь назначенный судебный персоналъ, къ которому на прощанье Онъ обратился съ слѣдующими словами: «Я надѣюсь, господа, что вы оправдаете оказанное вамъ довѣріе и будете исполнять новыя ваши обязанности добросовѣстно, по долгу чести и вѣрноподданнической присяги, что впрочемъ одно и то же. И такъ, въ добрый часъ начинайте благое дѣло». Освященіе зданія судебныхъ установленій происходило 16-го апрѣля, а торжественное окрытіе 17-го апрѣля. По описанію тогдашнихъ газетъ торжество сопровождалось не благопріятными метеорологическими ауспиціями: въ этотъ день въ Петербургѣ стояла отвратительная погода—съ утра дулъ холодный вѣтеръ, и шелъ снѣгъ и дождь; вскрывшаяся передъ тѣмъ Нева покрылась тонкимъ слоемъ льда [19]).

Въ половинѣ втораго, согласно Высочайше утвержденному церемоніалу, собрались въ зданіи новаго суда послы, члены государственнаго совѣта, сенаторы и новый судебный персоналъ.

---

[18]) См. *Вѣстникъ Европы*, 1866 г., № 4.

[19]) См. *Моск. Вѣд.*, 1866 г., № 83.

Товарищъ министра юстиціи Н. И. Стояновскій прочелъ Высочайшія повелѣнія 19-го марта и 13-го апрѣля 1866 г. объ открытіи судебныхъ установленій, директоръ департамента бар. Врангель—списокъ лицъ, назначенныхъ на судебныя должности, и списокъ присяжныхъ повѣренныхъ. Затѣмъ министръ юстиціи Д. Н. Замятнинъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

„На вашу долю выпалъ завидный жребій,—такъ началъ Замятнинъ,—провести въ жизнь многознаменательныя слова Августѣйшаго Монарха: „правда и милость да царствуютъ въ судахъ". Велико довѣріе, оказанное вамъ этимъ выборомъ. Вамъ ввѣряется охраненіе самыхъ священныхъ интересовъ отдѣльныхъ лицъ, общества и цѣлаго государства. Вмѣстѣ съ тѣмъ вамъ открываются и всѣ способы для возможно успѣшнаго достиженія высокой цѣли. Царь-Освободитель, даровавшій сперва крестьянамъ свободу отъ крѣпостной зависимости, потомъ слившій отдѣльныя сословія въ одну земскую семью, совершаетъ нынѣ надъ судебною властью новый подвигъ своей благотворной дѣятельности и даетъ всѣмъ судебнымъ установленіямъ, отъ высшихъ до низшихъ, *полную самостоятельность*. Но вспомнимъ, — продолжалъ ораторъ, — что чѣмъ выше благо, тѣмъ бо́льшія оно налагаетъ обязанность и отвѣтственность. Не сомнѣваюсь, что вы ими вполнѣ прониклись. Никому уже не будетъ права ссылаться въ оправданіе своихъ дѣйствій и рѣшеній ни на несовершенство порядка судопроизводства, потому что каждому даются въ руководство полные Уставы, составляющіе, можно сказать, послѣднее слово юридической науки, ни на недостатки законовъ о доказательствахъ, потому что опредѣленіе силы ихъ предоставлено голосу совѣсти. Вы не будете имѣть возможности ссылаться и на предписанія начальства. Государь и съ нимъ вся Россія,—продолжалъ министръ,—ждутъ отъ васъ водворенія суда скораго, праваго, милостиваго и равнаго для всѣхъ, утвержденія въ нашемъ отечествѣ того уваженія къ закону, безъ котораго немыслимо общественное благосостояніе. Уваженіе это распространится только тогда, когда вы первые будете подавать примѣръ строгимъ и точнымъ исполненіемъ предписаній закона, когда всѣ убѣдятся, что кто бы ни прибѣгнулъ къ вашему суду, богатый или бѣдный, вельможа или простолюдинъ, всякій найдетъ у васъ *равную* защиту и покровительство своимъ законнымъ требованіямъ и *равное* противодѣйствіе несправедливымъ стремленіямъ. Завязывая свои глаза передъ *всякими внѣшними и посторонними вліяніями*, вы тѣмъ полнѣе раскроете внутреннія очи совѣсти и тѣмъ безпристрастнѣе будетъ взвѣшивать на вѣсахъ правосудія правоту или неправоту подлежащихъ вашему обсужденію требованій и дѣяній.

„Но для полнаго успѣха предпринимаемаго судебнаго преобразованія недостаточно одной дѣятельности судебныхъ установленій. Здѣсь необ-

ходимо благонамѣренное содѣйствіе вновь образуемаго у насъ сословія присяжныхъ повѣренныхъ. Вамъ, господа, посвящающимъ себя на защиту передъ судомъ законныхъ правъ лицъ, лишенныхъ возможности самимъ это исполнять, — сказалъ министръ, обращаясь къ присяжнымъ повѣреннымъ,—предстоитъ на избранномъ вами поприщѣ много труда и большая отвѣтственность. Судебныя мѣста при разрѣшеніи дѣлъ будутъ руководствоваться преимущественно тѣми данными, которыя вы имъ представите; поэтому во многихъ случаяхъ отъ вашихъ познаній и образа дѣйствій будутъ зависѣть благосостояніе и честь вашихъ довѣрителей. Одно уже поступленіе въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ даетъ право предполагать, что вы постигли всю важность вашего будущаго круга дѣйствій и что вы всѣ единодушно, рука объ руку съ судебными властями, пойдете по пути, предуказуемому вамъ священнымъ чувствомъ долга, точное исполненіе котораго стяжаетъ вамъ высшую для васъ награду— общественное довѣріе и уваженіе“ [20]).

Открытіе новаго суда было встрѣчено восторженнымъ сочувствіемъ со стороны общества и печати. С.-петербургская дума во всеподданнѣйшемъ адресѣ своемъ, между прочимъ, писала: «открытіе новаго суда наполнило радостью сердца всѣхъ вѣрноподданныхъ, какую Россія испытывала въ лучшія минуты своего историческаго существованія».

Что касается печати, то она въ стихахъ и въ прозѣ привѣтствовала радостное событіе, «долженствовавшее положить ясную черту между настоящимъ и грядущимъ» [21]). Старый литераторъ на обѣдѣ, данномъ въ Петербургѣ, въ клубѣ художниковъ, 17-го апрѣля въ честь открытія новаго суда, Ѳ. А. Кони, привѣтствовалъ это событіе въ слѣдующихъ стихахъ:

На рубежѣ тѣсячелѣтья
Возникъ въ Россіи человѣкъ,
Какого ждали мы столѣтья,
Кто славой озарилъ нашъ вѣкъ.
Питомецъ пылкаго поэта,
И правды ревностный стратигъ,
Среди дворца, въ младыя лѣта—
Онъ боли русскія постигъ,
И порѣшилъ въ умѣ державномъ,
Возсѣвъ на прадѣдовскій тронъ,

---

[20]) *Журналъ Министерства Юстиціи*, 1866 г., № 4.
[21]) См. *Моск. Вѣд.*, 1866, № 156.

Поставить въ царствѣ православномъ
Свободу, право и законъ.

* * *

„Намъ рано, рано?“ въ злобѣ страстной
Кричалъ, испуганъ, барства цвѣтъ...
— Пора! сказалъ Онъ имъ въ отвѣтъ.
Махнулъ рукой своей всевластной—
И бысть въ Россіи свѣтъ!
Печальный гулъ народныхъ стоновъ
Онъ въ кликъ восторга превратилъ.
Снялъ узы рабства съ милліоновъ.
И цѣпи узниковъ разбилъ.
Свободной мысли и глаголу
Онъ далъ гражданскія права,
И смѣло къ Царскому престолу
Пошла народная молва.
Гордится Русь! Ликуютъ села!
Свободной волѣ нѣтъ препонъ,
И на обломкахъ произвола
Царитъ теперь законъ.

IV.

Лучшая часть политической прессой, безъ различія оттѣнковъ, съ нескрываемымъ восторгомъ привѣтствовала въ введеніи Судебныхъ Уставовъ въ дѣйствіе зарю «обновленія Россіи» и водвореніе въ ней порядковъ, благодаря которымъ «становится возможнымъ жить въ ней, какъ въ странѣ цивилизованной» [22]). «Одно изъ самыхъ необходимыхъ условій и самыхъ плодотворныхъ условій цивилизаціи,—писали *Моск. Вѣд.* въ разъясненіе значенія новаго суда,—есть правильное судебное устройство, и его *впервые* получаетъ Россія. Народная жизнь, гдѣ стихія права не имѣетъ надлежащаго развитія, *не способна* ни къ какому благоустройству и находится въ состояніи *варварства и безсилія;* все, чѣмъ только дорожитъ человѣческое общество, предполагаетъ *прежде всего* идею *законности* и обезпечивается прежде всего ея развитіемъ и осуществленіемъ въ жизни. Законность же и право становятся дѣйствительностью, гдѣ судъ есть *сила независимая* и *самостоятельная*. *Только* съ точки

22) См. *Моск. Вѣд.*, 1866, № 198.

зрѣнія *новаго* судебнаго преобразованія раскрывается широко перспектива нашей политической будущности. Съ этимъ преобразованіемъ входитъ въ нашу жизнь *совершенно новое* начало, которое положитъ явственную грань между прошедшимъ и грядущимъ, которое не замедлитъ отозваться *во всемъ*... Дѣйствіе его не ограничится только сферой собственно судебныхъ установленій: какъ тонкая стихія, она *разольется повсюду* и всему дастъ новое значеніе, новую силу. Судъ, отправляемый публично и *при участіи присяжныхъ*; будетъ *живою общественною силою*. Судъ, независимый и самостоятельный, *не подлежащій административному контролю*, *возвыситъ и облагородитъ общественную среду*, ибо чрезъ него этотъ характеръ независимости сообщится и *всѣмъ проявленіямъ* общественной жизни. Только благодаря этому нововведенію то, что̀ называется «законною свободою и обезпеченіемъ права» будетъ ужъ *не словами*, а дѣломъ»...

«Вотъ какому великому дѣлу полагается теперь основаніе, вотъ до чего суждено было дожить намъ, вотъ что̀ предоставляется живущему нынѣ поколѣнію *утвердить и ввести въ силу*» [23]).

Выполнило-ли современное открытію новаго суда поколѣніе это свое благородное назначеніе, и если не выполнило, то какія были къ тому препятствія? Лучшій отвѣтъ на этотъ вопросъ находимъ въ статьяхъ той же газеты, наглядно указывающихъ условія, въ которыхъ пришлось дѣйствовать новымъ судебнымъ учрежденіямъ, и программа, которой должны были слѣдовать ихъ сторонники. «Новый вступающій въ жизнь порядокъ,—заявляла газета М. Н. Каткова,—встрѣчается съ старыми понятіями и навыками, и весьма естественно возникаетъ опасеніе, что онъ будетъ понимаемъ неправильно. Новые порядки должны сталкиваться съ старыми [24]), которые существуютъ

---

[23]) См. *Моск. Вѣд.*, 1866, № 86.

[24]) Еще въ 1884 г. акад. Никитенко писалъ: новые законы (Судебные Уставы) сначала надѣлаютъ много суматохи. Ихъ не съумѣютъ ни понять, ни оцѣнить, ни примѣнить. Но не должно отъ этого приходить въ отчаяніе, какъ не должно приходить въ отчаяніе отъ лѣтняго дождя, который смачиваетъ на васъ платье, но приготовляетъ обильную жатву. (Рус. Стар., 1891. № 5. стр. 420).

издавна и господствовали до сихъ поръ исключительно. До сихъ поръ бюрократическая администрація была у насъ *все во всемъ*. Прежнія судебныя учрежденія были только придаткомъ къ администраціи. Теперь является новое начало, которое должно оказать дѣйствіе *повсюду* и видоизмѣнить весь строй нашего гражданскаго быта. Будутъ дѣлаемы разнаго рода покушенія [25]). попытки,— меланхолически замѣчала газета,— подорвать силу новаго порядка. Такъ вездѣ (?) и всегда (??) *бываетъ* [26]).

Когда это предусмотрительное опасеніе стало оправдываться и уже осенью 1866 г. стали обнаруживаться «покушенія подорвать силу» новыхъ судебныхъ порядковъ (ограничить гласность и независимость суда), *Московскія Вѣдомости* разразились цѣлымъ рядомъ замѣчательныхъ по искренности и убѣдительности статей [27]) противъ враговъ судебной реформы, «принимаю-

25) Сравнивая формы дѣятельности суда и администраціи, та же газета писала: „покуда судъ будетъ дѣйствовать размѣренно на одной, хотя и большой своей дорогѣ, *не дерзая* отступать отъ опредѣленій закона, у администраціи будутъ въ распоряженіи *тысячи проселочныхъ* путей, на которыхъ онъ можетъ дѣйствовать быстро и свободно распоряжаться по своему усмотрѣнію“ (*Моск. Вѣд.*, 1865 г., № 92).

26) *Моск. Вѣд.*, 1866 г., №№ 156 и 198.

27) Акад. Никитенко, отмѣчая съ сочувствіемъ борьбу М. Н. Каткова съ Валуевымъ и вообще съ администраціею изъ-за новаго суда, приводитъ массу фактовъ въ подтвержденіе крайне враждебнаго отношенія администраціи къ новому суду. Главная задача гр. П. А. Шувалова, (шефа жандармовъ) и П. А. Валуева, (мин. внутр. дѣлъ), пишетъ онъ еще осенью 1866 г., подорвать суды, т. е. взять ихъ подъ опеку администраціи. Онъ же передаетъ, что Валуевъ отстоялъ *Вѣсть*, гдѣ была напечатана по его заказу статья, обвиняющая суды въ революціонныхъ стремленіяхъ (Русс. Стар., 1891, № 8, стр. 575 и 577). Особенное ожесточеніе противъ суда вызвало оправданіе чиновника Протопопова, обвиненнаго въ нанесеніи удара начальнику своему гр. Кешкулю (см. „Итоги Прошлаго“. К. Ф. Хартулари, Спб., 1891, стр. 3 и слѣд.), и признаннаго душевно-больнымъ. Несмотря на это, Валуевымъ и друг. дѣлались большія усилія, чтобы добиться кассаціи вердикта (Русс. Стар., 1891, № 10, стр. 169—170). Въ 1867 г. самъ Никитенко отправляетъ обязанности присяжнаго и выноситъ самое лучшее впечатлѣніе изъ суда. Прокуроръ въ бесѣдѣ съ нимъ съ глубокимъ прискорбіемъ жаловался на то, что администрація всячески старается вредить судамъ (Русс. Стар., № 1891, 10, стр. 179—180).

щихъ личину консерватизма». «*Все, что есть живаго, мыслящаго, разумѣющаго*, не можетъ не быть глубоко затронуто судьбою возникающаго на Руси новаго порядка. Не было ли бы грустно, если бы отмѣна крѣпостнаго права ограничилась только его формою и оставила его сущность? Но было бы не менѣе грустно, если бы новый порядокъ былъ только формою *безъ сущности*. Вотъ почему оскорбителенъ всякій *намекъ*, клонящійся къ тому, чтобы затемнить сущность новаго порядка вещей, чтобы изъ него *вынуть его душу* и оставить шелуху, которая давала бы сильнѣе чувствовать тщету начинанія. Дѣйствительно ли наше судебное преобразованіе должно вывести на *новые* пути, дабы Россія могла держаться *достойнымъ образомъ среди другихъ націй*, чтобы геній ея народа могъ обнаружить свою силу, оправдать наше прошедшее, оплодотворить наше настоящее? Правда ли, что это *всеоживляющее, всевозбуждающее* начало публичности, дающее всему свѣтъ и призывающее всѣхъ къ сознательному участію въ интересахъ своего отечества,—начало, безъ котораго ничто не *можетъ правильно и плодотворно развиваться, ничто не можетъ уберечься отъ порчи и гніенія*. ничто не можетъ быть обезпечено отъ обмановъ и злоупотребленій; правда ли, что это начало вошло въ нашу жизнь, или это только *мерцаніе*, лишенное сущности, призракъ, готовый изчезнуть? Правда ли, что въ настоящее время положены основы и независимой судебной власти; правда ли, что мы имѣемъ судебныя учрежденія, которыми обезпечиваются законъ и право, и *весь народъ* привлекается къ дѣйствительному участію въ правосудіи? Есть ли это дѣйствительность или это только *фантомъ*? Для вида ли только судебная власть признана независимою и самостоятельною, или она поставлена такъ, что для нея обязательны только законъ и правда»?

«Одно мы считаемъ себя въ правѣ сказать,—заявляетъ въ другомъ мѣстѣ тотъ же М. Н. Катковъ:—уже и теперь великая (судебная) реформа вполнѣ оправдала тѣ горячія надежды, какія на нее возлагались, *и лучшія пожеланія русскаго патріота* состоятъ въ томъ, чтобы изъ этого зданія не было вынимаемо камней, чтобы измѣненія Судебныхъ Уставовъ допускались лишь

въ случаѣ очевидной необходимости и притомъ согласовались съ *общимъ* духомъ новой системы» [28]).

Трудно было рельефнѣе, краснорѣчивѣе и искреннѣе выразить сущность новаго суда и неблагопріятныхъ условій, которыя окружали его дѣятельность!...

Объ этихъ условіяхъ трактовала и газета *Голосъ*. Въ статьѣ, появившейся 17-го апрѣля 1866 г., *Голосъ*, назвавъ судебную реформу «изведеніемъ русскаго народа изъ юридической неволи», писалъ, между прочимъ: «можетъ быть, даже вѣроятно, что при этомъ исходѣ, подобно ветхо-завѣтнымъ евреямъ, и мы, отученные горькимъ подневольнымъ прошлымъ отъ честной и разумной гражданской жизни, со всѣми подобающими ему правами, не вдругъ, не тотчасъ вступимъ въ обѣтованную землю; быть можетъ, даже вѣроятно, придется пространствовать по безплодной пустынѣ ошибокъ и промаховъ и *опять поклониться* золотому тельцу, котораго такъ долго обожали. Но что за дѣло? Все-таки да будетъ благословенъ Моисей, изведшій насъ изъ неволи, пишущій и дающій намъ скрижали новаго завѣта для новой жизни» [29]).

Всѣ эти болѣе или менѣе мрачныя предсказанія сбылись: блужданіе по «пустынѣ промаховъ» началось скоро и продолжалось долго и длится чуть не до нашихъ дней. По ироніи судьбы впереди всѣхъ въ операціи «выниманія камней изъ зданія новаго суда» оказался впослѣдствіи въ своихъ нападкахъ на новый судъ одинъ изъ вышеупомянутыхъ публицистовъ, когда то самый горячій поборникъ судебной реформы.

Грустно вспомнить объ этомъ тяжеломъ, для новаго суда, времени. Новый судъ, судъ правый и милостивый, очутился подъ немилостивымъ судомъ его недавнихъ друзей, въ положеніи травимаго краснаго звѣря. Въ защиту принциповъ новаго суда раздавались отдѣльные голоса. Въ числѣ ихъ нельзя не вспомянуть съ признательностью авторитетный, честный голосъ И. С. Аксакова: «Съ легкой или вѣрнѣе тяжелой руки *Московскихъ Вѣдомостей*, — писалъ онъ въ 1884 году, — прочія газеты и га-

[28]) *Моск. Вѣд.*, 1866, № 263.
[29]) *Голосъ*, 1866, № 105.

зетки съ публикой вкупѣ хоромъ ревутъ на новый судъ: «ату его! ату!» глумятся, ругаются, мечутъ грязь, со свистомъ и хохотомъ, во весь судебный персоналъ, во весь судебный институтъ съ его прошедшимъ и настоящимъ — какъ будто кто имъ задалъ задачу не только поколебать его авторитетъ, но и омерзить его, сдѣлать ненавистнымъ въ народныхъ понятіяхъ... Кричатъ и голосятъ о нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ,— съ грустью указывалъ Аксаковъ,—и молчатъ о *десяткахъ тысячъ* рѣшеній правыхъ, молчатъ о той обильной дѣятельности правосудія, которая водворилась теперь на нашей такъ *еще недавно неправосудной землѣ!* Забываютъ и объ множествѣ честныхъ, скромныхъ, истинно доблестныхъ тружениковъ».

Указавъ въ заключеніе на десятки тысячъ дѣлъ, ежегодно рѣшаемыхъ присяжными, Аксаковъ заканчиваетъ свою горячую и честную отповѣдь недобросовѣстнымъ врагамъ новаго суда слѣдующими словами, которыя особенно кстати вспомнить нынѣ: «И изъ всѣхъ этихъ десятковъ тысячъ приговоровъ—ни одинъ не запятнанъ *корыстью*. Сладкая, благодатная увѣренность! Россія ли заплатитъ за нее неблагодарностью? Или же соскучились мы по доброму старому времени? Будьте благонадежны: станете какъ теперь травить судъ, пошатнете его прочность, его независимость—все вернется, и взятки, и мошенничество, и кривосудье!!!» [30]).

Объ этомъ пророческомъ предостереженіи честнаго публициста, близко знакомаго съ нашими дореформенными порядками, не безполезно вспомнить и современнымъ ослѣпленнымъ врагамъ новаго суда.

---

[30]) Полное собраніе сочиненій Аксакова т. IV, стр. 664.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Открытіе „новаго суда“ въ Москвѣ и въ провинціи.

(Справка къ 23-му Апрѣля 1866–1896 гг.).

1. Исторія зданія Московскихъ Судебныхъ Установленій. — Обращеніе Аракчеевымъ ротонды въ амбаръ.—Реставрація зданія въ 1866 г.—Открытіе памятника Александру II въ 1884 г.—2. Торжество открытія памятника новаго суда въ Москвѣ. — Рѣчи Д. Н. Замятьина, А. Н. Шахова и Е. Е. Люминорскаго.—3. Открытіе провинціальныхъ окружныхъ судовъ.—Впечатлѣніе произведенное первыми процессами.

I.

23-го апрѣля 1866 года, въ Московскомъ Кремлѣ, въ зданіи стараго сената, происходило большое торжество, за которымъ вся Москва слѣдила съ напряженнымъ вниманіемъ: то было оффиціальное открытіе въ монументальной Екатерининской залѣ «новаго гласнаго суда», московскихъ судебныхъ установленій. Прежде чѣмъ излагать подробности торжества, нелишнее будетъ напомнить довольно оригинальную судьбу этой залы, служившей до 1866 г. мѣстомъ для складасначала казенной муки, а потомъ старыхъ дѣлъ военнаго министерства. Эта своеобразная метаморфоза составляетъ любопытную страничку изъ культурной исторіи недавняго прошлаго.

Зданіе сената въ Кремлѣ было построено въ 1787 г. знаменитымъ архитекторомъ Митр. Ѳед. Казаковымъ, и такимъ образомъ падаетъ ходящая въ публикѣ легенда, будто въ немъ и именно въ круглой залѣ происходили собранія депутатской Ком-

миссіи для составленія Уложенія, созванной Екатериною II въ 1767 г. [1]). Все зданіе сената, начиная отъ гранитнаго фундамента и до самаго карниза, поражаетъ массивностью, солидною простотою линій и замѣчательною пропорціональностью частей. Но въ этомъ замѣчательномъ зданіи самое замѣчательное—ротонда или круглая зала, построенная въ подражаніе римскому пантеону. По красотѣ и гармоніи линій нѣтъ другой подобной ротонды ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ, да и за границею найдется немного [2]). Вышина залы 13 саж. 1 арш., въ діаметрѣ 11 саж. $1^3/_4$ аршина. Поразительное впечатлѣніе производитъ богатая колоннада коринѳскаго стиля съ канелюрою, идущая вокругъ всей залы. Надъ колоннами хоры. Зданіе вѣнчаетъ огромный сводъ, осыпанный кассетонами, сведенными малъ-мала меньше къ большому вѣнку, охватывающему замокъ свода. Вокругъ свода надъ хорами 48 медальоновъ съ изображеніемъ россійскихъ государей [3]).

Но самое цѣнное украшеніе ротонды—это 18 превосходныхъ горельефовъ (работы нѣмцевъ Юсти и Таненберга), аллегорически изображающихъ важнѣйшія событія Екатерининскаго царствованія [4]), съ подписями, изъясняющими смыслъ ихъ. Приводимъ нѣкоторыя изъ нихъ: «Своею опасностью другихъ спасаетъ» (прививаніе Екатериною себѣ оспы), «Пустыни превращаетъ въ грады» (поселеніе въ Россіи колонистовъ, вызванныхъ изъ за границы), «Не дань, а законы пріемлетъ» (желаніе жить по сердцу народа), «И сѣверъ художества рождаетъ», «И вы подобно подвизаетесь» (награда военной доблести — учрежденіе ордена св. Георгія) [5]), «Великому великая» (сооруженіе Петру В. памятника), «Погибавшихъ спасаетъ» (учреж-

1) См. статью г. Иванова въ *Чтеніямъ Общества любителей исторіи и древностей россійскихъ* 1865 г.

2) Въ зданіи варшавской конторы государственнаго банка имѣется такая же ротонда, только она гораздо меньшихъ размѣровъ.

3) См. статью г. Рамазанова въ *Современной Лѣтописи* 1865 г., № 45.

4) Описаніе и объясненіе этихъ горельефовъ было сдѣлано г. Лебедевымъ въ *Русскомъ Инвалидѣ* 1860 г., № 179.

5) Замѣтимъ, что, по ироніи судьбы, мѣста, занимаемыя извѣстными Струсбергомъ и Ландау во время процесса Ссуднаго банка, какъ разъ приходились подъ этою надписью.

деніе воспитательнаго дома). Укажемъ еще на одинъ горельефъ «Желаніе Россіи», имѣющій прямое отношеніе къ указанному выше торжеству, исполненія котораго ей пришлось ждать почти сто лѣтъ. Горельефъ выражаетъ мольбу подданныхъ: даровать правый судъ и человѣколюбивые законы [6]).

Архитекторъ Аѳанасьевъ, реставрировавшій въ 1866 г. это монументальное зданіе, помѣстилъ въ *Нашемъ Вѣкѣ* статью, въ которой съ негодованіемъ указывалъ на то, что эта замѣчательная зала, одинъ изъ лучшихъ памятниковъ русскаго искусства, была обращена сначала въ амбаръ для храненія нѣсколькихъ тысячъ кулей казенной муки, а потомъ въ архивъ старыхъ дѣлъ, полусъѣденныхъ мышами. Н. Ф. Павловъ, помѣщая эту статью, съ своей стороны выразилъ удивленіе по поводу вандальской метаморфозы, постигшей эту прекрасную ротонду. «Какимъ непонятнымъ процессомъ діалектики,—пишетъ Павловъ,—дошла человѣческая мысль до вывода, что великолѣпная зала съ барельефами не что иное, какъ самое удобное мѣсто для склада кулей муки или для храненія архивныхъ сокровищъ военнаго министерства; мы желали бы знать *имя* того человѣка, кто первый, войдя въ эту ротонду и окинувъ ее глазомъ, сказалъ: «Вотъ и прекрасно! Тутъ помѣстятся до 500,000 кулей муки!»...

Любопытство Павлова было удовлетворено: въ одной изъ газетъ того времени было указано имя этого человѣка. Это былъ извѣстный *Аракчеевъ* временщикъ при Александрѣ I извѣстный между прочимъ изобрѣтатель «военныхъ поселеній» и особой манеры прогнанія сквозь строй (см. главу III). Аракчееву именно приписывается приведенная знаменитая фраза о 500,000 [7]) кулей муки!...

Вандальское обращеніе съ художественною ротондою продолжалось 50 слишкомъ лѣтъ, и только въ концѣ 1865 г. рѣшено было дать ей достойное ея красоты и гармоніи назначеніе — быть мѣстомъ отправленія гласнаго суда, суда праваго и милостиваго!

---

[6]) *Современная Лѣтопись*, 1866, № 29.
[7]) *Современная Лѣтопись*, 1866, № 29.

Приспособленіемъ зданія къ его новому благородному назначенію занимался академикъ-зодчій Аѳанасьевъ. Академикъ Аѳанасьевъ былъ командированъ за границу для подробнаго осмотра лучшихъ тамошнихъ зданій «дворцовъ правосудія». Внеся въ дѣло то благородное воодушевленіе, которымъ проникнуты были всѣ лица, прямо или косвенно соприкасавшіяся съ великими освободительными реформами 60-хъ годовъ, имѣвшихъ цѣлью возрожденіе Россіи, Аѳанасьевъ необыкновенно быстро объѣхалъ важнѣйшіе города и приготовилъ весьма обстоятельный докладъ о результатахъ своей поѣздки.

Съ осени 1865 г. приступлено было къ работамъ по приспособленію стараго зданія сената для публичнаго судоговоренія и отправленія правосудія чрезъ представителей общественной совѣсти. Не смотря на холодъ, ненастье, работы продолжались безостановочно. Аѳанасьевъ, самъ проникнутый благоговѣніемъ къ выпавшей на его долю задачѣ поработать на пользу великаго дѣла, воодушевлялъ словомъ и примѣромъ и другихъ «къ скорому осуществленію благотворной мысли Монарха, взывающаго къ воцаренію правды и милости въ судахъ».

Къ веснѣ 1866 г. реставрація ротонды и ремонтъ сенатскаго зданія были окончены, и великолѣпная круглая зала предстала во всемъ своемъ величіи и красѣ, невольно соединяя во-едино память Основательницы этого зданія Екатерины II и Возобновителя Александра II. Отголоскомъ этого впечатлѣнія было пожеланіе, высказанное еще въ 1866 г.,. чтобы въ одной изъ двухъ нишъ была поставлена мраморная статуя Екатерины. «Въ другой же,—писалъ авторъ предложенія,—слѣдуетъ воздвигнуть мраморную статую... кому? Про то знаетъ чувство благоговѣйной признательности каждаго русскаго»... [8]).

Этому трогательному желанію увѣковѣчить мраморнымъ изваяніемъ память Творца новаго суда суждено было осуществиться впослѣдствіи, хотя и при другихъ печальныхъ обстоятельствахъ, служащихъ контрастомъ тому радостному и бодрому настроенію, которымъ встрѣчено было открытіе новаго суда. Изъ учрежденія излюбленнаго и сосредоточивавшаго на себѣ самыя дорогія

---

8) *Современная Лѣтопись*, 1865 г., № 45.

чанія русскаго народа и общества, какимъ новый судъ былъ въ 60-хъ годахъ, онъ перешелъ въ 80-хъ годахъ въ разрядъ учрежденій только «терпимыхъ», но нежеланныхъ... Противъ ниши, гдѣ находится портретъ Екатерины II, въ другой нишѣ былъ открытъ 23-го апрѣля 1884 г. мраморный памятникъ Александру II, сооруженный чинами судебнаго вѣдомства. О печальныхъ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ открытіе памятника, можемъ дать понятіе статьи, появившаяся въ этотъ день въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*. Усмотрѣвъ на бѣломъ мраморѣ изваянія «кровавыя пятна», М. Н. Катковъ, увѣренный въ своей безнаказанности, имѣлъ чудовищную дерзость поставить въ вину новому суду эти «кровавыя пятна». Во-истину saevum et infestum virtutibus tempus!

Но обратимся отъ этой печальной картины къ свѣтлому времени зарожденія новаго суда.

II.

Торжество открытія судебныхъ установленій въ Москвѣ происходило согласно тому же Высочайше утвержденному церемоніалу, какой былъ соблюденъ и въ Петербургѣ. 22-го апрѣля, наканунѣ открытія новаго суда, было совершено въ присутствіи министра юстиціи Д. Н. Замятнина и другихъ высокопоставленныхъ лицъ, въ большой уголовной, нынѣ такъ называемой «Митрофаніинской», залѣ окружнаго суда торжественное соборное молебствіе съ водоосвященіемъ, послѣ котораго кроплены были святою водою всѣ помѣщенія новаго суда.

На другой день, 23-го апрѣля, происходило въ залѣ судебной палаты торжественное открытіе новаго суда. Министръ юстиціи Д. Н. Замятнинъ занялъ мѣсто за особымъ столомъ, имѣя по правую руку и. д. оберъ-прокурора общаго собранія московскихъ департаментовъ сената П. Н. Зубова, вице-директора департамента министерства юстиціи Б. Н. Хвостова. Вокругъ стола заняли мѣста: московскій генералъ-губернаторъ генералъ-адъютантъ кн. В. А. Долгоруковъ, высшее духовенство, сенаторы. Впереди стола, лицомъ къ министру, помѣстился новый судебный персоналъ: предсѣдатели и члены московской

судебной палаты (изъ нихъ въ настоящее время остались въ судебной палатѣ Ѳ. В. Вешняковъ, А. И. Котляревскій и Н. Н. Прейсъ, занимая въ теченіе 25-ти лѣтъ ту же должность члена палаты) [9]) и окружнаго суда (въ настоящее время въ составѣ суда остался только бывшій членъ суда, нынѣ товарищъ предсѣдателя Э. Н. Сумбулъ; бывшій товарищъ предсѣдателя суда М. Н. Лопатинъ нынѣ занимаетъ постъ предсѣдателя департамента московской судебной палаты, а бывшій членъ суда А. И. Вицынъ, перешедшій впослѣдствіи въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ, нынѣ предсѣдатель московскаго коммерческаго суда) и прокурорскаго надзора (въ составѣ прокурорскаго надзора находится бывшій въ 1866 г. тов. прок. окружнаго суда Ѳ. М. Громницкій, перешедшій впослѣдствіи въ адвокатуру, а нынѣ товарищъ прокурора судебной палаты; изъ другихъ товарищей прокурора: С. Е. Орловскій и А. Н. Терновскій состоятъ членами московской судебной палаты, И. М. Остроглазовъ—предсѣдателемъ тульскаго окружнаго суда и Л. В. Крушинскій — присяжнымъ повѣреннымъ въ Москвѣ) и мировые судьи (изъ нихъ до сихъ поръ остаются въ составѣ мироваго института почетные мировые судьи: Г. В. Грудевъ, гр. М. С. Ланской, С. А. Тарасовъ).

По прочтеніи Высочайшихъ повелѣній отъ 19-го марта и 13-го апрѣля 1866 г. объ открытіи судебныхъ установленій и списка вновь назначенныхъ Высочайшею властью судей, утвержден-

---

9) Въ теченіе 25 лѣтъ были старшими предсѣдателями судебной палаты: Д. В. Полѣновъ (†), А. Н. Шаховъ (†) и нынѣшній предсѣдатель В. Р. Завадскій; предсѣдателями окружнаго суда Е. Е. Люминарскій (†), П. А. Дейеръ (нынѣ сенаторъ угол. касс. департ.), В. Н. Лавровъ (†) и нынѣшній предсѣдатель Ѳ. П. Ивковъ. Прокурорами палаты: Д. А. Ровинскій (нынѣ сенаторъ угол. касс. департ.), Г. Н. Мотовиловъ (†), Н. А. Манасеинъ (нынѣ министръ юстиціи), гр. П. А. Капнистъ (нынѣ попечитель московскаго учебнаго округа), С. С. Гончаровъ (нынѣ старшій предсѣдатель тифлисской судебной палаты) и нынѣшній прокуроръ Н. В. Муравьевъ. Прокурорами окружнаго суда были Л. И. Ланге (нынѣ предсѣдатель нѣжинскаго окружнаго суда), Ѳ. М. Громницкій, Н. К. Жуковъ (въ отставкѣ), В. Н. Лицкой, П. Н. Обнинскій (нынѣ въ отставкѣ, извѣстный публицистъ) и нынѣшній прокуроръ М. П. Домерщиковъ.

ныхъ сенатомъ мировыхъ судей, выбранныхъ московскою городскою думою, а также списка товарищей прокурора окружнаго суда, министръ юстиціи произнесъ рѣчь, въ которой, между прочимъ, высказалъ слѣдующее:

«Государь Императоръ,—сказалъ онъ,—утвердивъ 20-го ноября 1864 г. новые Уставы судопроизводства и судоустройства, соизволилъ признать Уставы эти соотвѣтствующими желанію Его водворить въ Россіи судъ скорый, правый, милостивый и равный для всѣхъ подданныхъ, *возвысить* судебную власть, дать ей надлежащую *самостоятельность* и вообще утвердить въ народѣ то уваженіе къ закону, безъ котораго невозможно общественное благосостояніе.

«Знаменательныя, дорогія каждому русскому слова Его Величества, указывающія *значеніе и цѣль* судебнаго преобразованія, должны служить руководствомъ для всѣхъ дѣятелей на судебномъ поприщѣ: они должны быть *особенно памятны* вамъ, господа предсѣдатели, члены и прокуроры московской судебной палаты и окружнаго суда, какъ удостоившимся счастья быть въ числѣ самыхъ *первыхъ*, избранныхъ Августѣйшимъ нашимъ Монархомъ для осуществленія его предначертаній по судебной части.

«Вновь установленный порядокъ судопроизводства,—продолжалъ министръ,—обезпечиваетъ легкое и быстрое обнаруженіе нарушеній закона, а дарованная судамъ самостоятельность даетъ полную возможность твердо и нелицепріятно охранять святость законовъ и точное ихъ исполненіе» [10]).

Затѣмъ, обращаясь къ московскимъ столичнымъ мировымъ судьямъ, министръ юстиціи выразился такъ:

«Вамъ, господа, впервые избраннымъ совокупно всѣми сословіями въ эту важную должность, предоставленъ обширный кругъ дѣятельности. Вамъ поручены дѣла тѣхъ именно лицъ, которыя *наиболѣе* нуждаются въ скоромъ и правомъ судѣ. На васъ лежитъ непремѣнная обязанность поставить должность мироваго судьи на ту высокую степень значенія, которая предназначена ей священною волею Государя Императора, и сдѣлать изъ него краеугольный камень гласнаго, скораго, праваго и милостиваго

[10]) См. *Журналъ Министерства Юстиціи* 1866 г., № 4, стр. 207—209.

суда. Если вы, избранные Москвою, сердцемъ Россіи, пойдете рука объ руку съ судьями, назначенными Державнымъ Главою ея, то нѣтъ сомнѣнія, ваши общія усилія увѣнчаются успѣхомъ, и осуществится желаніе нашего возлюбленнаго Монарха: правда и милость будутъ царствовать въ судахъ».

Въ томъ же духѣ, какъ министръ юстиціи, говорили и высшіе члены магистратуры, коимъ приходилось давать первыя указанія органамъ суда. Такъ, предсѣдатель департамента московской судебной палаты покойный А. Н. Шаховъ при приводѣ къ присягѣ первыхъ московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ (изъ нихъ въ сословіи остаются до настоящаго времени: Н. П. Архиповъ, В. К. Дубровскій, А. И. Имбергъ, Л. Д. Лютеръ, В. А. Панинъ, А. И. Тольхъ, А. М. Фальковскій) произнесъ слѣдующую рѣчь: «Господа! Палатѣ извѣстно, что окружный судъ при обсужденіи правъ лицъ, изъявившихъ желаніе поступить въ число присяжныхъ повѣренныхъ, былъ строгъ,—разумѣется, справедливо строгъ. Онъ не только разсматривалъ ваши письменные документы, но принималъ въ соображеніе и свѣдѣнія, указывающія на личныя ваши качества и образъ прежнихъ вашихъ дѣйствій. Иначе и быть не могло, потому что одно формальное удовлетвореніе тѣмъ условіямъ, которыя требуются закономъ для поступленія въ присяжные повѣренные, еще не служитъ ручательствомъ, что избранный въ повѣренные будетъ правдиво и честно охранять интересы своихъ довѣрителей. Будучи включены окружнымъ судомъ въ это сословіе, вы, господа, значитъ удовлетворили всѣмъ условіямъ, значитъ, вы оказались во всѣхъ отношеніяхъ вполнѣ достойными состоять въ немъ. Приступайте же къ исполненію ожидающихъ васъ нелегкихъ обязанностей и продолжайте ихъ съ честью, и вы заслужите уваженіе отъ правительства и отъ общества, а это есть лучшая награда всякому честному труду» [11]).

Для характеристики духа того времени не лишено значенія то обстоятельство, что первый предсѣдатель московскаго окружнаго суда Е. Е. Люминарскій не путемъ грозныхъ циркуляровъ, а въ дружеской бесѣдѣ объяснялъ вновь образуемому институту

[11]) *Судеб. Вѣстн.*, 1866, № 2.

судебныхъ приставовъ ихъ обязанности, стараясь пробудить въ нихъ высокое уваженіе къ принимаемому ими званію. Достойный членъ московской магистратуры, оставившій по себѣ память судьи честнаго и безусловно независимаго, сказалъ судебнымъ приставамъ слѣдующую рѣчь: «Гг. судебные пристава! Поздравляю васъ съ принятіемъ присяги на новую должность. Надѣюсь, вы оправдаете ожиданіе общества и правительства; на васъ лежитъ священная обязанность не только поддержать, но возбудить упавшее нынѣ довѣріе къ силѣ и власти суда,—довѣріе, безъ котораго парализуется и самое отправленіе правосудія. Необходимость скораго и точнаго исполненія рѣшеній постоянно сознавалась нашимъ законодательствомъ: начиная съ 1721 года мы находимъ въ указахъ неоднократныя подтвержденія блюстителямъ правосудія какъ высшимъ, такъ и низшимъ имѣть надзоръ, чтобы дѣла вершились не только на бумагѣ, но чтобы рѣшенія безостановочно и скоро были приведены въ дѣйствительное исполненіе. Къ сожалѣнію, предписанія закона по сему предмету весьма часто не исполнялись. Приведеніе въ дѣйствіе рѣшенія въ большей части случаевъ возлагалось на полицію, а полиція, обремененная множествомъ разнородныхъ занятій, всегда смотрѣла на приведеніе въ дѣйствіе судебныхъ рѣшеній, какъ на обязанность второстепенную, исполненіе коей можно отложить. Послѣдствія этого вамъ, господа, извѣстны. Рѣшенія судебныхъ мѣстъ, нерѣдко и правительствующаго сената, исполнялись не недѣли, не мѣсяцы, а цѣлые годы, даже десятки лѣтъ. Выиграть дѣло въ судѣ не значило выиграть его дѣйствительно и получить искомое и присужденное. Цѣлыя состоянія переходили изъ рукъ въ руки, а иногда и совершенно растрачивались отвѣтчикомъ прежде, чѣмъ истецъ, выигравшій тяжбу, получалъ удовлетвореніе. Для устраненія столь важныхъ злоупотребленій и учрежденъ институтъ судебныхъ приставовъ, къ которому вы имѣете честь принадлежать. Господа! Вы клялись честно и добросовѣстно исполнить всѣ обязанности принимаемой на себя должности. Исполните же, господа, вашу клятву. Возстановите довѣріе къ суду и закону, составляющимъ основу государственнаго порядка, безъ которыхъ немыслимо и самое государство. Соединитесь дружно для достиженія высокой цѣли.

Пусть всякій убѣдится, что со введеніемъ въ дѣйствіе Уставовъ 1864 года дѣла вершаются не только на бумагѣ, но и исполняются на самомъ дѣлѣ. Пусть не бѣдность страшится богатства, а, напротивъ, богатый, но неисправный должникъ спѣшитъ удовлетворить своего незнатнаго кредитора. Пусть исполнительный листъ въ вашихъ рукахъ будетъ *сильнѣе денегъ и связей сильныхъ міра сего*. Съ этимъ оружіемъ вамъ некого и нечего бояться. Защитой вашею будетъ судъ и законъ. Поддержите же, господа, значеніе судебныхъ учрежденій и заставьте умолкнуть поклонниковъ *стараго порядка*, съ недовѣріемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ скрытымъ недоброжелательствомъ относящихся къ новому суду» [12]).

Вслѣдъ за открытіемъ московскихъ судебныхъ установленій стали открываться провинціальные окружные суды осенью 1866 г. Большая и оживленная борьба происходила между уѣздными городами изъ-за чести имѣть у себя окружный судъ. Особенно горячая полемика завязалась между представителями Бѣлоозерска и Череповца. Этотъ споръ, какъ равно и другіе, Д. Н. Замятнинъ рѣшилъ на мѣстѣ, послѣ тщательнаго ознакомленія съ географическими, топографическими и судебно-статистическими данными [13]).

Мѣстныя общества, относясь съ полнымъ сочувствіемъ къ предстоящему открытію новаго суда, не скупились на матеріальныя пожертвованія, вслѣдствіе чего расходы казны были значительно сокращены.

Сенаторомъ Беромъ были открыты въ ноябрѣ 1866 г. окружные суды: новгородскій, бѣлозерскій [14]), устюжскій [15]), псковскій [16]).

Старшимъ предсѣдателемъ московской судебной палаты, сенаторомъ В. П. Полѣновымъ, были открыты окружные суды: владимірскій, ярославскій, рыбинскій, кашинскій, калужскій, рязанскій, тульскій, тверской, ржевскій [17]).

---

[12]) *Судеб. Вѣстн.*, 1866 г., № 1.

[13]) *Новгородскія Губернскія Вѣдомости*, 1865, № 4.

[14]) См. *Новгородскія Губернскія Вѣдомости*, 1866, № 10, 50.

[15]) См. *Судеб. Вѣст.*, 1866, № 26.

[16]) См. *Псковскія Губернскія Вѣдомости*, 1866 г., № 85.

[17]) См. *Судебный Вѣстникъ*, 1866 г., №№ 85, 92, 93 и *Тверскія Губернскія Вѣдомости*, 1866 г., № 47.

III.

Къ концу 1866 года новый гласный судъ со всѣми новыми и невиданными принадлежностями, судомъ присяжныхъ, мировымъ судомъ, адвокатурою и пр. уже дѣйствовалъ въ десяти губерніяхъ двухъ судебныхъ округовъ. Новыя формы суда, съ уравненіемъ всѣхъ предъ лицомъ закона, съ гуманнымъ отношеніе ко всѣмъ и съ сугубымъ снисхожденіемъ къ случайно впавшему въ преступленіе, дѣйствовали сильно на народъ и общества, привыкшіе дотолѣ видѣть явную поблажкулюдямъ сильнымъ и богатымъ со стороны подкупленныхъ либо запуганныхъ судей, или безсиліе закона и судей предъ запирательствомъ ловкаго мошенника и душегубца.

Съ понятнымъ любопытствомъ и затаеннымъ вниманіемъ слѣдило правительство и печать за тогдашними процессами. Залы судебныхъ засѣданій въ столицахъ и въ провинціи ломились отъ напора жаждавшихъ посмотрѣть на новую обстановку и формы суда праваго и милостиваго. Каждая новая прокурорская и адвокатская рѣчь составляли событіе дня. Всѣ газеты того времени переполнялись судебными отчетами. Даже дамы въ салонахъ говорили о новыхъ казусахъ, новыхъ разъясненіяхъ кассаціонной практики.

И общество, и правительство какъ бы упивались замѣчательнымъ успѣхомъ новаго дѣла, въ особенности суда присяжныхъ, съ которымъ соединялось столько дорогихъ чаяній, но которое внушало столько опасеній, повидимому, очень основательныхъ. Даже такой убѣжденный сторонникъ суда присяжныхъ, какъ германскій юристъ Маттермайеръ, съ большимъ интересомъ и опасеніемъ слѣдившій за ходомъ нашей судебной реформы, дружески предостерегалъ наше правительство отъ преждевременнаго разочарованія, если новыя учрежденія не сразу примутся и будутъ дѣйствовать успѣшно. «Опираясь на долголѣтнія наблюденія постепеннаго развитія уголовныхъ учрежденій, — писалъ онъ,—мы высказываемъ наше желаніе, чтобы правительство, не видя немедленно плодовъ, ожидаемыхъ имъ отъ новыхъ учрежденій, не было запугано приверженцами стараго порядка

и врагами всякихъ нововведеній и чтобы оно не переставало преслѣдовать свою цѣль. Мы напоминаемъ ему,—говоритъ онъ далѣе, — то интересное явленіе, что даже въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ эти новыя учрежденія были совершенно неизвѣстны, гдѣ даже образованные люди считали народъ несозрѣвшимъ, даже тамъ чудеснымъ образомъ юристы поняли значеніе новыхъ началъ. Выгоды, доставленныя ими, высказываются все больше и больше, а люди, призываемые въ присяжные, оказались, *наконецъ*, и тамъ способными выполнить свое назначеніе [18]).

Наши судебныя учрежденія вообще и судъ присяжныхъ въ частности, какъ оказалось, и не нуждались въ этомъ снисходительномъ и доброжелательномъ долготерпѣніи, которое совѣтовалъ знаменитый германскій ученый на основаніи опыта другихъ странъ. Нашъ новый судъ сразу и рѣшительно завоевалъ общую признательность своею успѣшною дѣятельностью.

Уже въ своемъ первомъ—и увы! послѣднемъ—всеподданнѣйшемъ отчетѣ о дѣятельности новыхъ судебныхъ учрежденій министръ юстиціи Д. Н. Замятнинъ съ справедливою гордостью упомянулъ объ громадномъ успѣхѣ открытыхъ мировыхъ учрежденій [19]).

Отмѣтивъ затѣмъ плодотворную дѣятельность общихъ судебныхъ учрежденій, отчетъ продолжаетъ: «И здѣсь глубокое сочувствіе всѣхъ сословій къ судебному преобразованію выразилось въ томъ напряженномъ вниманіи, съ которымъ присутствующая при судебныхъ засѣданіяхъ публика слѣдитъ за ходомъ дѣлъ предъ судомъ. Быстрота рѣшенія дѣлъ, при соблюденіи всѣхъ необходимыхъ формъ судопроизводства, производила какъ на присутствующую публику, такъ и на участвующихъ въ дѣлѣ лицъ поразительное впечатлѣніе».

Особенно замѣчательна та часть министерскаго отчета, которая трактуетъ о судѣ присяжныхъ. Въ виду ея важности при-

---

18) *Журналъ Министерства Юстиціи*, 1864 г., № 10, стр. 10.

19) Въ старыхъ судебныхъ учрежденіяхъ за воровство, мошенничество среднимъ числомъ осуждалось въ годъ 500 человѣкъ. Послѣ открытія новаго суда въ однихъ мировыхъ учрежденіяхъ осуждаются за тѣ же преступленія среднимъ числомъ около 1500 человѣкъ, т. е. втрое.

водимъ in extenso: «Участіе присяжныхъ засѣдателей,—пишетъ министръ юстиціи,—вмѣстѣ съ судомъ въ разсмотрѣніи и разрѣшеніи важнѣйшихъ дѣлъ и сопряженная съ симъ торжественность отправленія правосудія возвысили общее уваженіе къ судебнымъ установленіямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сблизили взаимнымъ довѣріемъ лицъ судебнаго вѣдомства со всѣми сословіями. Присяжные засѣдатели, состоящіе *преимущественно изъ крестьянъ* (напр:, въ Ямбургѣ изъ 12 засѣдателей 11 было крестьянъ), *вполнѣ оправдали* возложенныя на нихъ надежды; имъ часто предлагались весьма трудные для разрѣшенія вопросы, надъ которыми обыкновенно затрудняются люди, пріученные опытомъ къ правильному разрѣшенію уголовныхъ дѣлъ, и всѣ эти вопросы, благодаря *поразительному* вниманію, съ которымъ присяжные засѣдатели вникаютъ въ дѣло, разрѣшались въ наибольшей части случаевъ *правильно и удовлетворительно*» [20]).

Сильно ошибся бы тотъ, кто принялъ бы приведенную оцѣнку отчета за плодъ оффиціальнаго оптимизма и столь распространеннаго у насъ пристрастія къ учрежденіямъ «своего» вѣдомства. Лучшимъ доказательствомъ справедливости приведенной характеристики можетъ служить отзывъ о новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ, появившійся изъ «чужаго» лагеря. Вотъ этотъ отзывъ, помѣщенный въ *Сѣверной Почтѣ*, оффиціальномъ органѣ министерства внутреннихъ дѣлъ (рядомъ съ этимъ оффиціальнымъ панегирикомъ шло то противодѣйствіе, о которомъ упоминается выше въ главѣ VII). «Благодѣтельныя послѣдствія судебной реформы, — писали въ концѣ 1886 г. въ названной газетѣ, — одинаково признаются *всѣми безъ исключенія* правительственными вѣдомствами и свидѣтельствуются *губернаторами всѣхъ губерній*, гдѣ уже введены новыя судебныя установленія».

Не трудно представить себѣ тотъ горячій энтузіазмъ, съ которымъ общественное мнѣніе привѣтствовало оффиціальное удостовѣреніе блистательнаго успѣха новыхъ судебныхъ учрежденій. Самымъ краснорѣчивымъ выразителемъ благодарнаго общественнаго мнѣнія выступили *Московскія Вѣдомости*. «Поистинѣ,

---

[20]) См. *Жур. Мин. Юстиціи*, 1867 г., № 2, Всеподд. отчетъ министра юстиціи за 1866 г.

едва вѣрится,—съ непритворнымъ умиленіемъ восклицалъ М. Н. Катковъ въ статьѣ 28-го марта 1867 года,—чтобы въ столь короткое время такъ *крѣпко* и такъ *успѣшно* принялось дѣло столь *важное* и столь мало похожее на прежніе наши порядки, начиная съ *основной* мысли и до мельчайшихъ подробностей. То, о чемъ года два тому назадъ можно было только *мечтать*, что возбуждало столько, повидимому, справедливыхъ сомнѣній, теперь находится въ полномъ дѣйствіи на значительномъ пространствѣ нашего отечества и уже въ первое полугодіе въ своемъ итогѣ представляетъ столь *блистательные результаты*. Судъ присяжныхъ, *лучшая гарантія гражданской свободы*, совершается у насъ во-очію, и въ немъ принимаютъ участіе крестьяне, тѣ самые крестьяне, которымъ только шесть лѣтъ тому назадъ дарована свобода и успѣхъ превосходитъ самыя смѣлыя ожиданія.

«*Честь и слава* правительственному вѣдомству,—патетически заканчивала статья, — которое такъ дѣятельно и вѣрно приводитъ въ исполненіе зиждительную мысль преобразователя, *оберегая* ее отъ явнаго и тайнаго недоброжелательства партій, неохотно входящихъ въ условія новаго гражданскаго порядка. *Исторія не забудетъ ни одного имени, связаннаго съ этимъ великимъ дѣломъ гражданскаго обновленія Россіи*».

Какою ироніею звучитъ этотъ благородный и идущій отъ сердца панегирикъ новому суду, когда сопоставишь его съ тѣмъ систематическимъ бросаніемъ грязи, которое усвоили себѣ тотъ же Катковъ въ союзѣ съ гонителями святыхъ началъ правды и справедливости, положенныхъ въ основаніе судебной реформы. Однако, это безостановочно возобновляющееся въ извѣстной части печати поруганіе основъ новаго суда должно, по справедливому замѣчанію гуманнаго поэта, не умалить, а усугубить уваженію къ нимъ въ глазахъ истинныхъ ихъ почитателей.

Храмъ поруганъ нечестивой,
Святотатственной рукой,
И стоитъ онъ молчаливый,
И печальный и пустой...
Всѣ бѣгутъ толпой изъ храма,
Но служитель вѣрный въ немъ:

Гуще клубы ѳиміама
Онъ вознесъ предъ алтаремъ,
У поруганной святыни
Весь простерся онъ во прахъ,
Горячѣе, чѣмъ до-нынѣ,
Вѣры жаръ въ его мольбахъ!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Учрежденіе мироваго суда.

(Справка къ 17-му мая 1866—1891 гг.).

1. Происхожденіе мироваго суда.—Записка Блудова 1859 г.—2. Неблагопріятныя условія дѣятельности мироваго суда.—3. Причины успѣха мироваго суда—его доступность и правосудность по мелкимъ дѣламъ, равная для всѣхъ.—4. Мировой судъ—какъ школа гражданскаго воспитанія.—5. Впечатлѣніе, произведенное мировымъ судомъ.—Отзывъ В. П. Безобразова и мин. юст. Д. Н. Замяткина.—6. Отношеніе печати къ мировому суду.

17-го мая 1866 года открыты были въ Петербургѣ и Москвѣ первыя въ Россіи мировыя судебныя учрежденія, и такимъ образомъ нынѣ исполнилось первое двадцатипятилѣтіе со дня существованія этого еще такъ недавно столь популярнаго въ правительственныхъ сферахъ и въ народѣ симпатичнаго института. Наступающее второе двадцатипятилѣтіе застаетъ его въ незавидномъ, крайне неопредѣленномъ состояніи. Упраздненныя или находящіяся наканунѣ упраздненія, мировыя учрежденія, какъ и всѣ вообще учрежденія, выходящія изъ моды, нерѣдко, и особенно въ послѣднее время, дѣлались предметомъ явно несправедливой и пристрастной критики, не признающей и не желающей признать за ними никакихъ заслугъ и представляющей въ самомъ извращенномъ видѣ смыслъ и цѣль учрежденія мироваго суда и значеніе выполненной имъ крупной и культурной миссіи. Какія бы превратности не ждали въ будущемъ мировыя учрежденія, уяснить и отмѣтить историческую роль ихъ въ прошед-

шемъ столько же дѣло исторической справедливости по отношенію къ нимъ, сколько и практической необходимости въ интересахъ правильнаго оріентированія въ явленіяхъ общественной жизни

I.

Благодаря тому систематическому игнорированію подлинной исторіи нашего современнаго судоустройства, которое составляетъ отличительную черту нынѣшнихъ критиковъ новаго суда, стала безпрепятственно гулять созданная больнымъ воображеніемъ басня, будто нашъ *выборный* мировой судъ есть ни что иное, какъ осуществленіе самой крайней демократической программы à la Руссо, осуществленной радикалами 60-хъ годовъ, въ разгаръ либеральныхъ увлеченій, на мѣсто благоразумныхъ предположеній гр. Д. Н. Блудова [1]). Между тѣмъ исторія нашего процесса показываетъ, что первая мысль объ учрежденіи у насъ «мировыхъ судей» (juge de paix) возникла еще въ 1826 г. и была впервые предложена предсѣдателемъ государственнаго совѣта гр. Кочубеемъ [2]).

Но оставляя въ сторонѣ вопросъ о розысканіи отдаленныхъ корней нашего мироваго суда, достаточно обратиться къ эпохѣ, непосредственно предшествовавшей составленію Судебныхъ Уставовъ. Въ томѣ IV *Дѣла о преобразованіи судебной части въ Россіи* мы находимъ записку гр. Блудова, гдѣ онъ съ полною откровенностью объясняетъ причину и цѣль учрежденія мироваго суда. «Основаніемъ предположеній объ учрежденіи судей мировыхъ, говорится въ Запискѣ 1859 года, были два важныя обстоятельства: *уничтоженіе* крѣпостнаго состоянія и *рѣшительное отдѣленіе* власти судебной отъ административной. Доселѣ крестьяне помѣщичьи, составляющіе почти половину крестьянскаго населенія, не имѣли никакихъ дѣлъ гражданскихъ, и не было повода учреждать гражданскіе суды для разбирательства споровъ по имуществамъ движимымъ незначительной цѣны,

---

[1]) См. В. Фукса—Судъ и Полиція", 193, 222, 236, 237.

[2]) См. „Курсъ угол. суд.", Фойницкаго, стр. 153.

какъ сіе установлено въ отношеніи къ маловажнымъ проступкамъ, кои предоставлены вѣдѣнію полиціи. Но когда въ одно время предполагается (это писалось въ 1859 г.) не только освобожденіе отъ крѣпостной зависимости, но и устраненіе полиціи отъ *всякаго* вмѣшательства въ дѣла судебныя, то власть и дѣятельность становыхъ приставовъ необходимо замѣнить *судебнымъ* установленіемъ, которое будетъ гораздо полезнѣе, ибо оному можно ввѣрить и веденіе маловажныхъ гражданскихъ дѣлъ. Во всѣхъ хорошо устроенныхъ государствахъ существуютъ такія судебныя лица и мѣста. Они тѣмъ въ особенности полезны, что споры въ оныхъ оканчиваются бо́льшею частью примиреніемъ или рѣшаются всегда сокращеннымъ порядкомъ, всего чаще при первой явкѣ сторонъ, на основаніи словесныхъ между ними объясненій, безъ издержекъ» [3]).

Такимъ образомъ, уже въ 1859 г. были намѣчены гр. Блудовымъ, этимъ авторитетнѣйшимъ въ глазахъ противниковъ новаго суда государственнымъ человѣкомъ, основныя черты мироваго института.

Что же касается выборнаго начала, то и оно точно также было предложено тѣмъ же юристомъ, который до освобожденія крестьянъ предлагалъ предоставить право избранія мировыхъ дворянскому сословію [4]), а послѣ освобожденія крестьянъ естественно предоставилъ это право всѣмъ сословіямъ [5]). Этотъ же порядокъ былъ принятъ и редакторами Судебныхъ Уставовъ и не по соображеніямъ, заимствованнымъ изъ Contrat Social, какъ увѣряютъ враги судебной реформы, а по соображеніямъ чисто практическимъ и согласно указаніямъ исторіи русскаго законодательства. «Мировые судьи, — сказано въ журналѣ Государственнаго Совѣта 1862 года, — должны быть по преимуществу мѣстными судьями и хранителями мира; общее *довѣріе* мѣстныхъ обывателей составляетъ необходимое условіе ихъ назначенія, а потому правительство было бы поставлено *въ крайне затруд-*

---

3) См. т. IV, отд. 2-е „Дѣла о преобраз. судебн. части въ Россіи", стр. 40—41.

4) См. т. IV того-же Дѣла, § 286 блудовскаго проекта судоустройства.

5) См. т. XVI н. д. Журн. Госуд. Совѣта 1861 г., № 48, объ основныхъ началахъ судоустройства, стр. 7—8.

нительное положеніе, если бы принило на себя ихъ избраніе: ибо начальствующимъ лицамъ, во всякомъ случаѣ, труднѣе найти столь значительное число вполнѣ достойныхъ лицъ для замѣщенія всѣхъ должностей мировыхъ судей, чѣмъ обывателямъ каждой мѣстности пріискать людей для опредѣленнаго округа» [6]). Вотъ какими чисто дѣловыми соображеніями было вызвано выборное начало въ мировомъ судѣ.

Вообще, только при полномъ незнакомствѣ съ исторіею русскаго процесса можно видѣть въ выборѣ судей, издавна знакомомъ русскому законодательству, нѣчто опасное, революціонное. Всего 25 лѣтъ тому назадъ, т. е. до открытія новаго суда, весь почти составъ первой и второй инстанціи назначался по выборамъ сословій (всѣ пять членовъ уѣзднаго суда и всѣ четыре магистрата были выборные, въ уголовной палатѣ предсѣдатель и члены были выборные и только товарищъ предсѣдателя по назначенію отъ правительства). Мало того. Даже полицейскія власти были выборныя [7])! Теперь же невѣжественные критики судебной реформы увѣряютъ, что назначеніе судей по выбору населенія это — такая радикальная реформа, которую только коммунары [8]) вносятъ въ свою программу, какъ pium desiderium!... Такъ-то нынче пишется исторія.

II.

Правильному сужденію объ исторической роли мироваго института, кромѣ завѣдомо распространяемыхъ врагами его искаженныхъ свѣдѣній объ его происхожденіи, мѣшаетъ также и неправильное освѣщеніе условій его дѣятельности. Рядомъ съ преобразованнымъ судомъ должна была дѣйствовать въ охранѣ общественнаго порядка и полиція, реформа которой до сихъ поръ еще не осуществилась. «Можно ли утверждать,—спрашиваетъ одинъ изъ самыхъ непримиримыхъ враговъ новаго суда В. Фуксъ, менѣе всего наклонный относиться съ чрезмѣрною строгостью

---

[6]) См. т. XIX н. д., стр. 308.

[7]) См. т. XVII, Дѣла о преобразованіи судебн. части въ Россіи. Матеріалы №№ 12 и 25 Записки Ровинскаго.

[8]) См. статью г. Ціона въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, 1886 г., № 8-й.

къ дѣйствіямъ полиціи,—что наша полиція уже соотвѣтствуетъ своему назначенію, что она имѣетъ всѣ необходимыя средства для надзора за благосостояніемъ и для охраненія внутренней безопасности, что она состоятельна въ предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, что она, наконецъ, пользуется подобающимъ ей уваженіемъ? Къ сожалѣнію,— говоритъ Фуксъ, — на всѣ эти вопросы можно дать одинъ отвѣтъ: формально—да, по существу—нѣтъ» [9]). А если это такъ, то справедливо ли всю вину за отсутствіе порядка и безопасности сваливать на мировыя судебныя учрежденія, которыя замкнулись и должны были замкнуться въ роль судей и блюстителей закона.

Мировому суду ставятъ въ вину его малодоступность, сложность, формализмъ. Упрекъ не лишенъ основанія, но поучительный смыслъ его совсѣмъ не тотъ, какой хотятъ вывести противники мировой юстиціи. Всѣ эти недостатки не только не вызываются духомъ этого учрежденія, но прямо имъ исключаются. Могли ли составители Судебныхъ Уставовъ предвидѣть, что въ мировомъ судѣ, производство въ которомъ они освободили, въ видахъ его доступности, отъ сборовъ, установленныхъ въ общихъ судахъ, будетъ установлена судебная пошлина, *вдвое превосходящая* размѣръ пошлины, существующей въ общихъ судахъ (ст. 202 уст. гр. суд.)? Могли ли они предвидѣть, что мировые судьи будутъ завалены такою массою сложной канцелярской работы и отчѣтности, которая будетъ обременять ихъ въ ущербъ ихъ прямыхъ судейскихъ обязанностей.

Да и самая судебная процедура современнаго мироваго судопроизводства развѣ она не представляетъ иронію надъ тѣмъ упрощеннымъ, о которой мечтали составители Судебныхъ Уставовъ. Разъясняя значеніе мироваго института, въ отличіе отъ общихъ судебныхъ учрежденій, они, между прочимъ, писали: «На мироваго судью возлагается разсмотрѣніе всѣхъ менѣе важныхъ дѣлъ, ежедневно почти возникающихъ между большинствомъ населенія, значительная часть котораго не знаетъ законовъ, не терпитъ *формализма*, уважаетъ естественную справедливость и дорожитъ временемъ, а потому главнѣйше забо-

---

[9]) См. „Судъ и Полиція“, стр. 214.

тится о скоромъ и на своихъ понятіяхъ основанномъ рѣшеніи. Значительную часть этихъ дѣлъ мировому судьѣ предоставляется рѣшать окончательно, и при этомъ онъ судитъ единолично. Главнѣйшая задача и высшее качество его правосудія—*примиреніе*. Для успѣшнаго исполненія такого важнаго призванія мировой судья долженъ пользоваться особымъ довѣріемъ мѣстныхъ жителей, а довѣріе это онъ можетъ заслужить не столько юридическимъ образованіемъ, сколько знаніемъ народныхъ понятій, нравовъ, обычаевъ, вообще всѣхъ условій мѣстной жизни и въ особенности своимъ здравымъ умомъ, честнымъ характеромъ и безукоризненною жизнью».

Этотъ типъ доступнаго всѣмъ судьи, быстро и безъ формальностей рѣшающаго дѣла, и въ самыхъ Судебныхъ Уставахъ не былъ проведенъ достаточно послѣдовательно. Послѣдующая же законодательная и кассаціонная еще болѣе измѣнили этотъ типъ, приблизивъ или почти сливъ съ типомъ судьи-юриста, дѣйствующаго въ общихъ судебныхъ установленіяхъ.

III.

Почему же мировыя учрежденія, не смотря на всѣ законодательные и кассаціонные промахи, успѣли сразу стяжать громадную популярность въ народѣ и успѣли сдѣлаться самымъ цѣннымъ и плодотворнымъ проводникомъ гуманно-просвѣтительныхъ идей судебной реформы? Отвѣтъ мы на это находимъ въ условіяхъ той дѣйствительности, среди которыхъ пришлось выступить первымъ мировымъ судьямъ.

Судебная реформа, — писалъ В. П. Безобразовъ, — вноситъ въ народную жизнь право, какъ живой дѣствительный фактъ на мѣсто права, существовавшаго лишь, какъ мертвая буква закона, какъ смутное понятіе, не исчезавшее, конечно, никогда изъ вѣрованій и понятій народа, но носившееся въ облакахъ, надъ его головами, какъ нѣчто неуловимое, неосязаемое, никогда не воплощавшееся въ настоящее практическое дѣло. Если,—говоритъ онъ далѣе,—судебная реформа вноситъ къ намъ дѣйствительное живое право на мѣсто призрака, то мировой судъ право

въ такую сферу отношеній нашего общества, гдѣ *не существовало и призрака права*, даже понятія о возможности права [10]).

Въ такой характеристикѣ нѣтъ и тѣни преувеличенія. Кому неизвѣстно, что право сильнаго и богатаго въ дореформенныя времена было настоящимъ instrumentum regni, было возведено въ систему въ особенности по маловажнымъ дѣламъ, гдѣ сталкивались, съ одной стороны, безправный обыватель и съ другой— располагающій по своему общественному положенію помѣщикъ, богатый купецъ, умѣвшіе при помощи «барашка въ бумажкѣ» или же просто однимъ своимъ *властнымъ словомъ*, подкрѣпленнымъ подобающими жестомъ и мимикою, прекращать жалобы потерпѣвшихъ отъ ихъ самовластнаго самодурства и отъ ихъ безсовѣстнаго надувательства и обсчитыванія.

Покойный Фуксъ, постоянный сотрудникъ *Русскаго Вѣстника* и *Московскихъ Вѣдомостей* 80-хъ годовъ, отнюдь не расположенный рисовать въ преувеличенно мрачныхъ краскахъ дореформенные порядки, представляетъ въ такомъ состояніи судъ и расправы при полицейскихъ управленіяхъ наканунѣ открытія новаго суда. «До начала 60-хъ годовъ,—пишетъ Фуксъ,— общественное сознаніе въ отношеніи къ полиціи выражалось двояко: въ *высшихъ* и даже *среднихъ* общественныхъ слояхъ на полицію у насъ смотрѣли свысока, *съ презрѣніемъ*, въ низшихъ — *со страхомъ*. Высшіе слои по своему родовому или имущественному привилегированному положенію вовсе не считали своимъ долгомъ исполнять требованій полиціи, и даже сами еще предъявляли къ ней свои притязанія для огражденія своихъ юныхъ птенцовъ отъ послѣдствій ихъ собственнаго безчинства; военные же и лица, состоящія на службѣ, даже мелкіе чиновники, опираясь на защиту своего начальства, смотрѣли на полицію *еще безцеремоннѣе;* а средніе промышленные и торговые классы освобождались отъ всякихъ требованій полиціи или пріобрѣтали, гдѣ было нужно, ея содѣйствіе посредствомъ *взятокъ*, получившихъ, напр., на фабрикахъ, заводахъ, въ лавкахъ и по питейной части характеръ постояннаго жалованья полицейскимъ чинамъ. Оставалась затѣмъ *безправная масса* низшихъ городскихъ

---

[10]) См. *Русскій Вѣстникъ*. 1866 г.

обывателей, а въ уѣздахъ—поселяне, но для нихъ полиція была уже не охраной, а самымъ строгимъ и придирчивымъ начальствомъ, отъ притязаній коего необходимо было *откупаться* [11]). Правда, у населенія было право жаловаться на исправниковъ и становыхъ и городничихъ, но оно было поставлено въ такія условія, которыя иные хотѣли бы перенести на земскихъ начальниковъ и которое сводилось къ нулю. Мы знаемъ изъ «Ревизора», къ чему сводилось громкое по названію право обжалованія даже для «самоварниковъ». Остальное же населеніе и не дѣлало попытокъ не только къ обжалованію противозаконныхъ дѣйствій полиціи [12]), но даже къ осуществленію своего права на предъявленіе въ полиціи гражданскихъ исковъ. До какой степени старый полицейскій судъ *отвадилъ* народъ отъ суда, можно видѣть изъ слѣдующаго факта. На обязанности городской полиціи лежалъ, между прочимъ, «словесный разборъ» мелкихъ споровъ, съ записною жалобъ и рѣшеній по нимъ въ особую книгу. И что же? Когда губернаторы ревизовали полицейскія учрежденія, означенныя книги оказывались чистыми отъ первой до послѣдней страницы! [13]).

Ошибочно было думать, что среди этого безправнаго населенія [14]) господствовалъ хоть внѣшній городской порядокъ и благо-

---

[11]) См. В. Фукса „Судъ и Полиція“, стр. 218—219.

[12]) Ibid., ч. II, стр. 188.

[13]) Ibid., ч. I, стр. 189.

[14]) О безправности населенія и полновластіи администраціи въ дореформенное николаевское время у Н. А. Любимова находимъ слѣдующія игриво-ѣдкія строки: «Начальство сдѣлалось *все* въ странѣ. Все кесареви; Богови оставалось весьма немного. Все сводилось къ простотѣ отношеній начальника и подчиненнаго. Въ начальствѣ совмѣщались законъ, правда, милость и кара.—Губернаторъ при какой-то ссылкѣ на законъ, взявшій со стола томъ Свода Законовъ и сѣвшій на него съ вопросомъ—гдѣ законъ? былъ лицомъ *типическимъ* и въ частности добрымъ и справедливымъ человѣкомъ. Купецъ торговалъ потому, что на то была милость начальства; обыватель ходилъ по улицѣ, спалъ послѣ обѣда въ силу начальническаго позволенія. Приказный пилъ водку, женился, плодилъ дѣтей, бралъ взятки по милости начальническаго снисхожденія. Дышали воздухомъ потому, что начальство, снисходя къ слабости нашей, отпускало въ атмосферу достаточное количество кислорода. Рыба плавала въ водѣ, птицы пѣли въ лѣсу, потому что такъ разрѣшено началь-

устройство. Какъ всегда и вездѣ наблюдалось, при отсутствіи должной охраны правъ гражданъ они и къ обязанностямъ своимъ относятся съ полнымъ пренебреженіемъ. Вотъ почему при полицейскомъ полновластіи, при которомъ безцеремонно нарушалось право гражданъ, все-таки не было у насъ порядка и чистоты даже и въ столицахъ. Въ дневникѣ академика Никитенко за 1864 г. между прочимъ приведенъ такой фактъ. Разнощики, стоявшіе подъ арками Гостиннаго двора (въ Петербургѣ), производили тамъ нечистоты и обращались грубо съ публикою. Полиція разгоняетъ ихъ, не разбирая ни праваго, ни виноватаго, а публика должна была ходить, чтобы купить десятокъ яблокъ, за нѣсколько верстъ [15]).

Назначеніемъ мироваго института было внесеніе въ сферу повседневныхъ гражданскихъ отношеній первыхъ элементовъ благоустроеннаго общежитія—сознанія гражданами своихъ правъ и обязанностей. Если новый гласный судъ называютъ—и справедливо называютъ—школою гражданскаго воспитанія, то мировыя учрежденія съ тысячами камеръ, разбросанныхъ по самымъ отдаленнымъ захолустьямъ нашего обширнаго отечества, являлся первою и самою важною ступенью этой школы. Не даромъ министръ юстиціи Д. Н. Замятнинъ въ рѣчи своей, произнесенной при открытіи новаго суда, назвалъ мировой судъ «*краеугольнымъ камнемъ* гласнаго, скораго, праваго и милостиваго суда»! Въ самомъ дѣлѣ, общія судебныя учрежденія и по отдаленности мѣста своего нахожденія и по сравнительно большей важности подсудныхъ имъ дѣлъ имѣли и имѣютъ соприкосновеніе съ народными массами гораздо рѣже мировыхъ. Можно прожить цѣлый вѣкъ и ни разу не имѣть случая попасть на засѣданіе окружнаго суда и на судъ присяжныхъ, но рѣдко кто въ томъ или другомъ качествѣ не видѣлъ обстановки мироваго

ствомъ. Начальникъ былъ безотвѣтственъ въ отношеніяхъ своихъ къ подчиненнымъ, но имѣлъ въ тѣхъ же условіяхъ начальство надъ собою... Военные люди, какъ представители дисциплины, считались годными для всѣхъ родовъ службы. Гусарскій полковникъ засѣдалъ въ синодѣ, въ качествѣ оберъ-прокурора и т. д. (см. 182—183 н. с. „Кактовъ и его истор. заслуга“).

15) *Русс. Стар.* 1891 г., № 5, стр. 403.

судоговоренія, и въ этомъ отношеніи мировыя учрежденія, какъ своего рода элементарная народная школа, имѣли для народнаго воспитанія громадное значеніе.

Добрыя традиціи, сразу привившіяся, подъ вліяніемъ господствовавшаго въ 60-хъ годахъ либерально-гуманнаго направленія, мировому институту почти повсемѣстно, сдѣлали то, что онъ съ первыхъ же дней сдѣлался необыкновенно популяренъ именно въ народныхъ массахъ [16]). Мировые судьи дѣлали все, отъ нихъ зависящее, чтобы *пріохотить* народъ къ суду, чтобы возстановить къ нему довѣріе, чтобы поколебать укоренившееся въ немъ сознаніе о безполезности и даже опасности «тягаться съ сильнымъ и богатымъ». Дѣлалось это, конечно, не въ видахъ поощренія кляузнаго сутяжничества, а въ видахъ привитія русскому человѣку сознанія своего человѣческаго достоинства, правоваго сознанія, безъ котораго немыслимо никакое гражданское развитіе, сознанія, что обезпеченное закономъ право находитъ защиту въ судѣ, не смотря на силу и могущество обидчика.

Широко распахнули мировые судьи двери своихъ камеръ, своей «судебной школы» предъ изумленными очами сермяжнаго народа. Въ Москвѣ бывали случаи, что мировые судьи устраивали засѣданія, за невозможностью помѣстить публику въ камерѣ, на подобіе древняго римскаго суда sub Jove, на дворѣ, подъ открытымъ небомъ! Въ наше «охлажденное», «трезвенное», но и скучное, безъидейное время все это можетъ показаться ребячествомъ, донкихотствомъ, но развѣ не такія героическія усилія нужны были для того, чтобы «заманить» народъ въ судъ, который онъ дотолѣ обѣгалъ, какъ зачумленнаго мѣста. Диву давался народъ при видѣ этого новаго, новаго во всѣхъ отношеніяхъ, и по внѣшней обстановкѣ и по внутреннему смыслу, суда. Вмѣсто грубаго окрика и зуботычинъ, онъ встрѣчалъ привѣтливаго «мироваго», который говорилъ всѣмъ

[16]) Въ с. Васильевѣ, Уфимской губ., какъ сообщали мѣстныя губернскія вѣдомости, такъ заинтересовались сценами мироваго разбирательства, печатавшимися въ столичныхъ газетахъ, что выучили ихъ наизусть и разыгрывали въ разныхъ домахъ (*Журн. Мин. Юст.*, 1867 г., № 5, стр. 431).

«вы», внимательно выслушивалъ и одинаково судилъ и знатнаго барина, генерала, адмирала и милліонера, и лапотнаго мужика и не давалъ въ обиду «маленькаго» человѣка, хотя бы пришлось ему столкнуться съ властями или богатымъ и сильнымъ противникомъ. На мѣсто стародавняго выраженія «для насъ законъ не писанъ», народъ сталъ говорить: «нынче драться не велятъ», «за это мировой по головкѣ не погладитъ», «нынче всѣ равны предъ судомъ» и пр.

Вѣря въ высокое призваніе свое, мировые судьи перваго избранія съ необычайною энергіею и любовью къ дѣлу принялись за исполненіе своихъ обязанностей. Уже съ 18-го мая мировые суды стали принимать въ Москвѣ просителей. Засѣданія происходили не только по утрамъ, но и по вечерамъ. Прошенія принимались «во всякій часъ дня и ночи, и гдѣ бы проситель судью ни встрѣтилъ». «Московскіе мировые судьи,—читаемъ въ *Судебномъ Вѣстникѣ*,—очень ревностно принялись за дѣло, обнаруживъ притомъ немало смѣтливости и умѣнья самому узнать истину. Такъ, одинъ изъ нихъ по жалобѣ какой-то дамы на дерзость и ругательства со стороны кухарки немедленно отправился, будучи въ тотъ часъ свободенъ, въ указанный домъ, и прежде чѣмъ виновная успѣла узнать, кто былъ этотъ неожиданный посѣтитель, ему пришлось самому быть свидѣтелемъ ругательствъ, которыя не замедлила повторить дерзкая кухарка. Многіе судьи, замѣтивъ сами какія-либо безчинства на улицѣ, отсылали виновныхъ къ суду. Всѣми судьями рѣшено,—писали въ ту же газету, — употребить всевозможныя усилія, чтобы искоренить уличное сквернословіе, эту язву нашего народа. Сквернословіе и рядомъ съ нимъ непомѣрная нечистота нашихъ троттуаровъ, вслѣдствіе слишкомъ откровенныхъ привычекъ нашего народа, дѣлаютъ въ Москвѣ для дамъ и дѣтей почти совершенно невозможнымъ ходить по улицамъ. Наши мировые рѣшили не пропускать ни одного такого случая сквернословія или иной неблагопристойности, дѣйствуя сначала внушеніемъ, а потомъ другими взысканіями» [17]).

---

17) См. *Суд. Вѣст.*, 1866 г., № 3.

V.

Впечатлѣніе, произведенное первыми шагами дѣятельности мироваго суда, было громадно и всеобъемлюще. По справедливому замѣчанію одного публициста того времени, уже первые мѣсяцы дѣятельности мировыхъ учрежденій произвели настоящій «переворотъ» въ бытовыхъ отношеніяхъ и умахъ [18]). «Чтобы убѣдиться,—писалъ Безобразовъ,—какъ мало въ этихъ словахъ преувеличенія, надо видѣть *изумленіе* людей, которые въ своемъ самоуправствѣ должны подчиняться приговорамъ мировыхъ судей; надо видѣть то изумленіе—изумленіе, подавляющее своею силою даже

---

18) Говоря о времени открытія мировыхъучрежденій, юбилейный отчетъ сообщаетъ характерныя подробности, свидѣтельствующія о чрезвычайной популярности мироваго суда съ самаго его возникновенія. Въ первые же дни мировые судьи были завалены массою прошеній и жалобъ по дѣламъ, подлежавшимъ и даже не подлежавшимъ ихъ разбирательству. „Новый судъ,—читаемъ въ Отчетѣ,—кромѣ интереса новизны, быстро сдѣлался популярнымъ своею доступностью, быстротою и несложностью формальностей, сравнительно съ прежнимъ судомъ; въ народной массѣ явилось сознаніе *правъ и гарантій*, которыя или не существовали ранѣе, или существовали только по имени, но были упразднены на практикѣ, за фактическою невозможностью ихъ осуществленія. Естественно, что потребность въ осуществленіи ихъ, при первой возможности, проявилась огромнымъ наплывомъ просителей и публики въ камерахъ мировыхъ судей. Нѣкоторыя камеры не могли вмѣщать всѣхъ являющихся и были случаи, что судьи, не желая стѣснять столь необходимую, въ особенности на первыхъ порахъ, гласность, производили разбирательство *на дворѣ, при камерѣ*, чтобъ не лишить всѣхъ явившихся возможности присутствовать на разбирательствѣ.

„Естественныя въ каждомъ новомъ дѣлѣ,—продолжаетъ Отчетъ,—недоразумѣнія возникали со всѣхъ сторонъ: «новыя права» подвергались преувеличеннымъ толкованіямъ, вслѣдствіе чего къ мировымъ судьямъ обращались съ такими просьбами, которыя явно выходили изъ предѣловъ вѣдомства мироваго суда, если не вовсе не подлежали судебному разбирательству. Начиная отъ просьбы вникнуть въ семейныя отношенія и уладить семейные разлады до просьбъ, имѣвшихъ характеръ бракоразводныхъ дѣлъ, начиная отъ жалобъ на оскорбленія выраженіями самаго невиннаго свойства до жалобъ на истязанія и грабежи,—все это направлялось къ мировому судьѣ, который съ первыхъ же дней являлся *живымъ истолкователемъ* правъ, предоставляемыхъ каждому, и обязанностей, возлагаемыхъ на него закономъ". (См. 25-ти лѣтіе Моск. Суд. Уст.).

раздраженіе, съ которымъ выслушиваютъ эти приговоры *господа*, прогнавшіе отъ себя служителей, не выдавъ имъ жалованья за полгода службы только потому, что служители имъ не понравились, *рабочіе*, самовольно ушедшіе съ работъ до срока найма, вопреки письменному контракту, только потому, что цѣна на работы поднялась; *пьяницы, никогда* не слыхавшіе, что нельзя было валяться и ругаться на улицахъ, *мужья*, не имѣвшіе никакого понятія, что нельзя избивать до полусмерти своихъ женъ; *баринъ*, ускакавшій на тройкѣ, даже не оглянувшись на ребенка, раздавленнаго имъ на дорогѣ, и т. д. и т. д. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, — продолжаетъ тотъ же авторъ, — необходимы были прежде всего *неимовѣрныя* усилія, чтобы люди всѣхъ званій и состояній поняли, что они вызваны къ мировому суду не для шутки и что приговоръ его можетъ быть приведенъ въ исполненіе. *Это истинный переворотъ въ умахъ*, и къ тому же еще чрезвычайно быстро совершающійся послѣ двухъ строкъ приговоровъ, энергически приведенныхъ въ исполненіе посреди людей, пораженныхъ изумленіемъ, не вѣрящихъ своимъ глазамъ, чтобы покровительство, оказанное ими исправнику, не освобождало ихъ отъ обязанности платить жалованье слугамъ, или чтобы дружественныя попойки съ засѣдателемъ полицейскаго управленія не давали имъ права бить не только рабочихъ, но и самихъ полицейскихъ служителей. Изумленіе однако быстро смѣняется другими чувствами, и *толпа народа валитъ* къ мировымъ судьямъ, вылѣзаютъ на свѣтъ изъ всѣхъ темныхъ закоулковъ такія дѣла, которыя на памяти людской никогда иначе не рѣшались, какъ кулачнымъ правомъ, а въ самомъ лучшемъ случаѣ *терпѣніемъ и забвеніемъ* [19]).

Оффиціальныя данныя вполнѣ подтверждаютъ эту характеристику и значеніе мироваго истиутта. «Съ перваго же приступа мировыхъ судей къ новому дѣлу, — писалъ министръ юстиціи Д. Н. Замятнинъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ годовомъ отчетѣ по министерству, — простота мироваго разбирательства, полная гласность и отсутствіе обременительныхъ формальностей вызвали *всеобщее къ мировому институту довѣріе*. Въ особен-

19) См. октябрскую книжку *Русс. Вѣсти.*, за 1866 годъ.

ности *простой народъ*, найдя въ мировомъ судѣ судъ скорый и справедливый для мелкихъ обыденныхъ своихъ интересовъ, не перестаетъ благословлять Верховнаго Законодателя за дарованіе Россіи суда, столь близкаго народу и вполнѣ соотвѣтствующаго его потребностямъ. Довѣріе къ мировымъ судьямъ,— продолжаетъ министерскій отчетъ, — доказывается въ особенности тѣмъ, что со времени открытія дѣйствій мировыхъ судебныхъ установленій возбуждено громадное число такихъ гражданскихъ исковъ, которые или по своей малоцѣнности, или по неимѣнію у истцовъ формальныхъ доказательствъ, въ прежнихъ судахъ *вовсе не возникали*. Равнымъ образомъ приносили мировымъ судьямъ множество жалобъ на такія притѣсненія и обиды, а также на мелкія кражи и мошенничества, которыя прежде обиженные оставляли безъ преслѣдованія».

Приводимыя въ отчетѣ Замятнина цифры показываютъ, какъ быстро росла популярность мировыхъ учрежденій въ столицахъ. Съ 17-го мая по 17-е ноября въ 28 участкахъ Петербурга было возбуждено 56,144 дѣла, изъ нихъ рѣшено и прекращено миромъ 44,770 дѣлъ (12,504 уголовныхъ и 32,266 гражданскихъ). Въ 17 участкахъ Москвы за тотъ полугодовой періодъ было возбуждено 31,608 дѣлъ (уголовныхъ 12,784 и гражданскихъ 18,824), рѣшено 17,171. На каждаго мироваго судью, несмотря на новизну и трудность новой гласной процедуры, приходилось среднимъ числомъ около 2,000 дѣлъ! Такая энергичная дѣятельность [20]) особенно бросалась въ глазахъ при сопо-

---

[20]) Приводимъ изъ составленнаго мировымъ судьею В. К. Вульфертомъ сборника „Двадцатипятилѣтіе Московскихъ столичныхъ мировыхъ судебныхъ установленій“ еще нѣкоторыя данныя объ нихъ.

Чтобы судить о размѣрахъ дѣятельности, проявленной мировыми судебными учрежденіями, достаточно принять на видъ, что перешедшія къ нимъ дѣла вѣдались до 1866 г. слѣдующими семью учрежденіями: уѣзднымъ судомъ (2 департ.), надворнымъ судомъ (3 департ.), магистратомъ (2 департ.), городовымъ словеснымъ судомъ, комиссіей для словесной расправы между рядчиками и рабочими, девятью словесными судами при полицейскихъ частяхъ города и управленіемъ 17 частей города Москвы. Если сопоставить рядомъ съ этою многочисленностью учрежденій количество производившихся въ нихъ дѣлъ, ничтожность его сразу бросается въ глаза Уголовныхъ дѣлъ производилось въ годъ 1,793, а гражданскихъ

ставленіяхъ съ предшествовавшимъ временемъ, когда полицейскія книги, назначенныя для записи приговоровъ, въ теченіе многихъ лѣтъ сохраняли свою дѣвственную чистоту!

Представители общества, являясь органомъ общепризнательности, всякими способами выражали свою симпатію мировому суду. Въ своемъ благодарственномъ адресѣ С.-Петербургская городская Дума, между прочимъ, писала, что «открытіе новыхъ судовъ, наполнило тою радостью сердца всѣхъ вѣрноподданныхъ, какую Россія испытывала въ лучшія минуты своего существованія».

Но представители общества выражали свою симпатію не на словахъ только, но и дѣлѣ. Когда по первому вызову С.-Пе-

---

6,200, всего стало быть около 8,000. Какъ велика въ этомъ отношеніи перемѣна, происшедшая со введеніемъ мировыхъ учрежденій, явствуетъ изъ слѣдующихъ цифръ. Въ 1890 году у мировыхъ судей возникло:

Уголов. дѣлъ	28,850
Гражданскихъ.	38,137
	66,987,

т. е. въ теченіе 25 лѣтъ число дѣлъ увеличилось болѣе чѣмъ въ 8 разъ. Что явленіе это слѣдуетъ приписать не естественному росту населенія (оно въ Москвѣ увеличилось нѣсколько больше двухъ разъ) или развитію городской жизни, а именно строю и направленію новыхъ мировыхъ судебныхъ установленій, это можно вывести изъ сопоставленія данныхъ о дѣятельности ихъ за первые же мѣсяцы ихъ существованія. Московская городская Дума, исходя изъ того соображенія, что къ мировымъ судьямъ будетъ поступать значительное количество мелкихъ дѣлъ, для которыхъ до судебной реформы „не было ни суда, ни расправы", при дѣленіи гор. Москвы на участки, предполагала, что общее число дѣлъ сравнительно съ прежними увеличится вдвое, т. е. будетъ 16,000 въ годъ. На самомъ дѣлѣ въ первое же полугодіе число дѣлъ, возникшихъ въ мировыхъ учрежденіяхъ, достигло 38,000, т. е. превысило число дѣлъ, возникавшихъ въ дореформенныхъ учрежденіяхъ, за соотвѣтственное время, *болѣе чѣмъ въ 9 разъ*. Что касается быстроты производства дѣлъ, то о ней могутъ дать понятіе слѣдующія данныя: изъ общаго числа возникшихъ въ 1890 г. 28,850 уголовныхъ дѣлъ рѣшено въ томъ же году 28,179, а изъ числа 38,137 гражданскихъ дѣлъ рѣшено 37,321. Всего мировыми судьями рѣшено въ теченіе 25 лѣтъ—1,368,546 дѣлъ, среднимъ числомъ около 55,000 въ годъ.

Упроченною доброю славою своею московскія мировыя учрежденія обязаны главнымъ образомъ старымъ судьямъ, издавна входящимъ въ составъ его. Приводимъ списокъ старѣйшихъ членовъ мироваго ин-

тербургской городской Думы явилось, въ виду назначеннаго скуднаго вознагражденія въ 2,200 р., очень немного лицъ, изъявившихъ желаніе баллотироваться на должность мироваго судьи, Дума возвысила окладъ съ 2,200 р. до 4,500 р. [21]). Какъ только оказалась надобность, въ виду накопленія дѣлъ, въ увеличеніи числа участковъ, Петербургская Дума ассигновала необходимыя средства.

Точно также и Московская общая Дума, несмотря на стѣсненное положеніе городскихъ финансовъ, не затруднилась назначить добавочное содержаніе на мировыя судебныя учрежденія.

VI.

Но какъ всякое учрежденіе, поставившее себѣ цѣлью искорененіе широко распространеннаго и застарѣлаго зла и зло-

ститута, исполняющихъ судейскія обязанности не менѣе десяти лѣтъ. На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ отмѣтить трехъ почетныхъ мировыхъ судей—С. А. Тарасова, Г. В. Грудева и графа М. С. Ланскаго, состоящихъ судьями съ 1866 г. и исполнявшихъ, помимо судейскихъ обязанностей, и обязанности предсѣдателя съѣзда и попечителя арестнаго дома. Затѣмъ слѣдуютъ Н. П. Грековъ (состоящій судьею съ 1867 г. и предсѣдателемъ съѣзда съ 1875 г. и по настоящее время), Холмскій А. С. (съ 1867 по 1891 гг.), Бахметевъ П. В. (съ 1867 по 1891 гг.), Строевъ П. П. (съ 1872 по 1891 гг.; съ 1878 г. и по нынѣ—непремѣннымъ членомъ съѣзда), Флеровъ С. В. (съ 1872 — 1891 гг.), Ляпинъ М. И. (1872 — 1891 гг.), Коновницынъ графъ П. И. (1875 — 1891 гг.), Свѣчинъ А. И. (1877—1891 гг.), Ржевскій А. Ф. (1877 — 1891 гг.), Шиловъ А. А. (1881 — 1891 гг.).

Участковые мировые судьи слѣдуютъ по старшинству въ слѣдующемъ порядкѣ: Рукинъ В. Н. (1867 — 1891 гг.), Карпинскій Н. Н. (1868 — 1891 гг.), Сумбулъ Л. Н. (1870 — 1891 гг.), Лебедевъ П. И. (1870 — 1891 гг.), Печкинъ С. И. (1872 — 1891 гг.), Волковъ И. М. (1872 — 1891 гг.), Симоновъ А. Б. (1873 — 1891 гг.), Баршевъ А. Л. (1875—1891 гг.), Любенковъ Л. В. (1875 - 1891 гг.), Вендрихъ Н. К. (1875—1891 гг.), Вульфертъ В. К. (1877—1891 гг.), Гончаровъ П. С. (1877—1891 гг.), Арцыбашевъ П. А. (1878—1891 гг.), Андреевъ Н. М. (1881—1891 гг.), Маттернъ Э. Э. (1881 — 1891 гг.). Съ основанія мироваго съѣзда секретаремъ состоитъ при немъ А. В. Амасійскій, а съ 1867 г.—А. Т. Савельевъ. Съ 1874 г. при съѣздѣ образованъ единственный въ Россіи совѣтъ судебныхъ приставовъ, вѣдающій ихъ дисциплинарныя дѣла и раздѣлъ таксіоннаго сбора.

[21]) См. журн. *Мин. Юст.*, 1867 г., № 5, стр. 184

употребленій, новыя мировыя учрежденія были встрѣчены въ высшей степени враждебно со стороны тѣхъ группъ и слоевъ, которымъ было на руку господствовавшее дотолѣ безправное состояніе массъ. Особенно ополчились противъ мироваго института органы крѣпостнической партіи, которая, не смѣя думать о возвратѣ былаго добраго стараго времени въ его чистомъ видѣ, хотѣла-бы удержать по крайней мѣрѣ привиллегированное положеніе, обезпечивающее безнаказанное самоуправство. Почитатели дореформенныхъ порядковъ особенно возмущались «непозволительнымъ вольнодумствомъ» мировыхъ судей, которые осмѣливались ставить на *одну доску* барыню и кухарку, обвинявшую первую въ самоуправствѣ либо оскорбленіи словомъ или дѣйствіемъ [22]). Судьи исполнявшіе свято возложенную на нихъ закономъ обязанность чинить судъ «равный для всѣхъ», безъ церемоніи обвинялись въ опасныхъ, разрушительныхъ наклонностяхъ.

---

[22]) Подъ характернымъ заглавіемъ „Обломки разбитаго корабля“ В. Н. Никитинъ выпустилъ къ „судебному юбилею“ книгу, въ которой собраны сцены у мировыхъ судей 60-хъ годовъ, представляющія крайне назидательную картину нравовъ извѣстной части нашего общества, не могшей примириться съ началомъ равенства, введеннымъ судебною реформою. Такихъ сценъ масса. Въ одной изъ нихъ фигурируетъ генералъ Симборскій, страшно обидѣвшійся на мироваго судью, который въ отвѣтъ на его требованіе, чтобы ему, какъ кавалеру ордена св. Владиміра, поданъ былъ стулъ, приказалъ подать два стула: одинъ генералу Симборскому, другой истцу мѣщанину (стр. 139).—Контръ-адмиралъ Арбузовъ былъ возмущенъ тѣмъ, что мировой судья попросилъ его идти за рѣшетку (въ публику) и тамъ дожидаться очереди. Въ апелляціонной жалобѣ своей съѣзду г. Арбузовъ между прочимъ писалъ: „Услыша по-очереди призывъ г. судьи: „г. Арбузовъ“ и г. Соколовъ, конечно, по идеѣ *соціализма* или непонятнаго *энгелизма* (sic), часто повторяемой отъ многихъ неучей мышленія, какъ-будто ведущихъ къ прогрессивности, что къ сожалѣнію, отъ непониманія сущности ведетъ наше должное развитіе къ ущербу съ понятіемъ о ложномъ, мнимомъ равенствѣ состояній или закона, часто слышанныхъ къ сожалѣнію отъ многихъ мировыхъ судей при народномъ собраніи разбирательства исковъ, въ чемъ мое опредѣленіе подвергаю рѣшенію судей, какъ здравомыслящихъ по непреложнымъ законамъ природы „(тамъ же 128).—До какой степени это дикое наслѣдіе дореформенныхъ порядковъ непонятно было европейцамъ, видно изъ того, что надъ ними иронизировала даже архиконсервативная прусская газета, „Крестовая Газета“ (тамъ же, 145).

Но первое время защитники крѣпостническихъ тенденцій были крайне малочисленны, и лучшая и бо́льшая часть печати стояла горою за судебную реформу.

Отвѣчая на крѣпостническіе выходки «*Вѣсти*» противъ мироваго суда, *Московскія Вѣдомости*, между прочимъ, указывали на недобросовѣстность критиковъ этого молодаго учрежденія, игнорировавшихъ его цѣль и новыя условія его дѣятельности. «Щедрость общественныхъ учрежденій относительно мироваго института, при стѣсненныхъ городскихъ финансахъ, получаетъ, писала эта газета, значеніе *непререкаемаго* заявленія о пользѣ мировыхъ учрежденій, сознаваемой всѣми обывателями. А между тѣмъ мировая часть судебныхъ учрежденій подвергалась и подвергается *наиболѣе злобнымъ* нападкамъ со стороны нашихъ *консерваторовъ извѣстнаго сорта*, сердящихся, повидимому, на судебную реформу, какъ и на другія преобразованія, всего болѣе за то, что они идутъ не безъ успѣха. Мировые судьи замѣнили у насъ, главнымъ образомъ, разбирательство, происходившее въ *съѣзжихъ* домахъ. Кто не помнитъ, что́ это такое было?—Кто будетъ утверждать, что прежнее судебное полицейское разбирательство было способно къ развитію? И наоборотъ, кто не видитъ, что самыя упущенія мировыхъ судей не пропадаютъ даромъ для дѣла; что они становятся предметомъ обсужденія въ мировыхъ съѣздахъ, устроенныхъ корпоративно и слѣдовательно способныхъ хранить результаты пріобрѣтенной опытности; что они, наконецъ, подлежатъ контролю публики и всяческой критикѣ, какъ устной, такъ и печатной. Теперь всякое ихъ упущеніе выходитъ наружу и всякому доброжелателю *и недоброжелателю* правосудія на Руси открыта полная возможность слѣдить за дѣйствіями мироваго суда и при первомъ поводѣ подвергать его порицанію, *и даже незаслуженному*. Было-ли, что́-нибудь подобное прежде, когда господствовала канцелярская тайна? Насколько же добросовѣстно хвататься за каждый промахъ новаго суда, къ тому же иногда и мнимый, и на этомъ основаніи произносить неблагопріятные приговоры *о цѣломъ учрежденіи?*.. Est modus in rebus. Почитая своихъ читателей за стадо Панургово, все-таки нельзя увѣрять ихъ, что въ старыхъ судахъ упущенія не были возможны, потому что

все тамъ происходило *келейно, подъ сильнымъ давленіемъ администраціи?..*»[23]).

Но, къ сожалѣнію, подобныя заявленія нисколько не обезоруживали партію, враждебную идеямъ новаго суда. Указывая на тѣ или другія злоупотребленія администраціи, обнаруживаемыя при гласномъ разбирательствѣ, враги новаго суда обвиняли его въ томъ, что онъ колеблетъ престижъ государственной власти, стройность управленія[24]) и пр. Вся благомыслящая часть печати возстала противъ такой фальшивой точки зрѣнія, развиваемой *Вѣстью,* но не встрѣчавшей въ то время прямаго сочувствія въ правительственныхъ сферахъ. «Воздвигаясь среди обломковъ отчастя разрушившагося, отчасти еще разрушающагося соціальнаго быта, писалъ И. С. Аксаковъ, встрѣчаясь лицомъ къ лицу каждый день и каждый часъ со старыми, еще живучими, но уже осужденными на смерть порядками и преданіями, нашъ новый судъ переживаетъ трудное время. Потребна не малая мудрость, немалая стойкость отъ тѣхъ, кому поручено насажденіе новой правды на Руси, для разумнаго ухода за нею, для того, чтобы не тревожиться зловѣщими криками: «объ уничиженіи *достоинства власти*», «объ опасности для общественнаго спокойствія», и пр. Уничиженіе достоинства власти!.. Но развѣ самъ судъ не есть одно изъ отправленій государственной власти и развѣ не въ тысячу кратъ выше прежняго сплотилась и укрѣпилась новая судебная власть? Развѣ не пріобрѣло, наконецъ, государство, казалось, на вѣкъ уже утраченное довѣріе

---

[23]) См. № 263 за 1866 г.

[24]) До чего доходила вражда администраціи къ суду и манія охранить престижъ ея, можно судить по разсказу акад. Никитенко. Въ ноябрѣ 1866 г. дѣлили Петербургъ на полицейскіе участки. Предположено было принять для этого въ основаніе дѣленіе города на судебно-мировые участки. Оберъ-полиц. Треповъ, ненавидившій новые суды, энергически отвергъ такой планъ дѣленія, ссылаясь на то, что „авторитетъ полиціи какъ бы подчинится (sic) авторитету судовъ“ (Русская Стар. 1891, № 9 стр. 585).—Тотъ же Никитенко передаетъ, что всякая ошибка со стороны новаго суда, какъ, напр., было съ дѣломъ свящ. Борисоглѣбскаго, обвиненнаго въ оскорбленіи дамы (подробности см. въ „Обломкахъ разбитаго корабля“—Никитина, стр. 130), то администрація чуть съ ума не сходитъ отъ радости (Русск. Стар. 1891, № 10, стр. 180).

къ своему суду? Уничижено не достоинство власти, но отъ блеска истиннаго достоинства нашего обновленнаго правосудія поблекла и посрамилась мишура прежнихъ административныхъ гарантій спокойствія и порядка. Толкуютъ объ опасности. Опасность дѣйствительно грозитъ, но не общественной тишинѣ и благоустройству, а именно новому суду, который хотятъ свести съ его юридической основы на зыбкую почву административныхъ соображеній, привить ему традиціи и свойство старыхъ судовъ, которыхъ назначеніе, какъ извѣстно, состояло не въ томъ, чтобы творить судъ и правду на независимыхъ, твердыхъ началахъ, а въ томъ, чтобы узаконить или, вѣрнѣе, давать законную *юридическую обдѣлку* административному произволу— быть услужливымъ выраженіемъ и орудіемъ административныхъ, временныхъ, непрестанно видоизмѣняющихся воззрѣній на правду [25])».

Тотъ же публицистъ съ большою наглядностью указывалъ на вредъ, происходившій отъ систематической травли, предпринятой реакціонною печатью противъ мировыхъ и вообще судебныхъ учрежденій. «Тутъ, — по справедливому замѣчанію Аксакова,—правдивой и честной критикѣ не оставалось почти никакого мѣста, она легко могла бы послужить даровымъ лишь матеріаломъ для тѣхъ самыхъ недобросовѣстныхъ порицаній и отрицаній, которыя грозили нѣкоторое время даже существованію новаго суда». Съ другой стороны, Аксаковъ указывалъ, какъ неблагопріятно должно было отозваться на дѣятельности новыхъ судебныхъ учрежденій ихъ постоянное шельмованіе и запугиваніе. «Новому суду,—писалъ онъ,—представляется такъ много серьезнаго и притомъ совершенно новаго дѣла, что всякая побочная забота объ огражденіи своихъ правъ или неувѣренность въ своей крѣпости и самостоятельности могла бы только мѣшать его внутренней дѣятельности и неуклонному исполненію его высокаго призванія: служить закону и законности въ Россіи. Закулисная борьба между прочно установившимися и вѣками сложившимися административными силами и едва возникающею самостоятельностью судовъ не можетъ обѣщать никакихъ доб-

---

[25]) *Москвичъ* отъ 8 февраля 1868 г.

рыхъ результатовъ. Одно уже предположеніе, что борьба эта существуетъ — грозило-бы не малою опасностью *нравственной* (курсивъ подлинника) независимости суда, который, въ ожиданіи невѣдомаго исхода этой борьбы, по одному чувству самосохраненія легко бы могъ, въ лицѣ единичныхъ своихъ органовъ, увлекаться такими уступками, какія нисколько не согласны съ духомъ новыхъ судебныхъ учрежденій, ни съ самими намѣреніями, выраженными ихъ Основателемъ. А этотъ духъ и эти намѣренія — *самое дорогое* во всемъ судебномъ преобразованіи; отнимите ихъ отъ новаго суда, останется одна мертвая форма, одинъ балаганный спектакль чего-то новаго, что въ сущности, пожалуй, выйдетъ хуже даже разлагающагося стараго [26]).

Указанныя неблагопріятныя условія, конечно, отразились и не могли не отразиться вредно на дѣятельности какъ общихъ, такъ и мировыхъ учрежденій. Но духъ этихъ учрежденій, добрыя традиціи, крѣпко заложенныя въ первые годы ихъ дѣятельности, оказали настолько благотворное дѣйствіе, что въ общей суммѣ мировыя учрежденія, за ничтожными исключеніями, по оффиціальному удостовѣренію находятся въ удовлетворительномъ, а мѣстами даже въ блестящемъ состояніи.

При послѣдней сенаторской ревизіи, предпринятой въ началѣ 80-къ годовъ, одинъ изъ ревизоровъ, сенаторъ М. Е. Ковалевскій, ревизовавшій довольно глухія сѣверо-восточныя губерніи, далъ о мировыхъ учрежденіяхъ весьма хорошій отзывъ, а относительно одного мироваго съѣзда онъ прямо выразился, что онъ *не оставляетъ ничего желать болѣе*.

Вскорѣ послѣ опубликованія законоположеній 12-го іюля 1889 г. о земскихъ начальникахъ въ *Правител. Вѣстн.* опубликованы были оффиціальныя данныя, изъ коихъ явствовало, что дѣятельность мировыхъ судебныхъ установленій (послѣ извѣстнаго сенатскаго указа 1886 г.) стала «весьма удовлетворительною какъ въ смыслѣ *правильности* постановляемыхъ мировыми судьями рѣшеній, такъ и въ отношеніи *быстроты судопроизводства* [27]).

---

[26]) *Москва* 2 февраля 1867 г.

[27]) Оффиціальныя данныя перепечатаны въ № 241 *Русскихъ Вѣдомостей* за 1889 г.

Какая бы участь ни ждала въ будущемъ мировой институтъ, истекшая двадцатипятилѣтняя плодотворная дѣятельность его по водворенію въ безправной дотолѣ массѣ народной идей права и законности, сознаніе своего человѣческаго достоинства, составляетъ громадную и безспорную заслугу предъ отечествомъ и она займетъ видное мѣсто въ исторіи культуры русскаго народа.

Post-scriptum.

(либерализмъ и новый судъ)

Десятилѣтіе Судебныхъ Уставовъ ознаменовалось выраженіемъ Высочайшаго благоволѣнія чинамъ судебнаго вѣдомства (см. Собраніе Узаконеній и распоряженій правительства за 1874, № 100).

Двадцатипятилѣтіе новыхъ судебныхъ учрежденій не было отмѣчено никакимъ оффиціальнымъ торжествомъ или заявленіемъ.

Въ газетахъ появились статьи, посвященныя «судебному юбилею». 17 апрѣля 1891 г., въ *Новомъ Времени* появилась статья, привѣтствовавшая съ большимъ сочувствіемъ двадцатипятилѣтіе новаго суда (см. выдержку ниже).

По поводу изданной мною къ двадцатипятилѣтію новаго суда книга «Основы Судебной реформы» въ *Новомъ Времени* 22 мая статья «О либерализмѣ суда», заслуживающая вниманія, какъ признакъ времени.

Въ статьѣ указывается на одно «печальное недоразумѣніе, возникшее *одновременно* съ новымъ судомъ и сопутствующее ему до сегодня». Недоразумѣніе, такъ долго продолжающееся, состоитъ въ томъ, что новые суды считались и считаются за «нѣчто либеральное». Ссылаясь на то, что начиная съ Ярослава Мудраго и вплоть до царствованія Николая I-го «забота о правосудіи» всегда образовывала одну изъ составныхъ частей государственнаго управленія, газета считаетъ неправильнымъ стремленіе «либерализма» «примазаться» къ новому суду. «Все опра-

вданіе (sic) новаго суда,—говоритъ *Новое Время*, — очевидно не въ томъ, что его основы «либеральны», а только и единственно въ томъ, что *эти основы обезпечиваютъ правосудіе*; и можно предвидѣть,—продолжаетъ газета,—что до тѣхъ поръ новый судъ не будетъ имѣть у насъ нормальнаго, здороваго роста, пока не исчезнетъ это *печальное недоразумѣніе*».

Намъ неизвѣстно, на чемъ основано предвидѣніе и опасеніе автора статьи, но только нельзя не видѣть, что крайне оригинальная точка зрѣнія [1]), защищаемая газетою, и исторически невѣрна, и по существу несправедлива.

До сихъ поръ, какъ вѣрно замѣчаетъ газета, и противники и сторонники основъ новаго суда ни на минуту не сомнѣвались въ томъ, либеральны или не либеральны начала новаго суда,—такъ безспоренъ былъ этотъ вопросъ. Споръ между ними происходилъ только о томъ, полезны, разумны, желательны ли эти начала въ интересахъ правосудія. Теперь же *Новое Время* выступаетъ съ необыкновенно оригинальнымъ взглядомъ, носящимъ отпечатокъ свойственнаго нашему времени шатанія мысли. Что «основы эти обезпечиваютъ правосудіе», газета въ этомъ не сомнѣвается, но вся бѣда, по ея мнѣнію, въ томъ, что къ нимъ примѣняютъ эпитетъ: «либеральный». Только онъ мѣшаетъ «здоровому, нормальному росту» [2]) новыхъ судебныхъ учрежденій. Если это такъ, то слѣдуетъ признать, что присущій имъ, порокъ» не устранимъ, такъ какъ либеральный характеръ основъ судебной реформы нельзя отвергнуть, несмотря на всѣ усилія этой газеты обработать по своему или вовсе игнорировать данныя исторіи.

«Почему,—спрашиваетъ *Новое Время*,—*забота* о правосудіи выставляется точно привилегіею либерализма? Никто никогда такой привилегіи за нимъ не признавалъ. *Забота* о

---

[1]) Въ *Юридической Лѣтописи*, занимающей, благодаря своему двусмысленному нейтралитету, совершенно изолированное положеніе въ юридической прессѣ, появилась статья, написанная въ томъ же духѣ (1891, № 7).

[2]) Въ *Русской Мысли* (1891 г., № 8) было помѣщено обстоятельное возраженіе противъ этой статьи, въ которомъ ясно доказывалось, что невозможно обезоружить враговъ «основъ судебной реформы» простымъ измѣненіемъ номенклатуры или маскарднымъ ренегатствомъ.

правосудіи болѣе или менѣе присуща всѣмъ законодателямъ и судьямъ всѣхъ временъ, начиная отъ эпохи царя Соломона и кончая современными законодателями Европы и Азіи. Вопросъ не въ этомъ, а вопросъ только въ томъ, какіе *пути и средства* слѣдуетъ считать орудіемъ для раскрытія на судѣ истины и обезпеченія правосудія? И вотъ тутъ-то въ пестрой исторической чредѣ смѣнялись разные взгляды и системы. Всѣ они болѣе или менѣе исходили изъ добраго намѣренія о водвореніи правосудія, но не рѣдко устанавливали такую процедуру, которая служила сильнѣйшимъ тормазомъ и даже неодолимымъ препятствіемъ для осуществленія этой благой цѣли. Было время, когда испытаніе раскаленнымъ желѣзомъ, удачный исходъ поединка и т. п. средства считались цѣлесообразными орудіями правосудія. Было время, когда застѣнокъ и пытка, дыба и допросъ съ «пристрастіемъ» признавались наилучшими способами для открытія правды на судѣ. Были судьи въ родѣ безчеловѣчнаго Джефрайса, которые считали невинность лучшей защитой подсудимаго, а себя наиболѣе компетентными органами ея!...

Но зачѣмъ уходить въ глубь временъ для иллюстраціи мысли, что не всякія средства, установленныя въ интересахъ торжества правосудія, *eo ipso* ведутъ къ достиженію его? Достаточно оглянуться на недавнее прошлое, на время, непосредственно предшествовавшее судебной реформѣ 1864 г. Тутъ ли не были приложены старанія для водворенія въ Россіи законности и правосудія! И Сводъ Законовъ былъ напечатанъ, и новое Уложеніе было составлено, и спеціальный разсадникъ юристовъ былъ созданъ! Мало того: въ интересахъ вящшаго торжества правосудія было создано даже спеціальное учрежденіе (III отдѣленіе) съ многочисленными чрезвычайными мѣстными агентами, на обязанности коихъ лежало «наблюдать, чтобы спокойствіе и права гражданъ не были нарушены людьми сильными, властными, внимать гласу страждущаго человѣчества и защищать беззащитнаго и безгласнаго гражданина» [3]). Но когда рядомъ съ провозглашеніемъ этой благородной цѣли устанавли-

---

[3]) Русс. Архивъ 1889, № 7, инструкція гр. Бенкендорфа чинамъ корпуса жандармовъ.

валось келейное, бумажное, инквизиціонное судопроизводство, съ полнымъ упраздненіемъ судейской самостоятельности; когда даже люди науки говорили съ университетскихъ каѳедръ о вредѣ гласности, о необходимости системою утонченныхъ инквизиторскихъ пріемовъ [4]) добиваться сознанія подсудимаго,— нечего было ждать водворенія законности и правосудія.

Вѣдь не для кого теперь не тайна, что своеобразныя «заботы» о правосудіи простирались такъ далеко, что, допытываясь чистосердечнаго сознанія еще, въ пятидесятыхъ годахъ въ Москвѣ безъ церемоніи подвергали пыткѣ, оффиціально отмѣненной еще въ 1801 г. Лицо, компетентность коего внѣ всякаго сомнѣнія, бывшій московскій губернскій прокуроръ (нынѣ сенаторъ Д. А. Ровинскій) удостовѣряетъ, что еще въ 50-хъ годахъ въ Москвѣ существовали «клоповники» при Городскомъ частномъ домѣ и т. н. «Аскольдовы могилы» (то есть совершенно темныя ямы подъ Басманнымъ частнымъ домомъ), куда сажали «несознававшихся подсудимыхъ», и откуда они выходили слѣпыми [5]). Кормленіе сельдемъ составляло до открытія новаго суда явленіе заурядное въ московской слѣдственной практикѣ, которой не была чужда и древняя «виска» [6]). *Только съ учрежденіемъ суда присяжныхъ*, по удостовѣренію того авторитетнаго источника, пытка стала выходить изъ употребленія [7]).

Приподнимемъ еще уголокъ завѣсы, скрывающей темныя дѣла стараго суда, чтобы показать, каковы были «заботы» его о правосудіи. Какъ разъ предъ открытіемъ новыхъ судовъ, въ Рязанской уголовной палатѣ разбиралось дѣло молодаго исправника, перепоровшаго массу людей, изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія, и такъ неслыханно надругавшагося надъ крестьянскими дѣвушками, что въ печати невозможно назвать по имени «омерзительные поступки» блюстителя порядка. Судила-рядила мать-палата. По закону, исправнику слѣдовало идти въ каторгу; но губернаторъ принималъ живое участіе въ своемъ любимцѣ, стало быть, онъ долженъ быть оправданъ. Такъ и поступила

4) См. проф. Я. Баршева. Основаніе угол. судопр. Спб. 1841 г., стр. 155.
5) См. Русскія народныя картины. Ровинскаго, т. V, стр. 327.
6) См. тамъ же, стр. 322.
7) См. тамъ же, стр. 324.

палата, приговоривъ «юнаго повѣсу», какъ назвали исправника *Моск. Вѣдом.*, къ домашнему аресту на нѣсколько дней.

Справедливо возмущенный этимъ Шемякинымъ судомъ, Катковъ излилъ свое негодованіе въ слѣдующихъ строкахъ «Какая оскорбительная насмѣшка, говорили *Моск. Вѣдом.* по поводу этого приговора, надъ тѣмъ, что люди зовутъ справедливостью и чтутъ, какъ общественную нравственность. *Одно другаго стоитъ:* и поступки усерднаго блюстителя благочинія и приговоръ надъ нимъ губернской юстиціи. Но это наша *нынѣшняя* отживающая свои дни губернская юстиція? Что такое эти судьи, которые черезъ нѣсколько времени должны уступить свое мѣсто другому судоустройству, долженствующему *не имѣть съ нимъ почти ничего общаго.* Они лишены всякой самостоятельности, особенно, когда губернскія власти чувствуютъ себя особенно заинтересованными» [8]).

Когда и какъ явилось это *новое* судоустройство?

Послѣ паденія крѣпостнаго права, налагавшаго, по справедливому замѣчанію государственнаго совѣта, свой отпечатокъ на всѣ отправленія государственной жизни [9]), стала на очередь судебная реформа. Для осуществленія ея ничего болѣе не оставалось, какъ отказаться совершенно отъ существующей системы судоустройства и судопроизводства и обратиться къ прямо противоположной, выработанной опытомъ цивилизованныхъ народовъ. На необходимость обращенія къ «*противоположной системѣ* и *непреложнымъ истинамъ*, безъ коихъ не можетъ быть правильнаго судопроизводства», указалъ ни кто иной, какъ благонадежнѣйшій коронный юристъ гр. Д. Н. Блудовъ [10]).

Въ виду этого и состоялось въ 1862 г. Высочайшее повелѣніе о составленіи основныхъ положеній судебнаго преобразованія, «несомнѣнное достоинство коихъ признано въ настоящее время *наукою и опытомъ европейскихъ государствъ*» [11]). Тутъ то и появились тѣ *гуманно-либеральныя* начала современнаго

---

[8]) „Московскія Вѣдомости“ 1866, № 49.

[9]) См. Журн. Госуд. Совѣта, 1862 г., № 65.

[10]) См. Записку Блудова въ т. II. Дѣла о преобраз. суд. части.

[11]) Т. XVIII того же дѣла.

европейскаго судоустройства (несмѣняемость суда и независимость его отъ администраціи, судъ присяжныхъ, уваженіе къ личности обвиняемаго, огражденіе его правъ, уравненіе защиты съ обвиненіемъ, гласность и пр.), которыя легли въ основаніе Судебныхъ Уставовъ. Въ этомъ смыслѣ и можно и должно называть новый судъ учрежденіемъ либеральнымъ, и въ этомъ смыслѣ, какъ совершенно вѣрно указалъ еще М. Н. Катковъ, судебная реформа 1864 г. была «не столько реформой, сколько *созданіемъ* судебной власти» [12]). Поясняя это на первый взглядъ парадоксальное, но въ сущности совершенно вѣрное положеніе, тотъ же публицистъ указывалъ, что «хотя и до 1866 г. существовали суды, но это были суды *только по названію*, потому они, будучи лишены всякой самостоятельности, были только *придаткомъ администраціи*» [13]) Вліяніе этого новаго *либеральнаго* судебнаго строя, не имѣвшаго ничего общаго, по словамъ того же публициста [14]), «съ прежними порядками, начиная съ основной идеи и до мельчайшихъ подробностей», было поразительно, почти чудодѣйственно. Въ 1891 г. одна газета слѣдующими краснорѣчивыми словами характеризовала невѣроятный, почти сказочный переворотъ, произведенный судебною реформой:

«Новый судъ,—говорила эта газета по поводу недавняго судебнаго юбилея, — произвелъ коренной переворотъ *не только собственно въ правосудіи*, но и вообще въ *правовомъ положеніи*. Создалось, можно сказать, *почти вновь* обезпеченіе каждому русскому тѣхъ правъ, которыя ему даны закономъ. Законъ всегда былъ, но было такое положеніе: что каждый сильный человѣкъ имѣлъ право говорить: законы для того и пишутся, чтобы слабый не тягался съ сильнымъ. Законъ всегда былъ, *но не было правосудія*. Судъ и волокита, судъ и разореніе, судъ и подкупъ, судъ и крючкотворство—вотъ съ какими понятіями сочетался тогдашній судъ... И вдругъ, вмѣсто этого, 25 лѣтъ тому назадъ дѣйствительно правда и милость *засіяли* въ нашемъ

---

[12]) „Моск. Вѣдом." 1867 г., № 69.
[13]) „Моск. Вѣдом." 1866 г., № 198.
[14]) „Моск. Вѣдом." 1867, № 69.

судѣ. Россія словно бы очутились на *другой планетѣ*, словно бы совершилось съ нею какое-то *дивное превращеніе* [15])».

Новое Время въ приведенныхъ строкахъ, вѣроятно не усмотритъ цвѣтовъ напыщенной адвокатской риторики, если вспомнитъ, что эти строки составляютъ ipsissima verba его же собственной «юбилейной» статьи, появившейся 17-го апрѣля. Что замѣною стараго, продажнаго, жестокаго, лишеннаго всякой самостоятельности суда независимымъ гуманнымъ судомъ Россія обязана именно либерально-гуманнымъ основнымъ началамъ судебной реформы, а не новому судебному персоналу, это всего лучше видно изъ того, что громадное большинство персонала новаго суда было взято изъ состава старыхъ судовъ [16])... Теперь же, по новому взгляду *Новаго Времени*, оказывается, что только тогда будутъ правильно функціонировать новые суды, когда вовсе откажутся отъ своего первороднаго грѣха—либеральнаго происхожденія, и отъ того духа и направленія, которые съ особенною силою сказались «въ началѣ судебной реформы».

Двусмысленность и непослѣдовательность взгляда *Новаго Времени* наглядно обнаруживается именно въ этомъ отрицательномъ отношеніи къ лучшей эпохѣ дѣятельности новаго суда, эпохѣ, когда съ особенною силою выражался присущій ему духъ. Для всѣхъ истинныхъ почитателей основъ новаго суда первое время именно и было временемъ разцвѣта основныхъ началъ судебной реформы. Отдѣльныя ошибки, конечно, возможны были и тогда, но общій духъ ея былъ таковъ, что въ сохраненіи его истинные друзья новаго суда видѣли залогъ его преуспѣянія. Вотъ что, напримѣръ, писалъ въ 1867 г. И. С. Аксаковъ, котораго трудно заподозрѣть въ пристрастіи къ либерализму. Когда появились толки о томъ, что администрація относится недружелюбно къ независимому направленію и духу независимости новыхъ судебныхъ учрежденій, Аксаковъ доказывалъ, что въ немъ, въ этомъ именно духѣ, заключается основной смыслъ судебной реформы. «Этотъ духъ,—писалъ Аксаковъ въ *Москвѣ* отъ 2-го февраля 1867 г., — самое дорогое во всемъ судебномъ преоб-

---

[15]) См. „Новое Время“ отъ 17 апрѣля 1891 г.

[16]) См. Журн. мин. юстиціи 1866, № 5.

разованіи; отнимите его отъ новаго суда, и отъ него останется одна *мертвая форма*, одинъ *балаганный спектакль* чего-то новаго, что въ сущности пожалуй даже выйдетъ хуже разлагающагося стараго» [17]).

Новые же «истинные» друзья новаго суда полагаютъ, что «для нормальнаго, устойчиваго органическаго развитія» необходимо отречься ему отъ своихъ традицій и духа.

Было время, когда оффиціально провозглашалось, что «либеральныя учрежденія не только не опасны, но составляютъ законъ порядка и благодѣнствія». Оно, конечно, въ порядкѣ вещей «открещиваться» теперь отъ либеральныхъ основъ судебной реформы,—разъ онѣ вышли изъ моды,—но, къ сожалѣнію, съ непріятными историческими фактами не легко справиться. Поэтому упрекъ *Новаго Времени* либерализму въ томъ, что онъ «примазывается» къ новому суду представляется страннымъ. Желаніе же этой газеты поставить успѣхи новаго суда внѣ зависимости отъ его либеральныхъ основъ и выставить эти основы даже враждебными интересамъ правосудія поражаетъ больше своею неблагодарностью, чѣмъ основательностью. Дальнѣйшее процвѣтаніе новаго суда возможно только при вѣрности его своимъ основнымъ началамъ: иначе это будетъ не новый судъ въ истинномъ его значеніи, а, какъ выразился М. Н. Катковъ, «одно только мерцаніе, лишенное сущности, призракъ, готовый исчезнуть». Къ Судебнымъ Уставамъ 20 ноября 1864 г. вполнѣ было примѣнимо правило: Sint ut sunt, aut non sint!

Въ заключеніе два слова по поводу вышеупомянутой статьи *Юридической Лѣтописи*, поющей въ унисонъ съ *Новымъ Временемъ*. Журналъ негодуетъ на «неумѣлыхъ» друзей новаго суда, суда, которые «своею легкомысленною защитою» только вредятъ ему. Этимъ безъ вины виноватымъ защитникамъ только остается спросить:

Гдѣ-жъ вы, умѣлые, съ бодрыми лицами,
Гдѣ же вы, съ полными жита кошницами?...

По правилу: amicus certus in re incerta cernitur—защита дорога въ минуту опасности. А что-то не слыхать голосовъ этихъ

---

17) См. Собраніе сочиненій Аксакова, т. IV, стр. 591.

«трезвыхъ», но нѣсколько двусмысленныхъ друзей новаго суда, именно тогда, когда онъ найболѣе нуждается въ ихъ «авторитетной защитѣ». Достаточно припомнить недостойную травлю суда присяжныхъ, предпринятую какъ разъ предъ судебнымъ юбилеемъ *Московскими Вѣдомостями*, которыя въ дикой расправѣ обезумѣвшей уличной толпы американцевъ усматривали «кровавый приговоръ надъ судомъ присяжныхъ» [18]). Трезвые друзья суда присяжныхъ хранили, въ это время, невозмутимое молчаніе.

---

[18]) Москов. Вѣдом. 17-го марта 1891 г.

V.

Общественное мнѣніе есть великая сила нашего времени.

М. Н. Катковъ.

Мы стоимъ при дверяхъ свѣтлой эпохи оживленія мысли, когда слышится голосъ, высказывающій нужды, потребности, желанія общества; эпохи, когда начинающая гласность не нравится только тьмѣ, кто боится свѣта, когда все жаждетъ свѣта.

Н. А. Любимовъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Какъ возникло Московское Юридическое Общество.

(Рѣчь, произнесенная 13-го марта 1888 г. въ торжественномъ засѣданіи Москов. Юридич. Общ. по случаю 25-ти-лѣтія его основанія).

I.

Признаться, не безъ сильнаго смущенія вхожу я на эту парадную каѳедру нашей almae matris. Меня смущаетъ не только тотъ сонмъ великихъ именъ и тотъ рой величавыхъ традицій и воспоминаній, которыя витаютъ надъ этою вѣщею трибуною. Меня смущаетъ также и та задача, которую я взялъ на себя по порученію Московскаго Юридическаго Общества, задача—сообщить вамъ лѣтопись, откуда пошло наше Юридическое Общество.

И есть отчего придти въ смущеніе!

Я былъ бы поставленъ въ безвыходное положеніе, если бы вы вздумали, мм. гг., нотребовать отъ меня разсказать по *личнымъ* воспоминаніямъ прагматическую исторію зарожденія Московскаго Юридическаго Общества, имѣвшаго мѣсто въ то время, когда мы, наше поколѣніе сидѣло еще на школьной скамьѣ. Личныя воспоминанія мои объ Обществѣ не идутъ далѣе начала 70-хъ годовъ.

Мнѣ остается одинъ выходъ: передать вамъ то представленіе, которое сложилось у членовъ Московскаго Юридическаго Общества болѣе поздняго наслоенія о времени и обстоятельствахъ,

вызвавшихъ его къ жизни. Но это мое положеніе сторонняго зрителя имѣетъ и свои удобства, и, пожалуй, довольно значительныя. Непосредственнымъ участникамъ и свидѣтелямъ общественнаго дѣла трудно учесть размѣры участія въ немъ личнаго и общественнаго элементовъ. Сами находясь въ зонѣ извѣстнаго движенія, имъ трудно уяснить вполнѣ его значеніе и послѣдствія. Они нерѣдко впадаютъ въ ошибку, принимая физическихъ виновниковъ, иногда являющихся безсознательными, почти невольными орудіями движенія, за настоящихъ его авторовъ. Сторонній свидѣтель болѣе застрахованъ отъ подобной ошибки. Ему легче соблюсти законы исторической перспективы, ему виднѣе параллелограммъ силъ, обусловливающихъ явленія общественной жизни.

Вотъ почему, если я не въ состояніи буду разсказать вамъ, кто и когда и какъ строилъ фундаментъ Юридическаго Общества (что уже отчасти сдѣлалъ въ своей исторической запискѣ первый предсѣдатель Общества, достойнѣйшій В. Н. Лешковъ), то, быть можетъ, мнѣ удастся очертить передъ вами то общественное движенье, которое сгруппировало учредителей нашего Общества и заставило ихъ вольно или невольно работать надъ сооруженіемъ будущаго зданія перваго союза юристовъ. Я сказалъ «работать невольно». Не подумайте, что это lapsus linguae! Нѣтъ, это фактъ историческій, и я его могу доказать ссылкою на вышеупомянутую «историческую записку». Изъ нея мы узнаемъ, что главными виновниками учрежденія Московскаго Юридическаго Общества были профессора С. И. Баршевъ и В. Н. Лешковъ. Эти два имени, поставленныя рядомъ, говорятъ весьма много и вразумительно! Насколько естественно видѣть надъ созиданіемъ Юридическаго Общества В. Н. Лешкова, этого неустаннаго борца за начало свободной общественной самодѣятельности, настолько неожиданно видѣть въ той же роли представителя противоположнаго міросозерцанія, С. И. Баршева. Участье Баршева въ этомъ дѣлѣ особенно знаменательно и интересно. Если Лешковъ, работая надъ созиданіемъ Юридическаго Общества, свободно отдавался своимъ природнымъ и научнымъ влеченіямъ и симпатіямъ, то Баршевъ, входя въ это дѣло и даже беря на себя его иниціативу, дѣлалъ шагъ, не имѣвшій оправ-

данія во всей его прежней научной и литературной дѣятельности, посвященной восхваленію нашего дореформеннаго строя. Вотъ въ какомъ смыслѣ я считаю интереснымъ «невольное» участіе Баршева въ этомъ дѣлѣ.

Послѣ сказаннаго я, кажется, въ правѣ заключить, что для уясненія происхожденія нашего Общества не столько важно знать его, такъ сказать, оффиціальныхъ воспріемниковъ отъ купели, сколько уяснить ту группу силъ, теченій и явленій, которыя вызвали къ жизни въ 1863 г. чествуемое нами учрежденіе.

Какія же это были явленія?

Обыкновенно принято считать причиною возникновенія Московскаго Юридическаго Общества судебную реформу или точнѣе обнародованіе 1-го октября 1862 г. Высочайше утвержденныхъ основныхъ положеній судебной реформы. Таково мнѣніе, между прочимъ, и перваго исторіографа его В. Н. Лешкова. Не скажу, чтобы это мнѣніе было невѣрно, но по моему мнѣнію, оно не совсѣмъ точно и убѣдительно. Начало судебной реформы относится къ 1842 году, а иные не безъ основанія относятъ его даже еще за 100 лѣтъ къ 1747 г. Отчего же въ этотъ длинный періодъ времени никому не приходила и не могла придти въ голову мысль объ основаніи гдѣ либо юридическаго общества!? А съ другой стороны, развѣ и сама судебная реформа, въ томъ видѣ какъ она вылилась въ приснопамятномъ законодательномъ актѣ 20 ноября 1864 г., развѣ она сама не есть продуктъ или, лучше, дальнѣйшее продолженіе еще болѣе значительнаго законодательнаго памятника 19 февраля 1861 года? Свидѣтельствуюсь въ этомъ случаѣ авторитетомъ безусловной достовѣрности и компетентности, покойнымъ С. И. Зарудныхъ, не отходившимъ отъ дѣла судебной реформы, начиная отъ образованія первой завязи ея въ 1842 году и вплоть до изданія въ 1866 г. государственною канцеляріею Судебныхъ Уставовъ, съ разсужденіями на коихъ они основаны. Онъ-то именно категорически заявляетъ, что безъ освобожденія крестьянъ никогда не видать бы этой странѣ Уставовъ 20-го ноября.

А если это такъ, то не въ правѣ ли мы счесть за болѣе коренную причину возникновенія юридическаго общества освобожденіе крестьянъ, крестьянскую реформу и то освободительное

движеніе, которое въ свою очередь дало жизнь и крестьянской реформѣ и всѣмъ проистекавшимъ изъ нея послѣдующимъ реформамъ: земской, судебной, городовой, университетской; отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, реформѣ законодательства о печати, о воинской повинности, и пр. и пр.?

Вотъ мы и подошли къ тому главноту стволу, освободительному движенію 60-хъ годовъ, коего небольшимъ, но естественнымъ развѣтвленіемъ было основаніе Московскаго Юридическаго Общества.

II.

Шестидесятые годы! Какое это чудное и чудное, непонятное для насъ, для нашего бѣднаго вѣрою и воодушевленіемъ поколѣнія, время, время титановъ мысли, гигантовъ вѣры, героевъ дѣла! Въ какіе нибудь 3—4 года уничтожаются: и крѣпостное право, и тѣлесное наказаніе, и старый инквизиціонный судъ, и насаждается самоуправленіе и нѣкоторое подобіе свободы печати! Что это за кипучая и всеобъемлющая дѣятельность по обновленію всѣхъ отраслей общественной и частной жизни, начиная отъ законодательства и литературы и кончая домашнею обстановкою и семейными отношеніями, начиная отъ философскихъ системъ и кончая дѣтскими пеленками!!

Нынѣшнимъ «охлажденнымъ умамъ» не по сердцу эта бьющая ключомъ энергія жизни, пробудившейся послѣ полувѣковой спячки. Они не прочь подчеркнуть съ злорадствомъ тотъ или другой неудачный штрихъ этой героической законодательной и общественной эпопеи, не прочь бросить его благороднымъ дѣятелямъ педантическій упрекъ въ поспѣшности. Но гдѣ же послѣ этого справедливость? Вѣдь если эти неутомимые труженники торопились, работали день и ночь, то это было не дѣломъ каприза и вѣтренаго увлеченія ложными идеями, а сознательнаго разсчета. Они очень хорошо знали, какъ непродолжительна и непрочны бываютъ въ нашей общественной жизни «дни Арахуеца», весна либеральныхъ вѣяній, послѣ обычной продолжительной и суровой зимы.

На этотъ разъ противъ обыкновенія выдалась болѣе продолжительная красная весна, и всѣ спѣшили ею воспользоваться,

боясь, какъ бы не пришлось дѣло, начатое весною, додѣлывать въ сырые, холодные осенніе дни!

Впрочемъ, можетъ быть, тутъ не былъ даже какого-нибудь преднамѣреннаго сознательнаго разсчета.

«Болѣе великаго момента, говоритъ одинъ изъ почтенныхъ дѣятелей этой эпохи, Н. В. Шелгуновъ, какъ этотъ переходъ отъ идей крѣпостнаго права и служилаго государства къ идеѣ новаго государства, въ нашей исторіи не было, да, пожалуй, и не будетъ; но мы, современники этого перелома, стремились къ личной и общественной свободѣ и работали только для нея, конечно, не имѣя времени думать, дѣлаемъ-ли что-нибудь великое или невеликое, мы просто стремились къ простору, и каждый освобождался, гдѣ и какъ онъ могъ и отъ чего ему было нужно» (Русс. Мысль, 1886 г., № 3, стр. 195).

Это было какое-то стихійное увлеченіе, какое-то неотразимое дѣйствіе неизвѣстно откуда нахлынувшихъ волнъ тепла и свѣта, глубоко и сильно отозвавшихся и на всегда воспріимчивой душѣ пылкой молодежи и на охлажденной старости. Студентъ ли, въ новой обстановкѣ воскресной школы, поучающій народъ, цензоръ ли въ своемъ кабинетѣ, прилагающій свой старый уставъ о цензурѣ (помѣщенный въ сводѣ законовъ, какъ будто на смѣхъ, между уставами о бѣглыхъ и уст. о пред. преступленій), ясно чувствовали вѣяніе новаго времени, повелительно требовавшаго измѣненія старозавѣтныхъ пріемовъ сужденія и дѣйствія. Геній свободы и гуманности, витавшій въ то время надъ этой страною, производилъ разительныя перемѣны, которыя можно было бы принять за сказки, если бы еще не были живы свидѣтели и очевидцы ихъ. Старые законы о цензурѣ словно замерли, загипнотизированные чарами новаго духа времени; даже самъ кнутъ и розга, кажется, не такъ жестоко и самоувѣренно выполняли свою провиденціальную функцію. Всѣ почувствовали какой-то необыкновенный притокъ силъ и подъемъ духа, потребность и способность мыслить, говорить и дѣйствовать, чуть не совершать подвиги. «Въ томъ, что послѣ Севастополя всѣ очнулись, говоритъ тотъ же авторъ, *всѣ* стали думать и *всѣми* овладѣло критическое настроеніе, заключается разгадка мистическаго секрета 60-хъ годовъ; *всѣ*—вотъ секретъ

того времени и секретъ успѣха всѣхъ реформъ» (Русс. Мысль, 1885, XI, стр. 22). Всѣ порядочные люди какъ-то выросли въ своихъ и чужихъ глазахъ. Вчерашній пигмей разночинецъ, малодушный, неувѣренный въ себѣ «лишній человѣкъ», сегодня ощущалъ такой-же притокъ богатырской мощи, какъ Илья Муромецъ, собиравшійся на подвигъ послѣ того, какъ сиднемъ сидѣлъ онъ тридцать лѣтъ и три года!

Дивное, свѣтлое время, на которое нашему поколѣнію приходится лишь издали любоваться съ восторгомъ, смѣшаннымъ съ завистью, съ такимъ-же завистливымъ восторгомъ, какимъ мы смотримъ на окруженныя лучезарнымъ блескомъ эпохи пробужденія человѣческаго духа въ XVI и XVIII столѣтіяхъ. «Духъ человѣка пробуждается, становится весело и ясно жить», восклицаетъ могучій боецъ за человѣческій духъ, авторъ Epistolae obscurorum virorum, знаменитый гуманистъ Ульрихъ Гуттенъ. Такіе-же возгласы слышатся и въ эпоху нашего возрожденія. «Новымъ духомъ вѣетъ, новое время настало», говоритъ 28 декабря 1857 года при громѣ рукоплесканій публицистъ Н. Ф. Павловъ на общественномъ обѣдѣ, устроенномъ въ Москвѣ по иниціативѣ редакціи *Русскаго Вѣстника*. «Мы стоимъ, говоритъ одинъ изъ членовъ ея, Н. А. Любимовъ, въ Татьянинъ день 1858 г. на Парижскомъ банкетѣ, при дверяхъ свѣтлой эпохи оживленія мысли, когда слышится голосъ, высказывающій нужды, потребности, желанія общества; эпохи, когда начинающаяся гласность не нравится только тѣмъ, кто боится свѣта, когда все жаждетъ свѣта» (Рус. Вѣст., 1888 г., № 1, стр. 5).

Намъ непонятна, намъ чужда эта свѣтлая, эпоха либерализма и гуманизма, появившаяся и исчезнувшая, какъ метеоръ. Но намъ понятно то сердечное умиленіе, съ которымъ воспоминаютъ ее счастливцы, жившіе и дѣйствовавшіе въ это героическое время. «Если у меня, старика, у котораго нѣтъ будущаго, говоритъ одинъ изъ нихъ, бываютъ еще теплыя и свѣтлыя минуты, то только въ воспоминаніяхъ о людяхъ 60-хъ годовъ» (Русская Мысль, 1885 г., № XI, стр. 357).

III.

Не подумайте, мм. гг, что я дерзнулъ взять на себя непосильную мнѣ задачу представить вамъ полную картину этого, безпримѣрнаго въ Россіи, общественнаго движенія, благодаря которому совершены были наши либеральныя реформы. Для моей цѣли, для установленія связи между нимъ и возникновеніемъ Московскаго Юридическаго Общества, достаточно отмѣтить два-три крупныхъ явленія этой величавой эпохи, которыя дадутъ ключъ къ уразумѣнію этой связи.

На первомъ мѣстѣ я, конечно, долженъ отмѣтить великій законодательный актъ 19-го февраля, прозвучавшій какъ возвышающій душу благовѣстъ надъ этою страною, исполнившій надеждами все забитое, приниженное и обиженное, и смутившій все, строющее свое благополучіе на вѣковой, застарѣлой неправдѣ. Паденіе крѣпостнаго права, этого краеугольнаго камня дореформеннаго строя жизни, дѣлало возможными и неизбѣжными реформы не только во всѣхъ отрасляхъ управленія, но и во всемъ міросозерцаніи или, какъ выражалась Екатерина II, умоначертаніи народа и общества.

«Вліяніе крѣпостнаго права, значеніе его въ русской жизни, говоритъ проф. Иванюковъ въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи, было универсально; оно обусловливало всѣ стороны, начиная отъ крупныхъ и кончая самыми мелкими; оно было тормазомъ, рѣшительно препятствовавшимъ развитію Россіи. «Крѣпостное право, говоритъ нашъ маститый публицистъ-сатирикъ, проникало не только въ отношенія между помѣстнымъ дворяниномъ и подневольною массою, но и во *всѣ вообще формы общежитія*, одинаково втягивая всѣ сословія (привиллегированныя и непривиллегированныя) въ омутъ *унизительнаго безправія*, всевозможныхъ извороторъ лукавства и страха передъ перспективою быть ежечасно задавленнымъ. Съ недоумѣніемъ спрашиваешь себя, пишетъ Щедринъ: какъ могли жить люди, не имѣя ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ иныхъ воспоминаній и перспективъ, кромѣ мучительнаго безправія, безконечныхъ терзаній поруганнаго и ни откуда не защищеннаго .существова-

нія?—и къ удивленію отвѣчаешь—однакожъ жили» (Вѣст. Евр. 1888, № 2 Пошехонская Старина, стр. 601).

Да, жили, но наконецъ не въ моготу стала эта основанная на безправіи и насилій жизнь, и гуманно-освободительное движеніе, медленно проникавшее къ намъ изъ Европы, смыло наконецъ, благодаря настойчивости немногочисленной либеральной интеллигенціи, это трехвѣковое позорное пятно.

Весьма обидное для русскаго самолюбія, но совершенно справедливое замѣчаніе Карамзина о томъ, что у русскаго человѣка, какъ таковаго, нѣтъ и не можетъ быть никакихъ «правъ», получало въ Высочайшемъ Манифестѣ 19-го февраля, провозглашавшемъ право на свободный трудъ, первое торжественное опроверженіе. «Уваженіе къ достоинству человѣка и христіанская любовь», какъ сказано въ Манифестѣ побудили даровать русскому человѣку первѣйшее изъ правъ — право на личную свободу и на свободный трудъ.

Уваженіе къ человѣческому достоинству, свободный трудъ—какъ странно звучатъ эти слова въ 1861 г., когда не далѣе, какъ за годъ передъ тѣмъ, въ концѣ 59-го года, запрещено было говорить объ освобожденіи крестьянъ, и въ печати, и въ дворянскихъ собраніяхъ!

Уничтоженіе рабства и провозглашеніе правъ свободной личности дѣлало неизбѣжнымъ пересмотръ всѣхъ институтовъ и учрежденій, съ нимъ связанныхъ и на немъ основанныхъ, и прежде всего учрежденій судебныхъ. Объ этомъ категорически заявлялось въ всеподданнѣйшемъ адресѣ знаменитыхъ «пяти» дворянскихъ депутатовъ 1858 г., составленномъ извѣстнымъ дѣятелемъ крестьянской реформы А. М. Унковскимъ. Эта же мысль проводилась въ 1859 г. въ рядѣ дворянскихъ адресовъ Тверской, Ярославской и др. губерній, которые единодушно домогались гарантій личности, утвержденія на мѣсто произвола закона, и учрежденія въ этихъ видахъ независимой судебной власти и суда присяжныхъ. Но замѣчательно, что до освобожденія крестьянъ всѣ эти просьбы оставлялись безъ удовлетворенія, и просители подвергались большимъ или меньшимъ непріятностямъ, начиная отъ выговора и кончая полицейскимъ надзоромъ и административною высылкою.

Но съ конца 1861 г. замѣчается, благодаря освобожденію крестьянъ, сильный поворотъ въ направленіи работъ по судебной реформѣ. Тогда какъ въ 1859 г. объявлено было Государственному Совѣту Высочайшее повелѣніе отнюдь не касаться вопросовъ объ адвокатурѣ, судѣ присяжныхъ и заниматься Блудовскими проектами о частичныхъ преобразованіяхъ, въ 1862 году Блудовъ вовсе отстраняется отъ дѣла и на мѣсто его выступаетъ поборникъ либеральныхъ основъ судебной реформы кн. П. П. Гагаринъ. Вслѣдъ за этимъ приглашаются для разработки ея не чиновники, по соображеніямъ табели о рангахъ и продолжительности сидѣнія на мѣстѣ, *а юристы* съ основательною научною подготовкою. Юристы эти: наши почетные члены, Н. И. Стояновскій, А. Д. Ровинскій, К. П. Побѣдоносцевъ и др. и во главѣ ихъ покойный нашъ почетный членъ С. И. Зарудный. Въ январѣ 1862 г. кн. Гагарину удается исходатайствовать весьма важное Высочайшее повелѣніе, произведшее переворотъ въ направленіи работъ по судебной реформѣ и открывшее для русской юридической мысли совершенно неизвѣстные ей дотолѣ горизонты. Высочайшее повелѣніе это предписывало прикомандированнымъ къ государственной канцеляріи юристамъ: «изложить въ общихъ чертахъ соображенія о тѣхъ главныхъ началахъ, несомнѣнное достоинство коихъ признано въ настоящее время *наукою и опытомъ европейскихъ государствъ* и по коимъ должны быть преобразованы судебныя части въ Россіи».

Это знаменитое Высочайшее повелѣніе составляетъ эпоху въ исторіи развитія русскаго законодательства и русской юридической мысли. Магическая формула была произнесена! Клятва, лежавшая на наукѣ, была снята. Открытъ былъ наконецъ доступъ къ той европейской наукѣ, которая развилась въ Европѣ подъ вліяніемъ философскихъ идей XVIII столѣтія и либеральныхъ доктринъ начала XIX столѣтія, и которая у насъ такъ долго хранилась за семью печатями отъ нескромныхъ взоровъ публики. — Правда, лѣтъ за сто передъ тѣмъ вѣнценосная либеральная ученица (бывшая однако, защитницею крѣпостного права) Беккаріи, Монтескье и Вольтера сдѣлала было попытку пріобщить эту страну къ плодамъ передовой европейской мысли, но, какъ извѣстно, попытка имѣла только харак-

теръ блестящаго фейерверка и не оставила въ жизни прочныхъ слѣдовъ.

И вотъ теперь не только разрѣшалось, но прямо предписывалось черпать свободно изъ этого живаго источника, изъ этой запретной сокровищницы европейскаго ума и опыта. Легко представить себѣ, какъ должны были быть смущены ортодоксальные представители нашей старой университетской науки, обязанные не только за страхъ, но и за совѣсть пѣть съ каѳедры диѳирамбы кнуту (см. главу III) нашему инквизиціонному старому процессу съ его канцелярскою тайною и бумажнымъ дѣлопроизводствомъ (см. Основан. Угол. суд. Я. Баршева стр. 68). Едва они стали приспособляться къ новымъ требованіямъ духа, едва они стали замѣнять въ своихъ старыхъ тетрадкахъ восторженные похвалы старому строю скромнымъ и нерѣшительнымъ указаніемъ на достоинство новаго гласнаго суда, какъ быстро слѣдовавшія другъ за другомъ событія еще болѣе изумили нашихъ старыхъ юристовъ и порадовали новыхъ.

Съ чѣмъ нибудь въ полгода были составлены и обнародованы Высочайше утвержденныя 29 сентября 1862 года «Основныя Положенія преобразованія судебной части въ Россіи», громко на всю Россію провозглашавшіе необходимость введенія у насъ тѣхъ самыхъ институтовъ европейскаго правоваго порядка, за предложеніе которыхъ три года тому назадъ въ эпоху «первой реакціи» пострадалъ не одинъ предводитель дворянства. Россія съ изумленіемъ и радостью узнала, что она находится наканунѣ полученія гласнаго суда, независимой судебной власти, адвокатуры и суда присяжныхъ, которые еще такъ недавно считались столь зловредными.

Откуда такая быстрая и неожиданная перемѣна? Послушаемъ свидѣтеля, стоявшаго съ самаго начала у самаго кормила судебной реформы и хорошо знавшаго всѣ ея перипетіи. «Весьма важно, говоритъ С. И. Зарудный, *вѣяніе времени* — отъ него все зависитъ. Трудно понять, почему извѣстныя воззрѣнія представляются не только правильными, но даже необходимыми въ государственномъ устройствѣ, между тѣмъ за нѣсколько дней до того тѣ же воззрѣнія считались вредными и даже губительными для государственнаго распорядка. Судебные уставы 20 но-

ября 1864 года служатъ доказательствомъ этой истины. При крѣпостномъ правѣ, продолжаетъ онъ, въ сущности не было надобности въ справедливомъ судѣ. Настоящими судьями были только помѣщики. Надъ ними господствовалъ высшій своевольный судъ. Положенія 19-го февраля 1861 года прекратили эти завзятыя порядки. Тогда и высшіе наши сановники сознали, что наступаетъ время, когда и для Россіи такъ же точно, какъ и для всякаго порядочнаго (основаннаго на порядкѣ?) государства, явилась безотлагательная надобность въ судѣ скоромъ и справедливомъ. Вотъ задача Судебныхъ Уставовъ 1864 года. Она возникла, она задалась, сама собою, вслѣдствіе событія, совершившагося по волѣ Самодержца Всероссійскаго. Необходимо проникнуться этою мыслею. Если бы въ 1861 году не состоялось освобожденія крестьянъ съ землею, то *ни въ какомъ случаѣ* не были бы 20 ноября 1864 года утверждены наши Судебныя Уставы».

Вотъ, стало быть, гдѣ разгадка этого на первый взглядъ непонятнаго явленія. Освобожденіе крестьянъ произвело настоящій переворотъ не только въ соціальномъ строѣ, но и въ общемъ настроеніи. Притаившіяся было послѣ «первой реакціи» 1859 г. либеральныя вѣянія снова, хотя и недолго, воспрянули и влили новую энергію, бодрость и надежду въ нашъ общественный организмъ. Спокойное принятіе народомъ объявленія «воли», котораго такъ боялись робкіе умы, снова окрылило прогрессивную передовую часть нашихъ правительственныхъ сферъ и ослабило мнительность сторонниковъ дореформеннаго строя. Только этимъ объясняется, что, напр., такой завзятый консерваторъ, какъ гр. Панинъ, такъ много тормозившій и портившій дѣло освобожденія крестьянъ, этотъ врагъ и гонитель суда присяжныхъ, самъ явился защитникомъ его (искреннимъ или неискреннимъ, Богъ его знаетъ—см. главу I), когда въ 1862 году Государственный Совѣтъ разсматривалъ вышеупомянутыя Основныя Положенія судебной реформы.

IV.

Дальнѣйшая судьба этихъ Основныхъ Положеній имѣла сильное и уже не посредственное вліяніе на дѣятельность русскихъ юристовъ и въ частности на возникновеніе Московскаго Юри-

дическаго Общества. С. И. Зарудный возъимѣлъ крайне смѣлое, по тогдашнему времени, но въ высшей степени плодотворное намѣреніе—опубликовать во всеобщее свѣдѣніе Высочайше утвержденныя Основныя Положенія, съ приглашеніемъ юристовъ и вообще публицистовъ, интересующихся дѣломъ судебной реформы, доставлять свои замѣчанія объ Основныхъ Положеніяхъ въ Коммиссію, образованную подъ предсѣдательствомъ В. И. Буткова для составленія проектовъ Судебныхъ Уставовъ.

Въ нашихъ глазахъ этотъ фактъ опубликованія не представляетъ ничего особеннаго въ виду того, что въ послѣдующее время неоднократно печатались законопроекты съ цѣлью вызвать замѣчанія публицистовъ или даже разсылаются цѣлыя законодательныя работы (какъ, напр., проекты Трудовъ Коммиссіи, составляющей уголовное Уложеніе) для публичнаго обсужденія въ Юридическихъ Обществахъ.

Не то было въ 1862 году.

Опубликованіе Основныхъ Положеній въ Собраніи Узаконеній было *первымъ* актомъ прямаго оффиціальнаго обращенія къ публицистамъ и юристамъ, къ представителямъ науки и опыта съ приглашеніемъ принять участіе въ законодательныхъ работахъ. Этотъ фактъ имѣлъ громадное историческое значеніе какъ для печати, науки, такъ и для общественнаго развитія вообще.

Онъ впервые, можно сказать, производилъ *секуляризацію* законодательной дѣятельности и открыто признавалъ значеніе публицистики. Въ силу закона и установившихся традицій законодательныя канцеляріи должны были дотолѣ съ особеннымъ тщаніемъ оберегать законодательныя предначертанія отъ нескромныхъ взглядовъ публики. Онѣ должны были наблюдать денно и нощно, чтобы законопроекты безмятежно совершали свое теченіе въ потемкахъ канцелярской тайны и отнюдь не приходили въ соприкосновеніе съ тѣмъ profanum vulgus, для котораго они предназначались, ранѣе появленія на свѣтъ во всеоружіи властнаго постановленія, подлежащаго безвмолному и безпрекословному исполненію. Словомъ, законодательная дѣятельность была совершенно изолированнымъ отъ жизни міромъ, который былъ одинаково сокрытъ, какъ для празднаго любопытства, такъ и серьезной любознательности просвѣщеннаго общественнаго мнѣнія. Весьма

наглядно охарактеризовано такое состояніе обязательнаго всеобщаго молчанія въ одной изъ извѣстнѣйшихъ статей М. Н. Каткова. «Бываютъ времена [1]), въ народной жизни, писалъ въ 1863 г., когда правительство принимаетъ характеръ диктатуры. При правильномъ ходѣ такой системы совершенно послѣдовательно принимаются мѣры къ тому, чтобы никакого общественнаго мнѣнія не было. Политическая печать при диктаторскомъ управленіи существовать не можетъ. Никакого мнѣнія о дѣйствіяхъ власти, о началахъ, которыми она руководствуется, объ учрежденіяхъ, которыя она создаетъ, о законахъ, которые она обнародовываетъ, *не только порицательно, но и одобрительно* не должно высказываться. Никому при этой системѣ не дозволяется принимать участія въ дѣлѣ общаго интереса и общаго дѣла между людьми не допускается. Люди разрознены, общественныхъ силъ нѣтъ и *нѣтъ общественнаго мнѣнія*. Обо всѣхъ предметахъ общаго интереса должны исключительно заботиться *оффиціальные люди*, взятые какъ *рекруты* изъ общества и отдѣленные отъ него особою, совершенно замкнутою правительственною организаціею, какъ опричиной».

Такова была обычная у насъ организація.

Обнародованіе Основныхъ Положеній 1862 года было явленіемъ, указывавшимъ на наступленіе другаго времени, времени, когда, говоря словами того же публициста, «когда обществу дается голосъ въ дѣлахъ общаго интереса, когда каждому дозволяется заявлять участіе въ интересахъ своего отечества, когда допускается свобода въ выраженіи мнѣнія о предметахъ политическаго, нравственнаго и религіознаго свойства, когда печать получаетъ и можетъ имѣть вліяніе, когда *пробуждаются и даже призываются* къ дѣятельности *общественныя силы*». И такое—такое-то время поступило въ 1862 г.!

---

[1]) Замѣчательно, что это мѣсто статьи выпущено изъ Сборника статей Каткова, редижированнаго при его жизни. Онъ выпустилъ эту часть статьи подъ тѣмъ предлогомъ, что она «была напечатана не въ томъ видѣ, въ какомъ была написана». Но біографъ Каткова, г. Любимовъ, совершенно вѣрно догадывается, что главнымъ и истиннымъ мотивомъ было измѣненіе отношенія самаго автора къ идеѣ и факту общественнаго мнѣнія (*Русскій Вѣстникъ*, 1888 г., № 1, стр. 10—11).

Вотъ каково было значеніе этого на видъ скромнаго, но по существу очень важнаго мѣропріятія — распубликованія основныхъ Положеній для обсужденія. Это былъ первый, (участье дворянъ во время крестьянской реформы имѣло болѣе сословный чѣмъ обще-государственный характеръ) хотя и скромный, но для всѣхъ очевидный актъ признанія значенія общественнаго мнѣнія и публицистики. Если прибавить къ сказанному, что этотъ актъ уваженія и довѣрія къ свободнымъ общественнымъ силамъ давалъ право надѣяться, что при дальнѣйшемъ движеніи судебной реформы будетъ допущено и содѣйствіе земства, на что намекалъ «День» Аксакова (въ № отъ 13 октября 1862 года), то легко представить себѣ, какія радужныя и ободряющія перспективы открывались для общественной самостоятельности.

V.

Если таково было значеніе опубликованія Основныхъ Началъ для русской интеллигенціи вообще, то легко догадаться, съ какимъ восторгомъ и радостнымъ увлеченіемъ встрѣчали этотъ шагъ русскіе юристы. Указанное выше Высочайшее повелѣніе 1862 года оффиціально признавало значеніе *юридической науки*. Обнародованіе Основныхъ Положеній оффиціально разрѣшало юристамъ, даже требовало отъ нихъ критическаго отношенія къ предположеніямъ правительства и свободнаго высказыванія своихъ сужденій и взглядовъ. Русскій юристъ, для котораго критика закона и намѣреній правительства на основаніи указаній европейской науки и опыта была запретнымъ плодомъ, впервые почувствовалъ себя свободнымъ отъ цензурныхъ и начальственныхъ стѣсненій. Едва вѣрилъ своимъ глазамъ и ушамъ русскій юристъ, такъ долго испытывавшій гнетъ и стѣсненіе, шагъ за шагомъ долженствовавшій отвоевывать у цензуры каждое свое слово, каждую свѣжую мысль.

Не всякій повѣритъ, что всего за нѣсколько лѣтъ до судебной реформы цензоръ задержалъ сочиненіе, принадлежавшее нашему почетному члену, одному изъ корифеевъ судебной реформы, нынѣ предсѣдателю гражданскаго департамента Государственнаго Совѣта Н. И. Стоянскому, подъ заглавіемъ. «Практи-

ческое руководство по уголовному судопроизводству» И за что? За то, что авторъ, не ограничиваясь простымъ изложеніемъ содержанія законовъ, прибавилъ «отъ себя» нѣсколько соображеній. Цензура разсуждала такъ: все, что нужно знать относительно судопроизводства, заключается въ книгахъ закона, а чего въ нихъ нѣтъ, то лишнее. И вотъ послѣ такого-то гоненія на юридическую мысль, послѣ такой-то цензуры, повторявшей черезъ 1000 лѣтъ изреченіе знаменитаго калифа, сжегшаго александрійскую библіотеку, юристамъ громогласно говорятъ: отнынѣ они не должны считать за послѣднее слово юридической мудрости чахлые продукты доморощеннаго *законовѣдѣнія* (извѣстно, что до университетскаго Устава 1863 г. профессора обязаны были довольствоваться простымъ пересказомъ статей закона), что они могутъ говорить и писать о законахъ все, что внушаетъ имъ совѣсть и жизненный опытъ, и руководствоваться тѣмъ, что привыкли чтить у лучшихъ представителей европейской юридической мысли и публицистики.

Встрепенулись и воспрянули духомъ наши юристы, да и какъ было не воспрянуть отъ этого громкаго клича, раздавшагося по широкимъ степямъ Руси, гдѣ дотолѣ слышалось молчаніе на всѣхъ языкахъ, клича, звавшаго на общее дѣло, на работу, имѣвшую цѣлью закрѣпить въ этой странѣ только что дарованную свободу учрежденіемъ праваго, милостиваго и равнаго для всѣхъ суда. Не мудрено, что этотъ кликъ нашелъ восторженный откликъ во всѣхъ юристахъ, въ которыхъ не замерло вучство правды и гуманности. Не говоря о молодыхъ юристахъ, даже самые старые служаки, давно уже отставшіе ото всего, что было свѣжаго и новаго въ наукѣ и публицистикѣ, и они не въ силахъ были превозмочь явившуюся у нихъ подъ вліяніемъ общаго увлеченія либерально-гуманными идеями неудержимую потребность сказать свое слово, принести свою лепту въ это общее дѣло насажденія свободы, права и правды въ этомъ столь недавно еще царствѣ рабства, неправосудія и произвола. И вотъ посыпались со всѣхъ концовъ Россіи, начиная отъ Петербурга и Москвы и кончая Тобольскомъ, и Баку масса замѣчаній юристовъ (до 450), напечатанныхъ впослѣдствіи въ шести большихъ томахъ.

Подъ вліяніемъ этого могучаго общественнаго воодушевленія и подъема либеральныхъ идей и стали группироваться юристы въ отдѣльные кружки, въ разныхъ мѣстахъ, начиная отъ Петербурга и Москвы и кончая Симбирскомъ и Керчью. Въ это-то благодатное время, откуда, по прекрасному выраженію А. И. Чупрова идетъ, «все, чѣмъ красна наша жизнь», стала образовываться и та маленькая кучка или завязь юристовъ, изъ которой образовалось впослѣдствіи Московское Юридическое Общество.

При такомъ подъемѣ общественныхъ силъ роль отдѣльныхъ личностей бываетъ довольно скромна. Могучее теченіе, однажды возникшее, несется впередъ по инерціи и несетъ съ собою всѣхъ. Смѣна лицъ почти не имѣетъ никакого вліянія. Мы это и наблюдаемъ и на исторіи нашего Общества.

Съ разныхъ концовъ Москвы, изъ разнообразныхъ слоевъ общества, собирается оно въ 1862 г. около оффиціальнаго представителя юридической науки, около декана Московскаго Юридическаго факультета С. И. Баршева. Рядомъ съ представителемъ крупной буржуазіи милліонеромъ Бостанджогло мы видимъ скромнаго студента, будущее свѣтило русской экономической науки, нашего уважаемаго почетнаго члена А. И. Чупрова? рядомъ съ профессоромъ—скромнаго практика, рядомъ съ образованнымъ юристомъ—представителя стараго крючкотворства. Это разношерстное собраніе повинуется властному духу времени, требующему установленія и распространенія въ народѣ началъ права и свободы. При такомъ массовомъ, стихійномъ движеніи и увлеченіи роль отдѣльныхъ личностей бываетъ второстепенною.

И это видно на исторіи возникновенія нашего Общества. Въ самомъ дѣлѣ, смѣняется на первыхъ же порахъ, въ самый моментъ почти зарожденія нашего Общества лицо руководителя: на мѣсто Баршева становится Лешковъ, и столь опасная въ такой критическій моментъ смѣна кормчаго не вызываетъ въ жизни Общества никакого болѣзненнаго потрясенія.

Я этимъ не хочу умалить личныя заслуги нашего перваго предсѣдателя и безсмѣннаго руководителя въ теченіе 20 лѣтъ дѣятельностью общества В. Н. Лешкова, симпатичный образъ котораго доселѣ живетъ между нами. Но едва ли я оскорблю

память незабвеннаго В. Н., такъ много и честно потрудившагося впослѣдствіи на пользу Московскаго Юридическаго Общества, если я скажу, что возникновеніемъ своимъ оно болѣе обязано либерально-гуманнымъ вѣяніямъ 60-хъ годовъ, нежели личнымъ усиліямъ того или другаго учредителя. Этотъ краснорѣчивый и неутомимый поборникъ личной свободы, началъ свободной общественной самодѣятельности и самоуправленія, этотъ горячій защитникъ права и правды, свободы слова и мысли, свободы совѣсти и ассоціацій—едва ли бы сталъ спорить противъ той мысли, что именно этимъ великимъ и необходимымъ для правильнаго развитія личности и общества началамъ и обязано своимъ происхожденіемъ наше юридическое Общество.

И дѣйствительно, мы едва ли не вправѣ сказать, геній свободы парилъ надъ колыбелью нашего Общества, вызваннаго къ жизни освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и послѣдовавшимъ вслѣдъ затѣмъ стремленіемъ освободить русскую жизнь и русскую мысль отъ язвъ и узъ дореформеннаго строя жизни.

Вотъ какъ мы, младшее поколѣніе нашего Общества, представляемъ себѣ его возникновеніе!

Быть можетъ, сложившееся у насъ представленіе не совсѣмъ точно, но въ существѣ своемъ едва ли оно ошибочно.

Но noblesse oblige! Такое высокое и благородное происхожденіе также ко многому обязывало и обязываетъ Московское Юридическое Общество.

Возникнувъ при расцвѣтѣ и торжествѣ идей свободы, права и гуманности, оно обязано было служить имъ всегда съ неизмѣнною преданностью, и въ особенности въ тѣ печальныя времена одичанія и шатанія мысли, когда эти идеи повергаются осмѣянію и даже гоненію со стороны невѣждъ и обскурантовъ.

Не намъ, конечно, лицамъ, болѣе или менѣе прикосновеннымъ къ дѣятельности Юридическаго Общества, судить, насколько оно удачно выполнило свою высокую миссію въ смыслѣ положительномъ; но мы можемъ, не грѣша противъ скромности и справедливости, сказать, что оно свято блюло свои завѣты въ смыслѣ отрицательномъ. Если, быть можетъ, оно не всегда дѣлало, что могло и должно было дѣлать, то навѣрное можно ска-

зать, что въ томъ, что̀ оно дѣлало донынѣ, ни одинъ и притомъ самый строгій судья не найдетъ слѣдовъ измѣны его знамени и традиціямъ. Это, конечно, немного. Но въ нашъ жестокій и одичалый вѣкъ, въ наше безпринципное и «пестрое» время и это немногое тоже имѣетъ, смѣю думать, нѣкоторую цѣну.

Дозвольте, мм. гг., высказать пожеланіе и надежду, чтобы Московское Юридическое Общество, донесшее незапятнаннымъ до конца первой четверти — и какой четверти! — вѣка своего существованія свое знамя, осталось вѣрнымъ и въ будущемъ своимъ высокимъ и благороднымъ традиціямъ, и тѣмъ оказалось достойнымъ того великаго учрежденія, которое пріютило его подъ своею сѣнью въ труднѣйшее время его жизни и подъ гостепріимнымъ кровомъ котораго чествуемъ мы сегодня нашъ скромный праздникъ. Да сохранится въ будущемъ не порывалась эта дорогая и столь плодотворная для нашего общества связь съ древнѣйшимъ разсадникомъ русскаго просвѣщенія—связь, которая не мало облегчала Юридическому Обществу вѣрное служеніе его славному и честному знамени права и свободы!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Двадцатипятилѣтіе „Вѣстника Европы".

(Мартъ 1866—1891 гг.).

Въ мартѣ 1866 г. вышла *первая* книга возобновленнаго историко-политическаго журнала *Вѣстникъ Европы*, издателемъ и отвѣтственнымъ редакторомъ коего состоялъ и состоитъ бывшій профессоръ с.-петербургскаго университета М. М. Стасюлевичъ [1]), а ближайшимъ сотрудникомъ былъ отставной профессоръ того же университета Н. И. Костомаровъ.

Большіе журналы наши не живучи, и изъ нынѣшнихъ нашихъ такъ называемыхъ «толстыхъ» журналовъ ни одинъ не можетъ соперничать съ *Вѣстникомъ Европы* относительно старшинства. Двадцатипятилѣтняя годовщина почтеннаго петербургскаго журнала составляетъ крупное и отрадное явленіе въ общественной жизни, въ виду того выдающагося положенія, которое онъ съ самаго начала занялъ въ современной русской журналистикѣ, гдѣ онъ нынѣ занимаетъ, по общему признанію, исключительное, первенствующее мѣсто не только по возрасту, но и по вліянію и нравственному авторитету. Вѣрность принципамъ, живая отзывчивость на вопросы дня, всегда серьезное отношеніе къ нимъ, спокойный, исполненный достоинства тонъ, добросовѣстное и не-

[1]) М. М. Стасюлевичъ покинулъ университетъ вслѣдствіе извѣстныхъ событій въ концѣ 1861 г. одновременно съ профессорами К. Д. Кавелинымъ, Б. И. Утинымъ, А. Н. Пыпинымъ, В. Д. Спасовичемъ и ректоромъ П. А. Плетневымъ. См. „За много лѣтъ" В. Спасовича, стр. 39.

измѣнно приличное отношеніе даже къ самымъ недобросовѣстнымъ и нечистоплотнымъ литературнымъ противникамъ—таковы всѣмъ извѣстныя качества этого журнала, стяжавшія ему громкую и прочную извѣстность и сочувствіе среди весьма значительнаго круга читателей, а также общее уваженіе не только среди друзей, но и враговъ. Здѣсь не мѣсто дѣлать общій обзоръ и подводить итоги истекшей двадцатипятилѣтней плодотворной дѣятельности петербургскаго журнала: для этого пришлось бы коснуться исторіи русской общественной мысли за истекшее двадцатипятилѣтіе. Ограничимся только указаніемъ того историческаго момента и тѣхъ историческихъ обстоятельствъ, при которыхъ появилась первая книга *Вѣстника Европы*, и той задачи и публицистической программы, которую онъ взялся выполнить на своей исторической чредѣ.

I.

Если сравнить первую книгу за первый годъ *Вѣстника Европы* съ теперешними его книгами, то различіе окажется немалое. За той же традиціонной обложкой кирпично-краснаго цвѣта съ порталомъ-виньеткою, составленною Шарлеманемъ, мы находимъ книгу, по объему и содержанію сильно отличающуюся отъ нынѣшнихъ книгъ *Вѣстника Европы*. Вы имѣете предъ собою большой томъ въ 40—41 листъ, выходящій на подобіе нѣкоторыхъ англійскихъ обозрѣній, не ежемѣсячно, а по четвертямъ, т. е. по четыремъ временамъ года, приблизительно около 9-го числа. Еще больше бросается въ глаза различіе при сравненіи содержанія книгъ. Вотъ напр., содержаніе первой мартовской книги 1866 года: Смутное время Н. И. Костомарова, Первая эпоха преобразованій Александрѣ I М. М. Богдановича, Русская колонизація въ сѣверо-западномъ краѣ С. В. Ешевскаго, Средневѣковой историкъ и отношеніе его къ своему обществу М. М. Стасюлевича, Пугачевщина Д. Л. Мордовцева, Ломоносовъ и реформа Петра О. Ѳ. Миллера, Новѣйшая исторія Австріи, Литературная хрохика—обзоръ книгъ и статей по рус-

---

[2]) Существующій съ 1859 г. *Русскій Вѣстникъ* съ 1887 года, послѣ смерти М. Н. Каткова, издается подъ новою редакціею.

ской исторіи за 1865 г., Педагогическая хроника; Историческая хроника: земское обозрѣніе Н. Ѳ. Крузе, экономическое обозрѣніе М. Н. Колюпанова, Иностранное обозрѣніе, Новости исторической сцены П. В. Анненкова, Археологическая замѣтка о постановкѣ «Рогнѣды» В. В. Стасова.

Въ такомъ же духѣ были составлены и другія книги. Такимъ образомъ исключалась поэзія, беллетристика (кромѣ историческихъ романовъ), естествознаніе, и журналъ носилъ характеръ спеціальнаго историко-политическаго и даже скорѣе чисто историческаго изданія.

Само собою разумѣется, такое содержаніе книги не могло быть и не было дѣломъ случая, а являлось результатомъ сознательно принятой программы. Ключемъ къ ней были двѣ даты, поставленныя на фронтисписѣ обложки новаго журнала: 1802 и 1866 гг. Первая дата указывала на годъ основанія Н. М. Карамзинымъ *Вѣстника Европы*, вторая—на годъ возрожденія его. Этими двумя числами обозначался нѣкоторымъ образомъ характеръ и направленіе журнала. «Прежде всего, мы желали бы,—заявляла редакція,—самымъ выборомъ такого названія почтить память нашего достойнѣйшаго историка въ тотъ годъ, когда время открытія новаго историческаго журнала совпадаетъ съ первымъ столѣтнимъ юбилеемъ его рожденія. Такимъ образомъ, возобновляемый нынѣ *Вѣстникъ Европы* вступитъ въ тридцатый [3]) годъ своего существованія, но будетъ дѣйствовать по другой программѣ, которая хотя и отступаетъ отъ первоначальной его задачи, какъ журнала главнымъ образомъ политическаго, но за то можетъ быть ближе подойдетъ къ настоящему значенію самого своего основателя, который, оказавъ сначала Россіи услугу какъ публицистъ, пріобрѣлъ потомъ безсмертіе какъ историкъ. Н. М. Карамзинъ перешелъ скоро отъ политики къ исторической наукѣ; пусть же послѣдуетъ теперь за своимъ основателемъ въ ту же область и самый его журналъ, посвящаемый нынѣ *историко - политическимъ* наукамъ, какъ *главной* основѣ всякой политики» [4]).

[3]) Съ 1803 по 1830 г. *Вѣстн. Европы* выходилъ подъ редакціею Жуковскаго и Каченовскаго.

[4]) Стр. VI, т. I *Вѣстн. Евр.* 1866.

Но ошибочно было бы думать, что журналъ, становившійся подъ знамя Карамзина и принимавшій названіе его журнала *Вѣстникъ Европы*, будетъ понимать слѣдованіе исторіи въ смыслѣ рабскаго преклоненія предъ авторитетомъ старины или самого Карамзина, въ смыслѣ слѣпаго почитанія старинныхъ формъ общежитія. Какъ бы желая съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности устранить всякій поводъ къ недоразумѣнію, редакція, вслѣдъ за вступительною редакціонною замѣткою, помѣстила, въ видѣ дополненія къ ней, письмо извѣстнаго друга Пушкина П. А. Плетнева, не задолго предъ тѣмъ оставившаго одновременно съ г. Стасюлевичемъ и другими профессорами петербургскій университетъ, гдѣ онъ былъ въ теченіе 20 лѣтъ ректоромъ. Въ письмѣ отъ 23-го декабря 1865 г. [5]) въ отвѣтъ на приглашенія о сотрудничествѣ Плетневъ писалъ, между прочимъ, слѣдующее.

«Прочь авторитеты, повторялъ нѣсколько разъ въ статьяхъ своихъ одинъ писатель, принимавшійся, подобно вамъ, за изданіе новаго журнала. Авторитетъ представлялся ему въ видѣ обиднаго для всѣхъ кумира, поставленнаго на подножіе, съ котораго пришло время сбросить его... Вы думаете иначе... И такъ, не всѣ и не всегда смотрѣли враждебно на авторитеты, которыхъ *отличительный* характеръ состоитъ именно въ томъ, что они, не измѣняя внутренняго своего достоинства, оставляютъ каждому *свободный путь труда*... Не ихъ вина, если писатель иногда рабски тянется въ каждой чертѣ по чужимъ слѣдамъ, не чувствуя, что онъ не только не возсоздаетъ ничего творческаго, но и разрушаетъ его въ основаніи. Авторитетъ, какого бы онъ ни былъ времени, въ отношеніи къ намъ то же, что природа. Она животворитъ насъ и вдохновляетъ, не связывая нашихъ силъ и не налгаая на насъ обязанности бездушнаго повторенія».

Указавъ затѣмъ на громадныя заслуги Карамзина въ литературѣ и наукѣ, Плетневъ замѣчаетъ, что тѣмъ не менѣе нельзя за нимъ слѣдовать рабски, что необходимо полное обновленіе. «Жизнь и мысль народа, говоритъ онъ, не могутъ остановиться.

---

[5]) Плетневъ умеръ въ Парижѣ 29-го декабря того же года.

Какъ самое время, онѣ безпрерывно мчатся впередъ. Окружаемые при этомъ движеніи всѣмъ новымъ, мы прошлому отводимъ мѣсто въ исторіи, подчиняясь въ настоящемъ *властительству новыхъ силъ*... Пути направленія мыслей развѣтвляются и расширяются. Источники новыхъ изслѣдованій и воззрѣній безостановочно открываются и заставляютъ перерабатывать часто вѣковыя идеи». Плетневъ одобрялъ вполнѣ намѣреніе редакціи обрабатывать каждый отдѣлъ не иначе, какъ «по требованіямъ господствующаго направленія».

Отношеніе свое къ современнымъ появленію первой книжки *Вѣст. Евр.* направленіямъ журналъ опредѣляетъ такъ: «Отношеніе нашего журнала къ духу современной образованности опредѣляется легко само собою господствующимъ нынѣ направленіемъ. Мы являемся предъ публикою, оставляя позади себя мало выгодное время вообще для всѣхъ *гуманныхъ* наукъ: естествознаніе, какъ вслѣдствіе внутренняго достоинства своего точнаго и наблюдательнаго метода, такъ и вслѣдствіе крайней слабости у насъ гуманнаго образованія, заняло *первое* мѣсто въ ходѣ нашего умственнаго просвѣщенія. Никто болѣе насъ не радовался бы этому, отдавая всю справедливость просвѣтительному значенію естествознанія, если бы мы не сознавали вмѣстѣ съ тѣмъ, что у насъ въ той же мѣрѣ *ослабло* изученіе явленій нашего духа, каковы *философія*, *филологія*, *исторія*, между тѣмъ такое изученіе должно было бы сдѣлаться *еще болѣе настоятельнымъ*, именно *вслѣдствіе успѣха* естественныхъ наукъ. Послѣднія могутъ оставаться безцѣльными, если, продолжая постоянно стремиться изъ себя во внѣшній міръ, мы никогда не захотимъ вернуться отъ внѣшней природы къ самимъ себѣ, чтобы сдѣлать новый шагъ въ самознаніи и подвести общіе итоги своимъ опытнымъ свѣдѣніямъ. Въ этомъ отношеніи; историческая наука способна оказывать намъ большую услугу».

Являясь органомъ научной разработки историко-политическихъ наукъ, новый журналъ долженъ былъ точно указать свое отношеніе къ обще-человѣческой исторіи и культурѣ, что должно было служить дальнѣйшимъ разъясненіемъ его программы и публицистическаго направленія. Мы не подраздѣляемъ, — заявляла редакція,—въ своемъ журналѣ каждаго отдѣла на рубрики по

предметамъ отечественной и всеобщей исторіи уже и потому, что у насъ всеобщая исторія займетъ мѣсто главнымъ образомъ настолько, насколько она, такъ сказать, является сама *второю* отечественною исторіей или, какъ выразился Жанъ-Батистъ-Вико, говоря, что всеобщая исторія называется *всеобщею* потому, что она предполагаетъ во всѣхъ народахъ *общую* человѣческую природу. Нѣтъ такого великаго народа, который не считалъ бы человѣчество своею второю родиною; и чѣмъ выше предназначеніе какого-нибудь общества, тѣмъ родство его съ человѣчествомъ ближе и живѣе. *Никто* не имѣетъ притязанія считать, напримѣръ, *христіанства* явленіемъ, принадлежащимъ исключительно какому-нибудь одному изъ великихъ современныхъ народовъ; то, что называется *классическою* стороною въ настоящей европейской образованности, также не есть исключительная принадлежность какой-нибудь новѣйшей европейской національности; феодализмъ, монархія, парламентаризмъ вытекаютъ скорѣе изъ общей всѣмъ народамъ природы, нежели изъ духа римскихъ учрежденій и древней германской образованности, ибо вліянію тѣхъ идей подчиняются не однѣ германскія и романскія, но и вообще всѣ народности.

II.

Предпринимая широкую всестороннюю разработку историко-политическихъ наукъ, *Вѣстникъ Европы* съ самого начала удѣлилъ серьезное вниманіе вопросамъ, «которые связываютъ науку и жизнь, вытекая изъ первой и сильно воздѣйствуя на послѣднюю», т.-е. вопросамъ народнаго образованія и общественнаго воспитанія. Съ этою цѣлью журналъ заводитъ особую «педагогическую хронику», въ которой трактуются какъ вообще педагогическіе вопросы, такъ въ частности вопросъ о преподаваніи исторіи. Свою основную profession de foi журналъ выражаетъ въ первой же книгѣ въ слѣдующихъ положеніяхъ: въ прошедшемъ сдѣлано все или почти все, что можно было совершить въ области народнаго просвѣщенія правительственнымъ путемъ; то, что оставалось бы осуществить въ нашей исторіи, можетъ быть сдѣлано общественными силами, а эти силы слабы безъ

извѣстнаго капитала знанія и образованности; въ основѣ народнаго образованія должны лежать *народныя школы*.

Журналъ, написавшій на своемъ знамени разработку гуманитарныхъ наукъ, въ видахъ устраненія односторонняго увлеченія естественными науками, ео ipso не могъ не обратить серьезнаго вниманія на обострившійся въ то время (1866 г.) вопросъ о классицизмѣ и реализмѣ. Тщательная и добросовѣстная разработка этого вопроса, продолжавшаяся почти безъ перерыва въ теченіе 25-ти лѣтъ, составляетъ едва ли не одну изъ главнѣйшихъ заслугъ этого журнала передъ русскимъ просвѣщеніемъ. Вопреки увѣреніямъ защитниковъ нашего современнаго грамматическаго псевдоклассицизма, *Вѣстникъ Европы* не былъ *никогда* противникомъ классицизма въ истинномъ его смыслѣ. Такое положеніе, à priori несовмѣстимое съ рельефно выставленною задачею новаго журнала противодѣйствовать одностороннему увлеченію естествознаніемъ, опровергается всею дѣятельностью журнала. *Вѣстникъ Европы* ратовалъ и ратуетъ «противъ мертвой школы» классицизма, а не противъ самого гуманитарнаго классицизма. Чтобы не ходить далеко за примѣрами, достаточно взять *послѣднюю* [6]) книгу за 1891 г., и въ ней мы увидимъ, что *Вѣстникъ Европы* не противъ классицизма вообще, а противъ неудачной постановки его у насъ, нынѣ болѣе или менѣе всѣми признаваемой. Не лишено назидательности, что точно такую же точку зрѣнія защищалъ журналъ въ *первой* своей книгѣ, вышедшей 25 лѣтъ тому назадъ, въ мартѣ 1866 г., и возражавшей противъ крайности какъ классицизма, такъ и реализма. Въ первой же педагогической хроникѣ проводится та мысль, что не въ классицизмѣ или естественныхъ наукахъ главная воспитательная сила, а *въ разумной постановкѣ* преподаванія. Журналъ возстаетъ не противъ насажденія у насъ классицизма, а противъ привитія его искусственными мѣрами и монополизаціи въ его пользу всего средняго образованія, а также противъ «мистическаго увлеченія латинскою грамматикою». Журналъ съ горечью констатировалъ еще въ 1866 г. патологическое явленіе, ставшее нынѣ очевиднымъ для всѣхъ: «у насъ

[6]) *Вѣстникъ Европы* 1891 г., № 3, стр. 417–422.

учатъ латинскому языку, а классическаго образованія въ обществѣ нѣтъ» (стр. 8).

Въ этой же хроникѣ не лишнее отмѣтить, какъ далекъ былъ съ самого основанія *Вѣстникъ Европы* отъ слѣпаго поклоненія предъ Западомъ. Говоря о преподаваніи исторіи, журналъ замѣчаетъ, что недостаточно ссылаться на авторитетъ западныхъ школъ: при подражаніи имъ слѣдуетъ переносить къ намъ не формы, выработанныя тамъ подъ вліяніемъ того или другаго теченія общественнаго ума, но внутренній ихъ смыслъ, который долженъ у насъ пріискать *свои* формы и отвѣтить на наши *живыя* потребности».

Весьма своеобразно и здраво опредѣлялъ журналъ свое отношеніе къ текущимъ событіямъ и злобамъ дня. Заведя дли нихъ «историческую хронику», *Вѣстникъ Европы* исходилъ изъ той мысли, что современная историческая жизнь представляетъ много случаевъ для научныхъ наблюденій надъ живыми обществами и служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ средствомъ для провѣрки тѣхъ общеисторическихъ законовъ, которые выводятся изъ опытовъ надъ отжившими обществами и народами. Подобно тому, какъ въ прошедшей исторіи журналъ предполагалъ останавливаться не на одной политической исторіи, не на однихъ внѣшнихъ событіяхъ и оффиціальной сторонѣ жизни, такъ и въ событіяхъ текущей жизни онъ имѣлъ въ виду слѣдить за внутреннею жизнью общества, за тѣми идеями и теченіями, которыя циркулируютъ въ обществѣ и вліяютъ на практику жизни.

Въ исторической хроникѣ первое мѣсто отвелъ *Вѣстникъ Европы* «земскому обозрѣнію». Стоя посреди между прошедшимъ и будущимъ нашей исторіи, — говоритъ обозрѣніе, — это учрежденіе весьма естественно не могло явиться безъ того, чтобы, съ одной стороны, не понести на себѣ слѣдовъ прежняго порядка вещей, который произвелъ земство, какъ бы вслѣдствіе «сознанія своей несостоятельности и, такъ-сказать, вслѣдствіе отрицанія самого себя; съ другой стороны, будущее возложило свои надежды на то же земство и желало въ немъ видѣть, по крайней мѣрѣ въ зародышѣ, возможность своего существованія». Хотя нововведеніе было вызвано неудовлетворительностью прежняго канцелярскаго порядка въ управленіи на-

роднымъ хозяйствомъ, но тѣмъ не менѣе устройство нововведенія пришлось по необходимости поручить тому же канцелярскому порядку и руками, признанными за неискусныя, учреждать то, что должно будетъ ихъ замѣнить. А потому Полож. о зем. учрежд., составленное канцелярскимъ порядкомъ, могло понести на себѣ извѣстныя предвзятыя формы, безъ близкаго отношенія къ жизни, малоизвѣстной бюрократизму...

Послѣ появленія первой книги *Вѣстника Европы* было выражено недоумѣніе по поводу того, что *Вѣстникъ Европы* не счелъ нужнымъ точнѣе обозначить свое «направленіе», примкнуть всецѣло къ тому или другому изъ существовавшихъ литературныхъ лагерей. Но, заканчивая свой первый годъ, журналъ продолжалъ настаивать, что его главная задача—оживленіе въ публикѣ интереса къ историко-политическимъ наукамъ, сильно ослабѣвшаго въ послѣднее время, что рядомъ съ изученіемъ природы должно идти изученіе человѣческаго духа во всѣхъ его направленіяхъ. «Идя на всѣхъ порахъ впередъ,—сказано въ редакціонной замѣткѣ,—отыскивая новыя формы для новыхъ идей, мы должны особенно часто оглядываться на пройденный нами путь, справляться съ исторіею прошедшаго. Но и при этомъ не должно забывать превосходныхъ словъ нашего историка Н. М. Карамзина въ письмѣ къ Тургеневу: жить есть не писать исторію, не писать трагедію или комедію, а какъ можно лучше *мыслить*, *чувствовать и дѣйствовать*» [7]).

III.

Въ своемъ первоначальномъ видѣ болѣе или менѣе спеціальнаго научно-историческаго изданія *Вѣстника Европы* выходилъ въ теченіе двухъ лѣтъ, въ 1866—1867 гг. Съ 1868 г. онъ, оставаясь «преимущественно» историческихъ журналомъ, принялъ тотъ видъ и характеръ нашихъ большихъ литературныхъ журналовъ, который онъ сохраняетъ доселѣ. 1-го января 1868 г. вышла первая книга журнала въ преобразованномъ видѣ и съ тѣхъ поръ каждое первое число, за исключеніемъ случаевъ,

7) См. № 4 *Вѣстн. Европы* 1886.

оправдываемыхъ force majeure, «непреодолимою силою» [8]), въ Петербургѣ появляются книги *Вѣстника Европы* съ необычною у насъ пунктуальностью. Первое чисто беллетристическое произведеніе, появившееся въ журналѣ, былъ разсказъ, Тургенева «Бригадиръ», напечатанный на первомъ мѣстѣ январьской книги за 1868 г.

Являясь въ преобразованномъ видѣ, предъ большою, неспеціальною публикою, *Вѣстникъ Европы* долженъ былъ volens nolens опять завести рѣчь о «направленіи» журнала, хотя она, очевидно, была не по душѣ редакціи его, не сочувствовавшей вообще широковѣщательнымъ голословнымъ заявленіямъ, неоправдываемымъ на дѣлѣ. Наше общество, сказано въ редакціонномъ заявленіи 1868 г., прожило эпоху журнальныхъ «направленій», когда всѣ, какъ верстовые столбы, занимались указываніемъ пути и, какъ верстовые столбы, всѣ оставались на мѣстѣ, если только не двигались назадъ. Мы не существовали въ ту эпоху, и могли потому вмѣстѣ съ другими только читать различныя направленія: направо, налѣво, назадъ, впередъ. Наступила эпоха недовѣрія къ направленіямъ; читатели стали догадываться, что «направленія» въ журналахъ есть только «*фразы*»... Кончилось тѣмъ, что журналы потеряли свое значеніе, хотя и сохранили прежнія имена...

Между тѣмъ, говоритъ далѣе редакція, жизнь нашла себѣ другой исходъ, *другія школы*, и въ числѣ такихъ школъ явились публичные суды. Тамъ общество начало читать новые безъискусственные романы; предъ его глазами развивалась драма и высокая комедія, написанныя самою жизнью, и общество не ограничивалось при этомъ ролью зрителя: его призвали къ строгой критикѣ, въ основѣ которой должна лежать совѣсть, а надъ всѣмъ этимъ раздался голосъ судьи, который всѣмъ указывалъ одно направленіе и требовалъ: «*правды*, одной правды». Возникла у насъ въ это послѣднее время и другая общественная школа, это — земскіе учрежденія; они заставили насъ своими

---

[8]) *Вѣстнику Европы* даны были предостереженія три раза: первое въ 1871 г., второе въ 1873 г. и затѣмъ еще разъ первое въ 1889 г. Журналъ запаздывалъ выходомъ нѣсколько разъ.

руками коснуться самихъ вещей, принять на себя отвѣтственность за ихъ цѣлость и выслушать другое требованіе: «*дѣла*, одного дѣла!» Новое требованіе отъ насъ «правды» можетъ быть удовлетворено развитіемъ общественной совѣсти, а для дѣла нужно обогащеніе и воспитаніе мысли. Въ стремленіи стать орудіемъ къ тому и другому *Вѣстникъ Европы* просилъ видѣть его направленіе, считая излишнимъ ставить какое-нибудь «прилагательное» къ направленію. Наше направленіе,—говоритъ въ заключеніе журналъ—*есть трудъ*, *дѣло*, *знаніе*; наше направленіе и до сихъ поръ можно было признавать настолько, насколько мы обнаруживали труда, знанія, и потому мы адресуемъ отыскивающихъ наше направленіе къ оглавленію журнала за годъ.

Такимъ образомъ *Вѣстникъ Европы* возражалъ не противъ необходимости имѣть опредѣленное «направленіе» вообще; безъ котораго не можетъ обойтись ни одно сколько-нибудь сознательно ведомое политико-литературное изданіе, а только противъ «направленій», выражаемыхъ одними общими фразами, могущими прикрыть и не разъ прикрывавшими несоотвѣтственное имъ содержаніе. Хотя въ такомъ строго выдержанномъ, въ смыслѣ направленія, журналѣ, какъ *Вѣстникъ Европы*, всѣ статьи его болѣе или менѣе служатъ выраженіемъ направленія его, но главнымъ источникомъ для распознанія направленія редакціи, какъ извѣстно, служатъ ежемѣсячныя обозрѣнія. Съ январьской книги 1868 г. стала появляться ежемѣсячно рубрика «внутренняя политика», замѣненная съ октября того же года названіемъ «внутреннее обозрѣніе», въ которомъ читатели *Вѣстника Европы* привыкли видѣть самую обстоятельную разработку текущихъ вопросовъ внутренней политики. Съ марта 1882 г. въ дополненіе къ нему стала появляться новая рубрика: «изъ общественной хроники», посвященная обзору наиболѣе животрепещущихъ событій дня. Какъ тотъ, такъ и другой отдѣлы настолько ясно обозначили предъ нашимъ обществомъ литературную физіономію журнала, что ему теперь нѣтъ болѣе надобности отсылать, для ознакомленія съ направленіемъ, къ оглавленію журнала за годъ или даже за двадцатипятилѣтіе.

Если ознакомленіе съ только-что вышедшимъ объемистымъ

каталогомъ *Вѣстника Европы* за 25 лѣтъ въ полтораста слишкомъ страницъ поучительно, то не столько для ознакомленія съ направленіемъ журнала, и безъ того теперь для всѣхъ яснымъ, сколько для констатированія той массы труда и энергіи, съ которою журналъ стремился проводить, несмотря на всякаго рода неблагопріятныя обстоятельства, свою программу «дѣла» и «правды», программу преобразовательной эпохи; для констатированія той выдержки и настойчивости, съ которою онъ отстаивалъ и отстаиваетъ дѣло русскаго просвѣщенія отъ разновидныхъ враговъ его, начиная съ перваго года своего появленія и до нашихъ дней, можно сказать, до самой послѣдней мартовской книги, гдѣ журналу приходится «съ горечью и со стыдомъ выступить на защиту азбучныхъ истинъ», на защиту общечеловѣческаго образованія, въ виду навалившаго нынѣ съ разныхъ сторонъ обскурантизма [9]). Сличая содержаніе первой мартовской книги *Вѣстника Европы* за первый годъ съ мартовской же книгою, вышедшею черезъ 25 лѣтъ, нельзя не замѣтить, что въ послѣдней приходится журналу повторять почти нѣкоторыя азбучныя истины науки и общежитія которыя указаны въ первой. Укажемъ хотя бы на предостереженіе, высказанное журналомъ еще въ 1866 году «отъ мертвой школы» классицизма. То же самое можно-бы отмѣтить и по вопросу о необходимости размноженія народныхъ школъ всякаго рода [10]) и по многимъ другимъ столь-же элементарнымъ вопросамъ. Изъ этого, конечно, нельзя дѣлать вывода, что истекшее двадцатипятилѣтіе прошло даромъ для русскаго самосознанія и усилія почтеннаго журнала были безплодны, а только тотъ, что еще много и много остается сдѣлать для очищенія и просвѣтленія общественнаго сознанія.

Въ заключеніе настоящей замѣтки нельзя не указать еще на одну сторону двадцатипятилѣтней публицистической дѣятельности *Вѣстника Европы*, составляющую не послѣднюю изъ его заслугъ предъ русскою литературою и обществомъ: это — без-

---

[9]) См. статью В. С. Соловьева „Идолы и идеалы“ *Вѣстникъ Европы* 1891 г., № 3, стр. 367.

[10]) См. март. книгу *В. Е.* за 1866 г., стр. I, и март. книгу *В. Е.* за 1891, стр. 408.

условная порядочность и рѣдкая терпимость, которымъ, по общему признанію, ни разу не измѣнилъ этотъ журналъ за все время своего существованія, несмотря на все озлобленіе и неразборчивость въ средствахъ борьбы, отличавшія его литературныхъ противниковъ, несмотря даже на то, что «безграмотная наглость и зазорное корыстолюбіе въ журналистикѣ», на которыя жаловался въ 1830 году уходившій редакторъ *Вѣстника Европы* Каченовскій, едва-ли совсѣмъ исчезли и послѣ возобновленія этого журнала въ 1866 г.

Въ основѣ своей литературной критики и полемики, получившей, въ особенности въ послѣдніе годы, такіе крупные размѣры и значеніе, *Вѣстникъ Европы* въ первой же книгѣ поставилъ себѣ такой принципъ: «не слѣдуетъ забывать правила, что съ книгами нельзя обращаться хуже, чѣмъ мы привыкли и условились обращаться съ людьми въ нашихъ ежедневныхъ столкновеніяхъ и встрѣчахъ въ обществѣ». Когда по выходѣ первой книги, одинъ изъ журналовъ указалъ въ своемъ привѣтствіи на то, что *Вѣстникъ Европы*, подобно Карамзину, послужитъ «самостоятельно, благоразумно и благородно» русской наукѣ и литературѣ, *Вѣстникъ Европы* отвѣчалъ слѣдующими словами: «Мы не имѣемъ ни малѣйшаго права дѣлать какое нибудь *исключительное* притязаніе на разумное и благородное служеніе русской наукѣ и литературѣ и на самостоятельность, какъ на качества, которыми мы желали бы *отличиться* отъ прочихъ органовъ печати; все это составляетъ, по нашему убѣжденію, общее достояніе *всѣхъ* журналовъ; всѣ имѣютъ право дѣлать на то притязанія; едва ли найдется такой органъ печати, который, по крайней мѣрѣ, самъ не былъ бы убѣжденъ, что онъ дѣйствуетъ честно»...

Часто ли можно встрѣтить и въ болѣе развитой европейской публицистикѣ такое безпристрастное, истинно джентльменское отношеніе къ своимъ собратіямъ по перу? Насколько оно было заслужено и оправдано впослѣдствіи противниками *Вѣстника Европы*—это другой вопросъ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Юбилейныя справки.

I.

В. Д. Спасовичъ.

(31-ое мая 1866—1891 гг.).

31-го мая исполнилось 25 лѣтъ со дня вступленія въ адвокатскую корпорацію одного изъ извѣстнѣйшихъ русскихъ судебныхъ ораторовъ, ученаго криминалиста, литератора-публициста и критика, присяжнаго повѣреннаго Владиміра Даниловича Спасовича. В. Д. родился въ 1829 г. въ гор. Рѣчицѣ, Минской губ. Въ 1849 г. онъ окончилъ курсъ юридическихъ наукъ въ с.-петербургскомъ университетѣ и уже черезъ два года защищалъ магистерскую диссертацію «о правахъ нейтральнаго флага». Рядъ мыслей, высказанныхъ въ диссертаціи, получили осуществленіе чрезъ нѣсколько лѣтъ въ извѣстныхъ парижскихъ декларацiяхъ 1856 г. (Рус. Стар. 1891, № 4).

Сблизившись съ извѣстнымъ ученымъ, проф. Кавелинымъ, г. Спасовичъ въ 1857 г. занялъ каѳедру уголовнаго права въ петербургскомъ университетѣ, гдѣ онъ поднялъ преподаваніе этой науки до высокаго научнаго уровня. Поражая своихъ слушателей какъ глубиною своей эрудиціи и смѣлостью выводовъ, такъ и живостью, и картинностью, и изяществомъ изложенія, проф. Спасовичъ сразу пріобрѣлъ громкую извѣстность и въ университетѣ и за стѣнами его. Въ 1863 г. онъ издалъ извѣстный

«Учебникъ уголовнаго права» и до нынѣ, т. е. чрезъ тридцать почти лѣтъ, составляющій настольную книгу для всякаго образованнаго юриста и давно уже сдѣлавшійся библіографическою рѣдкостью. Въ 1863 г. г. Спасовичъ долженъ былъ покинуть, послѣ извѣстныхъ событій, петербургскій университетъ вмѣстѣ съ проф. М. М. Стасюлевичемъ, К. Д. Кавелинымъ, А. Н. Пыпинымъ и др.

Но научно-литературная дѣятельность В. Д. безостановочно продолжалась и продолжается до сихъ поръ, въ теченіе сорока слишкомъ лѣтъ. Кромѣ массы юридическихъ статей и монографій по разнообразнымъ отраслямъ права и процесса, В. Д. Спасовичъ написалъ много историко-литературныхъ и критическихъ монографій, изъ коихъ назовемъ «Исторію польской литературы», «Жизнь и политика маркиза Велепольскаго» и пр. Онъ же спеціально изучалъ Байрона и вліяніе байронизма на Пушкина, Лермонтова и Мицкевича. Въ послѣднее время г. Спасовичъ приступилъ къ изданію собранія своихъ сочиненій, изъ коихъ три тома уже вышли, а три выйдутъ въ скоромъ времени.

Съ 1866 г., съ открытіемъ новыхъ судовъ, В. Д. вступилъ въ сословіе петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.

Почти съ самаго учрежденія С.-Петербургскаго Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ В. Д. Спасовичъ, съ небольшими перерывами, принималъ самое живое участіе въ дѣятельности его то въ качествѣ предсѣдателя или товарища, то въ качествѣ рядоваго члена (см. Макалинскаго. С.-Петербургская адвокатура, стр. 133). В. Д. былъ всегда «мірскимъ» человѣкомъ. Трудная миссія, выпавшая на долю петербургской адвокатуры—создать первые устои и принципы дѣятельности адвокатовъ въ духѣ Судебныхъ Уставовъ, т. е. въ духѣ мужественнаго, честнаго и безкорыстнаго служенія идеямъ новаго суда,—имѣла въ лицѣ В. Д. одного изъ полезнѣйшихъ сотрудниковъ. Установленіе корпоративной связи въ средѣ, члены которой, можно сказать, находятся въ безпрерывной междуусобной профессіональной войнѣ, внесеніе принциповъ этики въ профессію, которая доселѣ жила и управлялась только хищническимъ принципомъ обиранія простоватыхъ и беззастѣнчиваго попиранія закона, путемъ ловкаго обхода его,—такова была трудная задача, надъ разрѣшеніемъ которой такъ много по-

работалъ петербургскій Совѣтъ, всегда шедшій во главѣ русской адвокатуры. Только суровая и нравственно-щепетильная корпоративная дисциплина,—исходящая изъ принципа non omne quod licet honestum est,—могла создать традиціи честной адвокатуры, имѣющей назначеніемъ не поощреніе стяжательныхъ аппетитовъ ея сочленовъ, а исполненіе единственнаго назначенія присяжной адвокатуры—*служенія обществу*. Значеніе этой моральной узды, добровольно налагаемой на себя адвокатурою въ интересахъ осуществленія задачъ адвокатуры, было прекрасно изображено В. Д. Спасовичемъ съ свойственною ему поэтическою картинностью въ одной изъ напечатанныхъ его рѣчей. «Мы изобрѣли и наложили на себя, говорилъ онъ, узы самой *безпощадной дисциплины*, вслѣдствіе которой мы не колеблясь жертвуемъ своими вкусами, своими мнѣніями, своею свободою тому, что скажетъ громада — великій человѣкъ. Это подчиненіе особаго рода не людямъ, а началу, себя—себѣ же самому, съ *громадской* точки зрѣнія разсматриваемому — есть такая великая сила, которую тогда только оцѣнишь, когда чувствуешь, какъ она отъ тебя исходитъ. Намъ дорога та сила, которую даютъ крѣпкіе, суровые нравы. Оставимъ будущему смягчать ихъ, когда люди сдѣлаются лучшими» (Замѣтки о русской адвокатурѣ К. К. Арсеньева, стр. 203).

Но независимо отъ своей дѣятельности въ составѣ Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, г. Спасовичъ и своею многолѣтнею адвокатскою практикою принесъ громадную пользу и новому суду, и молодой адвокатской корпораціи. Благодаря своимъ обширнымъ научнымъ свѣдѣніямъ и мастерской разработкѣ юридическихъ вопросовъ, г. Спасовичъ пользовался громаднымъ авторитетомъ въ глазахъ судовъ всѣхъ степеней, не исключая и кассаціоннаго. Не одинъ десятокъ вопросовъ можно отмѣтить въ кассаціонной практикѣ, разрѣшенныхъ при дѣятельномъ и просвѣщенномъ содѣйствіи этого талантливаго и трудолюбиваго юриста.

Безспорно и громадно вліяніе В. Д. Спасовича на направленіе и характеръ дѣятельности петербургской адвокатуры. Какъ извѣстно, корифеи адвокатуры всегда и вездѣ оказываютъ большое вліяніе на своихъ товарищей и на выработку пріемовъ

адвокатской дѣятельности. Если мѣстные знаменитости отличаются наклонностью къ напыщенной фразеологіи, прикрывающей пустоту мысли и незнакомство съ дѣломъ, то этотъ дурной примѣръ находитъ себѣ подражателей, особенно среди молодежи.

Въ этомъ отношеніи вліяніе или школа г. Спасовича на петербургскую адвокатуру было самое благотворное. Тщательное изученіе малѣйшихъ обстоятельствъ, самая усердная подготовка къ дѣлу, тонкій психологическій анализъ, всестороннее освѣщеніе судебнаго матеріала при помощи научныхъ данныхъ и литературныхъ параллелей — таковы пріемы, которыми всегда пользовался г. Спасовичъ и которые, подъ его вліяніемъ, перешли въ традиціи петербургской адвокатуры.

Постоянное близкое общеніе съ наукою и литературою сообщаетъ рѣчамъ г. Спасовича ту богатую содержательность, благодаря которой рѣчи эти въ чтеніи производятъ не менѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ при слушаніи.

Но это не значитъ, что г. Спасовичъ не имѣетъ успѣха какъ ораторъ. Я помню одно засѣданіе въ уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ, гдѣ рѣчь г. Спасовича на самую сухую юридическую тему была выслушана убѣленными сѣдинами сенаторами съ такимъ сосредоточеннымъ вниманіемъ, какъ будто говорилъ трибунъ предъ юношами. И это несмотря на отсутствіе у г. Спасовича внѣшнихъ ораторскихъ качествъ, несмотря на не совсѣмъ отчетливую дикцію его. Въ чемъ же состоитъ секретъ его громадныхъ и вполнѣ заслужснныхъ ораторскихъ успѣховъ? Прежде всего въ его прелестномъ, живомъ, образномъ словѣ, а затѣмъ въ томъ сердечномъ, страстномъ отношеніи ко всѣмъ дѣламъ, которое составляетъ отличительную черту адвокатской школы Спасовича. Если казенщина, рутина вообще вредна для всякаго судебнаго дѣятеля, то она просто пагубна для адвоката, который можетъ и долженъ являться самымъ живымъ и оживляющимъ элементомъ процесса.

Это столь драгоцѣнное для адвоката качество на-ряду съ горячею любовью къ научнымъ и литературнымъ занятіямъ неизмѣнно сохранилъ В. Д. до настоящаго времени, несмотря на продолжительную двадцатипятилѣтнюю адвокатскую карьеру, которая обыкновенно соединяется съ сильнымъ напряженіемъ

нервовъ и преждевременнымъ утомленіемъ и переутомленіемъ. Чтобы видѣть, какой запасъ жизни и энергіи хранитъ еще этотъ свыше шестидесятилѣтній ораторъ, достаточно прочесть его послѣднюю рѣчь, произнесенную недавно на общемъ собраніи петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ 17-го апрѣля по случаю 25-лѣтія новаго суда (Русская Мысль, 1891, № 5).

Припоминая время открытія новыхъ судовъ, г. Спасовичъ между прочимъ сказалъ: «Я скорблю о томъ, что никогда не можетъ возвратиться *поэзія* прошлаго, свѣжесть ощущеній, восторгъ, который мы показывали, когда къ намъ явилась, точно Афродита изъ пѣны морской, другая богиня, нагая, бѣломраморная и не стыдящаяся своей наготы—*гласность*, когда судъ стали творить почти-что на площади, и когда мы стали произносить свободныя, смѣлыя рѣчи, смѣлѣе тѣхъ, которыя печатались въ сдѣлавшейся между тѣмъ безцензурной печати»...

Оглядываясь кругомъ, г. Спасовичъ находитъ, что адвокатскую корпорацію озабочиваютъ не собственно корпоративныя, а «обще-гражданскія сомнѣнія и печали, возбужденныя «жестокимъ вѣкомъ». «Но пока мы страдаемъ отъ общественной болѣзни,—говорилъ г. Спасовичъ,—бѣда не велика: общество съ болѣзнью справится, мы ему поможемъ, оно намъ поможетъ. Пока мы не извѣрились въ вѣковѣчные идеалы, въ добро, красоту и человѣчность, пока мы соединены въ одно, этимъ цементомъ держимся въ кускѣ, пока живемъ по-братски—будущность еще наша и мы передадимъ нашъ свѣточъ нашимъ преемникамъ».

Съ такимъ бодрымъ упованіемъ вступаетъ талантливый представитель петербургской адвокатуры, не смотря на окружающія неблагопріятныя обстоятельства, во второе двадцатипятилѣтіе своей адвокатской карьеры.

II.

В. А. Арцимовичъ.

(17-ое іюня 1841—1891 гг.).

17-го іюня чествовалось пятидесятилѣтіе государственной службы одного изъ извѣстнѣйшихъ нашихъ государственныхъ дѣятелей, сенатора, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Виктора Антоно-

вича Арцимовича. Разнородная административно-судебная карьера, пройденная имъ на разныхъ пунктахъ Россіи, начиная отъ Сибири и до Царства Польскаго, дала ему рѣдкій по богатству и разнообразію служебный опытъ, а также знаніе и пониманіе потребностей жизни. Опытъ этотъ, въ связи съ солиднымъ юридическимъ образованіемъ и выдающимися умственными способностями и нравственнымъ закаломъ, далъ г. Арцимовичу возможность съ честью выполнить многотрудныя обязанности, сопряженныя съ занимаемымъ имъ нынѣ постомъ первоприсутствующаго въ I департаментѣ правительствующаго сената.

По окончаніи курса въ училищѣ правовѣдѣнія, г Арцимовичъ началъ 17-го іюня 1841 года службу свою въ канцеляріи 4-го департамента сената, гдѣ онъ былъ назначенъ на должность младшаго помощника секретаря. Но скоро ему пришлось покинуть атмосферу петербургскихъ канцелярій и знакомиться съ жизнью на мѣстѣ. Сначала онъ участвовалъ въ сенаторской ревизіи Калужской губерніи, гдѣ онъ впослѣдствіи подвизался съ такою честью во время крестьянской реформы, а потомъ принялъ участіе въ ревизіи таганрогскаго градоначальства, гдѣ впервые онъ обратилъ на себя вниманіе своего начальника, какъ гласитъ оффиціальный документъ, «основательнымъ знаніемъ законовъ, отличными способностями, благородными правилами и усердной дѣятельностью». Затѣмъ, до ноября 1850 г., г. Арцимовичъ занимаетъ должности секретаря и оберъ-секретаря сената, но уже въ концѣ этого года судьба его бросаетъ въ Западную Сибирь, гдѣ онъ принимаетъ дѣятельное участіе во всесторонней ревизіи гражданской части.

До 1854 г. В. А., состоя за оберъ-прокурорскимъ столомъ, исполняетъ разныя сложныя порученія министерства юстиціи, а въ мартѣ 1856 г. назначается тобольскимъ гражданскимъ губернаторомъ. За образцовое исполненіе обязанностей своихъ и нѣкоторыхъ спеціальныхъ порученій г. Арцимовичъ получалъ неоднократно Высочайшія благодарности.

Въ августѣ 1858 г. В. А. былъ переведенъ губернаторомъ въ Калужскую губернію. Какъ извѣстно, это было время разгара подготовительныхъ работъ по крестьянской реформѣ. Сочувствуя горячо этому «святому дѣлу», онъ оказалъ правильной

постановкѣ его большое содѣйствіе. Въ 1859 г. В. А. былъ вызванъ въ Петербургъ, гдѣ онъ участвовалъ въ коммиссіи, обсуждавшей вопросъ объ уѣздныхъ, губернскихъ и мировыхъ учрежденіяхъ, и какъ участникъ великой крестьянской реформы получилъ золотую медаль за труды по освобожденію крестьянъ.

Особенно дѣятельное и плодотворное участіе принялъ В. А. Арцимовичъ въ крестьянскомъ дѣлѣ по введенію въ дѣйствіе Положенія о крестьянахъ. Онъ съумѣлъ привлечь въ ряды мировыхъ посредниковъ лучшія мѣстныя дворянскія силы и далъ всей крестьянской реформѣ такой высокій и благородный тонъ, что дѣятельность В. А. Арцимовича ставилась въ образецъ другимъ губерніямъ и даже стала извѣстна за-границею. В. А. и его сотрудники пріобрѣли большую популярность не только въ интеллигентныхъ сферахъ, но даже и у крестьянъ. Когда лѣтомъ 1862 г. Калужская губернія была подвергнута сенаторской ревизіи, управленіе г. Арцимовича было аттестовано съ наилучшей стороны. За введеніе въ дѣйствіе Положенія къ крест. В. А. получилъ извѣстный серебряный крестъ.

Одинъ изъ «старыхъ калужанъ» въ слѣдующихъ симпатичныхъ выраженіяхъ характеризуетъ дѣятельность В. А.: «Едва ли, говоритъ онъ, гдѣ съ такою яркостью проявились особыя свойства его натуры—неутомимая энергія и любовь къ правдѣ, какъ при управленіи Калужской губерніей. Занимая съ начала прошлаго царствованія постъ губернатора сначала въ Тобольскѣ, а потомъ въ Калугѣ, В. А—чъ являлся образцомъ неутомимѣйшаго работника, который, казалось, ни на минуту не складывалъ рукъ, который притомъ владѣлъ рѣдкимъ даромъ—словомъ и примѣромъ возбуждать другихъ къ доброму и разумному труду. Онъ горячо вѣрилъ въ людей и умѣлъ отыскать въ самыхъ скромныхъ и забитыхъ личностяхъ добрыя начала и цѣнныя способности и возбудить въ нихъ силы надеждой на лучшую будущность. Одаренный живой и ясной мыслью, смѣлый въ словѣ и дѣлѣ, всегда благородно прямой и ровный, онъ былъ гордостью и радостью всѣхъ честныхъ людей, имѣвшихъ къ нему отношеніе по службѣ или по знакомству. Воспоминаніе о В. А—чѣ, спустя почти 30 лѣтъ послѣ того, какъ онъ оставилъ службу въ Калугѣ, остается доселѣ живымъ между людьми всѣхъ клас-

совъ. Въ городскихъ домахъ, а нерѣдко въ крестьянской избѣ какой нибудь глухой деревни, можно и теперь встрѣтить его фотографическое изображеніе, какъ олицетвореніе высокой гуманности и безграничной преданности долгу.

«В. А—чъ во время калужскаго губернаторства вносилъ свѣтъ во всѣ области мѣстной жизни. Подъ его благотворнымъ вліяніемъ губернія, которая раньше представляла образецъ дореформенной спячки, сдѣлалась неузнаваемой. Не только въ самой Калугѣ, но и въ мелкихъ городахъ закипѣла бодрая умственная и общественная работа. Имя В. А—ча привлекло къ нему на службу изъ Петербурга много людей съ высокимъ образованіемъ и виднымъ общественнымъ положеніемъ, которые оставляли столичную карьеру, чтобы вести скромную служебную работу подъ руководствомъ просвѣщеннаго начальника. Отчасти подъ вліяніемъ этого пришлаго элемента, и мѣстные дѣятели, дотолѣ лѣниво влачившіе свои дни, воспрянули къ жизни. Центромъ, который объединялъ всю эту работу и служилъ главнымъ источникомъ силы, была личность Виктора Антоновича. Лучшимъ памятникомъ его дѣятельности за это время навсегда останутся незабвенные труды по крестьянскому вопросу. Безъ всякаго потворства сословнымъ интересамъ, но и безъ всякихъ насилій, онъ сумѣлъ, благодаря своему свѣтлому уму, гуманному сердцу и безпримѣрному трудолюбію, благополучно распутать сложныя отношенія, возбуждавшіяся освобожденіемъ крестьянъ, и быстро установить на мѣсто прежняго произвола прочный строй легальныхъ отношеній. Конечно, честь водворенія нового порядка въ губерніи В. А—чъ долженъ раздѣлить съ своими помощниками—мировыми посредниками, изъ которыхъ нѣкоторые были истинными друзьями народа, но ему принадлежитъ великая заслуга выбора такихъ людей и непрерывнаго руководства ихъ дѣйствіями.

«В. А—чъ былъ твердо убѣжденъ въ необходимости широкаго разлива образованія въ освобожденномъ народѣ. Онъ никогда не соглашался съ мнѣніемъ, будто потребность грамотности не ощущается низшими классами. Онъ полагалъ, что грамотность не есть какая-нибудь прихоть человѣка. Считая грамоту великимъ рычагомъ духовнаго общенія и житейскаго благосостоянія,

онъ признавалъ ея распространеніе безусловною необходимостью для всѣхъ слоевъ народа. Народная школа въ деревнѣ даже въ наши дни встрѣчаетъ не мало препятствій; въ тѣ же времена эти препятствія были неисчислимы. Подавленный бѣдностью крестьянинъ былъ равнодушенъ къ школѣ, а о помощи прочихъ сословій не было почти и помину. Правда, по отчетамъ считалось какъ будто не мало училищъ, но они существовали только на бумагѣ; никакого дѣйствительнаго ученія въ нихъ не было. Съ перваго же объѣзда В. А—чъ сумѣлъ заставить всю губернію заговорить объ этой насущной потребности народа. Владѣя рѣдкимъ даромъ убѣждать людей, онъ во всѣхъ уголкахъ отыскалъ лицъ, которыя положили основаніе настоящимъ школамъ въ современномъ смыслѣ слова. Первыми помощниками В. А—ча въ этомъ дѣлѣ были мировые посредники, затѣмъ земство довершило начатое дѣло. Кромѣ постоянныхъ училищъ, В. А—чъ видѣлъ могучее орудіе къ распространенію грамотности въ воскресныхъ классахъ. По иниціативѣ и при непосредственномъ участіи В. А—ча и его ближайшихъ сотрудниковъ, въ одной Калугѣ скоро устроилось 6 воскресныхъ школъ, изъ которыхъ въ нѣкоторыхъ обучалось по нѣсколько сотенъ лицъ. В. А—чъ всячески поощрялъ эти школы, видя въ нихъ олицетвореніе лучшихъ стремленій и упованій той свѣтлой эпохи. Каждая школа была обставлена серьезно и внимательно. Отрадно вспомнить о томъ одушевленіи, какимъ проникнуты были преподаватели и руководители воскресныхъ школъ, и той напряженной работѣ, которую они добровольно на себя принимали.

«В. А—чу удалось даже создать мѣстную прессу. Подъ его вліяніемъ оффиціальный органъ, *Губернскія Вѣдомости*, сталъ помѣщать статьи, доступныя и полезныя по содержанію для всѣхъ мѣстныхъ жителей. Этотъ листокъ, дотолѣ никѣмъ не читаемый, скоро сдѣлался любимой и интересной провинціальной газетой. Мѣстные дѣятели, врачи, учителя, духовныя лица, техники, чиновники, стали помѣщать въ *Губ. Вѣд.* свои наблюденія и мысли, такъ что *Губ. Вѣд.* явились органомъ для той доброй умственной работы, о которой была рѣчь выше.

Вспоминая жизнь и службу В. А—ча въ Калугѣ, было бы

несправедливо упустить изъ виду то незабвенное участіе, съ которымъ относился онъ къ бѣдному люду и въ особенности къ малолѣтнимъ сиротамъ, помѣщеннымъ въ благотворительныхъ заведеніяхъ. Онъ не удовлетворялся обычнымъ типомъ сиротскихъ домовъ, въ которыхъ давались сиротамъ лишь насущный хлѣбъ и скудная одежда. Калужскій сиротскій домъ, по новому уставу, собственноручно написанному В. А—чемъ, сталъ доставлять призрѣваемымъ правильное воспитаніе и образованіе. Многіе юноши, питомцы сиротскаго дома, получили возможность достигнуть впослѣдствіи даже университетскаго образованія и стать полезными гражданами» (Русс. Вѣд. № 164).

Съ конца 1862 г. г. Арцимовичъ покидаетъ постъ губернатора и опять переходитъ въ Петербургъ. Онъ поступаетъ въ сенатъ, но на этотъ разъ уже въ санѣ сенатора. Къ концу того же года переходитъ онъ на службу въ Царство Польское, гдѣ назначается членомъ совѣта управленія и вице-президентомъ государственнаго совѣта.

Затѣмъ В. А. былъ назначенъ членомъ особаго комитета, разсматривавшаго проектъ Н. А. Милютина объ устройствѣ быта польскихъ крестьянъ, за что вторично получилъ золотую «крестьянскую медаль».

Съ 1866 г., съ открытіемъ новыхъ судовъ, открылось новое плодотворное поприще для дѣятельности г. Арцимовича. Онъ былъ назначенъ сенаторомъ уголовнаго кассаціоннаго департамента и, по болѣзни первоприсутствовавшаго, исполнялъ его обязанности съ самаго начала введенія судебной реформы. Всецѣло преданный основнымъ началамъ Судебныхъ Уставовъ, г. Арцимовичъ не мало потрудился надъ тѣмъ, чтобы дать судебной практикѣ, несмотря на всѣ неблагопріятныя обстоятельства, направленіе, согласное съ гуманно-либеральнымъ духомъ нашего новаго судебнаго законодательства.

Послѣ 14-лѣтняго пребыванія въ уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ, г. Арцимовичъ былъ переведенъ въ I-й департаментъ сената, гдѣ онъ и состоитъ, въ званіи предсѣдательствующаго, до сихъ поръ. Масса трудныхъ и щекотливыхъ вопросовъ административнаго права проходила и проходятъ чрезъ эту высшую инстанцію нашей административной юстиціи, на обязанно-

сти коей лежитъ примирять высшія требованія твердой законности при столкновеніи ихъ съ временными, но подчасъ крайне властными требовательными и могущественными соображеніями административной цѣлесообразности. Громадный полувѣковой административно-судебный опытъ В. А., его тонкое юридическое развитіе, стойкость характера и твердость въ убѣжденіяхъ, безъ сомнѣнія, оказываютъ немалое содѣйствіе нашему высшему блюстителю законности по дѣламъ мѣстнаго самоуправленія для достойнаго выполненія его функцій.

В. А. Арцимовичъ имѣетъ много знаковъ отличія и орденовъ, въ томъ числѣ и орденъ Александра Невскаго, осыпанный бриллiантами.

Въ 1888 г. В. А. Арцимовичъ за выдающіяся заслуги по крестьянской реформѣ былъ единогласно выбранъ въ число почетныхъ членовъ московскаго юридическаго Общества.

Сочувствуя глубоко дѣлу высшаго женскаго образованія въ Россіи, г. Арцимовичъ много лѣтъ состоитъ предсѣдателемъ Общества для вспомоществованія слушательницамъ высшихъ женскихъ курсовъ въ Петербургѣ.

Несмотря на 70 слишкомъ лѣтъ, В. А. Арцимовичъ донынѣ отличается изумительною дѣятельностью и находится въ полномъ обладаніи своихъ богатыхъ умственныхъ силъ.

III.

Н. И. Стояновскій.

(17-е іюня 1841—1891 гг.).

17-го іюня праздновался пятидесятилѣтній юбилей одного изъ крупныхъ дѣятелей судебной реформы сенатора и предсѣдателя департамента Государственнаго Совѣта дѣйствит. тайн. совѣт. Н. И. Стояновскаго. Немногіе изъ участниковъ этой реформы имѣли такую правильную школьную и практическую подготовку, какъ г. Стояновскій. Онъ кончилъ курсъ въ 1841 г. въ училищѣ Правовѣдѣнія, гдѣ черезъ шесть лѣтъ онъ уже преподавалъ гражданское судопроизводство.

Службу свою онъ началъ въ сенатѣ въ 1841 г. и здѣсь онъ пріобрѣлъ громадный судебный опытъ, проходя разнообразныя должности до должностей оберъ-секретаря и оберъ-прокурора включительно. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ піонеровъ, призванныхъ хоть нѣсколько очистить авгіевы конюшни стараго суда, полнаго «черною неправдою», т.-е. говоря попросту—переполненнаго невѣжественными взяточниками. Какое гага avis былъ въ то время въ составѣ нашихъ судовъ юристъ, получившій высшее юридическое образованіе, можно судить потому, что даже въ сенатѣ, въ годъ поступленія Н. И. было всего только *шесть* юристовъ. Благодаря своему трудолюбію и юридическимъ познаніямъ онъ не мало принесъ пользы въ сенатѣ дѣлу правосудія.

Но съ воцареніемъ Александра II, когда надъ Россіею занялась заря новой, освободительной и преобразовательной эпохи, для Н. И. открылось новое, обширное, законодательное поприще. Государственный секретарь В. П. Бутковъ въ то время вербовалъ въ государственную канцелярію талантливыхъ молодыхъ людей, хорошо подготовленныхъ и вполнѣ сочувственно настроенныхъ къ начинавшемуся либеральному движенію (С. М. Жуковскій, Л. П. Заблоцкій-Десятовскій, С. И. Зарудный, Н. А. Буцковскій, и др.). Въ числѣ ихъ былъ и Н. И. Стояновскій, которому и пришлось принять участіе прежде всего въ устройствѣ слѣдственной части. Положеніе 8-го іюня 1860 г. о судебныхъ слѣдователяхъ, выдѣлившую слѣдственную часть изъ функцій полиціи и тѣмъ положившее первое начало къ отдѣленію власти судебной отъ административной, почти цѣликомъ принадлежитъ перу Н. И.

Затѣмъ онъ связалъ свое имя съ великимъ освободительнымъ актомъ 19-го февраля 1861 года. Н. И., помимо участія въ трудахъ государственной канцеляріи, состоялъ членомъ учрежденной при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ комиссіи, вырабатывавшей проектъ уѣздныхъ крестьянскихъ учрежденій. За труды по освобожденію крестьянъ, коего онъ всегда былъ и остается однимъ изъ горячихъ *поборниковъ*, Н. И. получилъ золотую медаль. Будучи убѣжденнымъ сторонникамъ всѣхъ вообще реформъ прошлаго царствованія, Н. И. словомъ и дѣломъ ра-

товалъ за нихъ не только въ то время, когда всѣ увлекались либеральными *вѣяніями*, но и тогда, когда они вышли изъ моды [1]). Безобразное состояніе нашего стараго невѣжественнаго и продажнаго суда было для всѣхъ очевидно, и какъ только стало возможнымъ уничтоженіе его, всѣ просвѣщенные люди горячо принялись за это дѣло. Въ этомъ отношеніи капитальное значеніе имѣло Высочайшее повелѣніе января 1862 г., открывшее доступъ къ европейской наукѣ (см. главу XI). Благодаря этому акту, явилась возможность создать то цѣльное, стройное, разумное и согласованное во всѣхъ частяхъ судебное законодательство, о которомъ въ одномъ оффиціальномъ актѣ недавно справедливо говорилось, что «оно составляетъ гордость нашу и славу минувшаго царствованія». Для усиленія государственной канцеляріи были по Высочайшему повелѣнію прикомандированы извѣстнѣйшіе юристы, и въ числѣ ихъ былъ и Н. И. Стояновскій, принимавшій самое дѣятельное участіе какъ въ составленіи «главныхъ основаній», такъ и въ подробныхъ и краснорѣчиво мотивированныхъ соображеніяхъ государственной канцеляріи [2]). Какъ извѣстно, судъ присяжныхъ, точное установленіе судебной несмѣняемости и другія основы новаго суда были впервые высказаны или точно формулированы въ этихъ Главныхъ Основаніяхъ преобразованія судебной части въ Россіи Высочайше утвержденныхъ 29-го сентября 1862 года.

Съ конца 1862 г. Н. И. Стояновскій изъ статсъ-секретарей государственнаго совѣта назначается товарищемъ министра юстиціи, каковую должность *занималъ* тогда Д. Н. Замятнинъ. Хотя этотъ послѣдній былъ, по своимъ убѣжденіямъ, вполнѣ преданъ дѣлу судебной реформы, но настоящею душою министерства сдѣлался Н. И. Къ чести Замятнина нужно сказать, что онъ не только не мѣшалъ, но и выдвигалъ впередъ своего товарища, талантливая и энергичная дѣятельность коего оставляла его самого нѣсколько въ тѣни. Н. И. Стояновскій при Замятнинѣ иг-

---

1) См. рѣчь Н. И. Стояновскаго о реформахъ 60-хъ годовъ въ засѣданіи Петербургскаго юридическаго Общества 3-го февраля 1880 г. въ „Журн. гражд. и угол. права“ того же года.

2) См. три части т. XVIII дѣла о преобразованіи суда въ Россіи.

ралъ такую же роль какую Н. А. Милютинъ при С. С. Ланскомъ во время составленія Положенія о крест.

Когда составлены были проекты Судебныхъ Уставовъ, при министерствѣ юстиціи была образована спеціальная Коммиссія для подробнаго разбора проектовъ. Редактированіе замѣчаній министерства было возложено на Н. И. Стояновскаго. Чтобы дать понятіе о количествѣ понесенныхъ имъ, въ этой стадіи судебной реформы, трудовъ, достаточно сказать, что отъ министерства юстиціи было сдѣлано до 1,100 замѣчаній по существу, а именно: до 600 на статьи Уст. гражд. суд., до 300 уголовнаго, до 80 на статьи проекта о проступ., подвѣдом. мир. суд., и до 120 на статьи проекта учрежд. суд. мѣстъ [3]). А объ обстоятельности этихъ замѣчаній можно судить потому, что одни только замѣчанія на уст. гражд. суд. занимаютъ почти 300 страницъ *in folio*. По поводу этихъ интересныхъ замѣчаній мы имѣли случай говорить въ другомъ, мѣстѣ [4]), здѣсь отмѣтимъ только, что благодаря имъ были внесены значительныя улучшенія въ текстъ судебныхъ уставовъ, въ особенности въ постановленіяхъ объ организаціи прокурорскаго надзора.

Но и сказаннымъ не исчерпывается участіе Н. И. Стояновскаго въ подготовкѣ судебныхъ уставовъ. Въ силу особаго высочайшаго повелѣнія, на него возложена была обязанность присутствовать при разсмотрѣніи проектовъ судебныхъ уставовъ въ государственномъ совѣтѣ, съ правомъ голоса и давать словесныя объясненія въ развитіе мыслей, высказанныхъ въ министерскихъ замѣчаніяхъ.

Съ утвержденіемъ Судебныхъ Уставовъ далеко еще не были окончены работы по судебной реформѣ, предстояли еще обширныя [5]) частью законодательныя, частью распорядительныя работы по введенію въ дѣйствіе уставовъ. Особенно горячія пререканія вызвалъ вопросъ о порядкѣ введенія ихъ въ дѣйствіе. Одно мнѣніе, поддерживаемое самыми горячими поборниками судебной,

[3]) См. Журналъ Министерства юстиціи, 1866 № 4. стр. 31.

[4]) См. мою книгу: Страница изъ исторіи судебной реформы (Д. Н. Замятнинъ). М. 1883. стр. 32—67.

[5]) Въ Двлѣ о преобразованіи судебной части работы по введенію въ дѣйствіе суд. уст. занимаютъ 7 томовъ (LXIII—LXIX).

реформы С. И. Зарудным, Н. А. Буцковскимъ и О. И. Квистомъ (въ шутку противники ихъ называли русскою тройкою: авось, небось и какъ-нибудь) стояло за одновременное *повсемѣстное введеніе* новаго суда, съ тѣмъ, чтобы составъ его пополнялся постепенно [6]). Главнымъ мотивомъ, хотя и неудобнымъ для оффиціальной аргументаціи, и потому въ ней не упоминаемымъ, было желаніе однимъ разомъ и безповоротно покончить съ дѣломъ, которое иначе могло затянуться на много лѣтъ, благодаря обычному у насъ охлажденію, быстро наступающему, въ видѣ реакціи послѣ *кратковременнаго* духовнаго подъема. Обстоятельства послѣдующаго времени показали, что опасеніе это было вполнѣ основательно: вмѣсто предположенныхъ четырехъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ рѣшено было закономъ 19-го октября 1865, ввести новый судъ въ Европейской Россіи, онъ и до сихъ поръ (черезъ 25 лѣтъ) не вездѣ еще въ ней введенъ!..

Но министерство юстиціи, на которое всецѣло падала вся обширная практическая сторона введенія новаго суда, признавало такой планъ неосуществимымъ, по недостатку моральныхъ и матеріальныхъ средствъ и стояло вмѣстѣ съ Н. И. Стояновскимъ за открытіе, на первое время, только двухъ судебныхъ округовъ (С.-Петербургскаго и Московскаго) и за постепенное открытіе другихъ округовъ. Это мнѣніе одержало верхъ и получило Высочайшее утвержденіе 19-го октября 1865 г.

Послѣ этого, подъ главнымъ руководствомъ Н. И. Стояновскаго, въ министерствѣ юстиціи началась, кипучая, сложная и кропотливая работа по составленію правилъ о *скорѣйшей* ликвидаціи старыхъ судебныхъ учрежденій, объ окончаніи или переносѣ старыхъ дѣлъ въ новые суды, а также о введеніи гласности и нѣкоторыхъ началъ новаго суда въ старыя судебныя учрежденія (законъ 11-го октября 1865 г.). Кромѣ того, предстояло озаботиться приспособленіемъ зданій для новыхъ судебныхъ установленій при новой обстановкѣ гласнаго судоговоренія. Наконецъ, слѣдовало принять самыя энергичныя мѣры къ привлеченію на новыя судебныя должности достойнаго персонала. И тутъ Н. И. Стояновскій, благодаря своему обширному

---

[6]) См. т. LIX Дѣла о преобр. суд. части.

знакомству съ судебнымъ вѣдомствомъ, сослужилъ новому суду великую службу, привлекши въ его ряды дѣятелей, которые доселѣ составляютъ гордость новаго суда и его лучшіе кадры и образцы. Они создали добрыя традиціи новаго суда, которыя и донынѣ поддерживаютъ въ немъ его духъ и энергію, несмотря на окружающія неблагопріятныя обстоятельства.

Весною 1866 г. открыты были новые суды, но при недобрыхъ ауспиціяхъ состоялось это торжество. Вскорѣ руководство новымъ судомъ отошло отъ людей, искренно преданныхъ основнымъ началамъ этого суда, и перешло въ руки людей или равнодушныхъ, или враждебныхъ его началамъ. Съ 1867 г. Н. И. Стояновскій покидаетъ постъ товарища министра юстиціи и назначается сенаторомъ уголовнаго кассаціоннаго департамента.

Въ этой стадіи своей служебной карьеры г. Стояновскій поработалъ такъ же очень много для проведенія въ жизнь тѣхъ началъ, на которыхъ зиждется наше новое судебное законодательство. Равноправность сторонъ, уваженіе въ подсудимомъ его личности, непоколебимость судебныхъ рѣшеній, полное устраненіе администраціи отъ вмѣшательства въ судебныя дѣла и другіе новые принципы судебной реформы безпрестанно приходили въ столкновеніе съ старыми вѣковыми навыками. Нужна была вся твердость первыхъ кассаціонныхъ сенаторовъ, чтобы удержать новыя судебныя учрежденія на пути, указанномъ Судебными Уставами. Духъ ихъ, невидимо витавшій надъ первыми судебными дѣятелями, давалъ вѣрный ключъ къ распознанію путей правды, каковый ключъ, къ сожалѣнію, впослѣдствіи былъ или утерянъ или испорченъ. Здѣсь не мѣсто исчислять многочисленныя превосходныя кассаціонныя рѣшенія, состоявшіяся по докладу и внушенію Н. И. Стояновскаго. Сошлюсь на одно.

Въ самомъ началѣ кассаціонной практики сенату пришлось встрѣтиться съ вопросомъ, можетъ ли быть обжаловано въ кассаціонномъ порядкѣ опредѣленіе судебной палаты объ исключеніи изъ сословія присяжнаго повѣреннаго? Сенатъ, по докладу Н. И. Стояновскаго, слѣдуя *духу* Судебныхъ Уставовъ, не усомнился предоставить подсудимому эту гарантію, хотя она

прямо не была установлена закономъ. Но *tempora* mutantur, и сенатъ впослѣдствіи, безъ достаточныхъ основаній, измѣнилъ свою практику [7]).

Въ заключеніе позволю себѣ отмѣтить, что Н. И. Стояновскій всегда поддерживалъ тѣсное общеніе съ юридическою наукою и литературою. Онъ давно уже состоитъ почетнымъ членомъ нашего старѣйшаго Юридическаго Общества, Московскаго, и предсѣдателемъ С. Петербургскаго, съ самаго его основанія. Съ 1882 г. Н. И. состоитъ предсѣдателемъ редакціонной коммиссіи, составляющей проэктъ гражданскаго уложенія.

Интересны для характеристики недавняго «добраго, стараго времени» обстоятельства, при которыхъ состоялся литературный дебютъ Н. И. Въ 1850 г. цензура задержала его «Практическое руководство по уголовному судопроизводству» по глубокомысленному мотиву, впервые высказанному за тысячу лѣтъ передъ тѣмъ калифомъ Омаромъ, сжегшимъ Александрійскую библіотеку. Въ сочиненіи г. Стояновскаго встрѣчались нѣсколько «собственныхъ» соображеній автора. Вотъ это именно обстоятельство и послужило причиною запрещенія книги! Все, что нужно знать о законахъ, разсуждалъ цензоръ, помѣщено въ Сводѣ, а чего въ немъ нѣтъ, то *лишнее*, и въ опубликованіи его нѣтъ надобности... И это говорилось въ то время, когда въ основаніи общественной жизни лежало крѣпостное право, въ судахъ господствовало *повальное* взяточничество; кнутъ и вообще тѣлесное наказаніе господствовали въ уголовномъ правѣ, а во всей Россіи слышалось, какъ выразился И. С. Аксаковъ, одно только молчаніе и возгласъ: все обстоитъ благополучно.

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ.

---

7) См. Сбор. рѣш. угол. касс. депар. 1868. № 201. Сенатъ, сославшись на законъ 25-го мая 1885 г., хотя законъ этотъ не имѣетъ никакого отношенія къ данному случаю, какъ я имѣлъ случай разъяснить въ другомъ мѣстѣ. (См. мои: Вопросы адвокат. дисципл. Т. 1887, стр. 22).

IV.

А. М. Унковскій

(2-е декабря 1866 — 1891 гг.).

6-го декабря, въ Петербургѣ происходило скромное товарищеское чествованіе замѣчательнаго общественнаго и судебнаго дѣятеля Алексѣя Михайловича Унковскаго, состоящаго съ 2 декабря 1866 г присяжнымъ повѣреннымъ въ Петербургѣ. Исполнившееся двадцатипятилѣтіе его безукоризненно-честной адвокатской дѣятельности и послужило ближайшимъ поводомъ къ этому празднеству. Услуги, оказанныя г. Унковскимъ нашей молодой адвокатурѣ, громадны, можно сказать, неисчислимы. Одно уже вступленіе въ 1866 г. лица съ такимъ славнымъ и извѣстнымъ на всю Россію прошлымъ, каково было прошлое г. Унковскаго, сообщало молодому институту сразу необыкновенный престижъ и нравственную привлекательность. Еще въ концѣ 50-хъ годовъ званіе ходатая, обязаннаго защищать всякую ложь и недобросовѣстныя ухищренія, было такъ зазорно, что ни одинъ *порядочный* и уважающій себя человѣкъ не брался за ходатайство по дѣламъ [1]). И вдругъ въ ряды молодой присяжной адвокатуры вступаетъ такой человѣкъ, какъ А. М. Унковскій, не только имѣвшій почетную репутацію въ качествѣ публициста и юриста [2]), но пріобрѣвшій громкую всероссійскую извѣстность своею честною, мужественною, истинно-благородною дѣятельностью на пользу народа, по должности тверскаго губернскаго предводителя дворянства, во время освобожденія крестьянъ. Уже одно вступленіе,—говоримъ мы,—человѣка съ такимъ нравственнымъ ореоломъ, служило къ *реабилитаціи* адвокатской профессіи, относительно которой, даже въ нашихъ высшихъ юридическихъ сферахъ, частью по предубѣжденію, частью по недомыслію, существовали самыя дикія представленія, по коимъ адвокатура являлась какъ бы организованною защитою безчестныхъ домога-

1) См. статью Деппа въ *Журн. Мин. Юст.* 1861 г., № 12.

2) Г. Унковскій помѣщалъ статьи въ 50-г годахъ въ *Современникѣ* Некрасова и *Русск. Вѣстн.* и выпустилъ въ русскомъ переводѣ нѣсколько капитальныхъ юридическихъ сочиненій.

тельствъ [3]). Другія имена, одновременно съ А. М. внесенныя въ списокъ петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ, быть можетъ сообщали адвокатской карпораціи больше блеска и научнаго авторитета, но ни одно не говорило такъ громко и внушительно о вѣрности нравственному долгу, о безкорыстномъ и неуклонномъ служеніи общественному дѣлу.

Вся двадцатипятилѣтняя карьера г. Унковскаго была вѣрнымъ служеніемъ этому знамени. Вся она была однимъ длиннымъ, безпрерывнымъ рядомъ осуществленія программы новой адвокатуры, которая, по замыслу творцовъ Судебныхъ Уставовъ, является однимъ изъ важныхъ и незамѣнимыхъ факторовъ для распознанія судебной правды. Да, именно раскрытія, а не затемненія правды, — какъ это ни покажется страннымъ нынѣшнимъ зоиламъ адвокатуры или тѣмъ изъ фальшивыхъ и опасныхъ друзей ея, которые все назначеніе адвокатуры сводятъ къ воспособленію торжеству формальной, т. е. мнимой правды.

Несмотря на то, что А. М. Унковскій больше, чѣмъ кто-нибудь поработалъ для проведенія въ жизнь принциповъ честной адвокатуры, извѣстность его, какъ адвоката, далеко не можетъ идти въ сравненіе со славою нѣкоторыхъ безпринципныхъ корифеевъ адвокатуры, которые, благодаря услужливой рекламѣ умѣли стяжать себѣ и своей корпораціи немало мишурнаго блеска и дешевыхъ лавровъ, но не мало и принесли ей вреда. Находясь постоянно на виду у всѣхъ, эти безъидейные дѣльцы и шаловливые баловни счастья и удачи немало способствовали паденію репутаціи адвокатуры въ глазахъ публики и немало способствовали своимъ дурнымъ примѣромъ деморализаціи адвокатской молодежи.

Положимъ, иные изъ такихъ бойкихъ дѣльцовъ, пользующихся всероссійскою громкою извѣстностью, но имѣющихъ далеко не завидную репутацію въ кругу товарищей и судей, ближе знакомыхъ съ ихъ дѣятельностью, привыкли объяснять сѣренькое, съ нравственной точки зрѣнія, реноме свое—злословіемъ и

[3]) См. замѣчанія оберъ-прокурора Н. П. Семенова въ т. LIX «Дѣла о преобр. суд. части въ Россіи» и статью его «Объ адвокатурѣ въ гражданскомъ процессѣ» въ *Русск. Вѣстн.* 1859 г., мартъ.

завистью недоброжелателей [1]). Пусть въ этомъ есть доля правды. Но отчего же однако есть среди адвокатуры люди ума и таланта, скромные, честные труженики, которые давно уже подвизаются на адвокатскомъ поприщѣ, но чистаго имени которыхъ не смѣетъ коснуться никакое злословіе и зависть?!

Къ такимъ скромнымъ, но свѣтлымъ и чистымъ знаменитостямъ принадлежитъ и А. М. Унковскій, имя котораго, какъ адвоката, едва ли даже и много извѣстно за чертою с.-петербургскаго судебнаго округа. Частью по врожденной ему скромности, частью по роду своей спеціальности, какъ цивилистъ, г. Унковскій извѣстенъ, помимо обширнаго круга своей петербургской кліентелы, только въ кругу товарищей и въ судебномъ мірѣ. Уголовною практикою занимался г. Унковскій почти только въ качествѣ оффиціальнаго защитника по назначенію суда, но всегда исполнялъ эту святѣйшую изъ обязанностей адвоката съ добросовѣстностью, преданностью и жаромъ, котораго не могли остудить ни бремя лѣтъ (теперь ему за 60 лѣтъ), ни профессіональная рутина.

Но прочно установившуюся репутацію талантливаго, знающаго и честнѣйшаго адвоката г. Унковскій пріобрѣлъ главнымъ образомъ своею гражданскою практикою. Уже одно принятіе г. Унковскимъ извѣстнаго дѣла,—говорилъ недавно мнѣ одинъ изъ судей, создаетъ praesumptio juris въ его пользу и почти равносильно выигрышу дѣла въ одной инстанціи. Чтобы заслужить такое исключительное довѣріе, да еще въ качествѣ цивилиста, нужна исключительная добросовѣстность и нравственная щепетильность въ выборѣ дѣлъ.

Гражданскій процессъ, который весь вращается «около денегъ», представляетъ особенныя опасности для адвоката, у котораго можетъ, незамѣтно для него самого, затуманиться отъ ихъ нездоровыхъ испареній нравственное видѣніе. Кромѣ того, частью благодаря запутанности нашего гражданскаго законодательства

[1]) Одинъ такой дѣлецъ жалобу свою на постановленіе совѣта, запретившаго ему практику на полгода за веденіе завѣдомо неправаго дѣла, заканчивалъ такими словами Котошихина: „издревле всѣялъ есть дьяволъ плевелы зависти въ землѣ русской, аще кто придетъ въ честь, славу и богатство—возненавидѣти начнутъ“.

и кассаціонной практики, частью благодаря одностороннему бытовому освѣщенію, при которомъ обыкновенно видитъ адвокатъ дѣло при принятіи его, онъ иногда бываетъ затрудненъ въ распознаніи правды. Исходя изъ этого общеизвѣстнаго, но далеко не ежедневнаго факта, иные юристы приходятъ къ заключенію, что адвокатъ долженъ вполнѣ игнорировать нравственную сторону дѣла и довольствоваться одною внѣшнею законностью. А иначе, говорятъ они, для него создается безвыходное положеніе, въ виду *неуловимости* нравственнаго принципа,—такъ какъ одна де нравственность по сю сторону Пиринеевъ, другая по ту [5]).

Славная двадцатипятилѣтняя абсолютно честная адвокатская дѣятельность г. Унковскаго во-очію убѣждаетъ, что адвокату, съ чуткою совѣстью, ни существованіе Валдайскихъ горъ и Пиринеевъ, ни запутанность законодательства не создаютъ неодолимыхъ препятствій къ честному исполненію обязанностей присяжнаго повѣреннаго согласно требованіямъ нравственности... Конечно, отъ такихъ «трудовъ праведныхъ» не наживешь палатъ каменныхъ, но вѣдь цѣлью изданія Судебныхъ Уставовъ и, стало быть, учрежденія присяжной адвокатуры вовсе не было во что бы то ни стало помочь осуществленію этого стремленія. Водвореніе «правды» на судѣ и внушеніе спасительнаго «страха», плутамъ, болѣе или менѣе ловкимъ обходомъ законовъ стремящимся обратить судъ въ орудіе обмана,—вотъ къ чему стремились творцы новаго суда.

Такъ именно опредѣляетъ задачу новаго гражданскаго суда бывшій товарищъ по профессіи г. Унковскаго, нынѣ членъ одесской судебной палаты г. Боровиковскій въ своей замѣчательной книгѣ «Отчетъ судьи», и этой именно задачѣ служилъ въ теченіе всей своей продолжительной адвокатской карьеры г. Унковскій.

Значеніе ея, такимъ образомъ, опредѣляется само собою. А. М. Унковскій не умозрительными теоретическими доводами, а фак-

---

[5]) См. брошюру г. Невѣдомскаго: «Вѣчные вопросы (?) адвокатуры». М. 1886 г.

[6]) См. стр. 239.

томъ всей своей многолѣтней дѣятельности доказалъ лживость пагубнаго ученія, будто отправленіе адвокатуры несовмѣстимо съ требованіями честности и нравственности. Знаменитый французскій юристъ Молло говоритъ: si le style est tout l'homme la probité est tout l'avocat (какъ по стилю узнается человѣкъ, такъ и по степени честности узнается адвокатъ). Если это такъ, то безъ преувеличенія можно сказать, что А. М. Унковскій былъ и остается въ полномъ и лучшемъ смыслѣ слова *первымъ* русскимъ адвокатомъ, такъ какъ едва ли кто превзошелъ его въ строгомъ слѣдованіи правиламъ честности.

Къ чести петербургской адвокатуры нужно сказать, что она всегда умѣла цѣнить выдающіяся нравственныя и умственныя качества своего знаменитаго сочлена. Съ перваго же года своего вступленія въ петербургскую адвокатскую корпорацію А. М. Унковскій входилъ въ составъ совѣта присяжныхъ повѣренныхъ то въ качествѣ его члена, то въ качествѣ предсѣдателя. Съ 1885 г. А. М. вышелъ, по болѣзни, изъ состава совѣта, но и за всѣмъ тѣмъ добрыя традиціи, образовавшіяся въ немъ въ первые годы его дѣятельности, до сихъ поръ сохраняютъ силу и обезпечиваютъ ему первое мѣсто среди другихъ совѣтовъ, охраняя его отъ тѣхъ нездоровыхъ увлеченій, отъ которыхъ не уберегліся другіе.

Дѣятельность А. М. Унковскаго безспорно займетъ лучшую страницу въ исторіи не только петербургской, но и вообще русской адвокатуры. При тѣхъ печальныхъ явленіяхъ, которыхъ не мало наблюдается въ современной адвокатской практикѣ, взоръ съ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія останавливается на такихъ личностяхъ, какъ А. М. Для справедливаго сужденія о современной русской адвокатурѣ слѣдуетъ имѣть въ виду и помнить не только тѣ темныя и грязныя низины, до которыхъ опускается адвокатура иногда, но и тѣ свѣтлыя и чистыя вершины, до которыхъ она поднимается; тѣмъ болѣе слѣдуетъ ихъ имѣть въ виду, что лица, достигающія этихъ вершинъ, по своей скромной и некрикливой дѣятельности не стоятъ на виду, почти вовсе неизвѣстны въ публикѣ.

Съ этой точки зрѣнія нельзя не признать счастливой мысль— чествовать двадцатипятилѣтіе скромнаго, но честнаго и заслу-

женнаго петербургскаго адвоката, дѣятельность коего составляетъ гордость и славу всей русской адвокатуры.

Не будемъ распространяться о замѣчательной общественной дѣятельности А. М. Унковскаго по освобожденію крестьянъ [7]), составляющей достояніе исторіи русской культуры. Ограничимся только однимъ замѣчаніемъ: съ самаго своего вступленія 1857 г. въ должность тверскаго губернскаго предводителя дворянства и и до самаго удаленія его въ Вятку А. М. Унковскій былъ однимъ изъ первыхъ и ревностнѣйшихъ поборниковъ и въ печати, и въ оффиціальныхъ сферахъ плана освобожденія крестьянъ *съ землею* и полной отмѣны помѣщичьей юрисдикціи. Тверской комитетъ, по иниціативѣ своего предсѣдателя, *первый* возбудилъ въ оффиціальномъ порядкѣ вопросъ о надѣленіи крестьянъ полевыми угодьями и о выкупѣ ихъ. Кромѣ того, въ превосходно мотивированной объяснительной запискѣ тверской комитетъ доказывалъ необходимость, вслѣдъ за отмѣною крѣпостнаго права, измѣненія всего основавшагося на немъ административнаго строя. Въ Положеніи тверскаго комитета 1859 года были проектированы тѣ самыя реформы, которыя стали впослѣдствіи осуществляться, а именно—созданіе земскихъ учрежденій, независимаго суда и суда присяжныхъ, цензурная реформа и пр. Обозрѣвая матеріалы крестьянской реформы, историкъ ея, проф. И. И. Иванюковъ, въ своемъ извѣстномъ трудѣ говоритъ слѣдующее о работахъ состоявшаго подъ предсѣдательствомъ А. М. Унковскаго комитета. «Тверской комитетъ составилъ не только относительно лучшій, но и *абсолютно разумный* и либеральный проектъ освобожденія крестьянъ» [8]). За выдающіяся заслуги свои по крестьянской реформѣ А. М. Унковскій былъ выбранъ въ 1888 г. въ число почетныхъ чиновъ Московскаго Юридическаго Общества. По случаю же двадцатипятилѣтія адвокатской дѣятельности С.-Петербургскій Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ поднесъ 6-го декабря 1891 г. г. Унковскому адресъ а золотой жетонъ съ изображеніемъ адвокатскаго знака.

7) (см. выше главу II).
8) Паденіе крѣп. пр.

БИБЛИОТЕКА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ

Оглавленіе.

Стр.

ПРЕДИСЛОВІЕ. VII

I. Освобожденіе крестьянъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Объявленіе воли и его всеобъемлющее значеніе. 3

ГЛАВА ВТОРАЯ. Роль тверскаго дворянства въ крестьянской реформѣ 34

II. Отмѣна тѣлеснаго наказанія.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. По поводу двадцатипятилѣтія отмѣны тѣлеснаго наказанія. 67

III. Цензурная реформа.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Законъ о печати 6-го апрѣля 1865 года . 95

ГЛАВА ПЯТАЯ. Первые шаги безцензурной печати. 115

IV. Открытіе новаго суда.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. Предтечи гласнаго суда 135

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Открытіе «новаго суда». 143

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Открытіе «новаго суда» въ Москвѣ и въ провинціи. 162

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. Учрежденіе мироваго суда. 177

V. ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. Какъ возникло Московское Юридическое Общество. 209

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. Двадцатипятилѣтіе «Вѣстника Европы» 227

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ. Юбилейныя справки. I. В. Д. Спасовичъ.— II. В. А. Арцимовичъ.— III. Н. И. Стояновскій. IV. А. М. Унковскій. 244